

Российская академия наук

Древности
Северного
Кавказа

902.6 (с44)
Д73

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

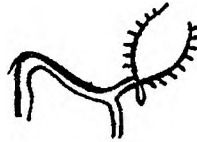

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Москва
1999

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHEAOLGY

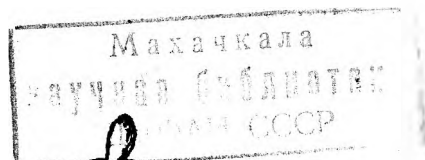

THE ANTIQUITIES OF THE NORTH CAUCASUS

(Collected papers)

16.2.98

Edited by V.I. MARKOVIN

Moscow
1999

ISBN

Древности Северного Кавказа. — М., 1999 — 214 с., с илл.

Ответственный редактор

В.И.Марковин

Книга представляет собой сборник научных работ, подготовленный сотрудниками археологических учреждений Москвы и Северного Кавказа к 70-летию юбилею профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева, директора Института археологии РАН, известного специалиста в области кавказской и ближневосточной археологии. Публикуются и анализируются археологические комплексы Северного Кавказа, датируемые от эпохи энеолита до средневековья, исследуется этнокультурная обстановка, торговые связи, хозяйственная деятельность и религиозно-мифологические представления древних обитателей кавказского региона.

Для археологов, историков, искусствоведов, студентов и преподавателей вузов, всех, интересующихся древней и средневековой историей народов Северного Кавказа.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор ист. наук *В.Б.Ковалевская*

доктор ист. наук *В.И.Козенкова*

На обложке: изображение павлина (по мотивам ткани из аланской катакомбы № 14 могильного поля у ст.Змейской [Республика Северная Осетия — Алания])

© Авторы статей, 1999

ISBN

W. J. W. W.

СЛОВО ОТ РЕДАКТОРА

Прошло более десяти лет со дня выхода в свет предыдущего кавказоведческого сборника, изданного Институтом археологии АН СССР под названием «Новое в археологии Северного Кавказа» (М.: Наука, 1986). Он уже стал библиографической редкостью, а статьи, опубликованные в нем — достоянием науки.

За это время произошли большие изменения в общегосударственном масштабе. Республики Закавказья обрели полную самостоятельность, автономии Северного Кавказа преобразовались в республики в составе России. Последнее обстоятельство нашло свое отражение в появлении новых тенденций в трактовке древней и средневековой истории местных народов. В итоге возникло множество псевдоисторических изданий, которые вольно или невольно «деформируют общественное сознание», используются иногда «для обоснования территориальных споров» и других, чисто национальных «претензий»¹. Однако наряду с околонучными трактатами можно назвать и целый ряд исторически строго выверенных работ. Они являются в итоге не политической конъюнктуры, а длительных и планомерных исследований. В них археологический материал занимает не последнее место².

Переживаемый переходный период в жизни страны со всеми неровностями его течения привел к снижению количества экспедиционных работ, смене планового издания археологических трудов на издания, зависящие от спонсоров и гуманитарных фондов, но они далеко не всегда считаются с действительно научной необходимостью выпуска той или иной книги. И все же, несмотря на все превратности жизни, историко-археологические исследования и в практическом и в теоретическом плане продолжают, о чем свидетельствуют хотя бы соответствующие упоминания в регулярно выходящем «Книжном обозрении».

Не последнее место в планомерной научной жизни принадлежит Институту археологии РАН. По-прежнему здесь заседает Ученый совет, проходят защиты диссертаций, продолжается издание многотомника «Археологии» (из серии «Археологии СССР»), планируемые тома которого объединяют не только ученых России, но и всего Содружества, работают экспедиции как на территории нашей страны, так и за рубежом. Преодолевая трудности с финансированием, Институт археологии продолжает сохранять славные традиции научного мастерства С.В.Киселева, Т.С.Пассек, А.Я.Брюсова, Е.И.Крупнова, В.Н.Чернецова и многих других исследователей. И, как пишет Н.Я.Мерперт, «на капитанском мостике корабля Российской археологии»³ уже много лет стоит Рауф Магомедович Мунчаев — ученый с мировым именем, известный специалист в области археологии Кавказа и Востока, знаток их древнейшей истории. Недавно ему исполнилось 70 лет. Сочетая мастерство умелого администратора с глубокими знаниями ученого, он служит примером целеустремленности в своей работе, протекающей без лишних слов и шума.

Коллектив авторов публикуемого сборника посвящает его Рауфу Магомедовичу Мунчаеву, желая ему дальнейших успехов на избранном поприще.

Наш сборник содержит статьи, своей тематикой охватывающие памятники Северного Кавказа от эпохи бронзы до золотоордынского времени.

В первых трех работах речь идет о древностях эпохи бронзы. С.Н.Корневский уже давно занимается изучением так называемой майкопской культуры. Сейчас им представлен очерк, посвященный отдельным сосудам культуры, отмеченным своеобразными знаками — клеймами. Как считает автор, данное новшество в керамическом деле скорее всего свидетельствует о возникновении особой, престижной посуды, качественно отличающейся от лепной керамики обычного «общинного» изготовления.

¹ Кузнецов В.А., Чеченов И.П. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Пятигорск, 1998, с. 86.

² Назову только несколько таких книг: Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана. Махачкала, 1996; Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV в.н.э.). Махачкала, 1996; Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ, 1992; Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993; Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.

³ Мерперт Н.Я. К семидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева // РА, № 3, 1998, с. 5–14.

Статья В.И.Марковина носит монографический характер, так как в ней дано описание курганных материалов, добытых на Константиновском плато близ г.Пятигорска. Первое упоминание о них отделено от нашего времени более чем на 100 лет. Эти курганы позволили собрать выразительную вещевую коллекцию, характеризующую племена северокавказской культурно-исторической общности.

Интересна публикационная работа О.В.Лопан и В.Е.Маслова с описанием остатков Экажевского поселения в Ингушетии. Данный памятник очень важен, так как открывает перспективу к дальнейшему археологическому изучению этой Республики, давно уже выпавшей из поля зрения специалистов.

Следующая группа статей тематически охватывает памятники эпохи раннего железа. Их предваряет статья М.П.Абрамовой о Хумаринском поселении скифского времени в Карачаево-Черкесии. Как известно, бытовых объектов этого времени на Северном Кавказе довольно мало и публикация материалов из Хумары важна для изучения локальных особенностей культуры местного, оседлого населения, жившего в бурное время скифских вторжений.

Материалы кобанской культуры стали своеобразным эталоном, по которым судят об эпохе железа почти всего Кавказа. Статьи А.Ю.Скакова и М.П.Мошинского посвящены конкретным предметам, обнаруженным в Северной Осетии. Первая из них является публикацией бронзовых орнаментированных топоров из могильника Фаскау, а вторая — браслетов из могильника Гастон Уота. Детальные временные членения данных предметов, встречающихся довольно часто, возможно, позволят уточнить хронологию старых и вновь открываемых памятников данной культуры.

Совершенно обособленное место в сборнике занимает небольшой этюд М.С.Гаджиева о кладе, обнаруженном в Дагестане у сел. Шаракун. Блестящие находки в виде фиала, ритона, монет эллинистического времени и других предметов свидетельствуют, по мысли автора, о существовании в данном районе городского центра Кавказской Албании. Он был выгодно расположен на торговой трассе, проходившей вдоль Каспийского моря.

Вторым близким по сюжету этюдом является статья Д.С.Коробова о комплексе находок из могильника Мокрая Балка I близ г.Кисловодска. Эти находки документируют интенсивные связи местного населения с сасанидским Ираном.

Большое научное значение имеет статья В.А.Кузнецова, посвященная разграничению широко известных этнопонятий «аланы» и «асы» в раннесредневековой истории Кавказа. Эти племена занимали в разные периоды своей жизни бассейны Кубани, Терека и только затем их государственное объединение получило общее название Алании.

Работа И.А.Аржанцевой и З.Х.Албеговой является результатом изучения религиозных представлений аланского населения, жившего в верховьях р.Кубани. Ими публикуется интересный материал в виде петроглифических изображений с различными сюжетами. Авторы убедительно трактуют их как своеобразное отображение религиозного дуализма — языческого компонента в мировоззрении алан, который спокойно уживался (если не превалировал) с официально принятыми христианскими догмами и ритуалом.

Сборник завершается небольшой статьёй И.М.Чеченова и Э.В.Зиливинской о раскопках мечети на городище Нижний Джуглат в Кабардино-Балкарии. Этот памятник относится к золотоордынскому времени. В статье весьма убедительно дана его реконструкция по выявленным архитектурным деталям.

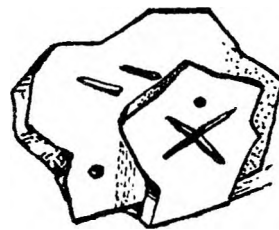
Таково содержание сборника. В нем и речи нет о сенсационных открытиях, однако авторы своими работами убедительно показали, что только подлинно научный труд, кропотливый и целенаправленный, дает право называться археологом-историком, вносящим свой посильный вклад в воссоздание истинной — древней и средневековой — истории Северного Кавказа.

В.И.Марковин

С.Н.Корневский

ЗНАКОВАЯ КЕРАМИКА КАВКАЗА ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

Предлагаемая статья посвящена знакам на керамике энеолита и раннего бронзового века Кавказа, а именно племен майкопской (майкопско-новосвободненской) культуры. В настоящее время ее памятники могут датироваться по радиоуглеродным датам с учетом их коррекции от середины IV тыс. до н.э. по конец IV или начало III тыс. до н.э. По переднеазиатской шкале хронологии это будет соответствовать времени среднего или позднего Урука, включая эпоху Джамдет-Наср (Корневский С.Н., 1993, с. 100).

Вопрос о знаках на керамике майкопской культуры возник в 60-х годах, после раскопок курганов Усть-Джегутинского могильника. Тогда автор раскопок, А.Л.Нечитайло, приняла эти знаки за личины или «глазковый орнамент» (Нечитайло А.Л., 1978, с. 27, 28). Такая интерпретация еще долго бытовала как показатель особого декора майкопской керамики. М.В.Андреева первая обратила внимание на то, что на сосудах Усть-Джегутинского могильника, видимо, присутствует не глазковый орнамент, а знаки (Андреева М.В., 1977). Затем подобный материал стал накапливаться. Знаки на керамике были открыты на Большепетинском и Галюгаевском поселениях, а также на некоторых селищах племен майкопско-новосвободненской общности. Первый обобщающий доклад по этой проблеме был прочитан мною в Майкопе на конференции, посвященной памяти Е.И.Крупнова в 1992 г. (Корневский С.Н., 1992, с. 20–22).

В настоящее время мы располагаем вполне конкретными данными о знаках на майкопской керамике. Подмечено, что на майкопской посуде они наносились на двух зонах, а именно на плечиках ниже горла и на доньях. Рассмотрим каждую из этих систем по отдельности.

Знаки на плечиках сосудов (рис.1, 1-26) известны по находкам из поселений и погребений племен рассматриваемой общности, но далеко не всех ее вариантов.

Поселение Большепетинское (Каминская И.В., 1983; Каминская И.В., Динков А.Б., 1993). Здесь знаки на сосудах имеют вид креста, буквы «Ш», решетки, прочерков, криволиней-

ных линий, сочетаний в виде точек и линий (рис.1, 14; 2, 1-8).

Поселение Серегинское дало два знака (Днепровский К.А., 1991, рис.3, 5). Один из них (на крупном сосуде-пифосе) представляет из себя серповидный прочерк в сочетании с отпечатком пальца (рис.2, 9). Другой знак представлен в виде комбинации из точек и разделителя — прочерка (рис.2, 10).

Поселение Галюгаевское I (Корневский С.Н., 1993, с. 120, рис.12, 3; с. 121, рис.13; 1995, с. 122, рис.36, 6) позволило обнаружить семь фрагментов керамики со знаками среди примерно 4000 фрагментов круговой посуды. Шесть знаков принадлежат обломкам шаровидных сосудов (рис.3, 1-6). Причем, один образец, вероятно, является обломком крупного пифоса (рис.3, 5). Отметку в виде отпечатка подушечки пальца и черточки несет фрагмент чернолощеной круговой миски (рис.3, 7).

Из поселения Ташлянское (Корневский С.Н., Отюцкий И.В., Охонько Н.А., 1991, с. 63, 64) известен один фрагмент крупного кругового сосуда с парными отпечатками пальцев и черточкой-разделителем (рис.1, 5). Похожий знак имеется на сосуде из Серегинского поселения (рис.1, 6).

Большой Майкопский курган дал знак в виде двух отпечатков пальцев, нанесенных на плечо пифоса (рис.4, 1).

Усть-Джегутинские курганы (Нечитайло А.Л., 1978, с. 24, рис.1, 9; с. 26, рис.10, 1,2) позволили выявить целую серию знаков. Один из них отмечен на пифосе из основного погребения кургана 45 (рис.4, 2) в виде замкнутого круга-прочерка и вписанных в него двух отпечатков пальца. Второй знак нанесен на плечико такого же сосуда из основного погребения кургана 46 в виде двух пар отпечатков пальцев и двух наклонных и удлиненных разделителей (рис.1, 4; 5, 1). Третий знак представляет собой дуговидный прочерк в сочетании с отпечатком пальца (рис.4, 3). Он нанесен на небольшой круговой сосуд с шаровидным туловом из погребения 3 кургана 13. Второй сосуд из этой же могилы имеет знак в виде дуги (рис.1, 25; 4, 5). В основном погребении кургана 11 найден сосуд с метками

на плечиках в виде двух коротких штрихов (рис.4, 4, 5).

В кургане Шалушка (раскопки А.Н.Гея; см.: Корневский С.Н., 1993, с. 133, рис.25, 4) найден сосуд с шаровидным туловом, на плечике которого имеется знак в виде решетки (?) (рис.4, 6).

В Кардоникском кургане (Биджиев Х.Х., 1986) обнаружен сосуд со знаком на плечике, который нанесен глубокой прорезной линией, напоминая букву «G» (рис.5, 2).

В погребении 70 кургана 1 у с.Заманкул в Северной Осетии В.Л.Ростунов нашел круговой пифос со знаком в виде решетки (рис.5, 4).

Из другого погребения 60 кургана у с.Заманкул (раскопки В.Л.Ростунова) (рис.1, 17) происходит фрагмент кругового сосуда со знаком в виде дуговидной линии с поперечной (напоминает лук со стрелой).

В погребении 7 кургана 4 у с.Сунжа Северной Осетии (раскопки П.К.Козаева; Корневский С.Н., 1993, с. 138, рис.30, 4) знак отмечает плечико кругового пифоса. Он имеет вид трех сегментов, расположенных лесенкой (рис.1, 26).

Курган у хозяйства «Гранит» близ поселка Иноземцево. Здесь найден знак в виде трех наклонных прорезных линий, нанесенный на плечо очень крупного сосуда, близкого по размерам к майкопским пифосам (рис.1, 23; 5, 3).

Знаки на плечиках встречены только на отдельных типах круглодонной круговой керамики племен майкопской культуры. Это пифосы, сосуды с шаровидным туловом, то есть такие формы круговой майкопской керамики, которые наиболее часто отмечаются на поселениях и в захоронениях. Знаки, как правило, наносились по сырому тесту горшка до обжига. Только на двух сосудах отмечены знаки уже по обожженному тулову (рис.4, 4, 5). В маркировке использовались отпечатки пальца, отдельные прочерки линиями и прочерки в сочетаниях с отпечатками пальцев, а также кресты, решетки, дуговидные фигуры (рис.1, 1-23, 26).

Практически каждый знак индивидуален. Оригинален сосуд с меткой на плечике группы из Кардоникского кургана (рис.5, 2). Этот знак в виде буквы «G» нанесен каким-то твердым инструментом.

Ареал керамики со знаками связан с терской и кубанской зоной расселения майкопских племен. Погребения и поселения, на которых встречается посуда со знаками на плечиках, связаны с так называемой галюгаевско-серегинской разновидностью племен май-

копско-новосвободненской общности. Ранее А.А.Иессен подобные погребения относил к кругу Майкопского кургана, называя их раннемайкопской группой памятников (Иессен А.А., 1950).

Знаки на доньях сосудов в небольшом количестве отмечены только на керамике из захоронений выделенного мною долинского варианта майкопской культуры на Тереке. Они выполнены прорезными линиями по сырому тесту и имеют вид решетки или креста. Все сосуды со знаками на доньях обладают шаровидно-грушевидными формами тулова.

В насыпи кургана 20 курганной группы у ст.Ассиновской (Бурков С.Б., 1990; см. Корневский С.Н., 1993, с. 148, рис.40, 1) (рис.6, 3) обнаружен сосуд со знаком на дне в виде креста.

В кургане 3 2-ой курганной группы у с.Калиновского найден комплекс керамики, включавший сосуд, на дне которого изображен знак в виде решетки (раскопки В.Б.Виноградова и Е.Н.Нарожного; см.: Корневский С.Н., 1993, с. 147, рис.39) (рис.6, 2).

В фондах Кабардино-Балкарского краеведческого музея в г.Нальчике хранится небольшой горшок со знаком на дне в виде буквы «Ж» или решетки (рис.6, 1) (Корневский С.Н., 1983, с. 145, рис.37, 10).

Сложный знак-рисунок изображен на прекрасно изготовленной круговой миске из основного погребения кургана 25 могильника у с.Чегем 2 (долинский вариант). Пролощенные линии на ее дне образуют подобие «елки» (символа «древа жизни»). То, что это не просто знак мастера, иллюстрируют детали орнамента по бортикам сосуда в виде зон заштрихованных линий. Миска имела в бортике два отверстия. Очевидно, она вешалась на стену и дно сосуда с внешней стороны было пригодно для обзора (рис.6, 4).

Нанесение на дно плоскодонного сосуда знака или орнамента является широко распространенным приемом керамистов разных исторических эпох. Однако для памятников майкопско-новосвободненской общности такой прием является более редким явлением, чем постановка метки на плечико сосуда. Поэтому мы только констатируем данный факт, воздерживаясь от комментариев до более полного накопления материалов. Заканчивая обзор знаков на керамике племен майкопско-новосвободненской общности, нельзя не упомянуть круговой сосуд, случайно найденный на р.Пшиш (рис.7). Его корпус имеет биконическое строение. На верхней стороне тулова имеется орнамент в виде прорезных и зало-

ценных изображений в виде «елки» — «древа жизни». Между ними расположены два знака, несколько напоминающие антропоморфные силуэты. При их трактовке не исключена версия, что перед нами в одном случае представлены стоящие люди (или один человек в динамике?) с контуром головы, откинутой в сторону прямой руки и со второй рукой, согнутой в локте и упирающейся в пояс. «Голова» на втором значке не отмечена. В остальном он повторяет позу первого. Нечто подобное можно встретить на росписях сосудов Трипольской культуры. Сильно стилизованные фигуры людей (женщин?) переданы в стоячей позиции с одной рукой, упирающейся в пояс и отведенной от корпуса, и согнутой второй рукой, только не вытянутой вниз, а направленной к голове. Шея и голова обозначена скупой — вертикальным штрихом и точкой. На одном фрагменте росписи мы видим, значки — кресты, помещенные слева и справа от человека, то есть тот же прием сочетания антропоморфного изображения в окружении геометрических знаков-символов (Энеолит., 1982, с. 294, табл. LXXXIV, 4). Однако, вывод о явном антропоморфизме майкопских значков на рассматриваемом сосуде по единичной находке, видимо, делать преждевременно. Ясно одно, при общем сходстве каждый значок имеет присущее ему своеобразие. Их невозможно принять за повторяющуюся деталь орнамента. Среди самых разнообразных элементов декоративных схем эпохи бронзы Кавказа аналоги им отсутствуют. Смысловая нагрузка орнаментальной композиции на сосуде из Пшиша с вставленными в нее квазиантропоморфными значками, по всей видимости, была иной, чем ординарная метка. По нашему мнению, на описываемом горшке запечатлен некий кодированный и повествовательный текст — символ. Орнамент как бы подсказывает центральный сюжет (фас?) изображения с двумя квазиантропоморфными фигурами, поставленными между «древом жизни», а также противоположную фасу сторону, где фигурируют только две «елки».

На Южном Кавказе керамика со знаками, похожими на метки племен майкопско-новосвободненской общности, встречается в круге памятников позднего энеолита, еще до периода распространения памятников куро-аракской культуры. Здесь знаки снова отмечены только на круговой посуде. Подобная знаковая керамика известна из поселений Лейлатепе (рис. 1, 27)* и Техут (Торосян Р.М., 1976,

с. 84, рис. 16, 3; табл. XI, 1, 8; VII, 6) (рис. 1, 29, 30; 8, 1-4). На последнем памятнике четко прослеживается керамика, близкая по формам круговой посуде майкопских племен, оставивших поселения типа Галюгай I и Серегинское. Таковы чаны или очень крупные открытые сосуды с «рельсовидным» венчиком (рис. 8, 1, б), сосуды, близкие по формам к пифосам (рис. 8, 5), миски с ребром и отогнутым наружу венчиком (рис. 8, 8) и миски колоколовидной формы с загнутым во внутрь венчиком (рис. 8, 7; Торосян Р.М., 1976, табл. VI, VII). Знаки из Техута имеют вид точек — отпечатков пальца, а также принимают форму в виде пары точек с разделителем-прочерком и рещетки. Знак в виде отпечатка пальца и рещеток встречен среди круговой керамики нижнего, докуро-аракского слоя, поселения Бериклдееби (рис. 1, 28).

Время памятников Южного Кавказа Лейлатепе, Техута, Бериклдееби в целом связано с периодам позднего Убеида или среднего Урука, если сопоставлять его с эпохами культурного развития населения Месопотамии (Нариманов И.Г., 1991, с. 62). Но пока эти памятники не имеют еще радиоуглеродных дат, позволивших бы более аргументированно уточнить вопрос об их хронологии. Ясно одно, они древнее майкопской культуры Предкавказья, которая синхронизируется с периодом куро-аракской культуры Квацхелеби Е-С (Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 62).

Наиболее раннее распространение знаков-меток на керамике в Передней Азии, в том числе и в Восточной Анатолии и Сирии, в основном связано с Урукским периодом (Truffelli F., 1994). Знаковая керамика в этом огромном регионе существует и в более позднее время. Но нам очень важны находки именно самого раннего периода появления меток на переднеазиатской посуде, учитывая хронологию энеолитических памятников Южного Кавказа и майкопско-новосвободненской общности. В связи с этим обстоятельством особое внимание привлекают к себе памятники Восточной Анатолии, Сирии и Северной Месопотамии.

Дело вот в чем. Очень близкая маркировка круговых сосудов, похожих на майкопские круговые горшки, существовала в период Амука F и Арслан-Тепе VII в Сирии и Восточной Анатолии, а также на севере Ирака (Frangipane M., 1993, p. 133-161; Truffelli F., 1994, p. 245-288).

Особенно показательны для наших сопоставлений материалы Восточно-Анатолийского

* Благодарю за сообщение Т.А.Ахундова.

поселения Арслан-Тепе VII (рис.9; 10). Здесь обнаружены близкие майкопской культуре круговые сосуды в том числе и пифосы. Характер нанесения знаков очень похож на майкопские традиции. Знаковая система Арслан-Тепе VII включает метки, нанесенные отпечатком пальца, прочерком и композиции из этих элементов, а также прорезные кресты и решетки. Здесь встречаются даже очень близкие параллели майкопским значкам. например, сочетание двух отпечатков пальца и прочерка между ними (рис.10, группа 3).

Знаки на сосудах, видимо, крупных, закрытых форм с шаровидным корпусом наносились на плечики горшков. Ими отмечали дно или нижнюю часть тулова небольших сосудов полуоткрытых форм, а также мисок (Frangipane M., 1993, p. 133–161, p. 144, fig. 5; Trufelli F., 1994, p. 265–288, p. 257, fig. 5, p. 265, fig. 11, p. 280, fig. 19) (рис.9; 10). Отличие в маркировке сосудов Арслан-Тепе VII от майкопской системы знаков заключается пока лишь в том, что в Предкавказье мы еще не знаем мисок или небольших закрытых круглодонных сосудов со знаками на нижней части тулова или доньях, как в Арслан-Тепе VII (Frangipane M., 1993, p. 145, fig. 6. 2, 3, 4, 6, 8, 9) (рис.11, 7-10).

Близость знаковой керамики гончаров Арслан-Тепе VII к майкопским традициям подчеркивается еще одним важным обстоятельством. Знаками покрывалась в основном круговая посуда, а не лепная. Лепные же круглодонные сосуды Арслан-Тепе (рис.11, 4-6), которые являются аналогами одной из групп майкопских лепной круглодонной керамики (рис.11, 1-3), не маркировались.

В более поздний период Арслан-Тепе VIA сосуды со знаками почти исчезают из обихода в связи с заметной общей трансформацией керамической традиции, которая стала весьма близка к формам Амука G (соответствует периоду Джамдет-Насра в Месопотамии) (Trufelli F., 1994, p.272). Только на отдельных пифосах здесь еще можно встретить метку, например, похожую на знак в виде «елки» или «древа жизни» (Frangipane M., 1983, p. 380, fig. 48, 5).

Р.М.Мунчаев и Н.Я.Мерперт справедливо отмечают аналогии майкопским знакам на керамике Тель-Хазны времени конца IV — 1-й половины III тыс. до н.э. (Мунчаев Р.М., 1994, с. 170; Munchaev R.M., Merpert N.Y., 1994, fig. 23). Последняя параллель показывает, что древняя система маркировки круговых сосудов продолжала существовать в районе Северной Сирии после эпохи позднего

халколита, хотя такой факт был известен и ранее. Однако аналогии майкопской круглодонной керамики со знаками в Арслан-Тепе VII для нас особо важны, так как позднехалколитический слой этого памятника по датам 14С то ли немного ранее времени майкопско-новосвободненской общности, то ли синхронен ей в наиболее древний период раннего бронзового века Кавказа. Ф.Труфелли датирует слой Арслан-тепе VII на основании калиброванных дат 14С временем 3700–3500 до н.э. (Trufelli F., 1994, p. 245).

Проблема знаковой керамики Передней Азии давно интересует исследователей. С чем была связана маркировка круговой посуды? Этот вопрос открыт. Возможны несколько гипотез, в том числе и предположение об особой магии руки, ее отпечатка на сосуде, но с какой целью? Скорей всего, знак был важен прежде всего для керамистов, которые, надо полагать, имели свою специализацию в изготовлении посуды и по наследству передавали традиции маркировки, как клановые метки. Отрасль производства, в которой использовалась маркировка серийных вещей, безусловно являлась сферой профессиональной специализации, общинным (родовым) ремеслом, отмечающим меткой прямое отношение мастера к продукции (Palmieri A., 1985, p. 191–213).

Маркировка сосудов знаками, судя по этнологическим параллелям, могла использоваться для разграничения партий изделий керамистов при обжиге горшков в коллективных печах или иных приспособлениях для обжига керамики. С другой стороны, маркированная керамика косвенным образом способна указывать на меры контроля над ее качеством со стороны особых лиц, осуществлявших такой надзор, как полагают специалисты (Trufelli F., 1994, p. 256–258).

Посуда майкопской культуры подтверждает мнение о том, что знаковая круговая керамика была связана не со всеми, а только с некоторыми формами посуды, за которыми стояли самые сложные технологии гончарства своего времени, высокое искусство обработки поверхностей и не редко особый состав теста без искусственных минеральных примесей, лишь с одними преднамеренными органическими добавками. Эти данные косвенным образом указывают на профессиональную специализацию древних мастеров, владевшими сложными и доступными явно не всем технологиями.

Проблема исследования древних знаковых систем, если ее всесторонне рассматривать, интересна с разных точек зрения. Во-первых,

знак являлся символом, содержащим зашифрованный в нем смысл культового или повествовательного содержания. Во-вторых, еще в догосударственный период наступил этап внутреннего развития экономики, когда потребовалось создать особые системы меток, способные передавать нужную информацию не только через жест, декор костюма, связку раковин или бусин, но и через обычные предметы серийного производства. Это произошло у обществ, экономика которых уже прямо нуждалась в такой маркировке. В-третьих, знаковая система, обнаруживаемая археологическим путем на предметах серийного производства, предполагает, что употреблявшие ее население, вероятно, было знакомо также с иными знаковыми системами, следы которых не сохраняются археологически и не зафиксированы. По нашему мнению, общества племен Южного Кавказа и майкопско-новосвободненской общности в этом плане не являются исключениями.

Естественно, исследование развития знаковых систем только на основании археологических источников весьма специфично и требует выработки своих критериев. В этой связи мы можем поставить вопрос об особом археологическом показателе в динамике догосударственных обществ — таком, как знаковая посуда. Судя по памятникам Передней Азии, Южного Кавказа, племенам майкопско-новосвободненской общности, подобные общества были связаны прежде всего с устойчивыми оседлыми или полуседлыми земледельческо-скотоводческими культурами, ни в коем случае не с племенами подвижных нomaдов или пастухов-скотоводов, роль земледелия в укладе хозяйства которых была второстепенна. Термин, который к ним можно применить, связан с понятием комплексных обществ (по К.Ренфрю), но с одним уточнением. То были комплексные общества предгосударственного периода со знаковыми системами на керамике. Такое уточнение позволяет в какой-то мере искать у них общие черты быта, особенностей в производстве и обмене. Какое внутреннее деление по социальной структуре могли иметь такие общества или на какой фазе предгосударственного развития они стояли — вопрос особый, ибо маркировка керамики в целом — это очень широко распространенное явление у племен разных частей света (Race M., 1987, p. 181–183).

Изложенный выше материал позволяет определенно считать, что керамика со знаками — метками на Кавказе появилась еще в период позднего энеолита, до формирования

майкопско-новосвободненской общности и куро-аракской культуры. Естественно, такая посуда была свойственна не всем поздэнеолитическим племенам Южного Кавказа. Ею пользовались племена, которые производили круговую посуду, имеющую аналогии в керамике урукского периода Восточной Анатолии, Сирии, Северной Месопотамии, то есть племена круга памятников Лейла-Тепе, Техут, Бериклдееби. Те же самые реплики восточно-анатолийской знаковой системы мы видим и на круговой посуде племен майкопско-новосвободненской общности выделенного нами галюгаевско-серегинского варианта (Кореневский С.Н., 1995, с. 64).

Эти факты позволяют предполагать следующее. Прежде всего, часть племен Южного Кавказа в эпоху позднего энеолита, а также Предкавказья в эпоху раннего бронзового века входила в особую зону влияний керамического ремесла урукского периода. Далее, между керамистами Лейла-тепе, Техута, Бериклдееби и гончарами майкопской культуры имела некая общая связь, хотя бы на уровне принадлежности к одной керамической традиции в изготовлении круговой серийной продукции в виде посуды со знаками — метками.

Куро-аракская культура не унаследовала такой знаковой системы, Следовательно формирующие ее керамические традиции были принципиально иными, как и отношение к знакам на посуде. Б.А.Куфтин давно уже отметил своеобразные изображения на посуде куро-аракской культуры, но здесь они носят вид пиктограмм и не похожи на метки мастеров позднеурукского времени Восточной Анатолии (Куфтин Б.А., 1948, с. 32, рис.15).

Данные Арслан-Тепе VII и круговая керамика племен майкопско-новосвободненской общности позволяют поставить вопрос о том, что знаковая система гончаров, изготавливавших круговую посуду, иллюстрирует связь с их довольно узкой специализацией по производству керамики разных форм. Вероятно, кланы таких мастеров могли быть разносчиками своей продукции на значительное расстояние в поисках рынка сбыта (или точнее, наиболее выгодного обмена), совершать собственные рейды или примыкать к миграционному потоку населения. Естественно, высокий спрос на их продукцию объяснялся особым качеством и внешним видом круговой посуды, ее большей престижной ролью по сравнению с обычной лепной керамикой общинного производства. Это обстоятельство могло, видимо, способствовать оседанию (вплоть до

адаптации) мигрирующих керамистов в новой среде и на новой территории, но, естественно, в том обществе, которое было заинтересовано в столь совершенной круговой посуде.

Система знаков майкопцев пока лишь начинает приобретать статистические серии, поэтому сейчас еще трудно более детально о ней судить. Ясно одно: связь знаков на майкопской керамике только с некоторыми типами круговой посуды галюгаевско-серегинского и долинского вариантов подчеркивает многокомпонентность и неоднородность сложения керамического комплекса в среде племен раннего бронзового века равнин, а также предгорий Кубани и Терека. Кроме того, это очень важный штрих в керамическом производстве племен майкопско-новосвободненской общности, который позволяет сблизить процесс формирования традиций круговой керамики галюгаевско-серегинского варианта не только с явлениями в керамическом ремесле Восточной Анатолии, но и с кругом племен позднего энеолита Южного Кавказа.

После археологически документированного финала племен майкопской культуры, а точнее, носителей галюгаевско-серегинского варианта в Предкавказье, пропадает и традиция изготовления посуды со знаками на плечиках. Это явление подчеркивает лишь самую тесную связь между меткой на керамике с формами сосудов, технологией производства и той средой племен, в которой эта знаковая керамика производилась и распространялась. В эпоху среднего периода бронзового века Предкавказья мы мало что знаем и о нарезных метках на доньях сосудов, которые иногда отмечали круговые горшки долинского варианта майкопско-новосвободненской общности. Лишь изредка на керамике племен Центрального Предкавказья (Кавминводская погребальная группа памятников) можно увидеть на дне горшка то ли знак, то ли орнамент (Корневский С.Н., 1990, с. 151, рис.29, 7). Но еще трудно сказать, связан ли такой факт с наследием именно племен долинского варианта.

- Биджиев Х.Х.*, 1986. Отчет о раскопках Кардоникского курганного могильника в 1986 в Карачаево-Черкесской автономной области // Архив ИА РАН. Р-1, № 11368.
- Бурков С.Б.*, 1990. Отчет о раскопках курганов в зоне реконструкции 2-ой очереди Ассиновской оросительной системы // Архив ИА РАН. Р-1, № 15757.
- Днепровский К.А.*, 1991. Серегинское поселение эпохи ранней бронзы // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Иессен А.А.*, 1950. К хронологии больших кубанских курганов // СА. Вып. XII.
- Каминская И.В.*, 1983. Отчет о раскопках курганов в станице Отраденской Отраденского района Краснодарского края в 1983 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 9245.
- Каминская И.В., Динков А.Б.*, 1993. Большетегинское поселение в долине реки Уруп // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Корневский С.Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Корневский С.Н.*, 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.
- Корневский С.Н.*, 1995. Галюгай I — поселение майкопской культуры. М.
- Корневский С.Н., Отоцкий И.В., Охонько Н.А.*, 1991. Ташляжское поселение // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л.
- Мунчаев Р.М.*, 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. М.
- Куфтин Б.А.*, 1948. Археологические раскопки 1947 года в Цалкинском районе. Тбилиси.
- Нариманов И.Г.*, 1991. Раннеземледельческая культура Закавказья // Археология и социальный прогресс. Вып. 2. М.
- Нечитайло А.Л.*, 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Ростунов В.Л.*, 1993. Отчет о раскопках курганов у села Заманкул Правобережного района республики Северная Осетия — Алания // Архив ИА РАН. Р-1.
- Торосян Р.М.*, 1976. Раннеземледельческое поселение Техута IV тыс. до н.э. // Археологические раскопки в Армении. Ереван.
- Энеолит..., 1982 — Археология СССР. Энеолит СССР. М.
- Frangipane M.*, 1993. Local Components in the Development of Centralized Societies in Syro-Anatolian Regions // Between Rivers and over the Mountains. Roma.
- Munchaev R.M., Merpert N.Y.*, 1994. Da Hassuna a Accad. Scavi della missione russa nella regione di hassake Siria di nord-est, 1988–1992 // Mesopotamia, vol. XXIX. Firenze.
- Palmieri A.*, 1985. Eastern Anatolia and Early Mesopotamia urbanization: remarks on changing relations // Studi di Paleontologia in onore di S.M. Puglisi. Roma.
- Race M.*, 1987. Pottery Analysis. A Sourcebook. London.
- Trufelli F.*, 1994. Standartisation, Mass Production and Potter's Marks in the Late Chalcolithic Pottery of Arslantepe (Malatya) // Origini, vol. XVIII. Roma.

Иллюстрации

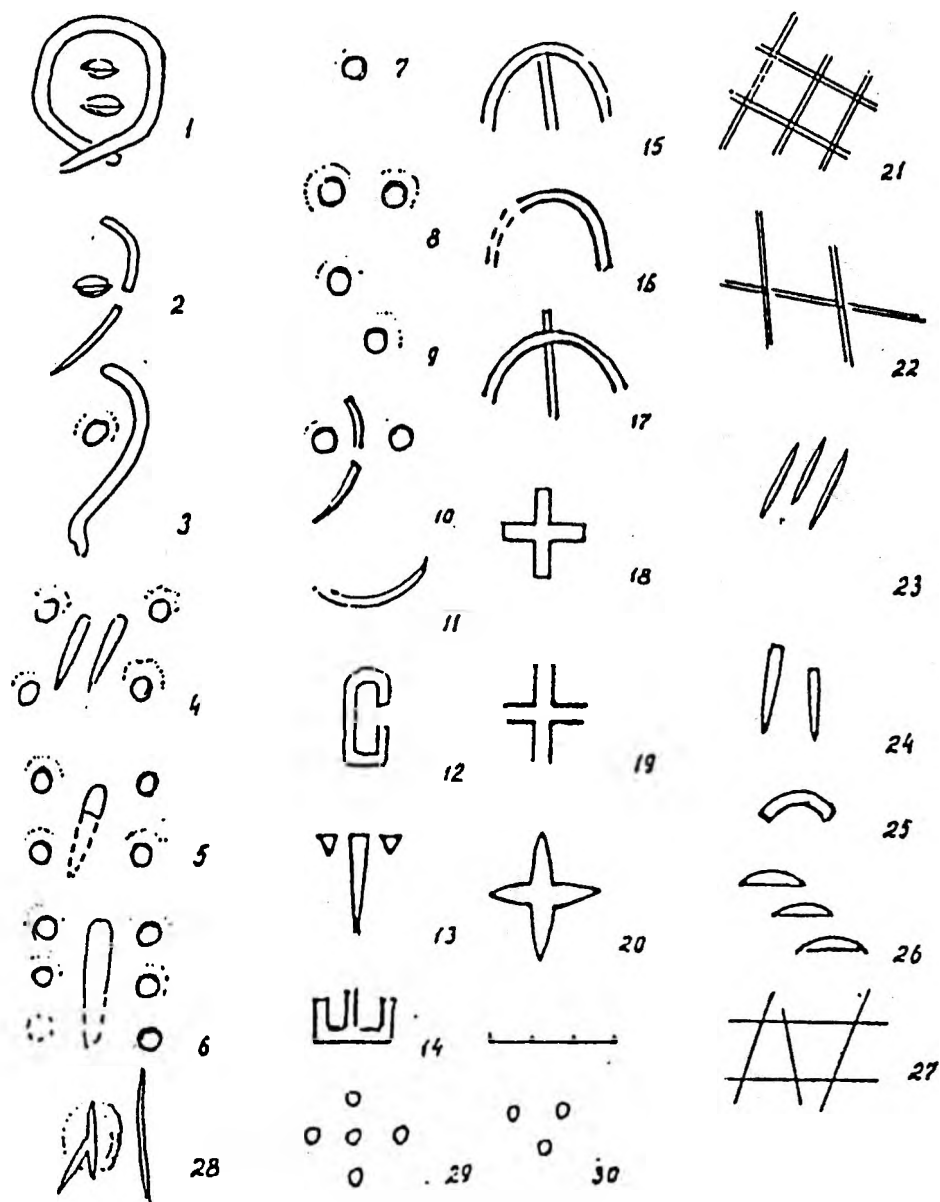

Рис.1. Схемы знаков на плечиках майкопских круговых сосудов и сосудов из памятников Южного Кавказа: 1, 2, 4, 24, 25 — могильник у ст.Усть-Джегутинской: 1 — курган 46; 2 — курган 13; 4 — курган 46; 24 — курган 11; 25 — курган 13; 3,6 — Серегинское поселение; 5 — Ташлянское поселение; 7, 8, 10, 11 — Галюгаевское поселение; 12 — основное погребение кургана у с.Кардоник; 13-16, 18, 19, 21 — поселение Большедзегинское (по И.В.Каминской); 17 — курган 2, погр. 60 у с.Заманкул; 22 — курган «Шалушка»; 23 — курган у поселка «Гранит»; 26 — курган 7, погр. 4 могильника у с.Сунжа; 27 — поселение Лейла-Тепе; 28 — поселение Бериклдеби; 29, 30 — поселение Техут (по Р.М.Торосяну)

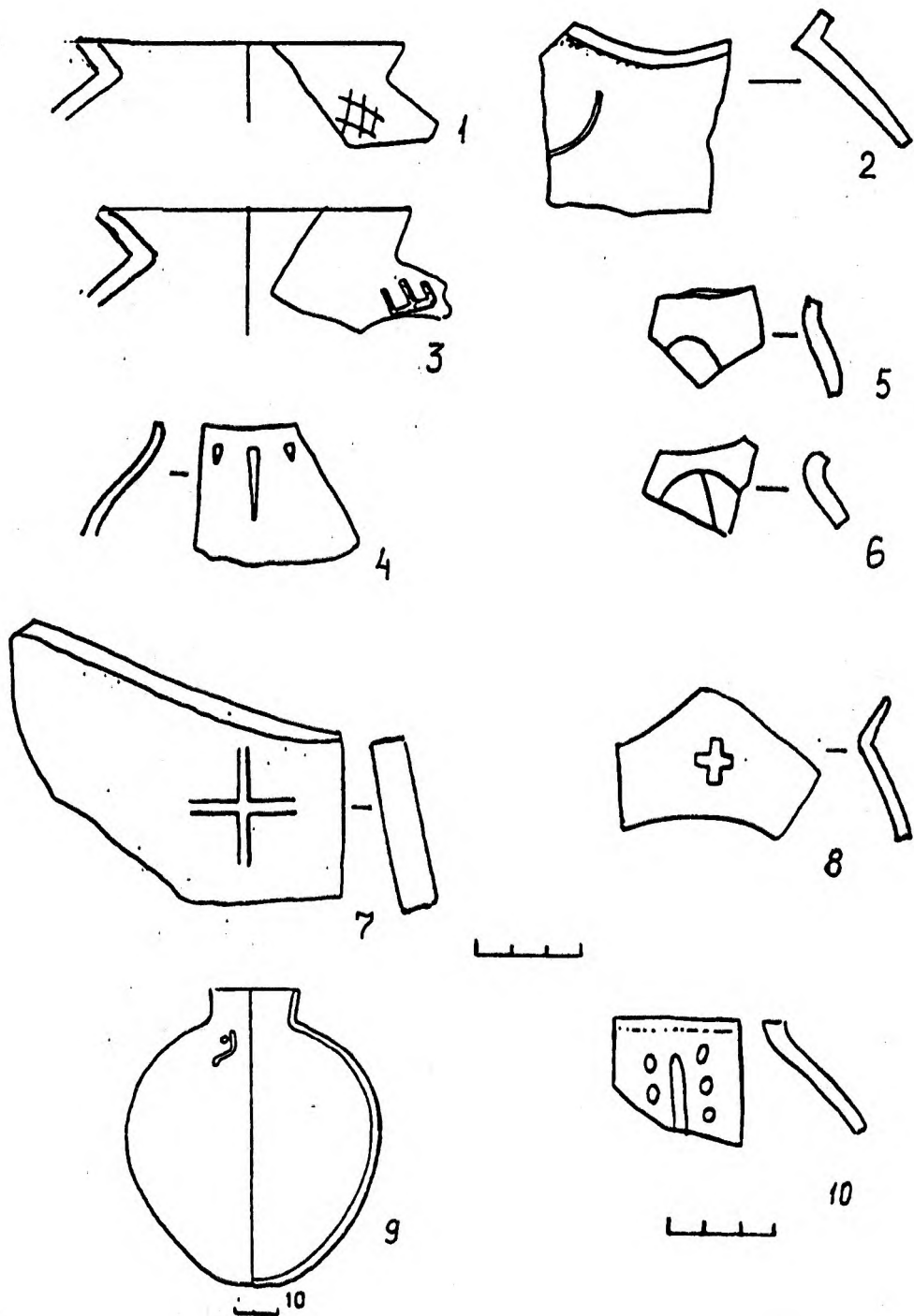

Рис.2. Керамика со знаками на плечиках (галюгаевско-серегинский вариант майкопско-новосвободненской общности): 1-8 — Большетегинское поселение (по И.В.Каминской); 9, 10 — Серегинское поселение (по К.А.Днепровскому).

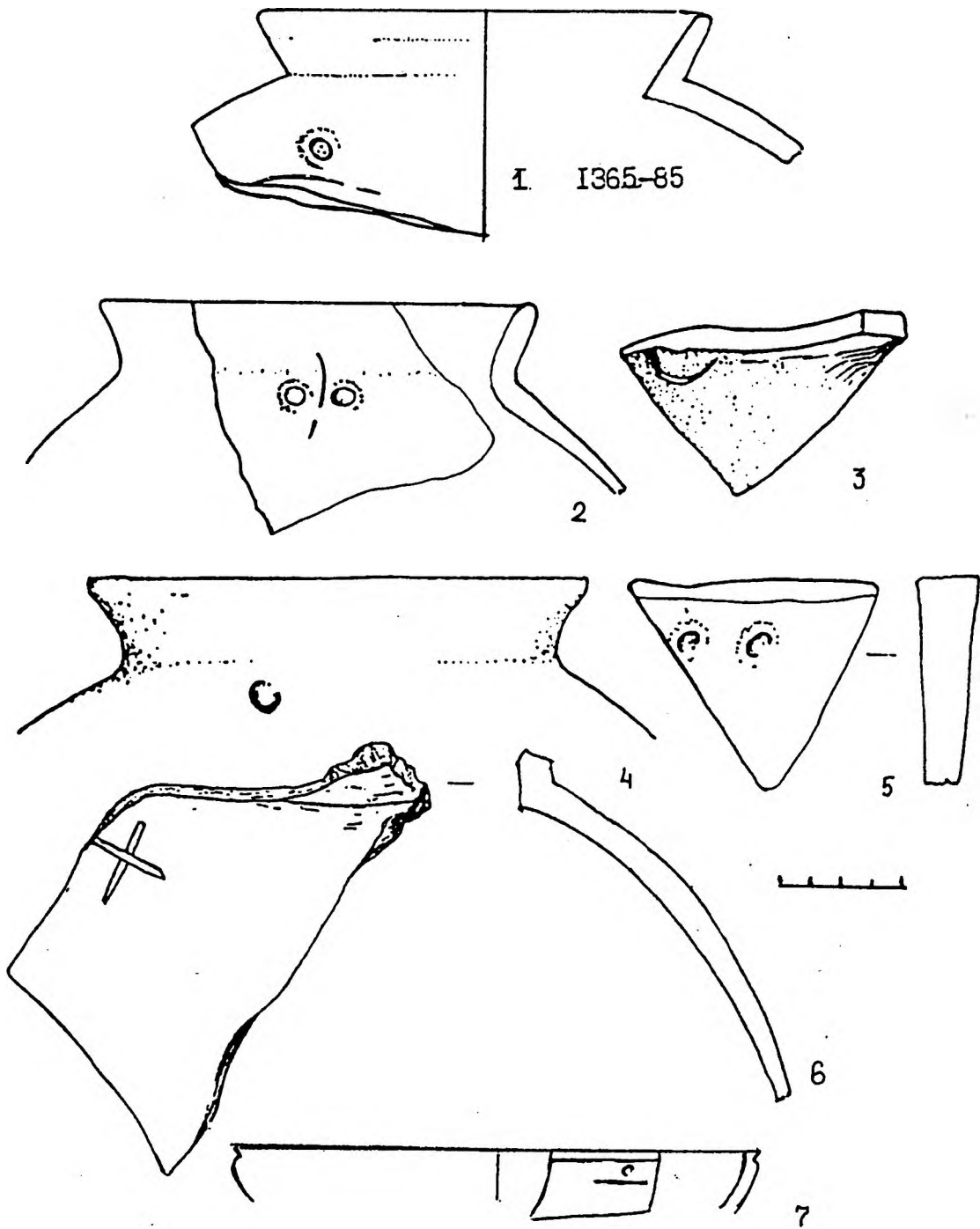

Рис.3. Керамика со знаками из Галюгаевского поселения

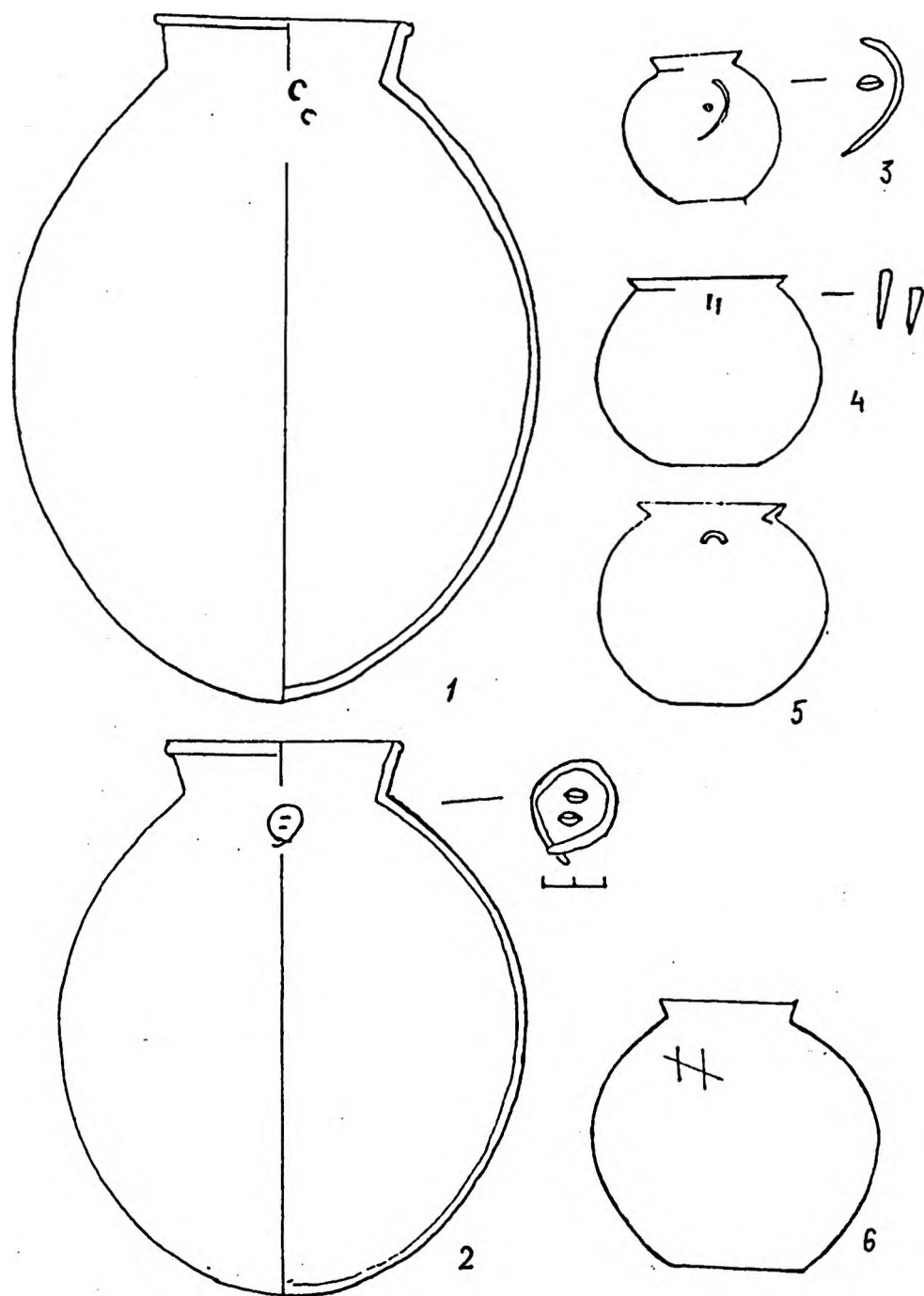

Рис.4. Керамика со знаками (галюгаевско-серегинский вариант майкопско-новосвободненской общности): 1 — Большой Майкопский курган; 2 — курган 45 Усть-Джегутинского могильника; 3, 5 — курган 13 Усть-Джегутинского могильника; 4 — курган 11 Усть-Джегутинского могильника; 6 — курган «Шалушка» (рисунки автора)

892268
162268

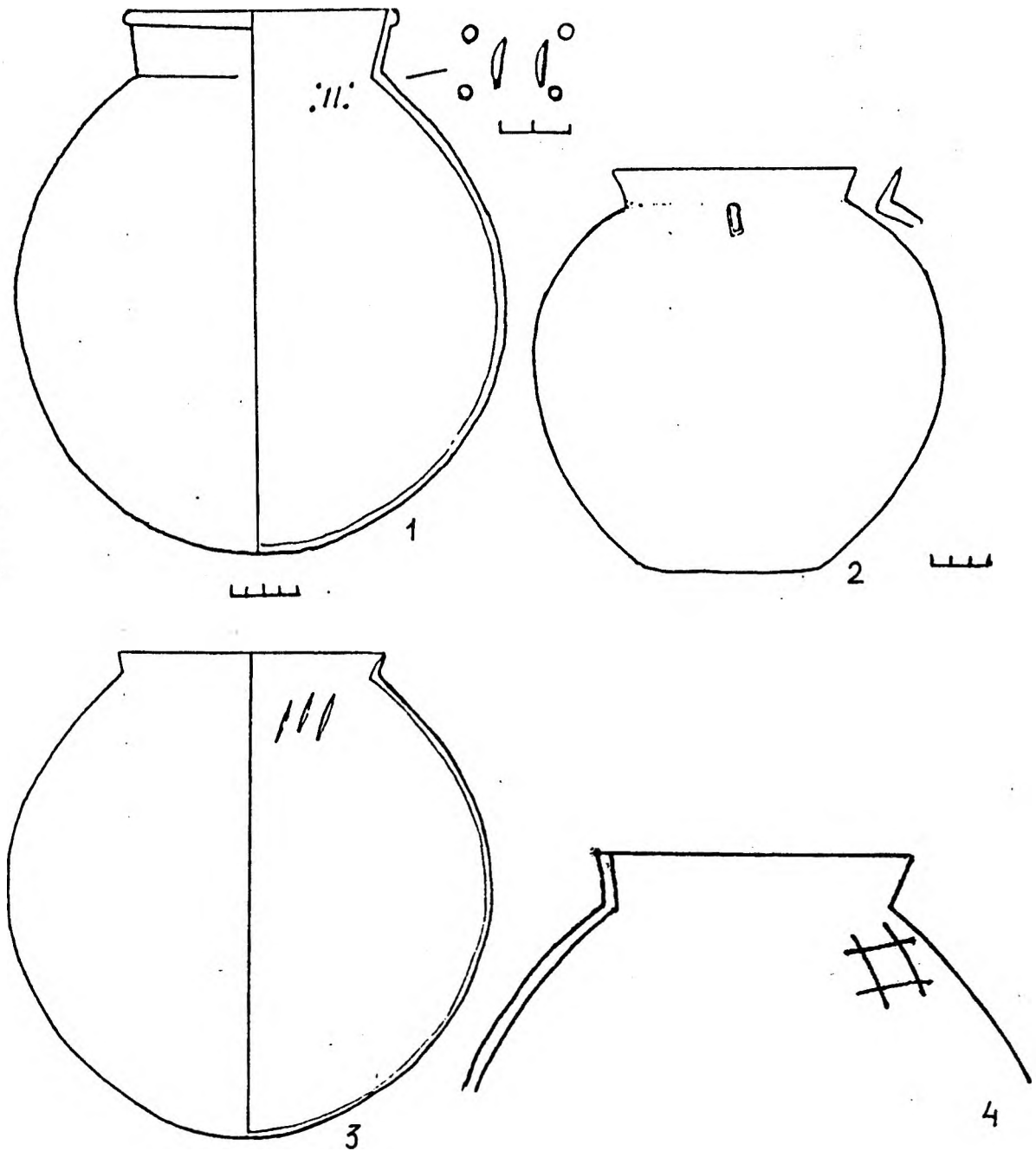

Рис.5. Керамика со знаками (галюгаевско-серегинский вариант майкопско-новосвободненской общности): 1 — курган 46 Усть-Джегутинского могильника; 2 — курган у с.Кардоник; 3 — курган у поселка «Гранит»; 4 — курган 1, погр. 70 у с.Заманкул

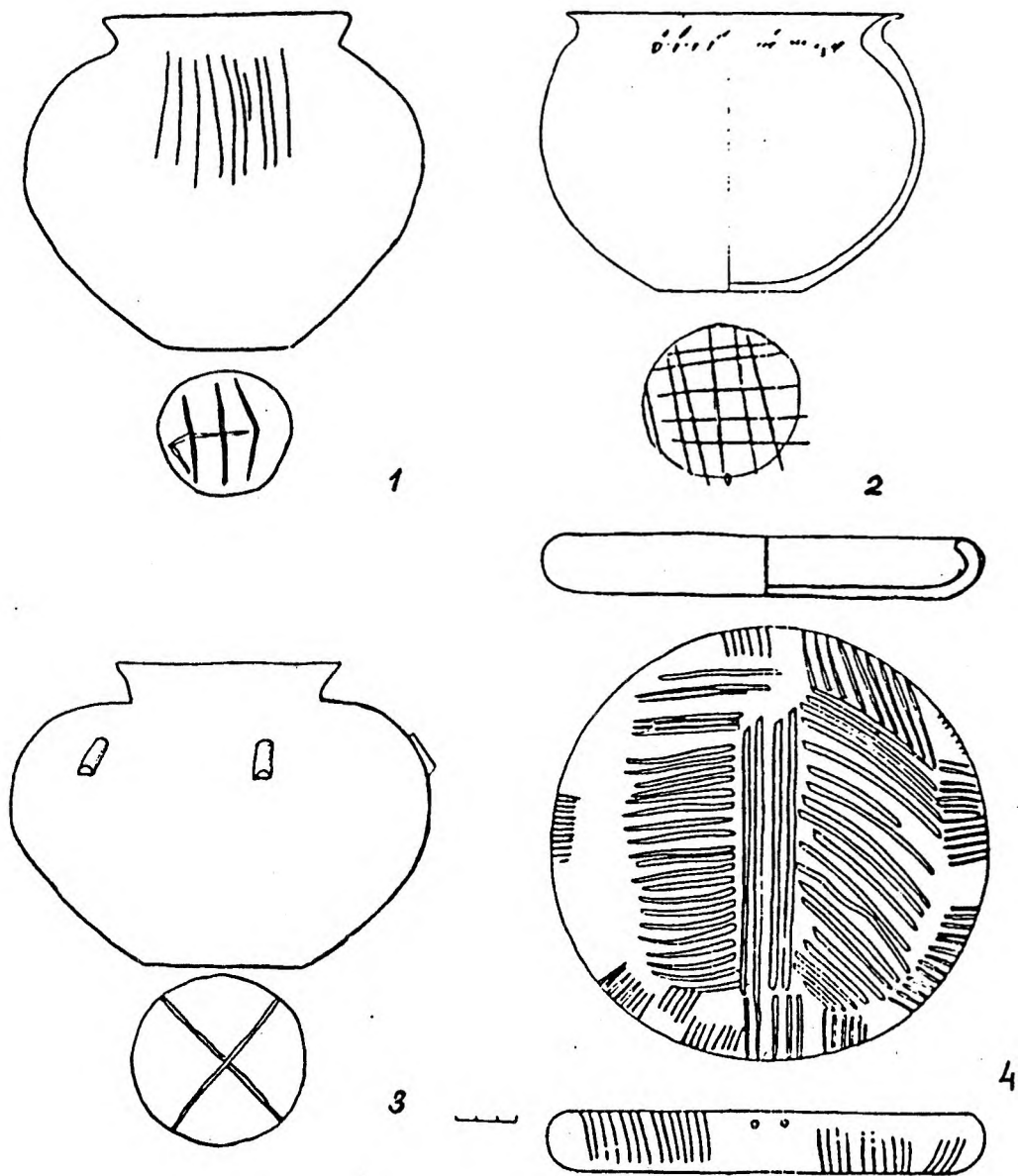

Рис.6. Знаки на сосудах долинского варианта майкопско-новосвободненской общности: 1 — Кабардино-Балкарский краеведческий музей в г.Нальчике, находка без «паспорта»; 2 — Калиновский могильник, комплекс 3; 3 — курган 20, из насыпи, могильник у ст.Ассиновской; 4 — основное погребение кургана 25 у с.Чегем II

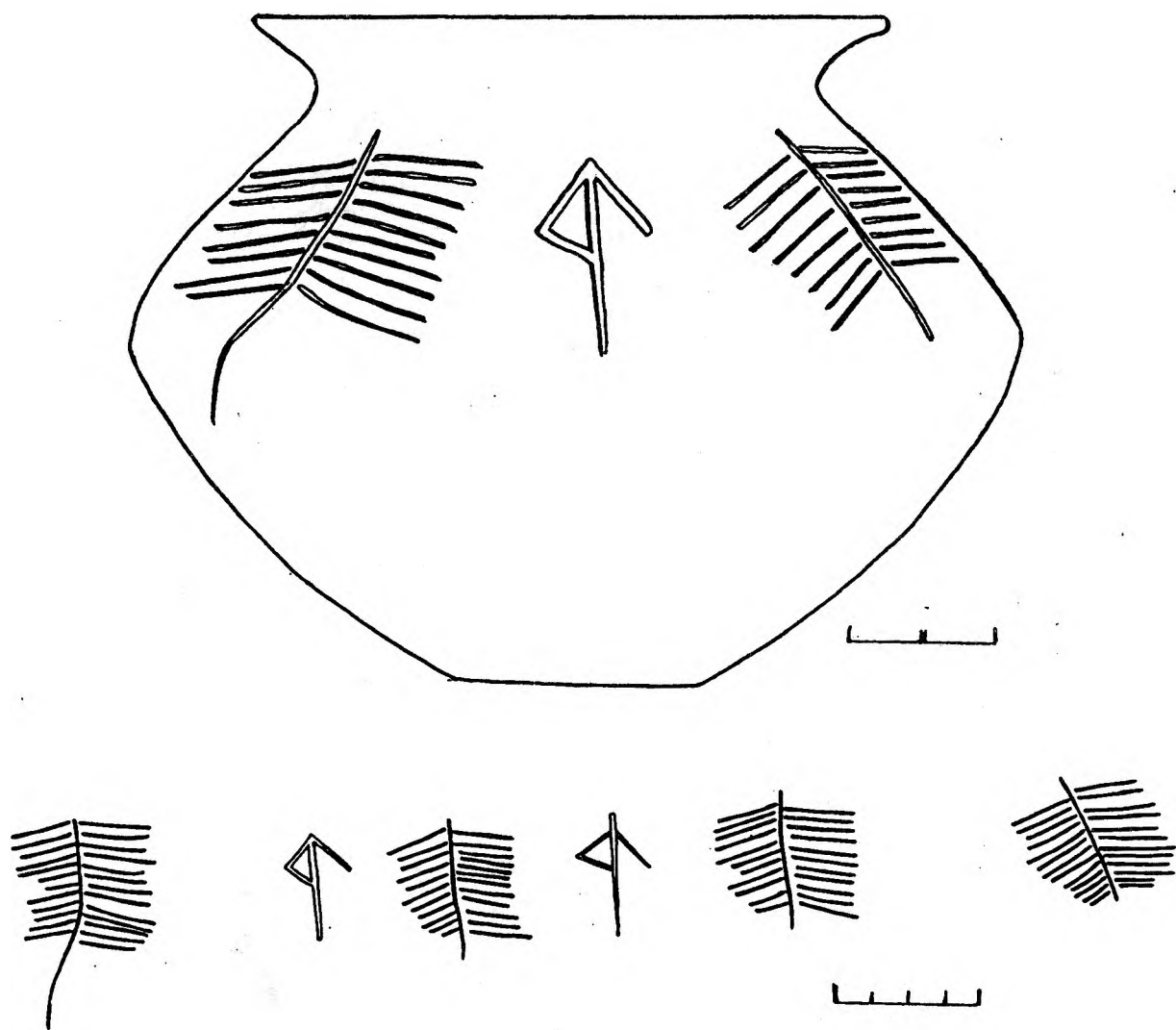

Рис.7. Сосуд с р.Пиши, внекомплексная находка

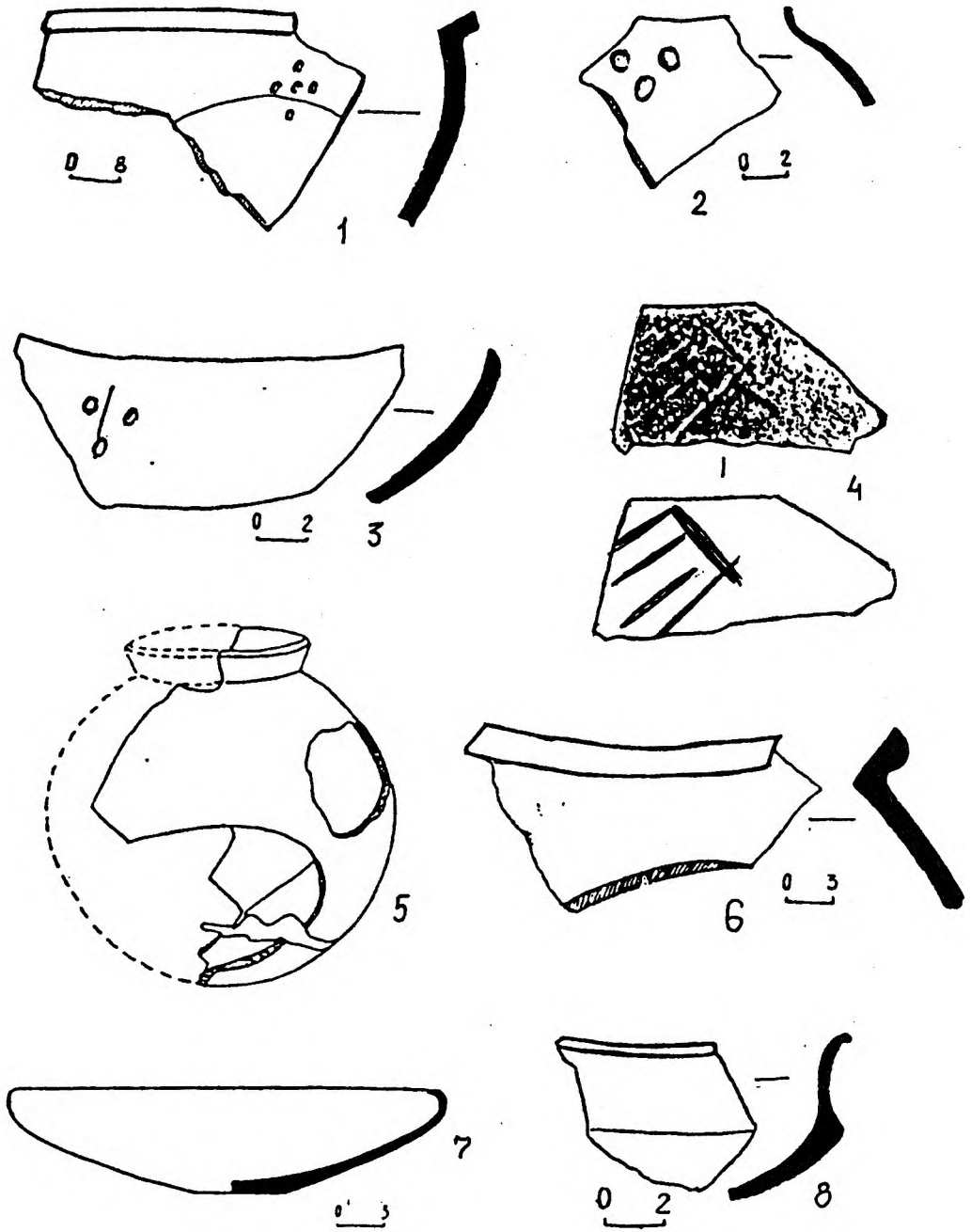

Рис.8. Сосуды со знаками и образцы круговой керамики поселения Техут (по Р.М.Торсяну)

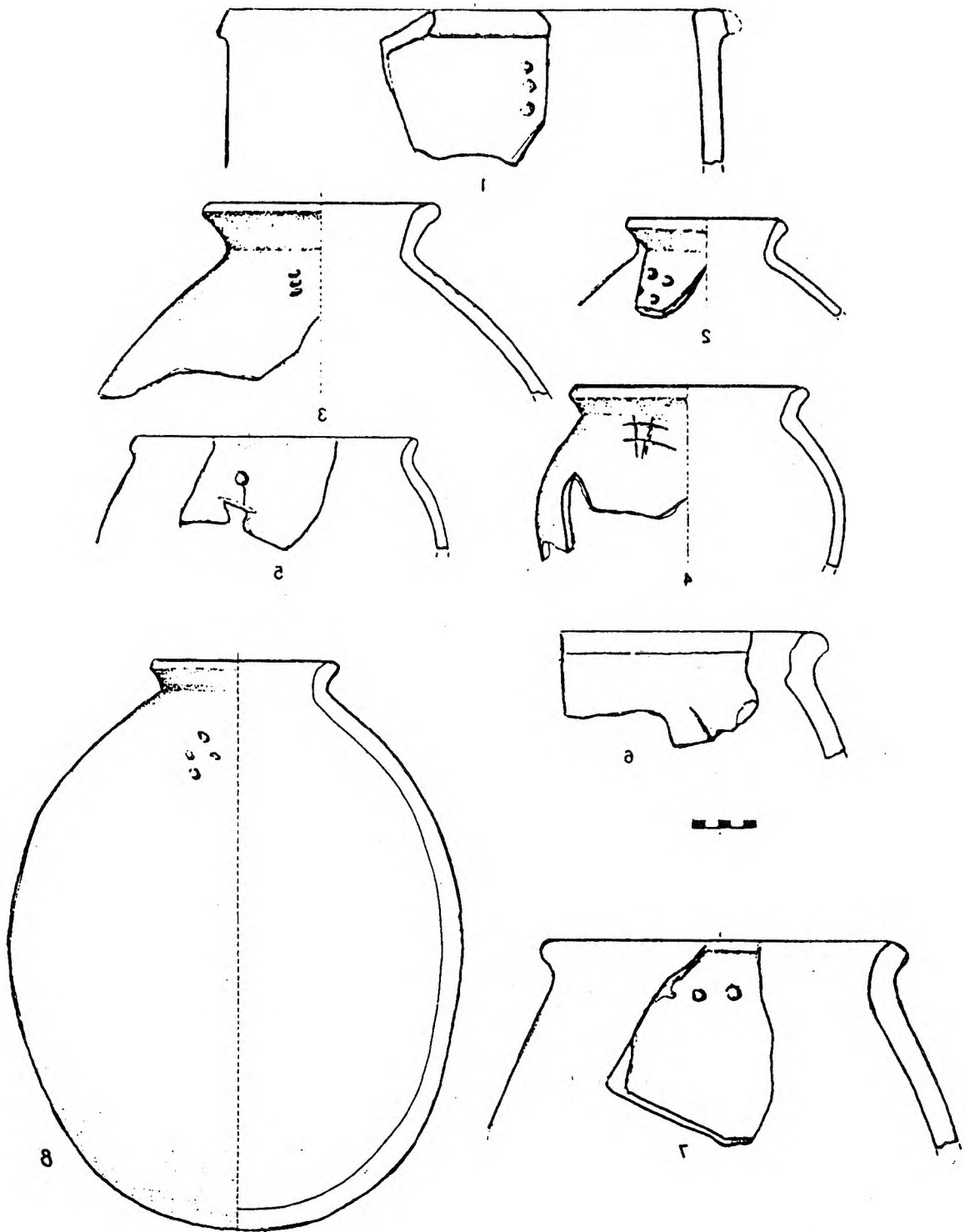

Рис.9. Сосуды из поселения Арслан-тепе VII со знаками (по Труфелли Ф. и Франджиане М.)

GROUP 1	1		2		3		4			
			5		6					
GROUP 2	7		8		9		9		10	
			11							
GROUP 3	12		13		14		14			
			15							
GROUP 4	16		17		18		18			
GROUP 5	19		20		20		20			
	21		21		22		22		23	

Рис. 10. Таблица знаков на керамике поселения Арслан-тепе VII
(по Труфелли Ф.)

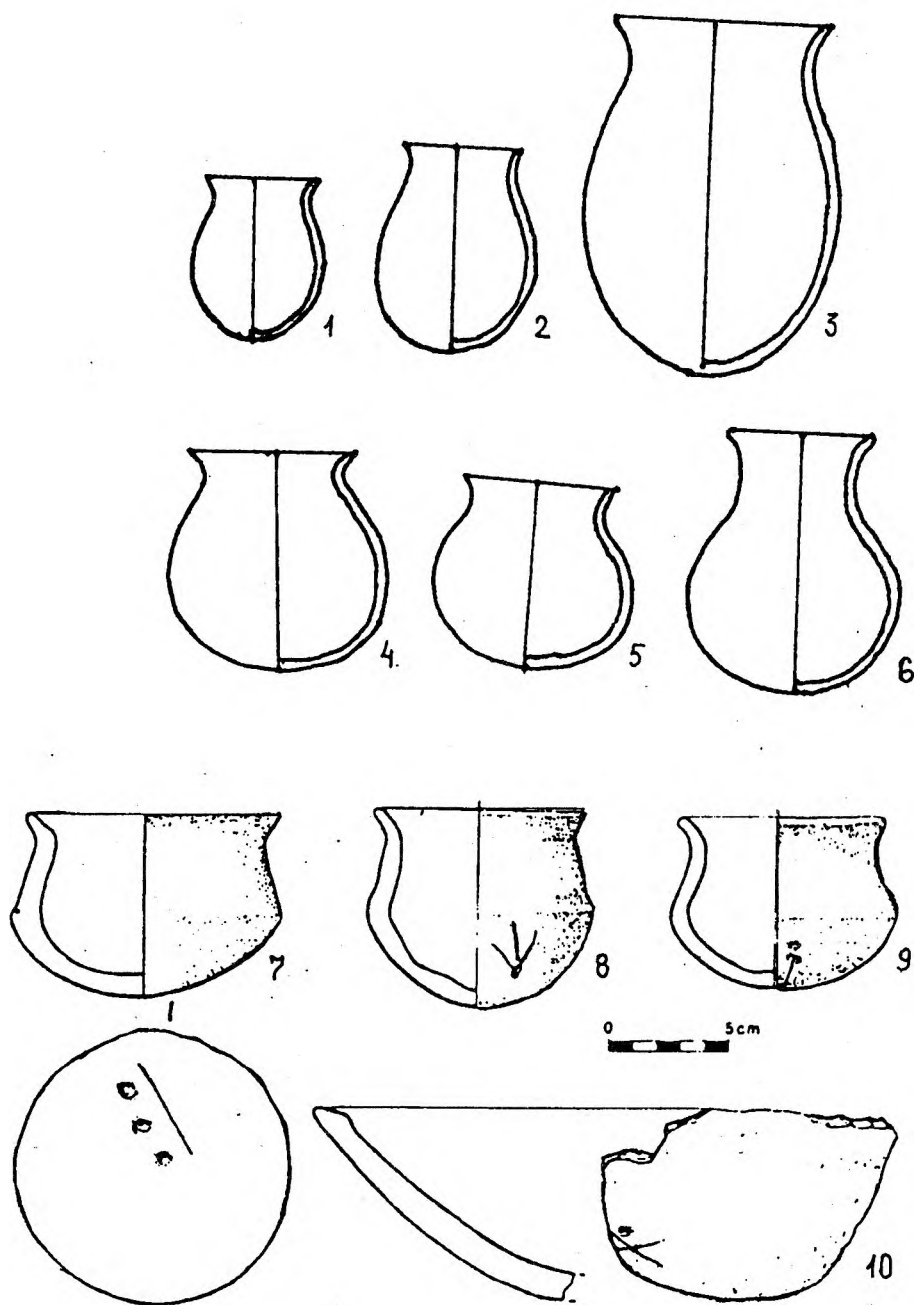
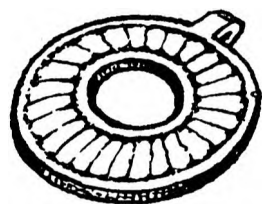

Рис.11. Керамика без знаков и со знаками из поселений Арслан-тепе VII и Галюгай I: 1-3, 7-10 — Арслан-тепе VII (по Труфелли Ф.); 4-6 — Галюгай I (рисунки автора)

В.И.Марковин

КОНСТАНТИНОВСКАЯ ГРУППА КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ У г.ПЯТИГОРСКА

Памятники северокавказской культурно-исторической общности эпохи бронзы широко распространены по Северному Кавказу. На Западе они граничат с зоной распространения дольменов, на Востоке у них нет уже таких четких рубежей, так как здесь начинают появляться древности специфических культур эпохи бронзы Чечни и Дагестана. Действительно, в предгорьях, в районе г.Грозного «по р.Сунже и юго-восточнее» по р.Сулак известны памятники как чистого облика, характерного для общности, так и смешанного типа, имеющие уже отдельные черты, типичные для культуры племен, обитавших в местных, труднодоступных горах.

Памятниками общности в основном являются могильники, более всего представленные курганными захоронениями. Намного меньше известны грунтовые могильники. Поселения, которые могли быть оставлены населением общности, до сих пор почти не изучены. Возможно, это связано с их расположением в речных долинах и по небольшим горным террасам, которые менее всего пощадило время.

Крупнейший русский археолог В.А.Городцов в 1910 г. тщательно проанализировал материал из курганных памятников Северного Кавказа. Для этих древностей оказались особенно характерными каменные топорики, покрытые полировкой, и керамическая посуда, украшенная оттисками веревочки (шнура). Именно тогда В.А.Городцов присвоил изученным им памятникам название северокавказской культуры, включив в нее и материалы из известного Майкопского кургана «Ошад» и дольменов станицы Царской (Новосвободной). Все эти памятники он датировал III тыс. до н.э. (Городцов В.А., 1910, с. 250–272).

Несколько позже, в основном уже в 1920–30-х годах, трудами А.В.Шмидта, А.М.Тальгрена, А.А.Миллера и А.А.Иессена древности майкопского типа были отделены от основной массы курганных находок как более древние. Тогда же памятники северокавказской культуры усилиями большого числа специалистов обрели более четкую территорию и более ясные

хронологические рамки» в пределах II тыс. до н.э.

Дальнейшее изучение интересующих нас древностей в основном связано с исследованиями А.А.Иессена и Е.И.Крупнова. Ими были более детально рассмотрены отдельные вопросы, связанные с культурой, намечены этапы ее существования, сделана попытка выделения для отдельных ее районов локальных особенностей (Иессен А.А., 1950, с. 193–197; Крупнов Е.И., 1951, с. 76 и сл.; 1957, с. 75 и сл.; 1960, с. 381–384). Работами В.И.Марковина подобные разработки были продолжены. Особенно большое внимание было уделено изучению локальных вариантов культуры. Этому способствовали раскопки целого ряда памятников в отдельных регионах Северного Кавказа. Таковы работы И.М.Чеченова, Р.Ж.Бетростова, И.М.Мизиева, В.М.Батчаева, А.Х.Нагоева в Кабардино-Балкарии, А.Л.Нечитайло в Карачаево-Черкесии, В.А.Сафронова и Н.А.Николаевой в Северной Осетии. Каждый из выделенных вариантов, оказалось, обладает значительной территорией и, при общих чертах, характерных для всей культуры, имеет еще присущие только ему специфические черты. Таковы древности Прикубанья, верховьев р.Кубани, Кабардино-Пятигорья, Северной Осетии (Дигорский вариант) и Прикаспия. Этот факт позволяет рассматривать данные древности в качестве широкой северокавказской культурно-исторической общности (Марковин В.И., 1960, с. 32–131; 1994, с. 257–285). В дальнейшем каждый из указанных вариантов, возможно, станет основой для выделения особых, чисто местных культур эпохи бронзы.

Курганы Константиновского плато у г.Пятигорска, о которых ниже пойдет речь, являются характерным памятником для северной части территории, занятой кабардино-пятигорским вариантом северокавказской культурно-исторической общности. Расположены они на возвышенной платформе (высота ее над уровнем моря 512 м) между склонами гор Машук и Лысой, получившей название плато

с легкой руки проф. Д.Я.Самоковасова. Оно вытянуто с севера на юг, с востока его склоны омываются р.Подкумок, здесь же находится село Константиновка. Вероятно, с местными курганами, а их насчитывалось здесь до 5 тысяч, связаны некоторые археологические находки, хранящиеся в Государственном Историческом музее (ГИМ) и в историко-краеведческих музеях Ставрополя (СМ) и Пятигорска (ПМ). Это пест-молот с желобчатым перехватом, сделанный из плотной серой породы типа диорита (12,7 x 6 см; рис.1, 1. СМ, № 12757); клинообразное долото из серой и плотной кварцевитовой породы. Рабочая часть у него хорошо подшлифована, образуя острое лезвие, а противоположная закруглена и обработана ударами пунтира (17 x 5,2 x 4,7 см; рис.1, 2. СМ, тот же №). Упомянем также топор со сверлиной, снабженный округлыми цапфами (серый кварцит, 12,2 x 4,7 x 3,9 см, д.о. — до 2,2 см; рис.1, 3. ПМ, без №)*. В коллекциях А.С.Уварова (ГИМ, планшет 67/586) имеются два предмета с территории плато: обломок бронзового клевца, украшенный по бокам проушины декоративными выпуклостями (дл. обломка 6 x 3 x 3 см, д.о. — 2 см; рис.1, 5) и плоское бронзовое тесло (18,5 x 5,2 x 0,6 см; рис.1, 4).

В 1881–1882 гг. на Константиновском плато работал проф. Д.Я.Самоковасов. Тогда местные жители преподнесли ему шесть предметов: костяную проколку, сверленный каменный топорик, булаву, точильный камень, бронзовые кинжал и долото (Самоковасов Д.Я., 1908, с. 33). Из этих сборов сохранились только костяная проколка в виде стержня с заостренными концами (16 x 0,7 см; рис.1, 6), обоюдоострый бронзовый кинжал с обломанной черешковой частью (29 x 1,2–5 см, рис.1, 7) и бронзовое долото (20,4 x 1,4 x 1,1 см; рис.1, 8). Предметы хранятся в ГИМ, № 76990.

Д.Я.Самоковасов раскопал на плато несколько курганов, вскрыв 85 погребений. Методика его была простой. Он пересекал курган широкой траншеей и расчищал все попадавшие могилы. Полы курганов не исследовались. Как писал раскопщик, в кургане I наибольший интерес представляли две «двухъярусные могилы» (вероятно, эти могилы были случайно поставлены друг на друга). Первая «гробница» являлась каменным ящиком (1,78 x 0,71 x 0,71 м), в котором был обнаружен вытянутый скелет,

обращенный головой на запад. Инвентарь: обломки кремня и обсидиана. Под данным захоронением обнаружена могила «второго яруса». Она была вырублена в материковом щелбе (ее величина около 2,10 x 0,70 x 0,40 м) и перекрыта плитами. При вытянутом скелете, засыпанном краской и лежащем головой на восток, находилась кучка мелких раковин, обломок кремня и костяной «молоток» (муфта) со сверлиной.

Вторая двухъярусная «гробница», скрывавшаяся под грудой камней, состояла из каменного ящика позднего времени, который был поставлен на второй каменный ящик (его внутренние размеры — около 2,70 x 0,90 м). В нем находился вытянутый окрашенный скелет, ориентированный на запад. Могила содержала серпентинитовый (змеевиковый) топорик, бронзовые листовидный нож, тесло и шило, множество бус из раковин и бронзы, серебряное височное колечко и сосуд, который стоял у ног умершего (Самоковасов Д.Я., 1908, с. 34, 35). Эти вещи хранятся в ГИМ.

Раскопки еще десяти курганов дают общее представление опять-таки о каменных ящиках эпохи бронзы и более поздних захоронениях (Самоковасов Д.Я., 1908, с. 37). Найденные предметы нам не удалось видеть, кроме керамических находок из курганов II и VII Денежкиного кургана. Здесь при окрашенных скелетах были обнаружены округлый сосуд с кольцевидным поддоном (д.у. около 10,2 см, д.д. 5 см, выс. 10,8 см; рис.2, 2) и кубок ребристой формы (д.у. 11 см, д.д. 6,8 см, выс. 8,7 см; рис.2, 1). Оба покрыты шнуровым и врезанным орнаментом (хранятся в ГИМ, № 76900).

Свои материалы Д.Я.Самоковасов относил к «эпохе бронзовой культуры», считая их более древними, чем находки из Кобанского могильника в Северной Осетии (Самоковасов Д.Я., 1887, с. 56, 57). Результаты раскопок Д.Я.Самоковасова заинтересовали графа А.С.Уварова и он посвятил им особую статью (Уваров А.С., 1910, с. 153–156). Все это помогло А.А.Спицыну выделить особые «Кубанские» и «Терские районы» древностей с окрашенными костяками (Спицын А.А., 1899, с. 53, 74, 81). Уже в 1980 г. Н.А.Николаева, заменяя наименование северокавказской культуры (общности) на «Кубано-терскую культуру» и, вероятно, не ведая того, повторила предложение А.А.Спицына (см. ее статью в сборнике «Проблемы археологии Северной Осетии». Орджоникидзе, 1980).

В 1902–1910 гг. в районе Пятигорска работал В.Р.Апухтин. К сожалению, информации

* В статье приняты сокращения; д. — диаметр, дл. — длина, шир. — ширина, выс. — высота, у. — устье, т. — тулово, в. — венчик, о. — отверстие, гл. — глубина, д.д. — диаметр дна.

о его раскопках, помещенные в ИАК (вып.34, 43 и 52 за 1910–14 гг.), очень поверхностны. Только в 1951–1952 гг. возобновились исследования местных курганов. Вел их знаток старины Иван Сергеевич Гумилевский. Им было раскопано два кургана (результаты его работ не опубликованы, а коллекции хранятся в ГИМ, № 83782).

КУРГАН 1 имел неправильную форму 22,5 x 21 м при выс. 1,66 м. Центральным погребением И.С.Гумилевский дал буквенные обозначения А и Б, остальным цифровую нумерацию (рис.3).

ПОГРЕБЕНИЕ А расположено на материке — плотном известковом конгломерате. Это каменный ящик, вытянутый в востока на запад (2,29 x 0,90 м при выс. в 0,60 м). Его прикрывал навал плит высотой 0,90 м. Ящик был вписан в северную половину окружавшего его каменного кольца. На дне могилы лежал на спине вытянутый скелет, обращенный головой к востоку. При нем инвентаря не было, но в земле, заполнявшей ящик, найдена литая подвеска (дл. 1,5 см; рис.2, 3).

ПОГРЕБЕНИЕ Б находилось в каменном ящике (1,90 x 0,70 м при выс. 0,70 м) и выше предыдущего на 0,65 м. Ящик был перекрыт массивной плитой (2 x 1,35 x 0,25 м), над которой лежали обломки человеческих костей. В могиле находился одиночный, вытянутый скелет, повернутый к югу. Справа, возле его головы стоял разбитый горшок без орнамента (д.т. 15 см, д.д. 8 см, сохранился на выс. около 10 см; рис.2, 5).

К южному краю покровной плиты была привалена еще одна крупная плита (1,50 x 0,85 x 0,25 м). Возле нее находились два сосуда: чашевидной формы со слабо намеченным кольцевидным поддоном, украшенный пояском из оттисков шнура и ямочек-спиралек (д.у. 10,6 см, д.д. 5 см, выс. 7,8 см; рис.2, 9), и горшок с одной сохранившейся ручкой. Он покрыт довольно сложным узором из оттисков шнура и «спиралек» (д.у. около 10,2 см, д.д. 6 см, выс. 9,5 см; рис.2, 10). Отдельные фрагменты его лежали среди костей над перекрытием могилы Б вместе с обломком, имеющим заглаженную поверхность и декор из «шнура» и треугольного штампа (рис.2, 8).

Вероятно, непосредственно над могилой Б было совершено еще одно захоронение, остатками которого являются разрозненные кости, а инвентарем упоминавшаяся керамика (рис.2, 8-10).

ПОГРЕБЕНИЕ 1 — кенотаф. Представляло собой каменный ящик, собранный из плит и мелких камней (около 1,20 x 0,80 x 0,40 м).

Перекрыт двумя плитами, сверху которых лежал навал травертина (его величина: 1,50 x 0,90 x 0,56 м). Ориентировка: север-юг. Среди камней навала найдена бронзовая, кольцевидная подвеска с ушком (рис.2, 11; д. ее 2,7 см).

ПОГРЕБЕНИЕ 2 — каменный ящик, близкий по конструкции предыдущему (1,50 x 0,70 x 0,36-0,40 м). Перекрыт небольшими плитами и завалом камней, образующими кучу высотой в 0,42 м. Среди них найдена подвеска в виде обрывка шнура (2,5 см; рис.2, 14). Ящик ориентирован с востока на запад. В его заполнении костей не было, но прослеживались угольки и обнаружено довольно много вещей. Это прежде всего глиняная чашечка с округлым дном (д.у. 6 см, выс. 2,6 см; рис.2, 6). Она находилась у западной стены ящика на гл. 0,16 м от перекрытия. У восточной стены обнаружены четыре обломка листовой бронзы, покрытой выбитым орнаментом в виде концентрических кругов. Возможно, они являются остатками характерной полусферической бляхи.

На дне ящика, близ южной стены, лежал двуручный сосуд без орнамента. На его поверхности сохранились следы сглаживания, шедшего в горизонтальном направлении (д.у. 10,2 см, д.д. 6,9 см, выс. 9,9 см; рис.2, 12). В юго-западном углу стоял небольшой сосудик без ручек, покрытый грубым декором из ногтевых вдавлений. Обрез венчика у него также прочерчен подобными углублениями (д.у. 7,7 см, д.д. 5 см, выс. 5,9 см; рис.2, 13). Здесь же находилась сильно стилизованная статуэтка из белого алебаstra (выс. 9 см, основание — 4,5 x 3,5 см; рис.2, 15). Подобные, более реалистические по трактовке фигурки известны из ряда памятников Северного Кавказа (Нечитайло А.Л., 1979).

На дне ящика, близ северной стены, лежала бронзовая молоточковидная булава, покрытая выпуклым литым узором (дл. 10,5 см; рис.2, 7).

Между погребениями 1 и 2 был найден сосудик с отвернутыми краями устья и невысоким кольцевидным поддоном. По плечикам украшен вдавлениями и оттисками шнура (д.у. 10 см, д.д. 5,1 см, выс. 7,4 см; рис.4, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 3 — каменный ящик, сильно расширяющийся книзу (1,78-1,57 x 0,80 x 0,72 м). Ориентирован с запада на восток. Стоял на основании из мелких плит и гальки толщиной в 10-15 см. В заполнении обнаружены угли. Умерший лежал вытянуто, на спине, головой к востоку. Вещей при нем не было.

ПОГРЕБЕНИЕ 4 — гробница, сложенная из мелких камней и плит, с расширением кни-

зу (2,08-1,75 x 0,90-0,70 м при выс. от 0,75 до 0,86 м). Перекрытие состояло из трех крупных плит и небольших камней. Среди них найдена ручка сосуда, украшенная желобками (рис.4, 3). Судя по профилю кургана (рис.3, 3), каменная насыпь над этой могилой была смещена к западу (общие размеры ее — 4,25 x 1,20 x 0,50 м). Вполне возможно, что могила уже после похорон была потревожена. Видимо, с этим фактом связано противоречивое мнение о числе лиц, погребенных в ней. По мнению И.С.Гумилевского, в гробнице находились останки трех умерших (рис.4, 1), но, несмотря на плохое качество чертежа, судя по изображенным на нем обломкам бедренных костей, крестцу и фрагментам черепа, здесь покойников могло быть не более двух, а, возможно, только один. В середине могилы сохранился неполный вытянутый скелет, повернутый головой на юг. Возле обломка черепа у восточной стены стоял сосуд с высокой шейкой, украшенный по плечикам пояском из оттисков треугольного штампа и косых нарезок (д.у. 11,8 см, д.д. 6,8 см, выс. 11 см; рис.4, 4).

К северу от описанного ящика был найден еще один сосуд (рис.3, 1; изображен темным кружком), украшенный по плечикам и у дна прочерченными линиями и «ногтевыми» вдавлениями (д.у. 12,7 см, д.д. 8,8 см, выс. 12,3 см; рис.2, 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 5 — каменный ящик, сложенный из плит разной величины. Стенки ящика отделялись от перекрытия слоем земли толщиной в 0,35 м, а над перекрытием возвышался навал камней высотой в 0,31 м. Ящик ориентирован с юго-запада на северо-восток (2,12 x 0,65-0,85 м при выс. 0,85 м; рис.3, 1). От умершего сохранились лишь отдельные кости. Он мог лежать на спине, в вытянутом положении и обращенным головой к северо-востоку. Возле колен умершего стояла чашка грубой лепки с одной ручкой (д.у. 10 см, д.д. 5 см, выс. 6,4 см; рис.4, 7). При расчистке плит ящика были найдены бронзовая подвеска (рис.4, 5) и богато орнаментированный сосуд. Поверхность у него красная, декор — оттиски шнура и штампа (д.у. 8,4 см, д.д. 4,9 см, выс. 8,4 см; рис.4, 8).

ПОГРЕБЕНИЕ 6 в яме, обрамленной четырьмя плитами (И.С.Гумилевский называет такую облицовку «рамой»). Могилу перекрывала плита с навалом камней высотой до 0,50 м. Эта конструкция ориентирована с востока на запад. Внутренние размеры камеры: дл. 0,75 м, шир. у восточного края 0,49 м, у западного — 0,42 м (рис.3, 1). Костей в яме не было, но на гл. 0,31 м от ее края в южной сто-

роне обнаружен округлый горшок, покрытый по плечикам поясом гребенчатого орнамента (д.у. 11,2 см, д.д. 6,1 см, выс. 9,9 см; рис.4, 10).

ПОГРЕБЕНИЕ 7 совершено в каменном ящике, перекрытом двумя плитами с навалом камней высотой в 0,95 м. Ориентирован с северо-запада на юго-восток. Книзу он несколько расширяется (1,43 x 0,39-0,59 м при выс. 0,80 м). У восточной стены обнаружены обломки черепа подростка. Инвентарь могилы состоял из зерен какого-то растения, обнаруженных в южном углу могилы, и керамических обломков, лежавших среди навала камней. Сосуд был орнаментирован шнуровым узором в виде опущенных углов (рис.4, б).

Уже после раскопок в районе кургана I был найден двуручный сосуд со шнуровым узором (д.у. 8,7 см, д.д. 6,8 см, выс. 7,7 см; рис.4, 11).

Все каменные ящики кургана связаны между собой перемычками из плит известняка и туфа. По наблюдениям И.С.Гумилевского, «первое погребение, положившее начало кургану», находилось в центральном кольце, затем оно было нарушено и на его месте появилась могила А, причем для этого захоронения была использована старая гробница (Гумилевский И.С., 1951, с. 26). Думается, что никаких оснований для такого мнения нет. Далее, автор раскопок считает погребение Б впускным, т.е. появившимся в кургане, когда он уже был заполнен захоронениями (Гумилевский И.С., 1951, с. 27). Это вполне возможно, тем более, что данное захоронение расположено на 0,65 м выше могилы А и других, обнаруженных под курганной насыпью. Вместе с тем, его положение на могильном кромлехе не кажется случайным, оно вписывается в общую круговую композицию могильного комплекса и инвентарь могилы Б представляется в основном синхронным инвентарю других могил.

КУРГАН 2 был расположен восточнее кургана I на 3 м. Здесь, на его территории, были найдены два змеевиковых топорица, покрытых легкой огранкой (выс. 9,1 и 7,5 см; рис.4, 9, 12). Обстоятельства их находки не установлены.

Курган имел в высоту 1,87 м, диаметр — 22 м (рис.5). Курган опоясан кромлехом диаметром 15–16 м, составленным из крупных плит травертина, поставленных на ребро. Сохранился не полностью. Камни кромлеха возвышаются на 0,20–0,25 м. Внутри кургана у центра проходит второй кромлех несколько спиралеобразной формы диаметром 7,5–8 м. В северной части он представляет полукру-

жие, составленное из таких же плит, а южная его часть является навалом более мелких камней, расположенных по кругу. Ширина навала 0,40–0,60 м. Ниже дано краткое описание погребений, вскрытых в этом кургане (Гумилевский И.С., 1952).

ПОГРЕБЕНИЕ 1 находилось близ вершины кургана в виде остатков каменного склепа, сложенного из вертикально поставленных плит, дополненных сухой кладкой. Это сооружение прикрывало погребение 2.

Склеп погребения 1 был уничтожен грабителями, а останки умершего были выброшены (отдельные кости лежали в насыпи на разной глубине). И.С.Гумилевский утверждает, что разрушенный склеп был ориентирован с запада на восток, имел в длину 2,04 м, ширину в западной части 0,85 м и в восточной — до 1 м. На освободившееся место в этом склепе был положен мужчина вытянуто, головой на запад (рис.6, 1). Могила была засыпана красной охрой, в ней встречались угольки (Гумилевский И.С., 1952, с. 11–16). В захоронении найдена овечья кость (определение Н.К.Верещагина), а возле самой могилы — лепной сосуд с серой, неровной поверхностью (д.у. 9,9 см, д.д. 7,1 см, выс. 8,3 см, глина черная, с известью; рис.6, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 2 в центре кургана, в каменном ящике. Сверху ящик был прикрыт каменным навалом (4 x 3 x 0,33 м). Сооружение ориентировано с запада на восток, ко дну суживается (2,76 x 1-1,50 x 1,17 м). Южная стена ящика составлена из двух крупных плит (величиной до 1,10 x 1,08 x 0,15 м), плита северной стены (1,14 x 0,63 x 0,14 м) была дополнена сухой кладкой. Восточная поперечная стена представлена одной плитой трапециевидной формы, западная часть не имела камней. К сожалению, чертеж И.С.Гумилевского не дает должного представления о конструкции сооружения (рис.5).

В могиле в вытянутом положении лежал скелет мужчины головой на восток (рис.6, 3). Кости окрашены, особенно грудная клетка. Комки краски встречались и на полу могилы. Вещей не было.

И.С.Гумилевский считает, что данное могильное сооружение, созданное в специально подготовленной яме, нельзя считать древнейшим. Несмотря на свое центральное положение в кургане, оно было впущено в его насыпь (Гумилевский И.С., 1952, с. 16, 17).

ПОГРЕБЕНИЕ 3 в каменном ящике близ центра (1,20 x 0,76 x 0,58 м). Ящик стоял на слое гальки, был перекрыт крупной плитой (1,54 x 0,93 x 0,27 м) и каменным навалом

овально-удлиненной формы (3 x 1,60 x 0,78 м). В могиле скорченно, на правом боку, лежал мужской скелет, обращенный головой на запад (рис.6, 4). Руки, ноги и череп окрашены красной охрой, а сверху скелет засыпан густым слоем порошка из мела. Инвентаря в могиле не было. Можно думать, что данное захоронение почти одновременно могиле 2.

ПОГРЕБЕНИЕ 4 находилось между внешним и внутренним кромlechами в склепообразном каменном ящике (2,40 x 0,81 м при выс. 0,65 м). Три стены его сложены из небольших камней песчаника, поставленных плашмя, а четвертая из целой плиты. Могила ориентирована с севера на юг, была прикрыта каменным навалом овальной формы (3 x 2 x 0,62 м). В могиле головой на юг лежал вытянутый женский скелет. Ноги разведены в стороны. У левой голени найдены кусочки мела и следы охры. Неподалеку стоял сосуд с резко отделенным от тулова венчиком и массивным дном с закраиной. Декор — поясок косых углублений по плечикам и у дна (д.у. 13,8 см, д.д. 7,5 см, выс. 11,2 см; рис.7, 1).

ПОГРЕБЕНИЕ 5 юго-восточнее предыдущего, в том же пространстве между кромlechами. Могила прикрывал овальной формы навал (3 x 2 x 0,50 м). Гробница ориентирована с юго-запада на северо-восток (величина камеры — 2,50 x 0,80 x 0,63 м). Одна из крупных плит перекрытия поставлена вертикально.

В могиле обнаружено плохо сохранившееся захоронение матери с ребенком. Верхняя часть скелета женщины разрушена. Она лежала в вытянутом положении, на спине, с руками вдоль туловища. Головой могла быть направлена на северо-восток. Ребенок находился справа, возле ноги. Он также лежал вытянуто с подобной ориентировкой. Череп его находился на линии колен женщины. Кости детского скелета почти не сохранились (рис.7, 2).

В ногах покойницы лежало два сосуда (один разбит). Целый сосуд — низкий горшок с кольцевидной ручкой. Красно-коричневая поверхность его покрыта с обеих сторон штрихами. Помимо того, корпус украшен шнуровым узором в виде зубчатого бордюра (д.у. 9,6 см, д.т. 11,7 см, д.д. 4,7 см, выс. 8,5 см, в глине заметна известь и каменные частицы; рис.7, 3). Второй сосуд с ручкой более грубой лепки. Глина с большим содержанием извести, рыхлая, расслаивается. Поверхность буро-серая, покрыта широким поясом орнамента из оттисков треугольного штампа и наколов (д.у. 8,2 см, д.т. 9,9 см, д.д. 4 см, выс. 9 см; рис.7, 7). Возле сосудов лежали

кости овцы. Рядом с черепом ребенка обнаружены два бронзовых височных кольца (д. 1,6 см; рис.7, 8), четыре бронзовые биконические бусины (0,5 x 0,8 см, рис.7, 10). У ног ребенка, как предполагает И.С.Гумилевский (Гумилевский И.С., 1952, с. 21, 25) были положены в виде приношения две крупные бронзовые полусферические бляхи, покрытые прекрасным выбитым орнаментом (6,6 x 2,9 см и 7,8 x 3,6 см; рис.8, 1, 2). Тут же находились двадцать металлических бусин, среди них выделяется бусина боченкообразной формы (0,5 x 0,4 см; рис.7, 9) и бусы-подвески приотстренно-овальной формы со специальным ушком для нанизывания (до 1 см; рис.7, 5). Рядом лежала бронзовая изогнутая булавка посоховидной формы, украшенная литым узором в виде змеек. В навершии имеется отверстие (дл. 16,8 см; рис.7, 4).

Где-то поблизости от этой могилы была найдена вторая булавка, но уже молоточковидной формы, имевшая в длину 14,3 см (рис.7, 6).

ПОГРЕБЕНИЕ 6 находилось в том же пространстве между кромлехами. Оно было прикрыто каменным навалом овальной формы (2,30 x 1,80 x 0,56 м) и представляло собой гробницу склепообразной формы. Ее поперечные стенки сложены из целых плит, а длинные стороны из обломков камня. Кверху конструкция расширялась (1,90 x 1,12-0,78 м, выс. 0,63 м). Сооружение ориентировано с запада на восток. Гробница содержала лишь отдельные кости рук и ног и обломок челюсти. Они лежали в северо-восточном углу.

И.С.Гумилевский считает данное погребение впускным, так как оно находилось еще над одной могилой, которая отмечена им как погребение 6А (рис.5, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 6А прикрыто каменным навалом округлых очертаний (3,5 x 2,5 м), часть которого была уничтожена при устройстве могилы 6. Гробница сделана из крупных плит, а в верхней части края их на 10–15 см «наращены» обломками камня. Ориентирована с запада на восток, размеры камеры: 1,95 x 0,80-0,88 x 0,79 м. Плита, прикрывавшая сооружение, имела в толщину 10 см.

Могилы содержала парное захоронение. На дне лежал вытянутый мужской скелет, повернутый головой на восток. Сверху были положены останки женщины и так, что ее череп покоился на левом плече мужчины, Позу, которую придали умершей паре, можно назвать любовной,»женщина, лежащая на левом боку, обнимает мужчину (рис.8, 3). Оба скелета сохранили следы красной охры, отдельные ее

пятна обнаружены на дне могилы. Под левым локтем мужчины лежал полированный змеевиковый топорик (дл. 12,6 см, шир. лезвия 4,6 см, д. проушины 1,8 см; рис.7, 11). Тут же находился небольшой горшок с отвернутым устьем и невысоким кольцевидным поддоном. Поверхность буроватая, пятнистая, украшена врезанным орнаментом в виде свисающих зубцов. Глина рыхлая, с песком (д.у. 9,6-10,1 см, д.д. 6,2 см, выс. 8,8 см; рис.8, 4). Под нижней челюстью женщины обнаружены три бронзовых височных кольца, свернутых в полтора оборота (рис.8, 5).

Вблизи этого захоронения была найдена кружка с небольшой ручкой. Ее красно-бурая поверхность украшена врезанным орнаментальным пояском, дополненным рядами вдавленных овальных углублений (д.у. 6,5 см, д.т. 7,6–7,9 см, д.д. 4,7–5 см, выс. 6,3 см; рис.8, 6).

ПОГРЕБЕНИЕ 7 находилось в восточной части кургана, между кромлехами. Гробница (1,99 x 0,90 x 0,84 м) сложена массивными плитами, только восточная ее стена вверху «наращена» на 10–20 см мелкими камнями, уложенными плашмя. Ориентировка не очень точная с севера на юг. Над могилой возвышался навал камней овальной формы (3,60 x 2 x 0,85 м). Скелеты, обнаруженные в могиле, сохранились очень плохо. Зарисовок их нет. Как пишет И.С.Гумилевский, они принадлежали мужчине и женщине. Оба были похоронены в вытянутом положении, причем женский скелет находился поверх мужского. Ориентированы в южном направлении. Кости слабо окрашены. Захоронение содержало инвентарь:

1. Приземистый сосуд с двумя ручками (одна отбита) и с красно-бурой поверхностью. Орнаментирован по плечикам и у дна оттисками треугольного штампа, образующими пояски (д.у. 12–12,4 см, д.т. 13,7–13,9 см, д.д. 6,7–7 см, выс. 10,5 см, рис.8, 8). В черной глине заметны частицы извести и чешуйки слюды.

2. Небольшой, хорошо заполированный топорик. Покрыт легкой огранкой. Сделан из темного змеевика (серпентинита). Дл. около 9,5 см, шир. хорошо заточенного лезвия 6,2 см, д. цилиндрической сверлины 6,2 см (рис.8, 7).

3. Бронзовые украшения, найденные возле черепа женщины — две подвески с петельками (выс. их 2,1 и 1,4 см; рис.8, 9, 10); бусина-цилиндр, покрытая выпуклым узором (дл. 1,6 см; рис.8, 11) и две бусины разделители (дл. 0,6 см; рис.8, 12).

ПОГРЕБЕНИЕ 8 — гробница, сложенная из плит и отдельных камней. Форма слегка

трапециевидна (2,10 x 0,95-0,51 x 0,61 м), ориентирована с северо-востока на юго-запад. В камере находились остатки одиночного захоронения — обломки черепа, плечевых костей. Находок мало. Это уже упоминавшиеся три бронзовые, цилиндрической формы бусины, 18 коротких цилиндрических бусин (дл. их 0,25 см), 9 бусин-разделителей. Близ захоронения, помимо того, были обнаружены еще 3 разделителя и 13 коротко-цилиндрических бусин.

ПОГРЕБЕНИЕ 9 было вписано в предполагаемую внутреннюю часть кромлеха (рис.5, 1, 2). Оно было привалено камнями, над которыми возвышался слой земли на 10–15 см. Контуры могильной ямы не прослеживались. Умерший лежал на правом боку, в скорченном положении, будучи обращенным на юг. В районе захоронения найдены бронзовые удлинненно-цилиндрическая бусина и разделитель, а возле черепа еще по три цилиндрических бусины и три разделителя известного типа (рис.8, 12).

ПОГРЕБЕНИЕ 10 находилось в 2 м западнее могилы 7 (на плане И.С.Гумилевского оно не обозначено). Это был скорченный скелет, направленный головой на юг. Вещей при нем не было.

После раскопок И.С.Гумилевского вплоть до 1965 г. на Константиновском плато археологические работы не производились. Только в 1965 г. местные курганы привлекли внимание археолога Э.В.Ртвеладзе. Им было исследовано два кургана (Ртвеладзе Э.В., 1965)*. Один из них представлял собой останец насыпи треугольной формы, так как со всех сторон он был изрыт выборками земли и траншеями. Вскрытые в нем семь погребений почти все оказались безинвентарными. В курганном останце сохранилось всего несколько камней от внутреннего кромлеха. Описание этого кургана 1 (3)** здесь опущено, к тому же план останца опубликован С.Н.Кореневским (Кореневский С.Н., 1990, с. 129, рис.4).

КУРГАН 2 (4), исследованный в 1965 г. Э.В.Ртвеладзе, дал значительное количество материала и в том числе ряд уникальных находок. Он имел вид невысокого холма с полусферической насыпью. Высота кур-

гана 2,50 м, диаметр с севера на юг 22 м, с запада на восток 25,50 м. В центре его имелась яма, слегка затронувшая навал камней над центральным погребением. Разрез насыпи кургана (рис.9, 1) позволил заметить, что современный объем насыпи возник в два приема. Первоначально над центральной могилкой, яма которой была опущена в материк, воздвигли холм из ломаного камня диаметром до 10 м и высотой в 2 м. Затем каменный холм был досыпан землей до высоты 2,75 м. После того, как центральный холм окружила серия могил, в свою очередь замкнутая кромлехами, появилась вторая насыпь. Оплывшая и задернованная, она и дала те современные габариты кургана, которые уже были указаны.

План раскопанного кургана довольно примечателен; по краю кургана отдельными участками сохранились остатки двойного кромлеха, сложенного из крупных кусков травертина (они были углублены в древний почвенный слой на 10–20 см). В юго-восточной части сохранилась $\frac{1}{4}$ часть камней от внешнего его кольца. Этот кромлех мог иметь диаметр до 21 м. На расстоянии 1–0,75 м от него возвышались камни внутреннего кольца кромлеха с диаметром в 19–20 м. Он сохранился намного лучше. Необходимо отметить интересную деталь — наличие приостренного каменного столба (0,40 x 0,30 м при выс. до 0,90 м), который возвышался в юго-восточной части кромлеха (рис.9, 1а). Возможно, это была своеобразная менгириобразная отметка, от которой начиналось строительство кромлехообразного кольца.

Ближе к центру кургана, на расстоянии до 4–6 м от внутреннего края кромлеха, следовал центральный навал камней, укрепленный с этой стороны глыбами травертина. В пространстве между центральным навалом и внутренним кромлехом впущены 15 могил. Они были расположены в один-два ряда, сохраняя круговое расположение***.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 — в каменном ящике, прикрытом навалом камней (3 x 2,30 x 0,42 м, обнаружен на гл. 2,40 м от вершины кургана).

Ящик собран из плит травертина, поставленных на ребро (толщ. их 6 см). Его верхние края обрамлены небольшими плитками, положенными плашмя (внутренние размеры ящика — 1,32 x 0,51 x 0,44 м). Перекрыт слегка

* Приношу глубокую благодарность Эдуарду Васильевичу Ртвеладзе, предложившему мне использовать его материалы в публикациях и исследованиях.

** В скобках дана порядковая нумерация курганов, раскопанных в 50-60 годы, включая работы И.С.Гумилевского.

*** В процессе раскопок, по мере открытия могилам давались порядковые номера независимо от того, в какой части кургана они находились. В статье для удобства эти полевые номера заключены в скобки.

обколотыми плитами толщ. до 7 см. Ориентирован с юго-востока на северо-запад. В ящике лежал вытянутый скелет, обращенный головой на юго-восток. Слева от черепа и в районе стоп обнаружены пятна красной охры. В области груди найдена литая кольцевидная бронзовая подвеска с ушком (д. 2,5 см; рис.10, 4). С правой стороны черепа стоял лепной горшок с заглаженной буроватой поверхностью (глина черная, рыхлая). По плечикам проходит зубчатый орнаментальный пояс из оттисков шнура, второй горизонтальный поясок украшает придонную часть (д.у. 9 см, д.д. 5,8 см, выс. 6,6 см; рис.10, 3).

ПОГРЕБЕНИЕ 2 обнаружено на глуб. 2,79 м от вершины кургана и под тем же навалом глыб травертина, что и погребение 1. Это позволяет думать об их одновременности. Каменный ящик (рис.10, 5, 6) сложен из плит того же травертина, только по краю северо-восточной стороны уложены в три ряда небольшие обломки камня, позволившие и эту стену сооружения сравнить по высоте с другими (внутренние размеры ящика — 1,63 x 0,65 x 0,70 м). В могиле обнаружен вытянутый скелет, обращенный головой к юго-востоку. В области стоп заметны пятна охры. На груди лежали две круглые литые бронзовые подвески со шнуровым узором (д. 2,5 и 1,9 см; рис.10, 7; 11, 3). На месте, где могла бы находиться правая рука, обнаружена височная подвеска, свернутая в 1,5 оборота (д. 1,2 см; рис.10, 16). В районе поясницы лежали две бронзовые полусферические бляшки, покрытые выпуклым кольцевым узором (д. 3,7 и 2,9 см, рис.10, 13, 14). С правой стороны таза найдены четыре каплевидные подвески, одна из них украшена насечками (дл. 1,8 см; рис.10, 17, 18). Между бедер находились две литые бронзовые булавки. От одной сохранилась лишь изогнутая верхняя часть с наверхушем в виде шляпки (рис.10, 11). Целая булавка имеет молоточковидную форму (дл. 13 см; рис.10, 12). Обе булавки украшены литыми змейками. Вместе с ними обнаружены бусы дисковидной формы, сделанные из зубов ископаемой ганоидной рыбы *Sparus* или *Sparnodus* (д. их до 1 см; рис.10, 15). На уровне правого колена, близ стены ящика лежало бронзовое четырехгранное шило (дл. 7,2 см, рис.10, 8). В той же части могилы находились бронзовый копьевидный нож с длинным черенком (6,9 x 2,5 см; рис.10, 9) и обломок согнутого бронзового листочка (рис.11, 4). У левой бедренной кости обнаружена подвеска из речной гальки темного цвета (литографский известняк). Она имеет листовидно-округлую

форму, продырявлена и покрыта врезанными зубчиками (6 x 2,5 x 0,4 см; рис.10, 10). На уровне таза, возле северо-западной стены, стояли два сосуда: кружка с небольшой ручкой, покрытая у дна оттисками треугольного штампа и сочетанием штампа и оттисков веревочки по тулову (д.у. 9,8 см, д.д. 5,6 см, выс. 10,2 см; рис.11, 1) и лепная четырехугольная коробочка с плоским дном. Этот предмет наиболее интересен (рис.11, 2). Стенки у нее слегка скошены ко дну, наружная поверхность заглажена, коричневого цвета. Все четыре стороны покрыты оригинальным орнаментом из сочетания оттисков шнура, врезанных линий и круглых отверстий, причем на каждой из стенок он различен, хотя композиционно декор производит единое впечатление. Этому способствует ритмика почти одинаково повторяющихся отверстий. Подобное впечатление усиливают скупые окантовки шнуром, кое-где дополненные врезанными линиями, при этом каждая сторона коробочки делится на вертикальные зоны (общая величина предмета — 12,8 x 12,8 x 7 см, д.о. от 1,7 до 0,8 см; рис.11, 2, 2а). Внутри коробочки лежали обломки «хлебцев» удлиненно-округлой формы (рис.11, 5-7)*. К сожалению, материал, из которого они сделаны, определить не удалось.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (6) расчищено несколько севернее предыдущих. Представляет собой яму, вырытую в материке и частично обложенную с юга и востока камнями. Примыкает к могиле 4 (5) и так, что часть камней из завала могилы 4 оказались в описываемом захоронении. Яма могилы 3 (6) подпрямоугольная, стены у нее неровные (3,05 x 1,70 x 0,80 м). Верхний край ее обнаружен на гл. 3,22 м от вершины кургана. Умерший, видимо, лежал вытянуто, головой на север, на что указывают части его разрозненного скелета. В области груди, справа и слева от позвоночника, лежали две бронзовые полусферические бляхи, покрытые выбитым — пунсонным — узором в виде многолучевой звезды и перекрестия, осложненного кругами (д. 8 и 7 см, выс. 3,6 и 3 см; рис.11, 10, 11). Предположительно между бедрами лежала бронзовая молоточковидная булавка, украшенная змейкой (дл. 15,8 см, рис.11, 12). Тут же находились четыре бронзовые трубочки (одна имитирующая плотно свернутую спираль и три гладкие; дл. до 4,3 см, рис.11, 8; 12, 1), три бронзовые бусины, две каплевидные подвески (рис.12, 4), две

* «Хлебцами» названы Э.В.Ртвеладзе. Мне их видеть не удалось.

подвески со стержнем в насечках (рис.12, 3) и одна, более крупная со сдвоенными шариками на концах (рис.11, 9). Длина подвесок 1,5–2,2 см. Возле ног умершего найдены две овечьи челюсти, а неподалеку остатки какого-то предмета из дерева. Керамики в могиле не было.

ПОГРЕБЕНИЕ 4 (5) обнаружено в склепообразном сооружении, лишь наполовину засыпанном каменным навалом (2,65 x 2,20 м; рис.9, 1), находилось на гл. 1,65 м от вершины кургана. Сверху прикрыто плитами толщ. до 7–10 см, ориентировано не очень точно с севера на юг. Плиты, образующие прямоугольную камеру (2,03 x 0,80 x 0,72 м), поставлены на ребро. Дно сооружения находилось на 0,42 м ниже уровня материка. В нем найдено одиночное захоронение. Покойник лежал вытянуто, на спине, с руками вдоль туловища, ориентирован на север. Возле черепа находился одноручный сосуд, украшенный насечками и тремя налестками с вмятинами, расположенными напротив ручки (д.у. 10,2 см, д.д. 5 см, выс. 8,2 см; рис.12, 5). Возле ног, в юго-западном углу могилы, лежали кости овцы.

ПОГРЕБЕНИЕ 5 (8) представляло собой склеповидное сооружение прямоугольной формы. Его прикрывал каменный навал квадратных очертаний (2,70 x 2,70 при высоте 0,50 м), находившийся на гл. 2,18 м от вершины кургана. Склеп ориентирован с северо-востока на юго-запад. Стороны его выложены плитами травертина до восьми рядов в высоту. На самых верхних плитах заметны промазки глиной и следы дерева от перекрытия (величина камеры — 1,92 x 1,10 x 1-0,80 м, толщ. стен 0,25–0,30 м). Дно гробницы находилось на 0,50 м ниже уровня материка.

Могилы содержала парное захоронение. Скелеты лежали вытянуто, с руками вдоль туловища, ориентированы на северо-восток (рис.12, 6). Судя по их росту (125 и 110 см), это были подростки мужского и женского пола. Рядом с более крупным мужским скелетом вдоль стены рассыпано 126 овечьих астрагалов (альчиков), там же лежали два гранитных терочника-куранта одинаковой формы и размеров (д. верхней части 7,6 см, д. нижней части 6 см, выс. 3,5 см; рис.12, 11). Оба сохранили выбоины от работы. В ногах у этого же скелета обнаружены кусочки охры и бронзовые подвески, нанизанные на обрывок кожи, — три с витым стержнем и десять каплевидной формы (дл. до 1 см; рис.12, 7, 8).

Возле черепа женского скелета, в самом углу склепа лежал глиняный горшок, покрытый по плечикам тройным рядом насечек (д.у. 11 см, д.д. до 5 см, выс. 8 см; рис.12, 9).

ПОГРЕБЕНИЕ 6 (7) — узкий каменный ящик, прикрытый сверху плитами толщ. в 10–12 см и прямоугольной формы навалом из кусков травертина (1,75 x 1,30 x 0,25 м). Он обнаружен на гл. 0,90 м от вершины кургана. Ящик ориентирован с востока на запад. Имеет неправильную форму: дл. 1,30 м, ширина восточной стороны 0,80 м, западной — 0,50 м, выс. 0,40 м.

В могиле находился плохо сохранившийся вытянутый скелет, уложенный на спину, головой на восток. В области груди найдены две кольцевидные подвески (д. их 2,2 и 2 см; рис.12, 13), а в ногах стоял горшок обычной для могильника формы, без орнамента (д.у. 9,6 см, д.д. 5,2 см, выс. 7,2 см; рис.12, 12).

ПОГРЕБЕНИЕ 7 (13) в склеповидном сооружении, прикрытом сверху беспорядочно разбросанными глыбами камня, которые протянулись до погребения 9 (15) компактной массой шириной до 2,35 м (навал обнаружен на гл. 1,74 м от вершины кургана). Склеп (2,12 x 0,96 x 0,67 м) собран из плит, уложенных плашмя и на ребро в 2–3 слоя, поставлен на материк и ориентирован с северо-запада на юго-восток. Верхняя часть его находилась на гл. 2,83 м от вершины кургана. Перекрытие склепа было деревянным. Обнаруженный в нем скелет лежал вытянуто, на спине, руки вдоль туловища, ориентирован на юго-восток. На груди найдена бронзовая подвеска со стержнем в насечках (дл. 1,9 см; рис.12, 17). У правой руки лежали две бронзовые трубочки, свернутые из «провода» (дл. их 5 и 3,8 см, д. 0,5 см; рис.12, 16). Такая же трубочка найдена у левого бедра. Здесь же, у колена левой ноги лежала бронзовая молоточковидная булава с литым декором в виде змеек и имитации шнура (дл. 15,2 см; рис.12, 18). В восточном углу гробницы найден глиняный сосуд с ручкой, покрыт сложным узором, сочетающим вдавления, оттиски шнура, зубчатый нарезной орнамент и круглые выпуклости (д.у. 9,6 см, д.д. 6,4 см, выс. 9,6 см; рис.12, 14). Второй сосуд лежал слева, близ таза умершего. По форме близок предыдущему, но декорирован беднее — «елочкой» по внешнему краю ручки и зубчатым пояском, проходящим по плечикам (д.у. 8,4 см, д.д. 6 см, выс. 8,2 см; рис.12, 15).

ПОГРЕБЕНИЕ 8 (14) обнаружено в склеповидном сооружении, прикрытом каменным навалом неправильной формы (3,80 x 3,30 м при выс. 0,55 м). Склеп с несколько скошенными углами и сильно расширяющийся книзу сложен насуху в 6–7 рядов из небольших плит травертина (рис.13, 1, 2; внутренние размеры

камеры — 2,02 x 0,85-0,60 м при выс. 0,80 м). Ориентирован с северо-запада на юго-восток. Верхняя часть гробницы находилась на гл. 2,70 м от вершины кургана, а ее дно было впущено в материк на 0,51 м. В склепе лежал вытянутый скелет мужчины 40–50 лет. Руки протянуты вдоль туловища, ориентирован на юго-восток. С правой стороны черепа стоял горшок, украшенный по плечикам тремя рядами круглых вдавлений и нарезками возле дна (д.у. 12,2 см, д.д. 6,4 см, выс. 10,6 см; рис.13, 3). В левой части груди найден изящный змеевиковый (серпентинитовый) топорик, покрытый легкой огранкой (дл. 9,2 см, д. проушины 2,4 см; рис.13, 5). Возле левой руки обнаружен терочник-куронт из серого гранита (д. 7,8–4,6 см, выс. 3,8 см; рис.13, 4), а в районе таза найдены четыре бронзовые подвески с перевитым стержнем (дл. 1,6 и 1,1 см; рис.13, 6, 7).

ПОГРЕБЕНИЕ 9 (15) — кенотаф в виде прямоугольной ямы, выкопанной в материке и обложенной по краям глыбами травертина (1,70 x 1 x 0,42 м). Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Верхняя часть ее находилась на гл. 3,02 м от вершины кургана. Поверх ямы лежал навал камней 2 x 2 м. В ее центре найден лепной горшок, украшенный оттисками шнура и заштрихованными зубцами (они вырезаны; д.у. 12,4 см, д.д. 6 см, выс. 9,4 см, рис.13, 8). Рядом лежали кольцевидная бронзовая подвеска (д. 2,7 см; рис.13, 11) и две подвески каплевидной формы (дл. 2,1 и 1,9 см; рис.13, 9, 10).

ПОГРЕБЕНИЕ 10 (11) в прямоугольной яме (2,20 x 1,10 x 0,60 м), вырытой в материке и обложенной плитами травертина и речными камнями. Верхняя часть ее обнаружена на гл. 2,90 м от вершины кургана. Ориентирована с северо-запада на юго-восток, перекрыта деревом. Навал над нею имел прямоугольные очертания (2,30 x 1,25 x 0,65 м) и небольшой перемышкой соединялся с навалом могилы 9 (15).

В яме находился вытянутый скелет, лежавший на спине, с руками вдоль туловища, направленный на юго-восток. Возле лучевой кости левой руки обнаружены следы охры. Слева от скелета, у середины юго-западной стены и на уровне камней от облицовки ямы (выше умершего на 0,25 м) лежала бронзовая посоховидная (изогнутая) булавка с утолщенным навершием. Она украшена литым точечным узором (дл. 17,5 см; рис.13, 12). Вторая подобная булавка найдена в южном углу ямы рядом с провалившимся обломком перекрытия (дл. 14 см; рис.13, 13). Возле черепа ле-

жало бронзовое височное кольцо, свернутое в 1,5 оборота (д. 1,5 см, рис.13, 16), а районе груди — две бронзовые круглые подвески с литым выпуклым шнуровым узором (д. их 3,3 см; рис.13, 14, 17). В ногах умершего расположен одноручный горшок без орнамента (д.у. 9,4 см, д.д. 6 см, выс. 7,8 см; рис.13, 15).

ПОГРЕБЕНИЕ 11 (10) в каменном ящике удлиненной формы (1,50 x 0,75 x 0,70 м), сложенном из плит травертина (их толщ. в 7–10 см). Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Сверху был прикрыт навалом камней, имеющим прямоугольные очертания (2,30 x 1,40 x 0,30-0,20 м). Верхний край ящика обнаружен на гл. 2,20 м от вершины кургана.

Умерший лежал в вытянутом положении, на спине, ориентирован на северо-восток. С левой стороны таза стоял расплавленным сосуд. Форма его не восстановлена.

ПОГРЕБЕНИЕ 12 (4) обнаружено на гл. 2,70 м от вершины кургана. Это склепообразное сооружение с закругленными углами, сложенное насуху из девяти рядов камней (1,90 x 1,10-1,05 x 0,78 м). Перекрытие из дерева (сохранились его следы). В склепе находились вытянутые скелеты мужчины и женщины, обращенные лицами друг к другу (рис.14, 1). Они лежали на спинах, с вытянутыми руками, затылками повернуты к северу. У левой стороны таза мужчины прослеживалось пятно охры шириной в 3 см; возле правого бедра женщины обнаружены кости овцы.

ПОГРЕБЕНИЕ 13 (9) было прикрыто каменным навалом треугольных очертаний (2,10 x 2 x 0,30 м). Обнаружено на гл. 2,10 м от вершины кургана. Под ним находился каменный ящик (1,86 x 0,90 x 0,70 м), сложенный из плит травертина, поставленных на ребро и перекрытый такими же плитами (толщ. их в 5 см). Ориентирован с северо-востока на юго-запад и впущен так, что его северо-западный угол лежал на стене погребения 12 (4), а юго-восточный на стене погребения 15 (12) (рис.9). В ящике покоились останки женщины, лежавшей на спине в вытянутом положении, между бедренными костями обнаружена бронзовая посоховидная булавка, покрытая литым орнаментом в виде змеек (дл. 13,4 см; рис.15, 1). У левого виска лежали два височных кольца, свернутых в 1,5 оборота (д. 1,5 см; рис.15, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 14 (3) — кенотаф. Это был прямоугольный каменный ящик (0,80 x 0,42 x 0,22 м), сложенный из плит, поставленных на ребро (толщ. 7–10 см). Перекрыт плитой с лежащими на ней четырьмя камнями. Верхний край ящика обнаружен на гл. 2,37 м от

вершины кургана. Ориентирован с северо-востока на юго-запад. Близ его восточного угла лежали обломки сосуда, покрытого пояском насечек (д.у. около 6,4 см, д.д. 4,2 см, выс. около 6,5 см; рис.15, 3). В центре ящика найдены две бронзовые подвески, одна из них с витым стержнем (дл. 1 и 0,8 см; рис.15, 4, 5).

ПОГРЕБЕНИЕ 15 (12) обнаружено на гл. 2,94 м от вершины кургана. Это яма не очень правильной прямоугольной формы (2,45 x 1,35 x 0,70 м), вырытая в материке и обложенная по краям глыбами травертина. Перекрытие из дерева. В могиле находилось одиночное захоронение. Покойник лежал на спине, вытянуто, ориентирован на северо-восток. В районе груди и у локтя правой руки обнаружены две кольцевидные подвески (д. их 2,4 и 1,7 см; рис.15, 6). Семь бронзовых подвесок с перевитым стержнем находились между бедренных костей (дл. 1,3 см; рис.15, 8), там же найдена двувальная подвеска из бронзы (дл. 1,2 см; рис.15, 7). Рядом с левой рукой лежали два куранта из серого гранита (7,2-4,8 x 3,6 см и 6,2-4,6 x 3 см; рис.15, 10, 12). Под ними обнаружены крупинки красной охры, ее пятна прослеживались и у левой берцовой кости. Рядом с терочниками стоял одноручный сосуд, покрытый оттисками шнура и насечками (д.у. 9,8 см, д.д. 4 см, выс. 10,4 см; рис.15, 11).

ПОГРЕБЕНИЕ 16 — центральное (рис.14, 2). Оно оказалось несколько смещенным в юго-западную часть кургана. Это грунтовая яма прямоугольной формы, ориентированная с запада на восток (3,95 x 2,90 x 1,60 м). Дно ее опущено ниже материка на 1,10 м, а от вершины кургана оно находилось на гл. 4,12 м. По краям ямы сохранился выброс гальки толщ. в 0,30 м. Яма оказалась заполненной кусками травертина и речным булыжником. В центре ее помещался прямоугольный сруб из дубовых досок толщ. до 15 см. Стены его соединены с помощью врубов (пазов) и достигали в высоту 0,45 м. Длина сооружения 2,35 м, ширина 1,12 м. Сверху сруб покрыт четырьмя досками дл. 1,50 м, шир. 0,57 м и толщ. 0,15 м. Пространство между ямой и стенками сруба заполнено камнями.

Вытянутый скелет, находившийся в могиле, принадлежал мужчине 40–50 лет. Кости ног у него разведены в стороны. Возможно, первоначально был положен коленями вверх. С левой стороны возле руки и ноги замечены следы красной охры. Тут же, у левой руки, лежал змеевиковый (серпентинитовый) топорик (дл. 7,2 см, шир. лезвия 3,7 см, д. проушины 1,8; рис.15, 13).

Данное погребение явилось ядром создания кургана. Вокруг захоронения в срубе, заваленном каменной насыпью, возникли в дальнейшем кольца кромлехов и появились те описанные нами 15 могил, которыми и завершилось формирование общей курганной насыпи. Здесь можно было бы детально рассмотреть последовательность появления погребальных сооружений в кургане. Однако это сейчас не входит в наши задачи.

В 1966 г. В.И.Марковиным на том же плато исследовалось еще три кургана (Полный научный..., 1966)*. Два из них дали материалы, особенно характерные для данной курганной группы, о чем имеется краткая публикация (Марковин В.И., 1971).

КУРГАН I (5), имея в высоту 2,50 м при диаметре в 27 м, был с северо-западной стороны сильно попорчен выборками глины. Для этой же цели была вырыта яма на вершине кургана (рис.16). В процессе раскопок установлено, что курганная насыпь прикрывала кромлех в виде спирали, образующий три-четыре витка вокруг центрального каменного завала. Края его обрамляли крупные плиты травертина (до 1,20 x 0,80 x 0,20 м). Занимаемая им площадь была довольно велика — 9 x 6,50 м и значительна по объему; на глубине 0,30 м от вершины кургана стали прослеживаться первые камни центрального завала. Кромлех, сложенный из таких же плит травертина и речных камней, отходил от северной части этого завала. Следует отметить, что глубина залегания кромлеха не одинакова. В юго-западной части кургана хорошо сохранился участок кромлеха, который отстоит от края кургана всего на 3,25 м. Здесь кромлех находится на глубине 2 м от вершины кургана и камни его положены на древний почвенный горизонт, будучи лишь слегка углублены в материковый галечниковый слой. В северной части кургана камни кромлеха уже положены на гравийно-песчаную подсыпку, т.е. находятся выше древнего почвенного уровня, на 0,80 м и здесь кромлех лежит на глубине 1,52 м от вершины кургана. Близ центрального завала кромлех опускается на глубину 2,20 м от вершины кургана. Расстояния между частями кромлеха не превышали 2,50 м. Несмотря на разницу в уровне расположения отдельных его частей, кладка нигде не нарушена. Видимо, кромлех создавался в процессе

* В работах принимали участие Н.-Ф.Г.Полихрониди, Е.Е.Ивашнев, М.И.Рыбенко, Г.М.Епремян, Е.М.Обухов, Л.А.Булава, Г.Г.Синельникова и группа школьников.

похорон и по мере возведения курганной насыпи, начиная от центра кургана. Дело в том, что все погребения кургана были вписаны в камни кромлеха. Только лишь погребение 5 можно считать исключением из этого правила.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (на гл. 1,30 м от вершины кургана) находилось близ центрального завала. Это каменный ящик (0,90 x 0,40 x 0,30 м), сложенный из шести плит и перекрытый двумя плитами (рис.14, 3). Он стоял на гравийном выкиде из центральной могилы. Ориентирован с севера на юг, как и виток кромлеха на этом участке. Погребение оказалось детским, от умершего сохранились едва различимые следы тлена. В юго-восточной части могилы стоял черноглиняный горшок с легким ребром, проходящим по шейке и хорошо выделенным дном (д.у. 12,6 см, д.д. 8 см, выс. 10,2 см; рис.17, 1).

ПОГРЕБЕНИЕ 2 обнаружено на той же глубине, но уже за пределами выкида. Это удлиненный склеп (2 x 0,90 x 0,47 м), сложенный насухо в 2–3 ряда камней. Был перекрыт деревом. Ориентирован с северо-запада на юго-восток. Умерший лежал вытянуто, на спине, головой на юго-запад (рис.14, 4). Кости покрыты красной охрой. Большой комок ее найден у правого колена.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (на гл. 1,50 м) — небольшая детская гробница (0,55 x 0,30 x 0,19 м). Сохранилась лишь частично. Перекрыта тремя рядами плит. Ориентирована с северо-востока на юго-запад. В могиле обнаружены следы костного тлена и два комка красной охры. В южном углу лежали обломки черноглиняного сосуда, все тулово которого покрыто елочным декором (д.у. 10 см; рис.17, 2).

ПОГРЕБЕНИЕ 4 (на гл. 2,40) — в гробнице неправильной трапециевидной формы, составленной из крупных плит травертина, положенных плашмя и на ребро (2,26 x 0,80-0,50 x 0,55 м). Щели в кладке заполнены обломками туфа. Над гробницей возвышался навал плит, которые сместили и переломили перекрытие. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Гробница была отмечена небольшим камнем (0,35 x 0,25 x 0,12 м), служившим стелой. Она возвышалась с ее юго-восточной стороны и поддерживалась плиткой. На дне гробницы покоились останки взрослой женщины и ребенка (рис.18, 1). Их скелеты находившись в вытянутом положении и направлены на юго-восток. Поверх женского скелета, лежавшего на травяной подстилке, уложен скелет ребенка. Его череп находился на месте черепа женщины, а тот был переме-

шен к стене гробницы. Здесь же лежали кости овцы. Возле ног женщины обнаружены большие пятна охры, а ее ступни покоились на золистой подсыпке, на которой стоял гладкостенный одноручный сосуд (д.у. 9,6 см, д.д. 5,4 см, выс. 9,2 см; рис.17, 3). В области пояса женщины найдены три полусферических бронзовых бляхи, покрытые сложным выбитым (пунсонным) орнаментом (7,1 x 3 см; 7,5 x 3,5 см и 8,2 x 3,7 см; рис.19), 95 пастовых бусин (рис.17, 4, 5), 12 чашевидных бусин разных размеров, сделанных из зубов ранее упоминавшейся ископаемой рыбы (рис.17, 6) и одна бусина из позвонка форели (рис.17, 7). Здесь же лежала бронзовая посоховидная булава (дл. 10,2 см; рис.17, 11). У правой руки ребенка находились 14 бронзовых ложкаобразных подвесок (рис.17, 8, 9), а у его черепа — 6 бронзовых височных колец, свернутых в 1,5 оборота (рис.17, 10). По левую сторону от умерших лежала дубовая доска. В гробнице встречались отдельные угольки.

ПОГРЕБЕНИЕ 5 (на гл. 3 м) было впущено в курганную насыпь между кромлехом и центральным завалом камней. Это яма (1,80 x 0,80 x 0,10 м), слегка обложенная плитами и перекрытая деревом. Сильно потревоженный детский скелет лежал вытянуто, на спине, головой к юго-востоку. Возле костей рук обнаружены пять бронзовых подвесок с шариками на концах (рис.17, 13), между бедер — костяная молоточковидная булава с нарезным узором (дл. 10,8 см; рис.17, 12), а в области шеи — крупная бусина, выточенная из раковины беззубки — *Unio* (2,7 x 1,9 см; рис.17, 14).

ПОГРЕБЕНИЕ 6 (на гл. 5 м) являлось центральным. Оно находилось под завалом камней, о котором уже говорилось. Под камнями обнаружен котлован подпрямоугольной формы (4,20 x 3,05 м при гл. от его краев до 1 м). Он перерезал толщу погребенной почвы, гравийный слой и углублялся в материковый галечник. Вытянут с запада на восток. По краям котлована возвышались выкиды высотой до 0,70 м. Довольно точно в его центре вырыта могильная яма (2,50 x 1,50 x 0,40 м), имеющая ту же ориентировку. Она частично обложена каменными плитами, а внутри обрамлена досками тополя, вяза и ясеня (определение Г.Н.Лисицыной). Деревом была перекрыта и сама яма, а сверху навалены камни, занимавшие площадь в 4,90 x 2,40 м. Эта куча камней, прикрывавшая котлован, сливалась с общим завалом в центре кургана (рис.16, 2).

На дне могилы расчищен лежащий на спине скелет с разбросанными руками и с распавшимися в стороны ногами (рис.18, 3). При

захоронении он мог быть уложен коленями вверх. Слева от скелета лежала кучка красной охры. Возле черепа обнаружены 23 пастовые бусины цилиндрической формы (рис.17, 16) и одна бронзовая бусина (рис.17, 20). Тут же найдена бронзовая трубочка со слегка рифленной поверхностью. Еще 9 подобных трубочек длиной до 9 см в целом виде и в обломках находились в районе таза и у ног скелета (рис.17, 22). Возле левого плеча обнаружены два бронзовых колпачка полусферической формы с отверстием в центре (2,1 x 1,2 см; рис.17, 15). Семь бронзовых каплевидных подвесок (дл. 1 и 1,3 см; рис.17, 18, 19) оказались разбросанными, — обнаружены у черепа, левого плеча, возле локтя правой руки и правого бедра. Рядом с правым бедром лежала бронзовая молоточковидная булавка, покрытая литым узором (дл. 15,7 см; рис.17, 21). В могиле замечены угли, а в ее засыпке найдены бронзовое четырехгранное шило (дл. 3,7 см; рис.17, 17) и обломок глиняного сосуда, украшенный небольшим выступом.

КУРГАН 2 (6) имел неправильную округлую форму, будучи вытянутым с запада на восток (15 x 11,50 м при выс. около 1,3 м; рис.20, 1). Его полы сливались с поверхностью платформы. Курган обрамлен двойным кромлехом. От внешнего кольца камней сохранилась небольшая часть в юго-западном секторе кургана. Внутренняя окольцовка сохранилась лучше, в ней имеются лишь небольшие промежутки (величина кромлеха 10,25 x 8,75 м). Внутри него обнаружено 5 захоронений.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 находилось в северной половине кургана, близ его центральной части, на глубине около 0,30 м от поверхности. Оно совершено в удлиненной яме округлых контуров (2,50 x 1 м) и направлено с запада на восток. Скелет потревожен: черепа и костей туловища нет, но ясно, что умерший был ориентирован на запад. Слева лежал распавшийся сосуд, верхняя часть которого покрыта процерченным узором (рис.19, 4-6). Черно-коричневая поверхность местами сохранила лощение. Дно (д. его около 7 см) плавно сливается с корпусом. Глина черная, сланцеватая, с шмотом.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 находилось на 0,25 м ниже (частично перекрывалось погребением 1) и для данного кургана являлось центральным. Это яма четкой прямоугольной формы (2,35 x 1,10 м при гл. 0,23 м) ориентирована с СЗ на ЮВ (рис.20, 2). Края ямы с длинных сторон и у северо-восточного угла обрамлены плоскими камнями, уложенными плашмя в один ряд.

Середину ямы занимал вытянутый скелет подростка (ориентирован головой на ЮВ). Череп его лежал на небольшом пятне красной охры, а его свод и левая височная часть обрамлена небольшими плоскими камнями. Второе пятно охры удлиненной формы обнаружено возле левой ступни умершего. Никаких предметов в могиле не было.

ПОГРЕБЕНИЕ 3 расчищено к востоку от описанного комплекса на гл. 0,50 м от поверхности. Яма не прослеживалась. Это был сильно скорченный скелет, лежавший на правом боку и ориентированный на юг (рис.20, 3). В районе его черепа найден несколько изогнутый бронзовый стержень (дл. 5 см), а у нижней челюсти прослеживалось пятно охры. Возле локтя лежал горшочек с красной поверхностью, покрытый угловатым узором, нанесенным лошлом. Он имеет потертый вид, ручка не сохранилась (д.у. — 5 см, д.д. — 2,4 см, выс. — 6,9 см; рис.19, 7).

ПОГРЕБЕНИЕ 4 обнаружено на гл. 0,50 м между узкой стороной могилы 2 и погребением 3. Это скорченный скелет, лежавший на левом боку и обращенный головой на юг. Вещей не было (рис.19, 4).

ПОГРЕБЕНИЕ 5 расположено в юго-западной части кургана, примыкая к внутреннему кромлеху и близ остатков внешнего каменного кольца. Здесь насыпь кургана круто поднимается кверху. Навал камней над перекрытием оказался на гл. 0,50 м и шел до 0,70 м, затем под обломками перекрытия были обнаружены две тонкие плиты, поставленные перпендикулярно друг к другу (1,45 x 0,25 м при толщ. в 0,13 м и 0,95 x 0,20 x 0,12 м), являясь остатками сооружения типа ящика, который мог иметь ориентировку с С на Ю или с З на В. Внутри него сохранились обломки костей человека, предположительно лежавшего скорченно, на правом боку, головой на запад. При них найдены обломки керамики с оттисками треугольного штампа (рис.19, 8).

Материалы кургана маловыразительны, хотя погребения 2 и 5 могут быть памятниками изучаемой общности. Погребения 3, 4 скорее всего относятся к еще плохо изученным на Северном Кавказе древностям срубной культуры (Nagler A., S. 30, 31, Taf.115,2). Разрушенное погребение 1 Е.И.Крупнов, осматривая материал в год раскопок, считал возможным связывать с кобанско-скифскими материалами.

КУРГАН 3 (7) имел в диаметре около 20 м, высоту в 1,70 м (рис.20). Вершина его была несколько смещена к северу. Центральная

часть кургана обрамлена кромлехом неправильной круглой формы (д. его 17 м), сложенным из мелких плит травертина и речных камней. Особенно много обнаружено их в западной части. В кургане вскрыто четыре могилы.

ПОГРЕБЕНИЕ 1 (на гл. 0,80 м) вписано в движение кромлеха. Гробница сложена из плит, образуя камеру 2,40 x 1,20 м при выс. 0,84 м. На дне могилы находился скорченный скелет, лежавший на правом боку, головой к западу (рис.18, 4). В могилу он был внесен на носилках, судя по тлену от продольных деревянных планок. За затылком найден комочек красной охры. Перед лицом умершего, возле длинной стены гробницы, возвышалась груда человеческих костей с обломками черепа, принадлежавшая более раннему захоронению. Судя по величине гробницы, этот покойник некогда лежал в могиле в вытянутом положении.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 расположено между кромлехом и найденным завалом в центре кургана, на гл. 1,50 м от его вершины. Могильная яма с закругленными углами (2,20 x 0,93 x 0,47 м) лишь слегка по краям обложена камнями. Ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис.18, 5). Яма была завалена камнями, образуя платформу площадью 2,80 x 2,60 м. Умерший находился в вытянутом положении, на спине. Кисть правой руки покоилась под тазом, левая нога была отброшена немного вперед. Между ногами и у затылка обнаружены комки красной охры. У правого плеча лежали кости коровы и разбитый гладкостенный сосуд с выделенной уступом шейкой и с неровными контурами устья (д.у. 11,5 см, д.д. около 8 см, выс. 10,4 см; рис.17, 23).

ПОГРЕБЕНИЕ 3 (на гл. 2,45 м от вершины кургана) в яме, расположенной в западной половине кургана, близ внутренней дуги кромлеха (2,45 x 1,10 x 0,27 м). С узкой стороны она укреплена двумя камнями (рис.18, 6). Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Могила была завалена большим количеством речного камня. В ней — вытянутый скелет без правой руки. Он лежал на спине, левая рука согнута и положена на таз. Череп покоился на левом виске и обращен к юго-западу. Возле правой плечевой кости обнаружена бедренная кость ребенка 2–3 лет. Других детских костей в могиле не было. Рядом с левой голенью стоял приземистый острорезберный сосуд хорошей формовки с едва намеченным кольцевидным поддоном (д.у. 10 см, д.д. 4 см, выс. 7,4 см; рис.17, 24).

ПОГРЕБЕНИЕ 4 — центральное (рис.18, 7). Находилось под завалом камней, которому

была придана овальная форма (6,10 x 4,80 м при выс. 2,40 м. Обнаружен на 0,30 м ниже вершины кургана). Камни прикрывали котлован с нечеткими контурами (2,50 x 1,50 x 0,25 м), который, сливаясь, переходил в могильную яму (1,85 x 0,85 x 0,20 м). Дно ее зафиксировано на гл. 2,70 м от вершины кургана. Вокруг котлована хорошо был заметен выкид изогнутой формы. Однако сама могильная яма имела нечеткие контуры и была ориентирована не очень точно с запада на восток. Западная, узкая сторона у нее укреплена камнями. В могиле покоился скелет в вытянутом положении, на спине, но в далеко не строгой позе. Головой обращен к востоку. Он был положен на деревянное ложе и перекрыт деревом, следы которого хорошо сохранились. Между колен умершего и у правой стопы найдены комочки охры. У локтя левой руки и возле стопы правой ноги обнаружены бронзовые подвески двух типов: с двойными шариками на концах (3 штуки, дл. 1,8 см; рис.17, 25) и с одним шариком и перевитым стержнем (18 штук, дл. 1,6 см, рис.17, 26). Возле стопы лежала также небольшая пастовая бусина. Близ левой руки обнаружены конический формы серпентинитовый курант (д. 8,4 и 7 см, выс. 4,3 см, рис.17, 28), две песчаниковые шлифовальные плитки удлиненной формы и ребристого сечения (11 x 4,7 x 2,6 см; рис.17, 27) и одноручный горшок с хорошо выделенной шейкой. Он покрыт врезанным узором в виде заштрихованных зубцов. Орнамент проходит и у дна сосуда (д.у. 8,7 см, д.д. 5 см, выс. 9,5 см; рис.17, 29).

Перед нами далеко не рядовой материал, оставленный племенами так называемой северокавказской культурно-исторической общности (Марковин В.И., 1976). Под этим названием объединены племенные группировки, жившие на Северном Кавказе на огромном пространстве — от бассейна р.Кубани и до низовьев р.Сулак в Дагестане. Время бытования общности определяется от конца III тыс. до н.э. и до первых признаков перехода к употреблению железа в конце II тыс. до н.э. В разных частях северокавказского региона древние жители создали свои очаги культуры, нашедшие яркое отражение в археологическом материале. Однако всегда в оставленных ими предметах прослеживаются общие черты, проявляющиеся в формах посуды, ее декоре, формах металлических и каменных изделий, что дает право местные варианты культуры рассматривать в виде общности. Таким локальным районом можно считать и территорию Кавказских Минеральных вод, которая

приходится на взгорья Машука-Бештау, что подтверждается также раскопками курганных групп у г. Кисловодска (Корневский С.Н., 1990; Березин Я.Б., Хашегульгов Б.М., 1988). Видимо, здесь обитали близкородственные племена.

Материал, происходящий из курганов Константиновского плато, впервые опубликованный в данной статье в довольно полном объеме, позволяет сделать несколько интересных наблюдений. Они не всегда совпадают с некоторыми суждениями С.Н. Корневского. Он пишет о «скачках» в смене религиозных культов, об особой позиции скорченных захоронений по отношению к вытянутым. У него это связано чуть ли не со сменой населения и т.д. (Корневский С.Н., 1990, с. 112, 121 и др.).

Прежде всего обратим внимание на кромлехи, характерные для всех изученных Константиновских курганов. Некоторые из них обладают даже спиралеобразной формой. Важен факт, что почти все могильные сооружения в местных курганах размещены так, что следуют «параллельно» кромлехам или даже вписаны в них. Это позволяет думать, что курганы создавались постепенно, погребальные сооружения были обозримы, а при создании новых сооружений к похоронам, могли наращиваться новые участки кромлехов. Особенно это касалось не внешних, а внутренних кромлехов. С завершением использования того или иного погребального комплекса заканчивалось и оформление курганной насыпи и прочих деталей, которые скорее всего не дошли до наших дней. Это позволяет предполагать, что в одном кургане были погребены или близкородственные лица, или представители одного определенного «социального» (назовем так условно) ранга. Исключение составляют лишь отдельные впускные захоронения. К примеру, погребение 5 с костяной булавкой в кургане 3 (7), впущенное в насыпь так, что оно оказалось ниже всех других захоронений. Каждый из курганов Константиновского плато представляется сложным по архитектуре культово-погребальным комплексом и изучить их дело далеко не простое.

Б.Е. Деген-Ковалевский считал, что погребения с вытянутыми скелетами не могут быть отнесены к эпохе бронзы (Деген Б.Е., 1941, с. 286, 287). Константиновские курганы опровергают подобное мнение. В них обнаружены как захоронения с подогнутыми ногами и лежащими на спине, затем скорченные и лежащие на боку, так и захоронения с вытянутыми скелетами. Они не образуют в курганах какие-либо обособленные группы, что является

свидетельством определенного сосуществования тех и других обрядов. Так, в кургане 2 (раскопки И.С. Гумилевского) в погребении 6А с «любовой» парой» имело место единовременное захоронение людей в вытянутой и скорченной позах. Очевидно, предположение Б.М. Хашегульгова о том, что могилы с вытянутыми скелетами принадлежат более позднему и пришлому, инокультурному населению — выходцам из среды волго-днепровских племен (Хашегульгов Б.М., 1985, с. 35, 36), также не имеет под собой реальных оснований. Этому мнению противоречит и набор вещей, не имевший ничего общего с предметами из волго-днепровского бассейна. Обращает внимание и на то, что ни конструкцией гробниц, ни набором инвентаря скорченные захоронения не отличаются от вытянутых, иначе говоря, они могут и сочетаться в одной могиле, быть синхронными и даже более поздними относительно вытянутых захоронений. Несомненно, разница в позах умерших должна найти объяснение, ее нельзя игнорировать. Но, мне кажется, что в поисках ответа необходимо учитывать не только имущественные характеристики погребений (богатые — бедные), но и специфику сделанных находок, а также, что особенно важно, пол и возрастные данные об умерших. К сожалению, в годы, когда исследовались курганы Константиновского плато, антропологи в редких случаях являлись сотрудниками экспедиций. Позы умерших могли зависеть от пола и таких реалий в жизни древнего человека как его семейное положение, возрастные особенности, социальный статус (вождь, жрец, воин, пленный, мастер в какой-либо области, рядовой житель, сказитель, гадалщик и т.д.). Надо бы, при том, не забыть людей, отмеченных какими-либо особенностями от рождения (силачи, калеки, «жордывые» и проч.). Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать, тем более, что этнография Кавказа даже недалекого прошлого дает много интересных материалов для размышлений на подобную тему. Однако исследователи, не желая углубляться в данный вопрос, почему-то с большей легкостью пишут о сменах населения, нашествиях иноплеменников и прочих событиях, забывая, что подобные ситуации должны были приводить к чрезвычайным напряжениям в жизни древних людей, бедствиям в их среде. Это нашло бы свое отражение и в вещевых комплексах, но подобного часто нет. Однако вернемся к Константиновским курганам.

Каждый из них создавался в течение длительного времени. Об этом свидетельствует

прежде всего найденный инвентарь. Так, в отдельных могилах обнаружены бронзовые посоховидные булавки, типологически сопоставимые с гладкими булавками из дольменов станицы Новосвободной, культура которых восходит к памятникам майкопского круга эпохи ранней бронзы (Мунчаев Р.М., 1975, с. 242, 250; ОАК за 1898 г., с. 33 и сл.; Попова Т.Б., 1963, с. 42, 53). Вместе с тем, на Константиновском плато посоховидные булавки с литым узором были найдены попутно с бронзовыми молоточковидными булавками, имеющими подобный же декор. Эти булавки, в свою очередь, характерны для памятников северокавказской общности уже с эпохи раз-

витой бронзы. Подобные факты заставляют задуматься над вопросами хронологии местных древностей, путях установления северокавказской общности и ее дальнейшей трансформации. Вопросы важные и интересные не только для археологии Северного Кавказа, но и степных регионов Восточной Европы и связанных с ними культур Запада. Свою задачу я видел в том, чтобы заново обратить внимание на все те же древности (района Кавказских Минеральных вод), которыми в свое время глубоко интересовались А.М.Тальгрэн, А.Европеус, Ф.Ганчар, В.Милойчич и др. Как видно, их научная значимость далеко не исчерпана.

- Березин Я.Б., Хашегульгов Б.М., 1988. Курганы эпохи бронзы в районе Кисловодска // МИСК, вып.15-16. Ставрополь.
- Городцов В.А., 1910. Бытовая археология (курс лекций). М.
- Гумилевский И.С., 1951. Отчет о раскопках кургана № 1 на Константиновском плато близ г.Пятигорска (апрель-август 1951 г.) // Архив ИА РАН. Р-1, № 580.
- Гумилевский И.С., 1952. Отчет о раскопках кургана № 2 на Константиновском плато близ г.Пятигорска // Архив ИА РАН. Р-1, № 1495.
- Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г.Нальчика // МИА, № 3. М.—Л.
- Иессен А.А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА, вып.Х. М.
- Корневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Крупнов Е.И., 1951. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА, № 23. М.—Л.
- Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы II тыс. до н.э. // МИА, № 93. М.
- Марковин В.И., 1971. Курганы Константиновского плато у г.Пятигорска // КСИА, вып.127. М.
- Марковин В.И., 1976. Степи и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука.

- Марковин В.И., 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука.
- Нечитайло А.Л., 1979. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА, № 2. ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- Полный научный..., 1966 — Полный научный отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции летом 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3293.
- Попова Т.Е., 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Памятники культуры, вып. XXXIV. М.
- Ртвеладзе Э.В., 1965. Раскопки курганов на Константиновском плато. Отчет // Архив ИА РАН. Р-1, № 3230.
- Самоквасов Д.Я., 1887. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М.
- Самоквасов Д.Я., 1908. Могилы Русской земли. М.
- Спицын А.А., 1899. Курганы с окрашенными костяками // Записки РАО, т. XI, вып. I-II. СПб.
- Уваров А.С., 1910. Раскопки Самоквасова // Сборник мелких трудов. М.
- Хашегульгов Б.М., 1985. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе. Конец III — первая половина II тысячелетия до н.э. // Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный.
- Nagler A., 1996. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Leipzig.

Иллюстрации

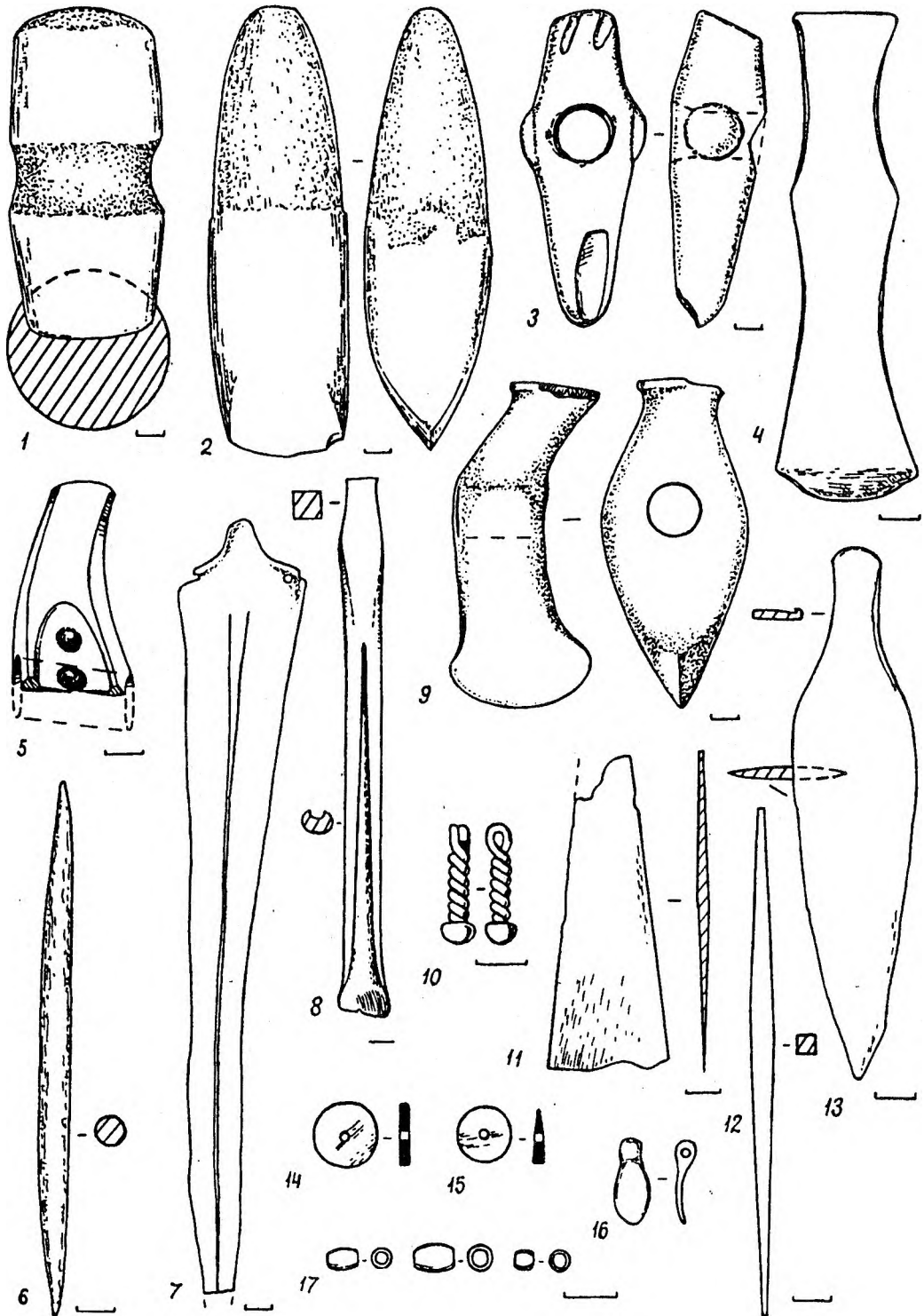

Рис.1. Пятигорск. Константиновское плато: 1-8 — случайные находки; 9-17 — предметы из кургана I, раскопанного Д.Я.Самоквасовым (1-3, 9 — камень; 4, 5, 7, 8, 10-13, 16 — бронза; 6 — кость; 14, 15 — раковины; 17 — стеклянная паста)

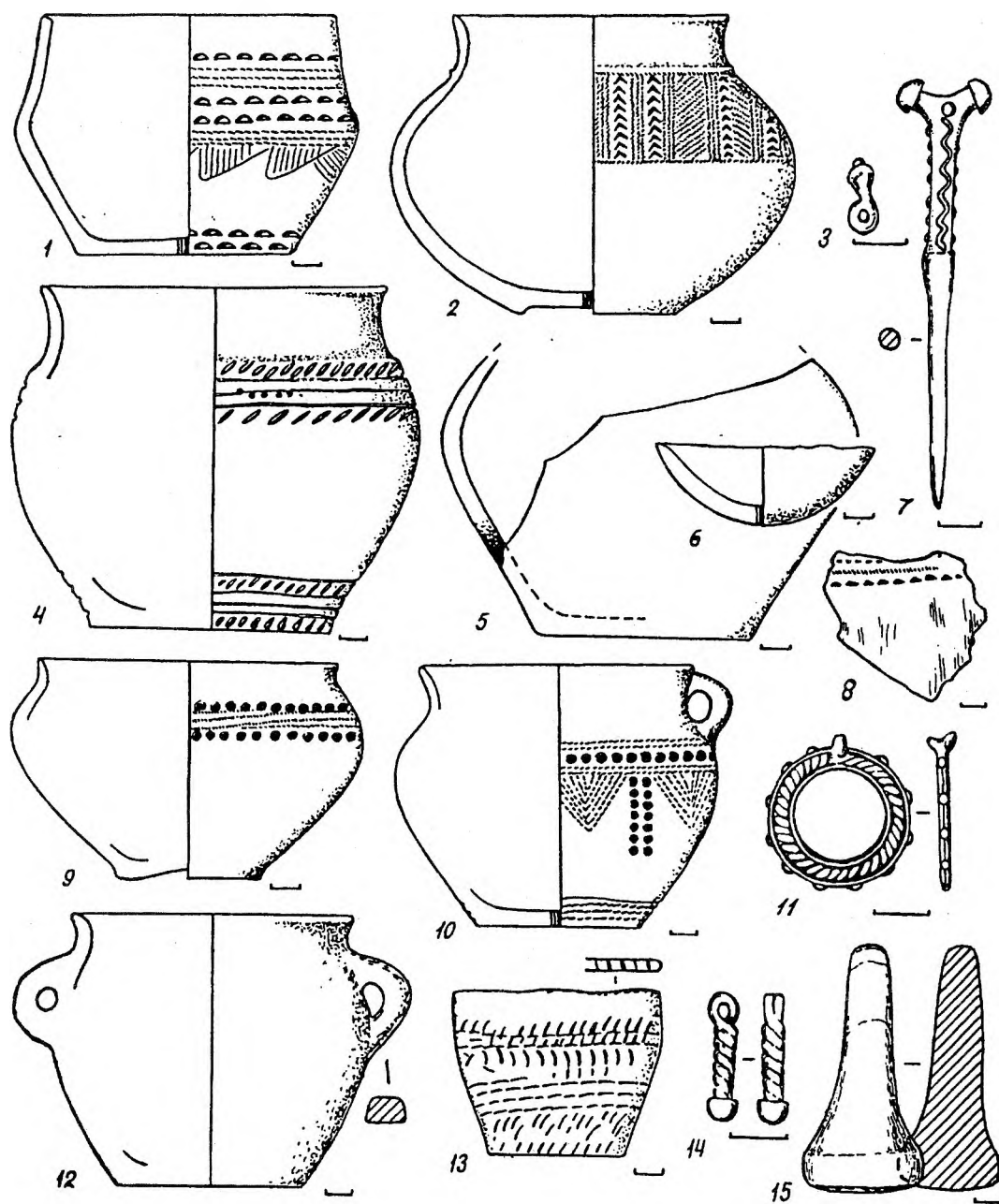

Рис.2. Пятигорск. Предметы из курганов Константиновского плато. 1, 2, 4-6, 8-10, 12, 13 — керамика; 3, 7, 11, 14 — бронза; 15 — камень. 1, 2 — раскопки Д.Я.Самоковасова; 3-15 — раскопки И.С.Гумилевского

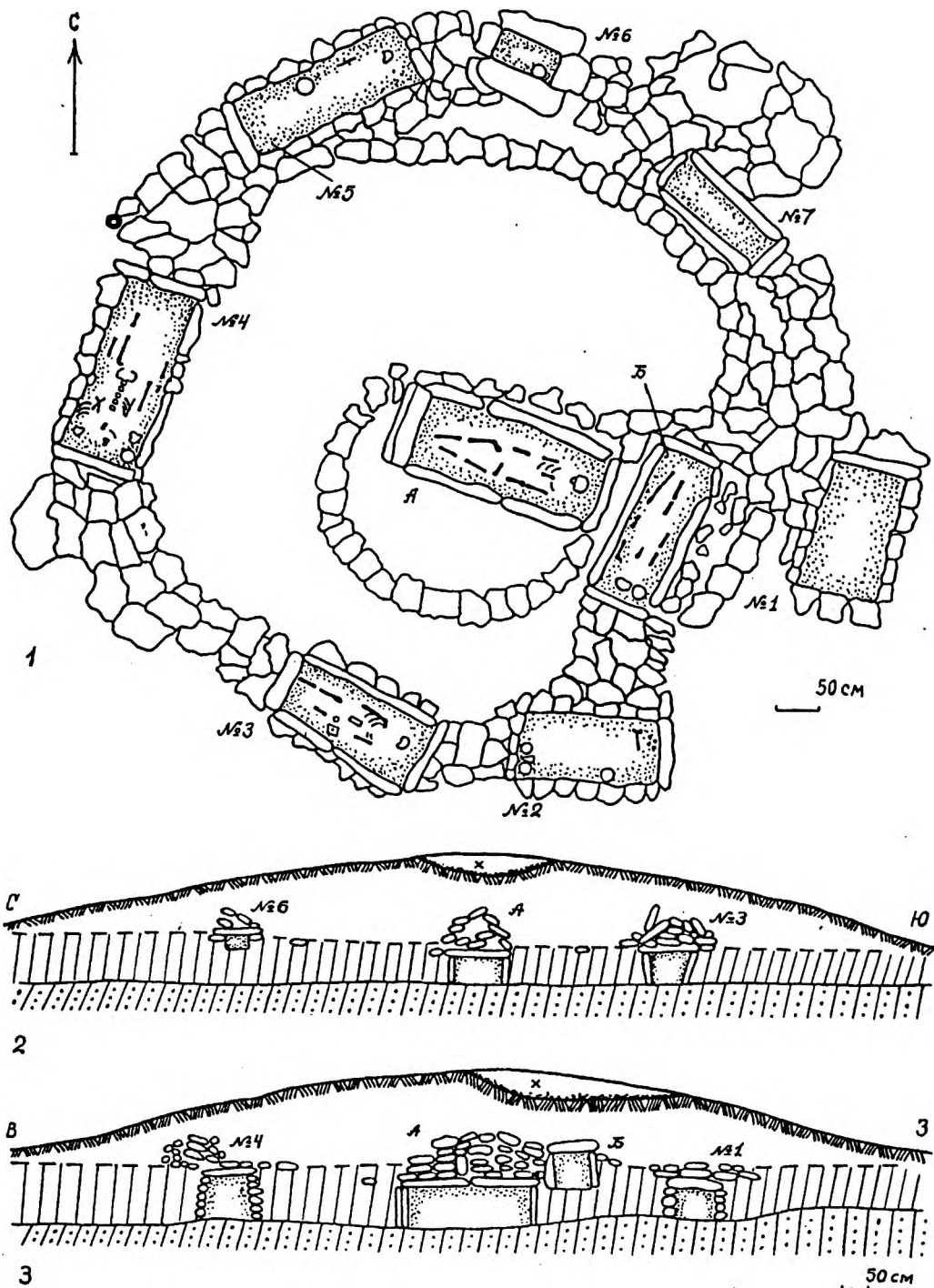

Рис.3. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 1 (раскопки И.С.Гумилевского, 1951 г.): 1 — план центральной части; 2 — профиль по линии север-юг; 3 — профиль по линии восток-запад (x — поздняя яма)

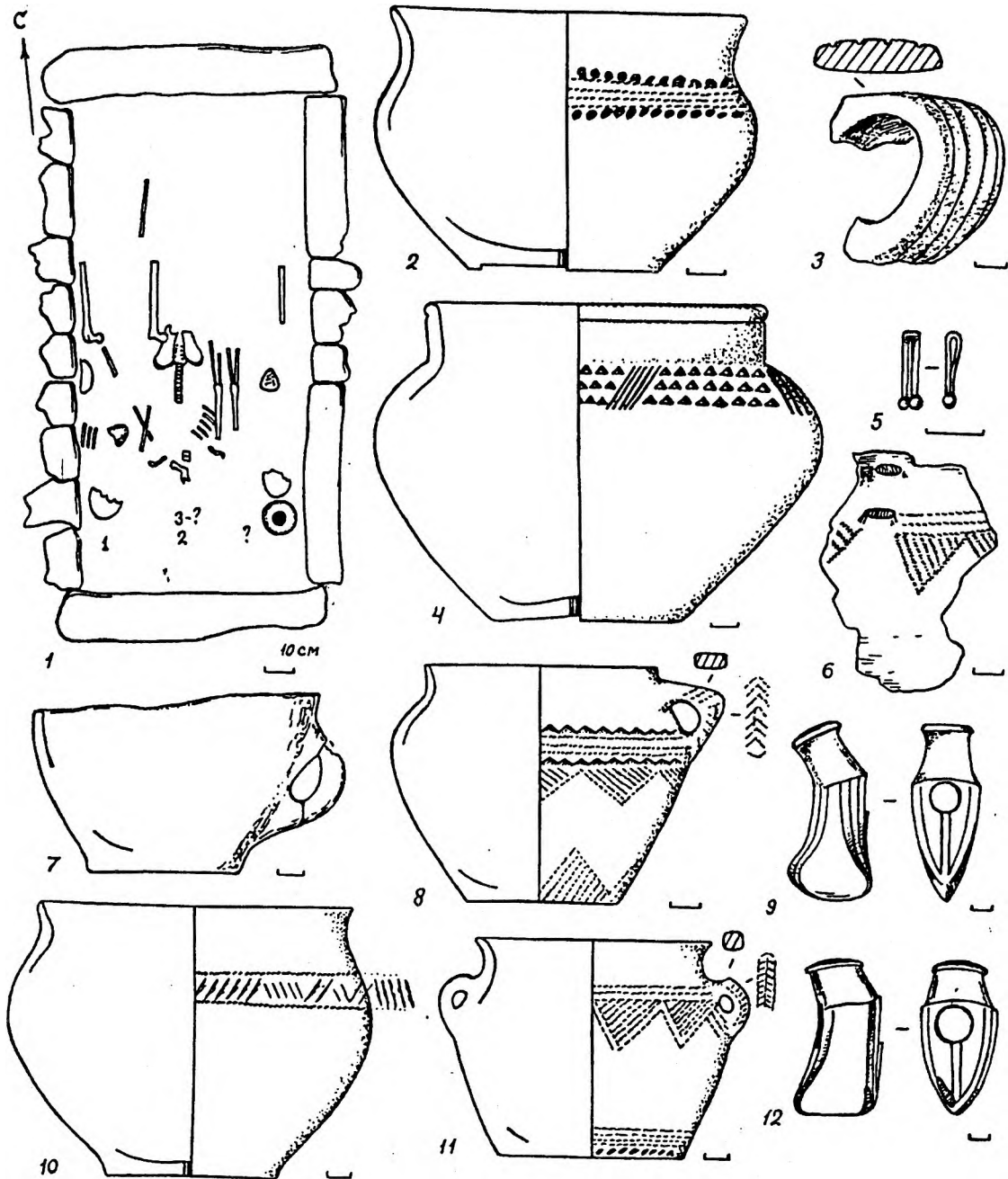

Рис.4. Пятигорск. Курганы Константиновского плато: 1 — погребение 4 кургана 1 (раскопки И.С.Гумилевского, 1951 г.). (2-4, 6-8, 10, 11 — керамика; 5 — бронза; 9, 12 — камень)

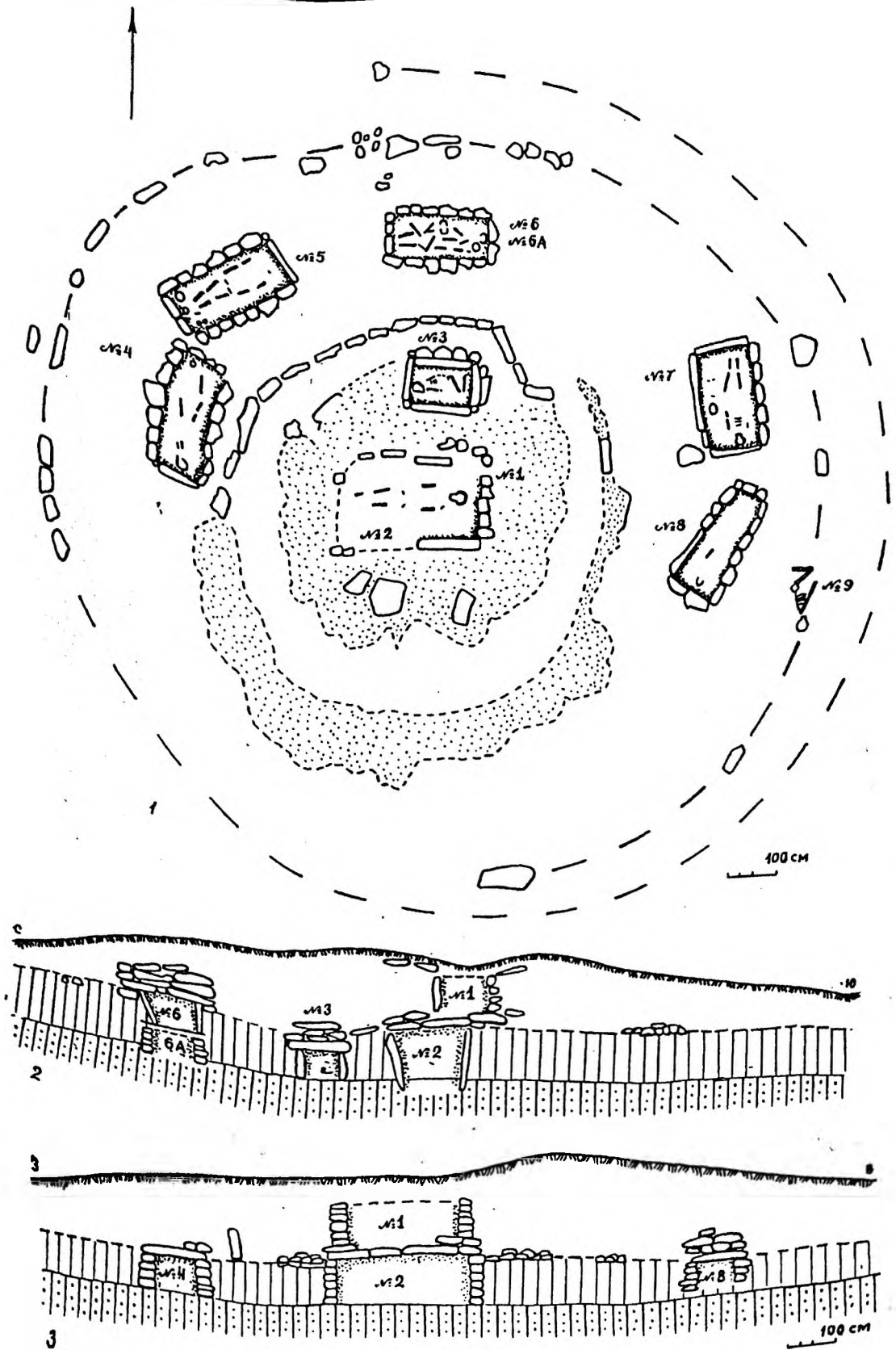

Рис.5. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (раскопки И.С.Гумилевского, 1952 г.):
 1 — план; 2 — профиль по линии север-юг; 3 — профиль по линии запад-восток

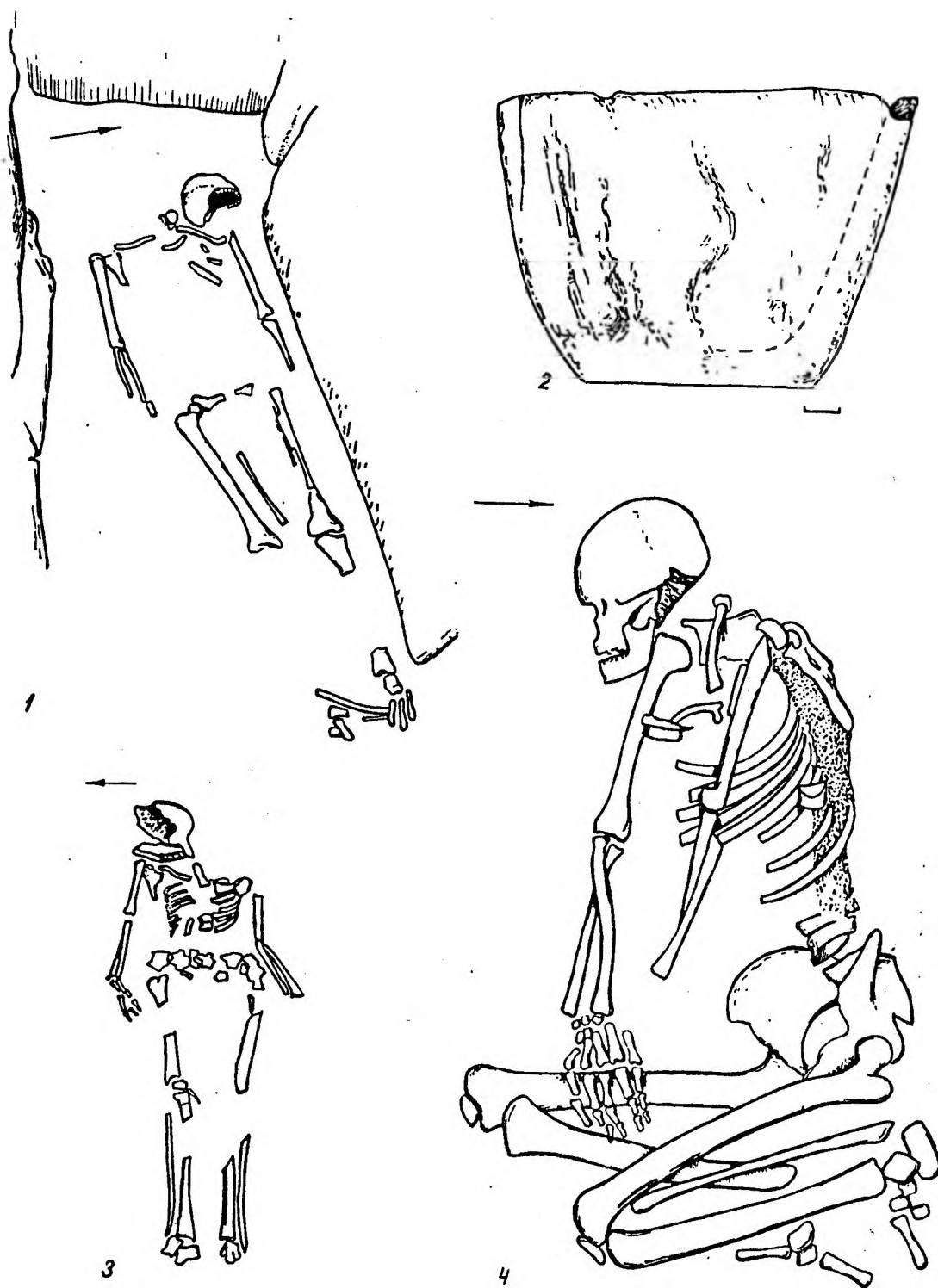

Рис.6. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (раскопки И.С.Гумилевского, 1952 г.): 1 — погребение 1; 2 — сосуд из этого погребения; 3 — погребение 2; 4 — погребение 3 (1, 3, 4 — прорисовки с фотографий, без масштаба)

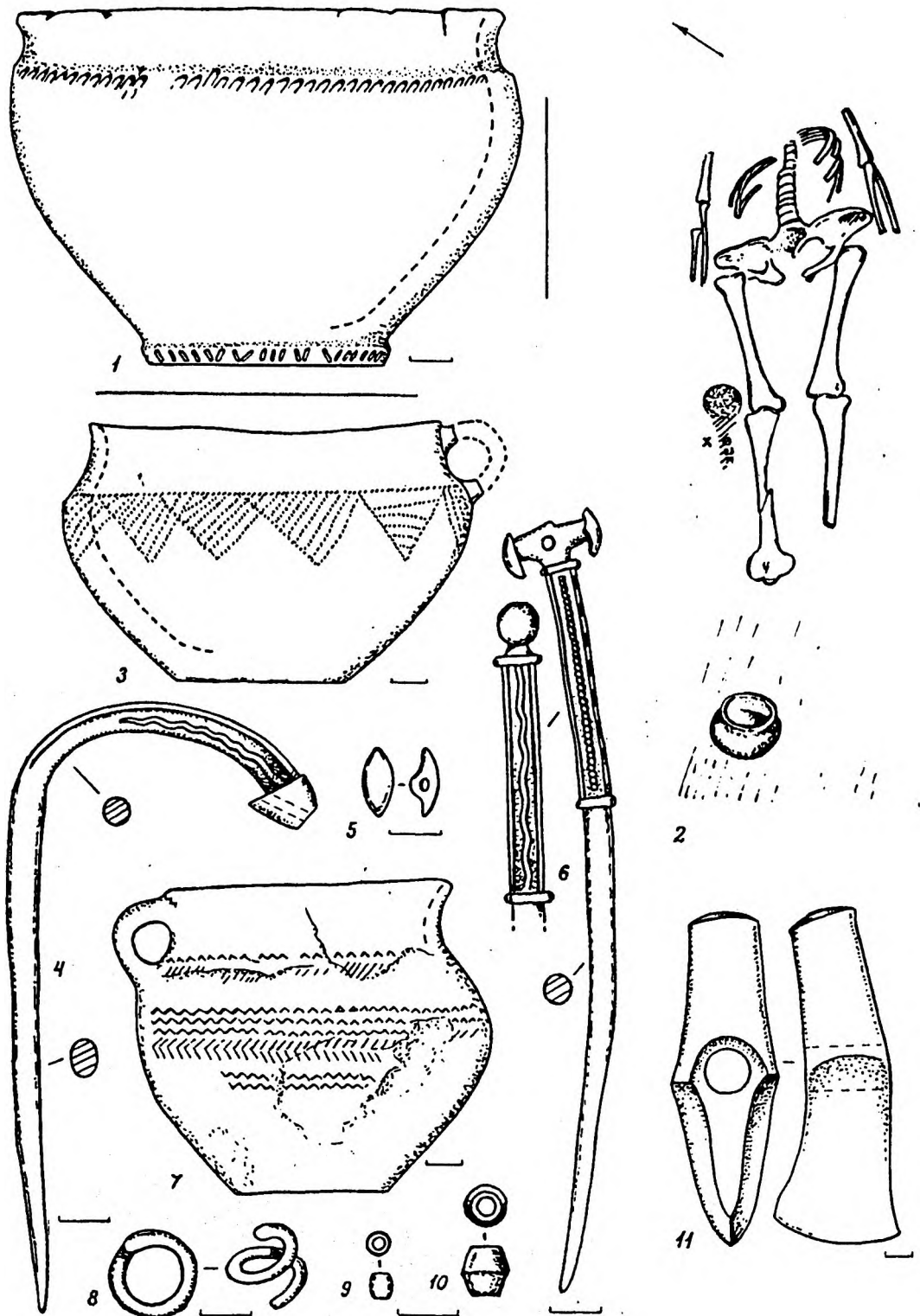

Рис.7. Пятигорск. Курган 2 на Константиновском плато (раскопки И.С.Гумилевского, 1952 г.). Погребение 5 (2) и инвентарь (1, 3-11). 1, 3, 7 — керамика; 4-6, 8-10 — бронза; 11 — камень

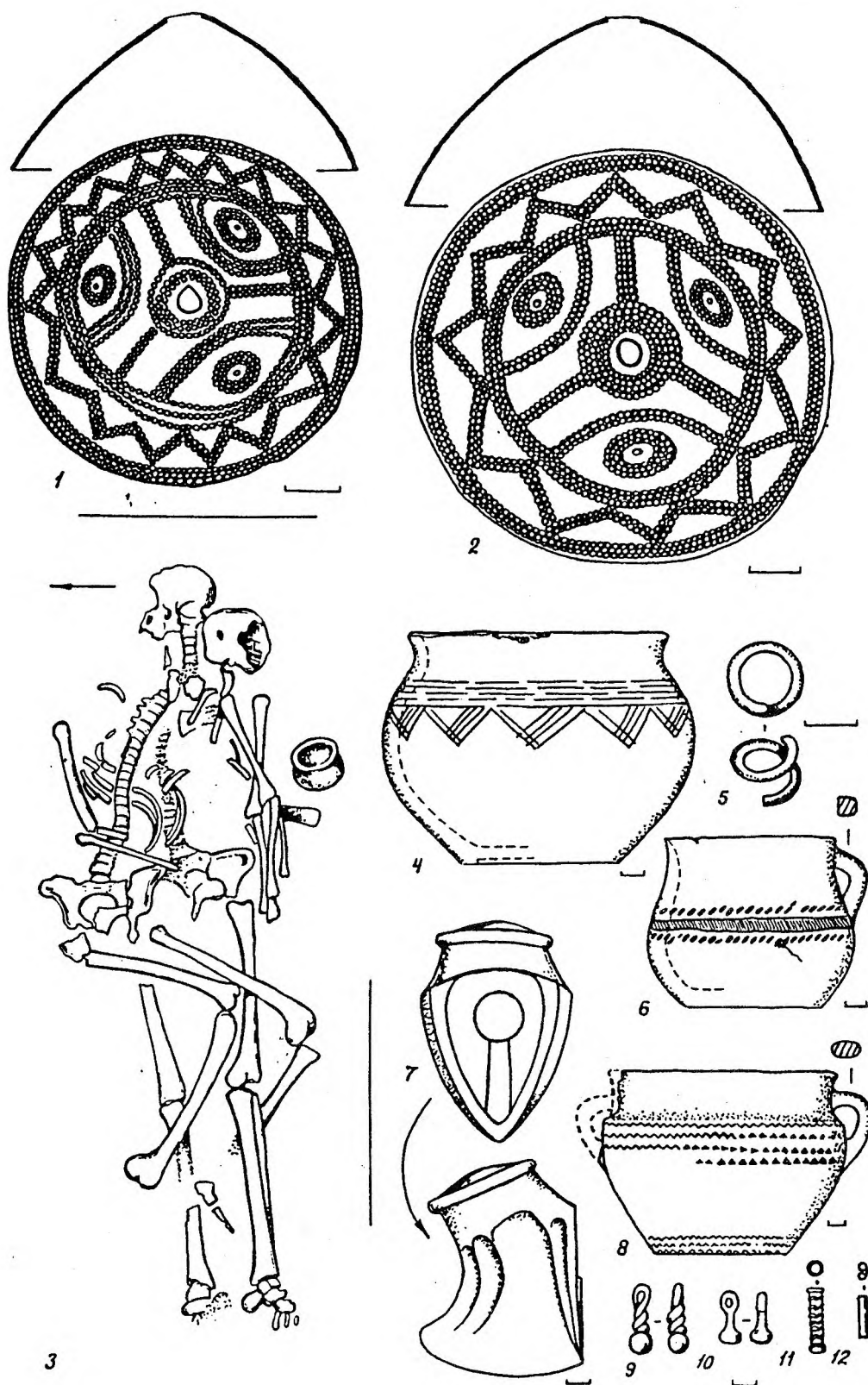

Рис.8. Пятигорск. Курган 2 на Константиновском плато (раскопки И.С.Гумилевского, 1952 г.). Погребение 6А (3) и инвентарь (1, 2, 4-12). 1, 2, 5, 9-12 — бронза; 4, 6, 8 — керамика; 7 — камень

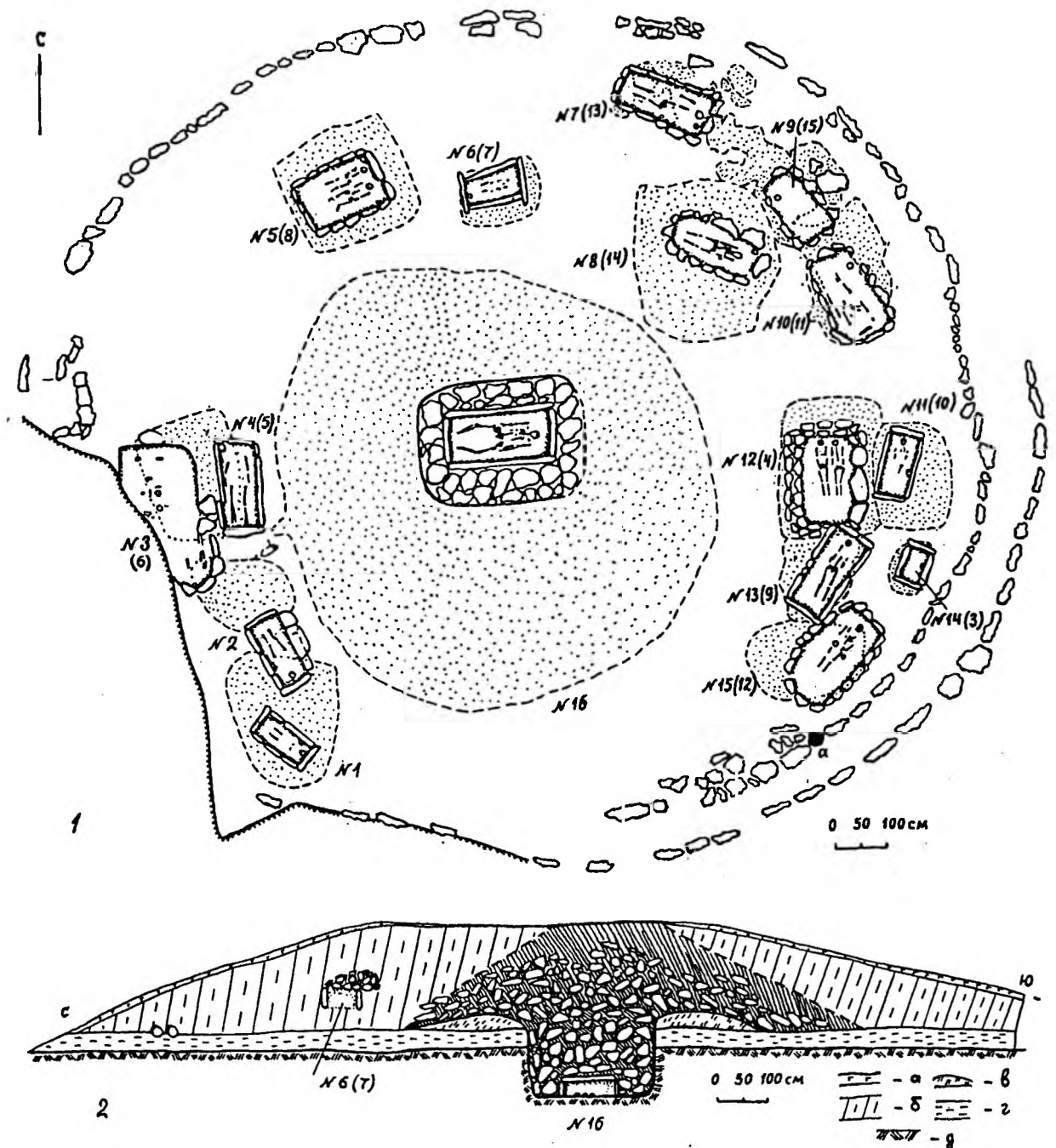

Рис.9. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.): 1 — план; 2 — профиль по линии север-юг (условные обозначения: а — дерн, б — насыпная земля с галькой, в — выкид — глина с галькой, з — погребенная почва, д — материк — плотная глина с галькой)

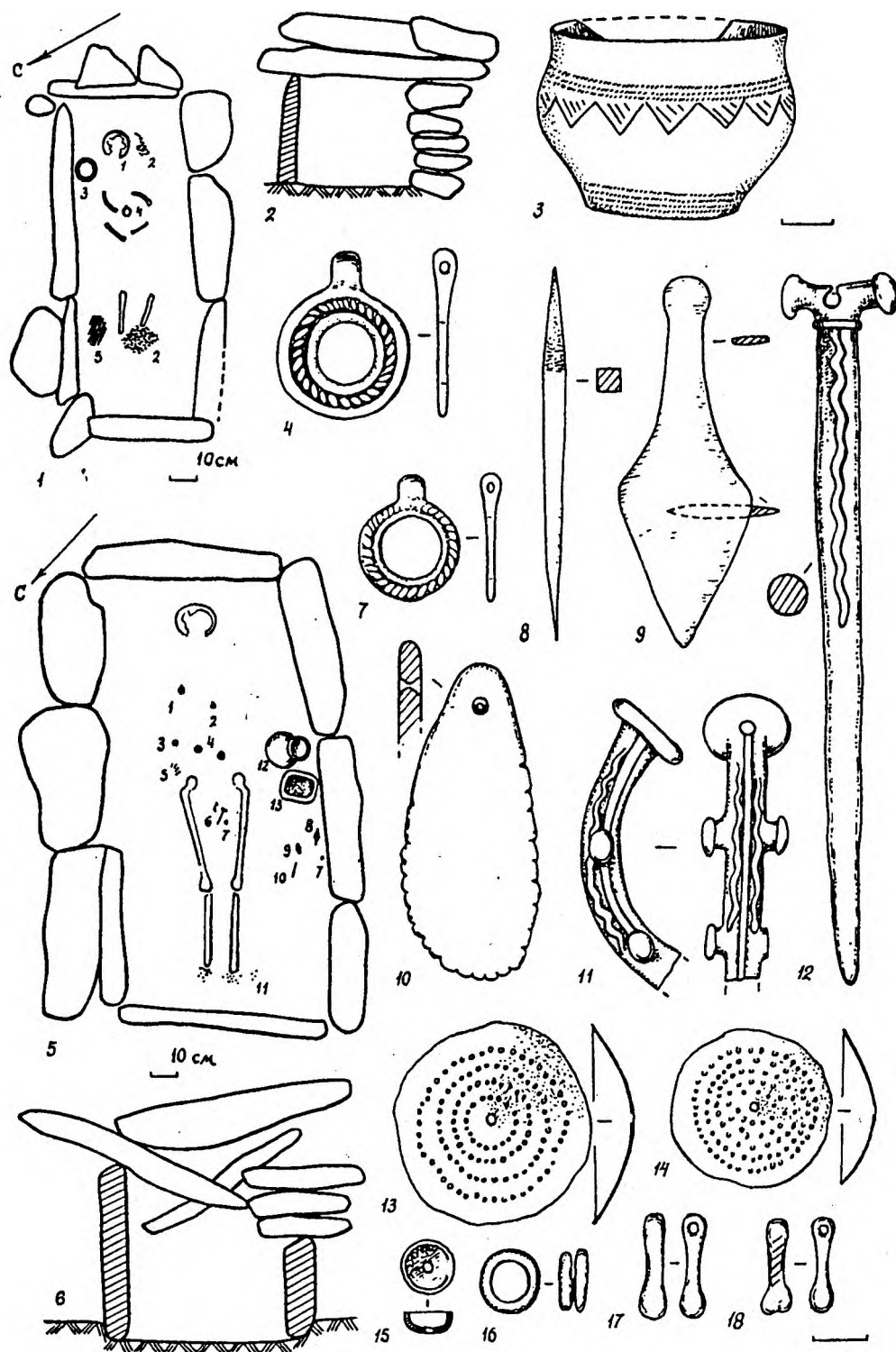

Рис.10. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.):
 1, 2 — погребение 1; 5, 6 — погребение 2; 3 — керамика; 4, 7-9, 11-14, 16-18 — бронза;
 10, 15 — камень

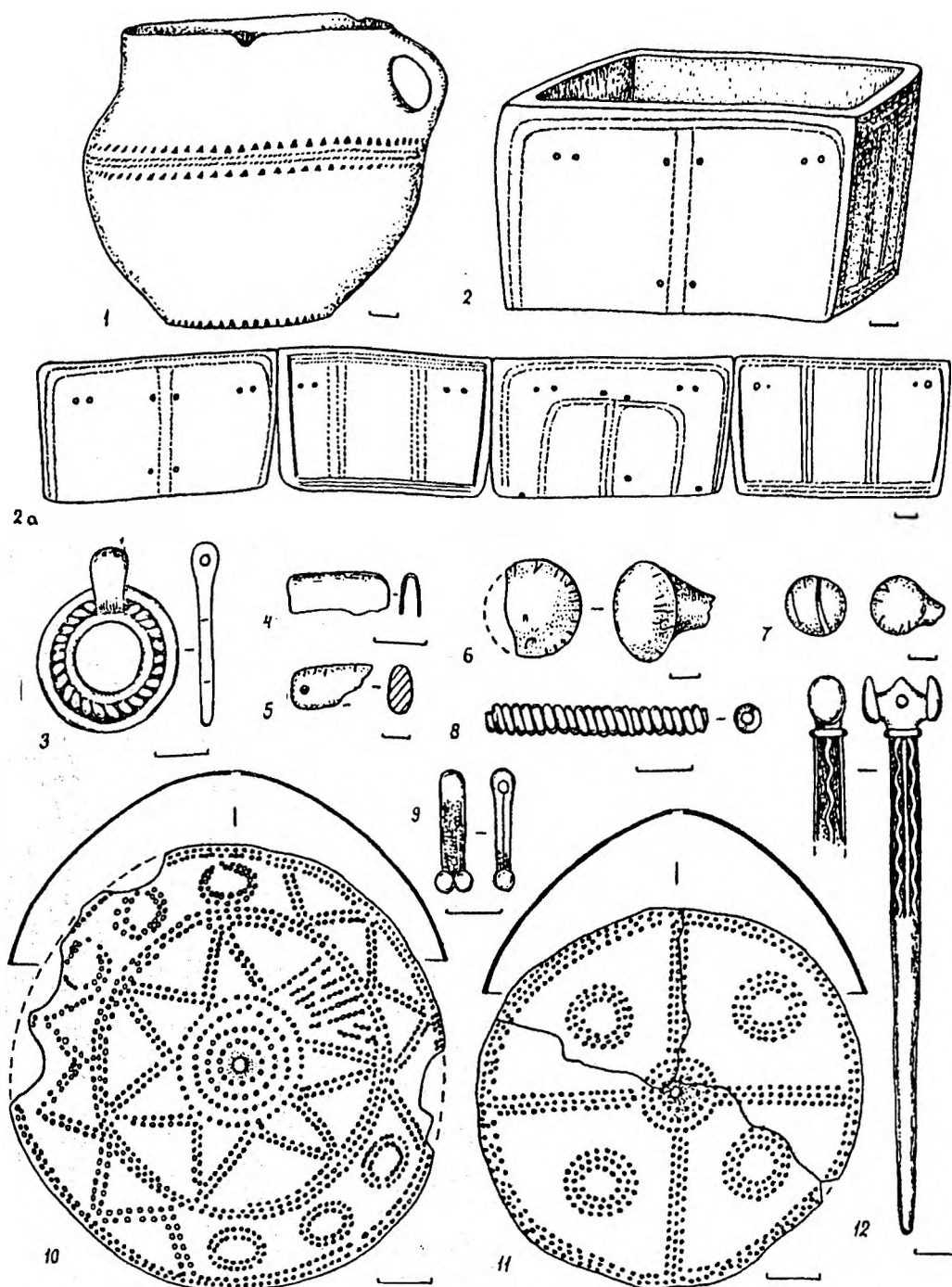

Рис. 11. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.).
1, 2 — керамика (2а — разворот сосуда); 3, 4, 8-12 — бронза; 5-7 — материал не определен

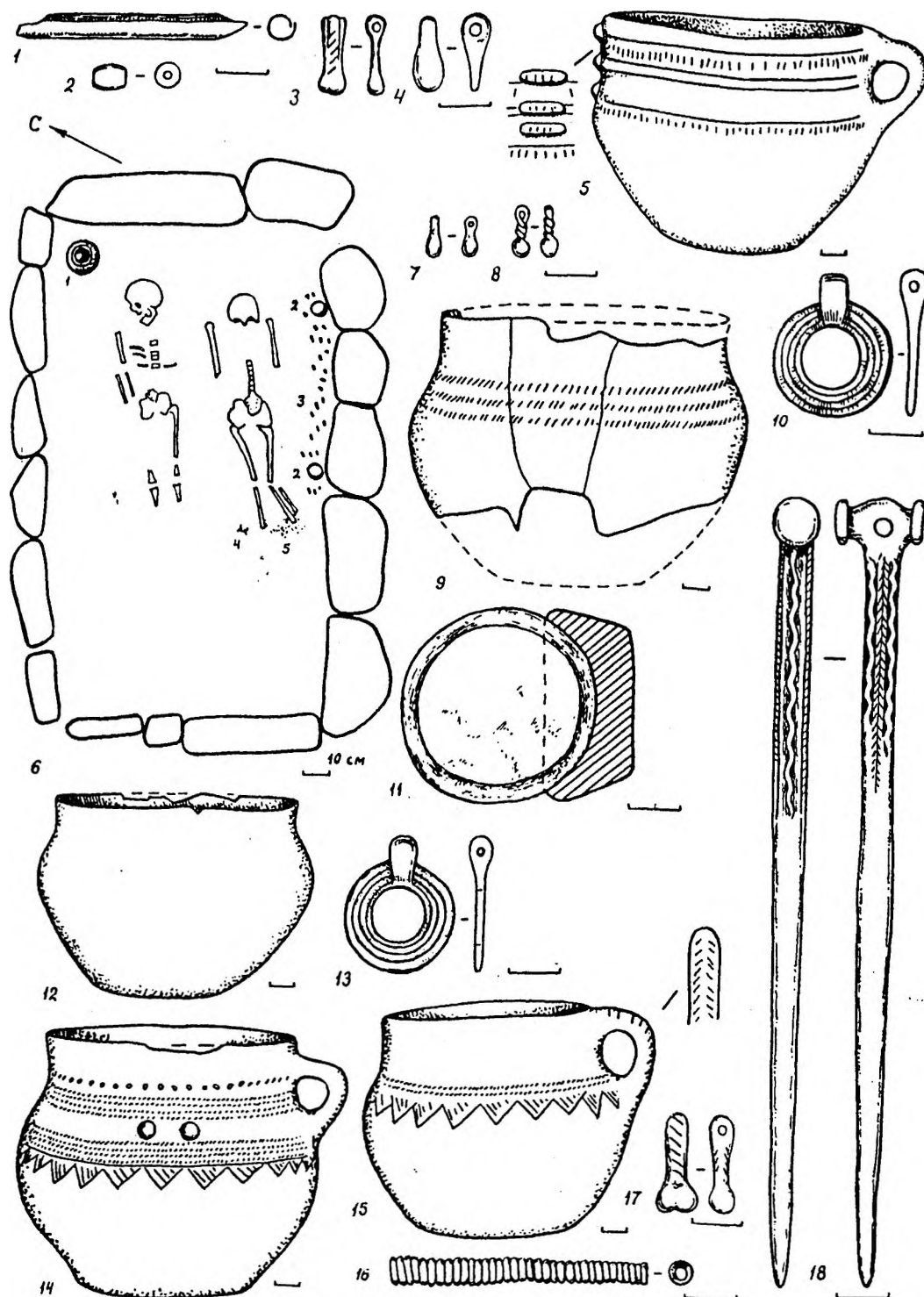

Рис.12. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ргвеладзе, 1965 г.). 1-4, 7, 8, 10, 13, 16-18 — бронза; 5, 9, 12, 14, 15 — керамика; 11 — камень; 6 — погребение 5 (8)

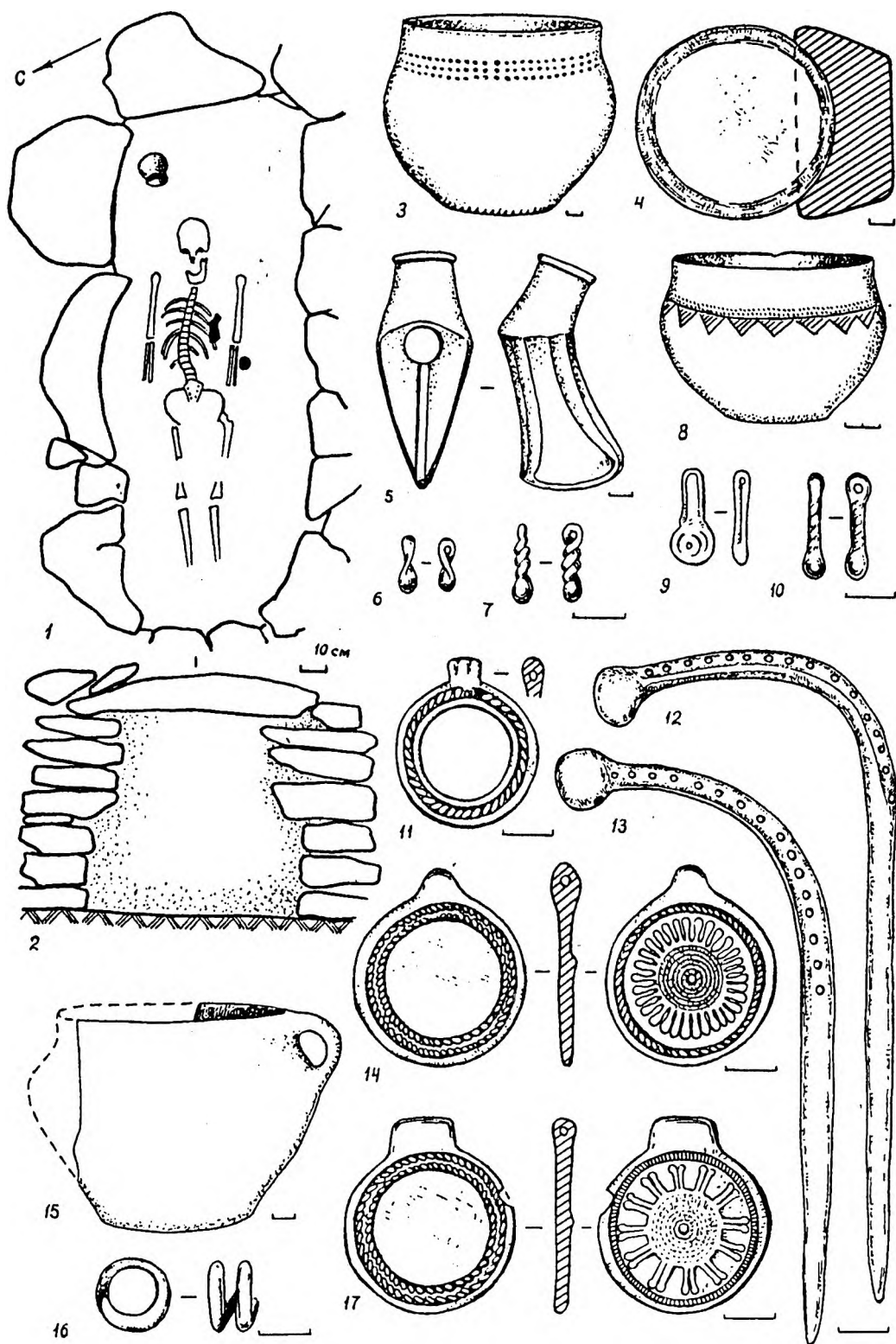

Рис.13. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.).
1, 2 — погребение 8 (14); 3, 8, 15 — керамика; 4, 5 — камень; 6, 7, 9-14, 16, 17 — бронза

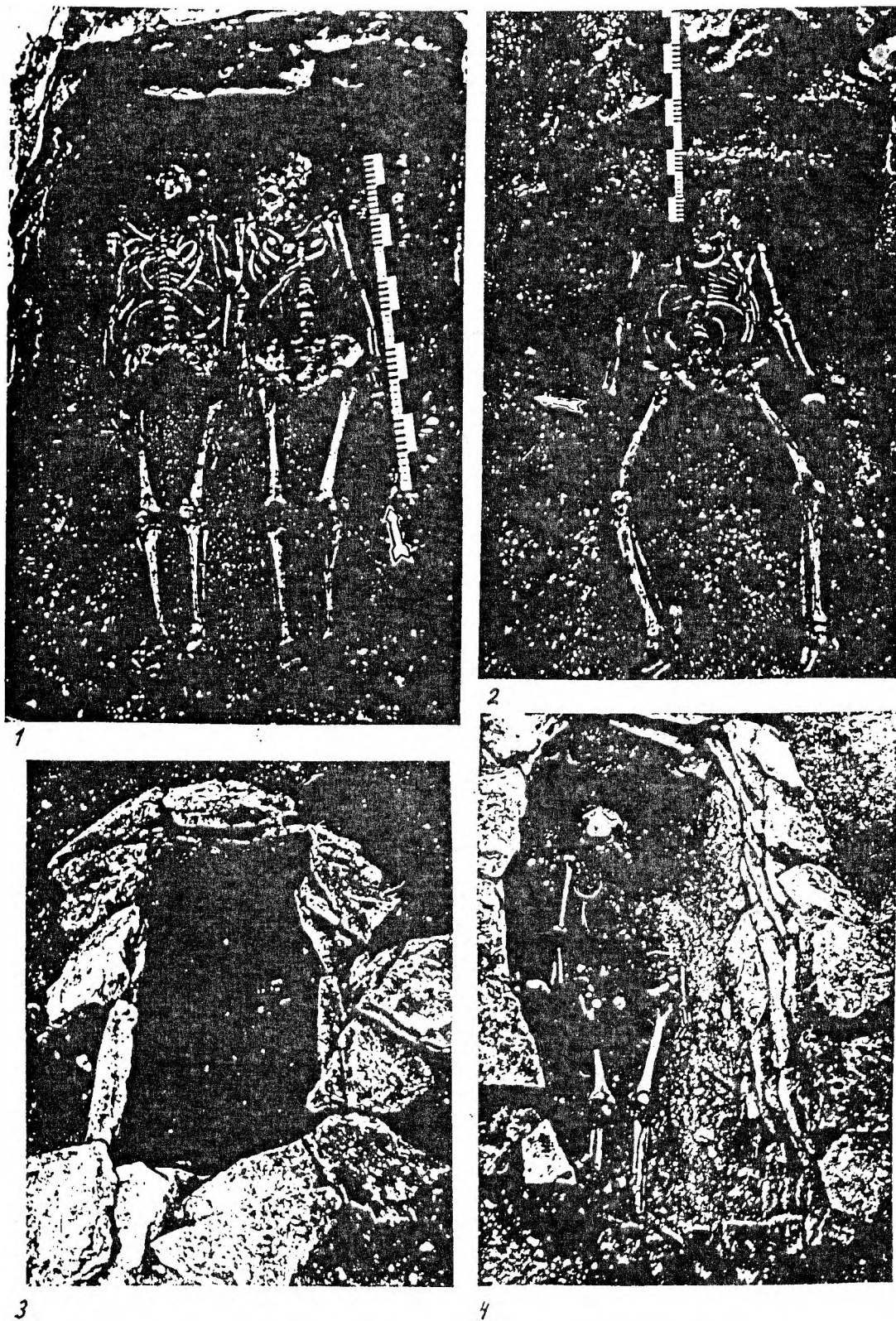

Рис. 14. Пятигорск. Отдельные курганные захоронения на Константиновском плато: 1, 2 — погребения 12 и 16 кургана 2 (4). Раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.; 3, 4 — погребения 1 (кельтаф) и 2 кургана 1 (5). Раскопки В.И.Марковича, 1966 г.

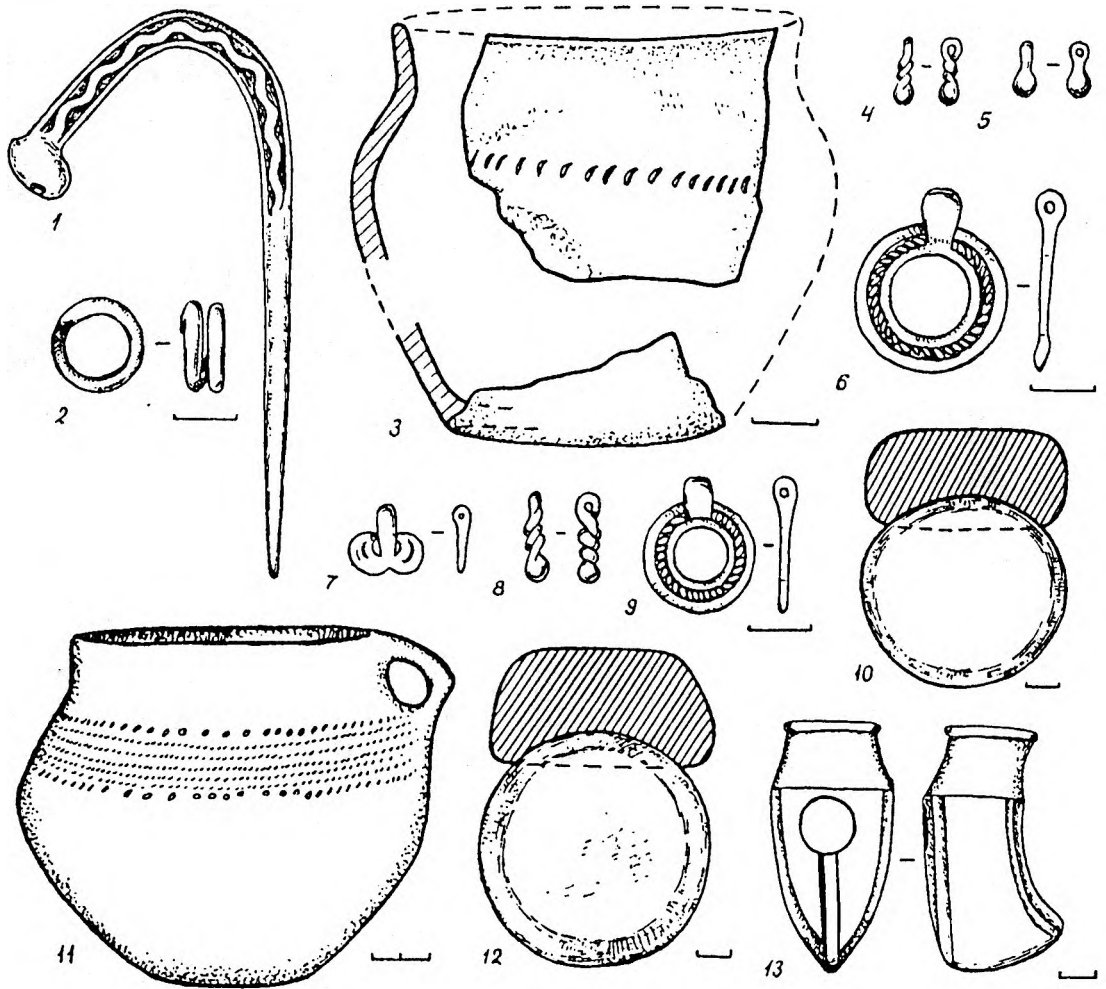

Рис.15. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 2 (4) (раскопки Э.В.Ртвеладзе, 1965 г.).
1, 2, 4-9 — бронза; 3, 11 — керамика; 10, 12, 13 — камень

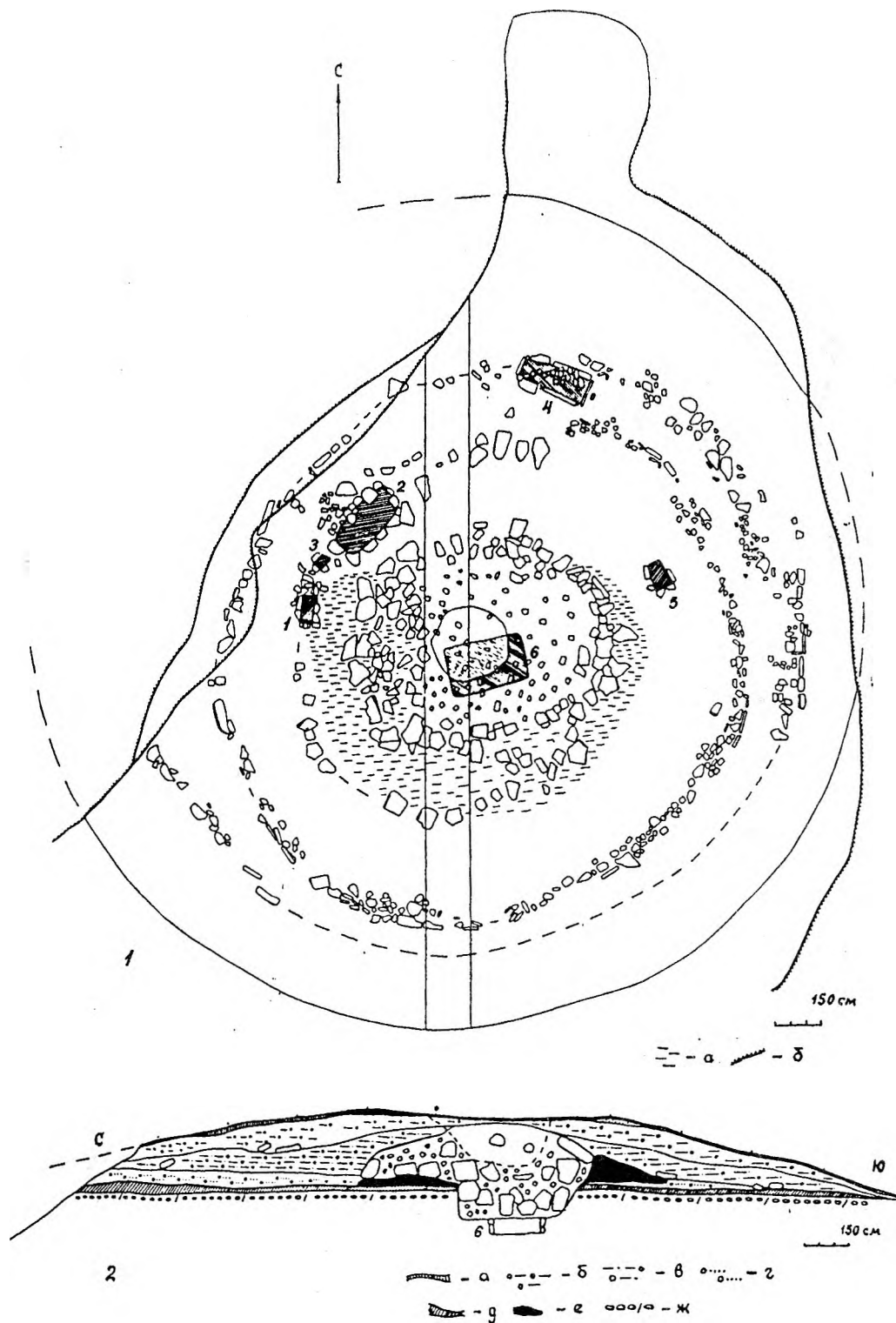

Рис.16. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 1 (5) (раскопки В.И.Марковина, 1966 г.): 1 — план (а — выкид — гравий, глина; б — край обрыва, осыпи); 2 — профиль кургана по линии север-юг (а — дерн, б — мягкий суглинок с галькой, в — плотный суглинок с галькой, г — галька с песком, д — погребенная почва, е — выкид — галька с глиной, ж — материк — галька с глиной)

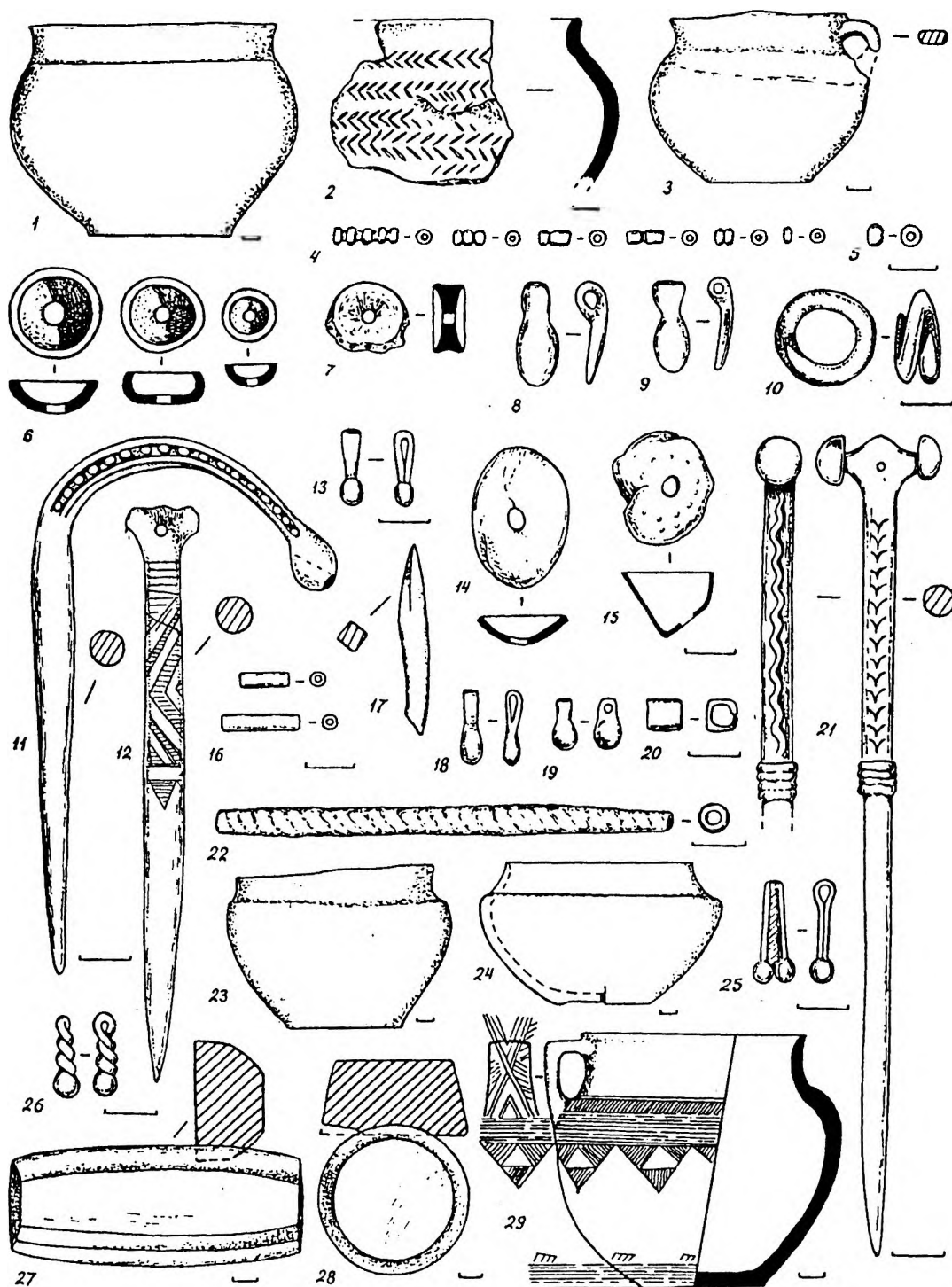

Рис.17. Пятигорск. Константиновское плато. Находки из курганов 1 (5) и 3 (7) (Раскопки В.И.Марковина, 1966 г.). 1-3, 23, 24, 29 — керамика, 4, 5, 16 — стеклянная паста, 6, 27, 28 — камень, 7, 12 — кость, 8-11, 13, 15, 17-22, 25, 26 — бронза, 14 — раковина

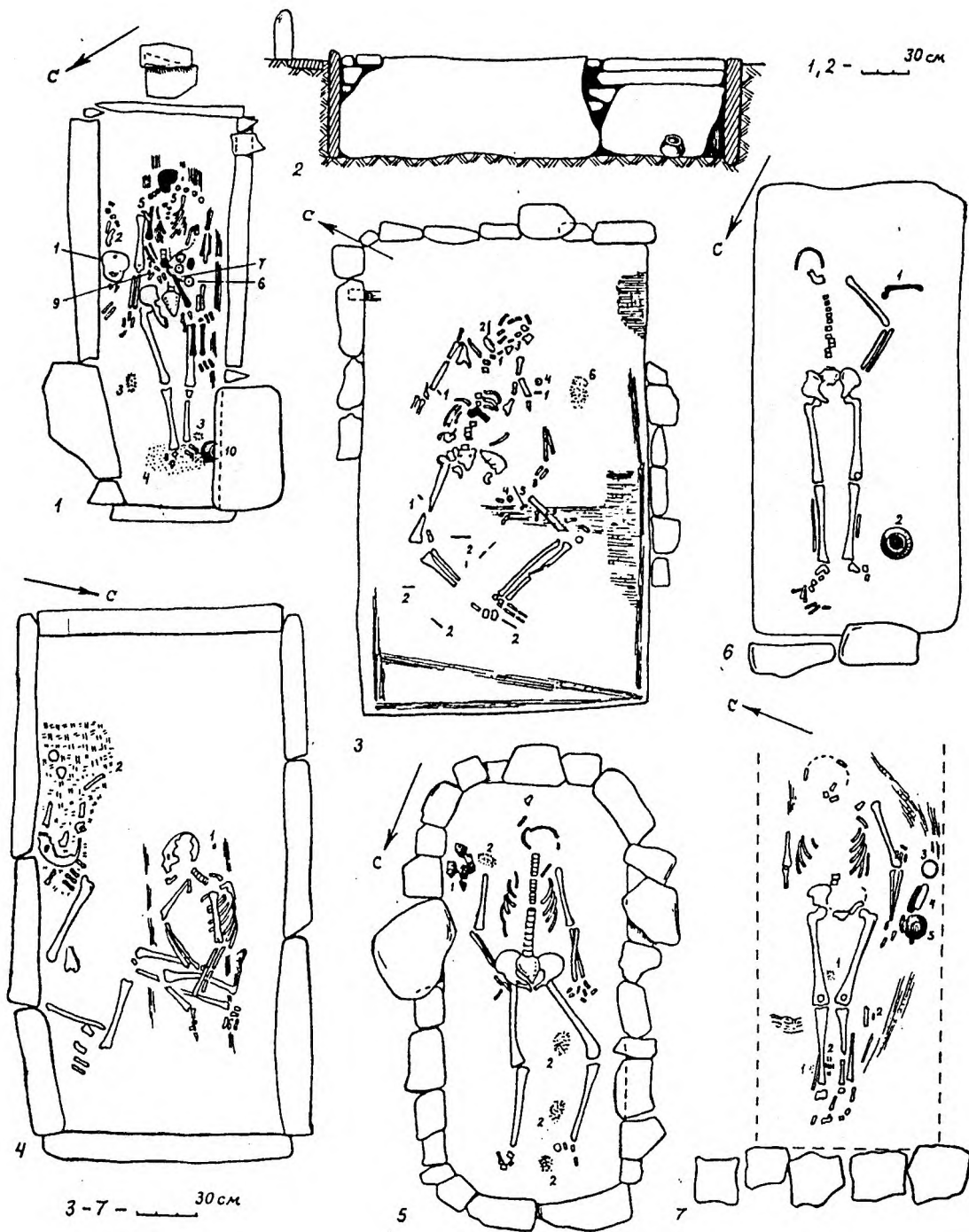

Рис.18. Пятигорск. Константиновское плато. Отдельные захоронения в курганах 1 (5) и 3 (7). Раскопки В.И.Марковина, 1966 г.: 1 — погребение 4 в кургане 1 (5) (на плане: 1 — череп женщины, 2 — кости овцы, 3 — охра, 4 — зола, 5 — височные кольца, 6 — три полу-сферические бляхи, 7 — булавка, 8 — бусы, 9 — подвески); 2 — южная стена гробницы этого же захоронения; 3 — погребение 6 в кургане 1 (5) (на плане: 1 — подвески, 2 — трубочки, 3 — бусина, 4 — колпачок, 5 — булавка, 6 — охра); 4 — погребение 1 в кургане 3 (7) (на плане: 1 — охра, 2 — костный тлен); 5 — погребение 2 в кургане 3 (7) (на плане: 1 — разбитый сосуд, 2 — охра); 6 — погребение 3 в кургане 3 (7) (на плане: 1 — бедро ребенка, 2 — сосуд); 7 — погребение 4 в кургане 3 (7) (на плане: 1 — охра, 2 — подвески, 3 — терочник-курант, 4 — шлифовальные камни, 5 — сосуд)

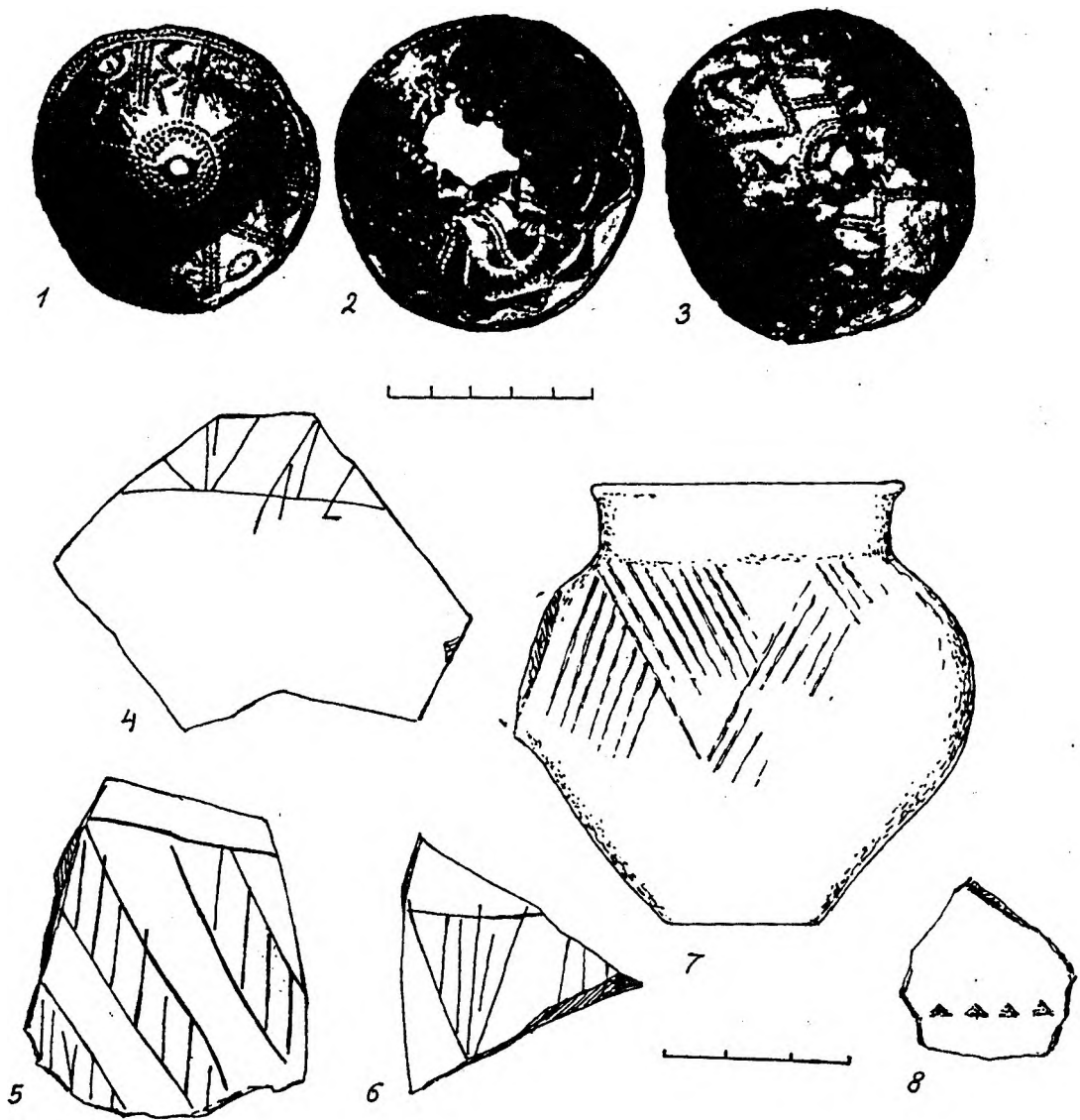

Рис.19. Пятигорск. Константиновское плато (раскопки В.И.Марковина, 1966 г.). Отдельные находки: 1-3 — бронзовые полусферические бляхи из погребения 4 кургана 1 (5); 4-8 — керамика из кургана 2 (6) (4-6 — из погребения 1, 7 — из погребения 3, 8 — из погребения 5)

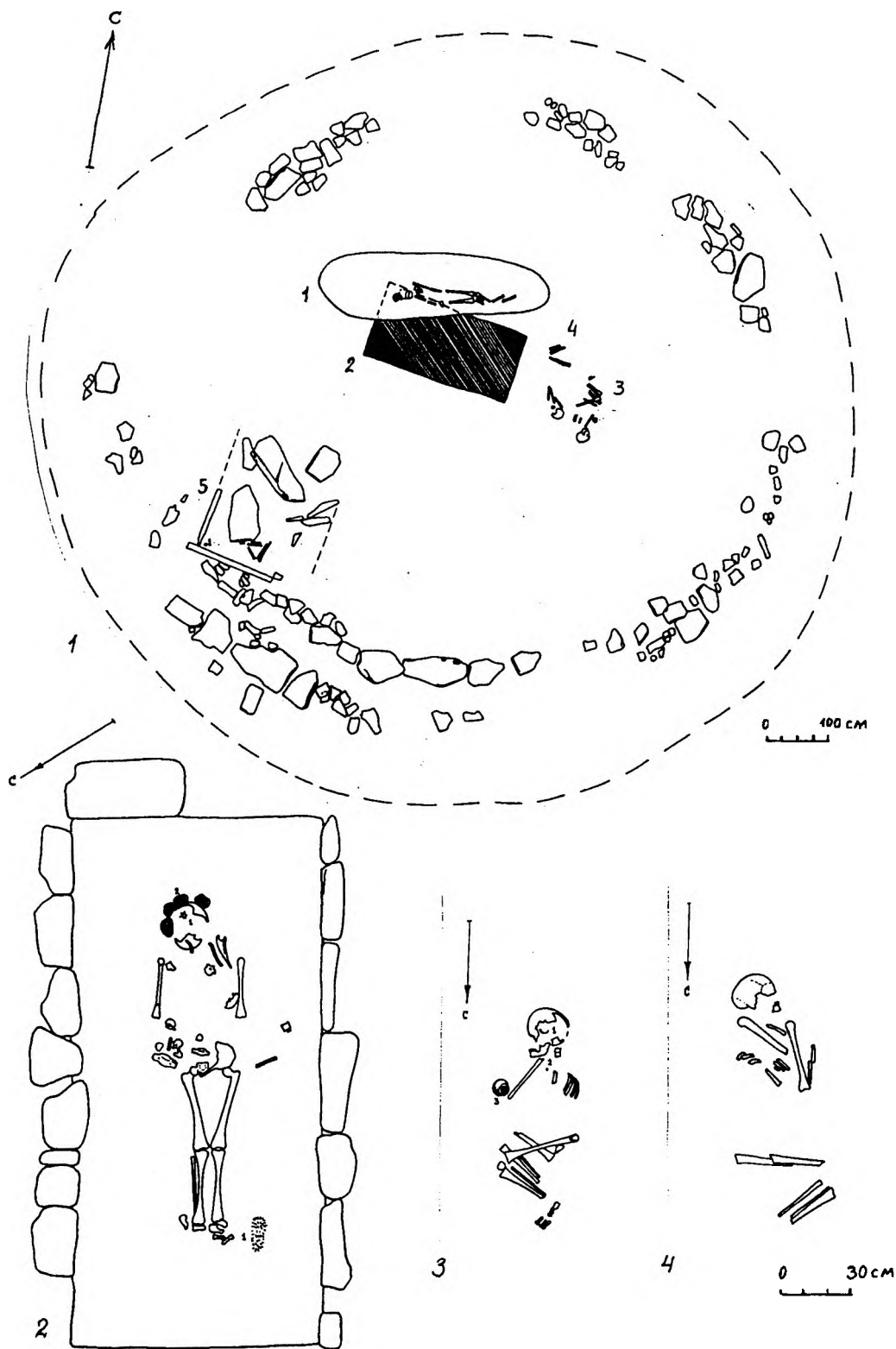

Рис.20. Пятигорск. Константиновское плато. План (1) кургана 2 (6) и погребений 2,3,4 из этого же кургана (2-4). Раскопки В.И.Марковина, 1966 г.

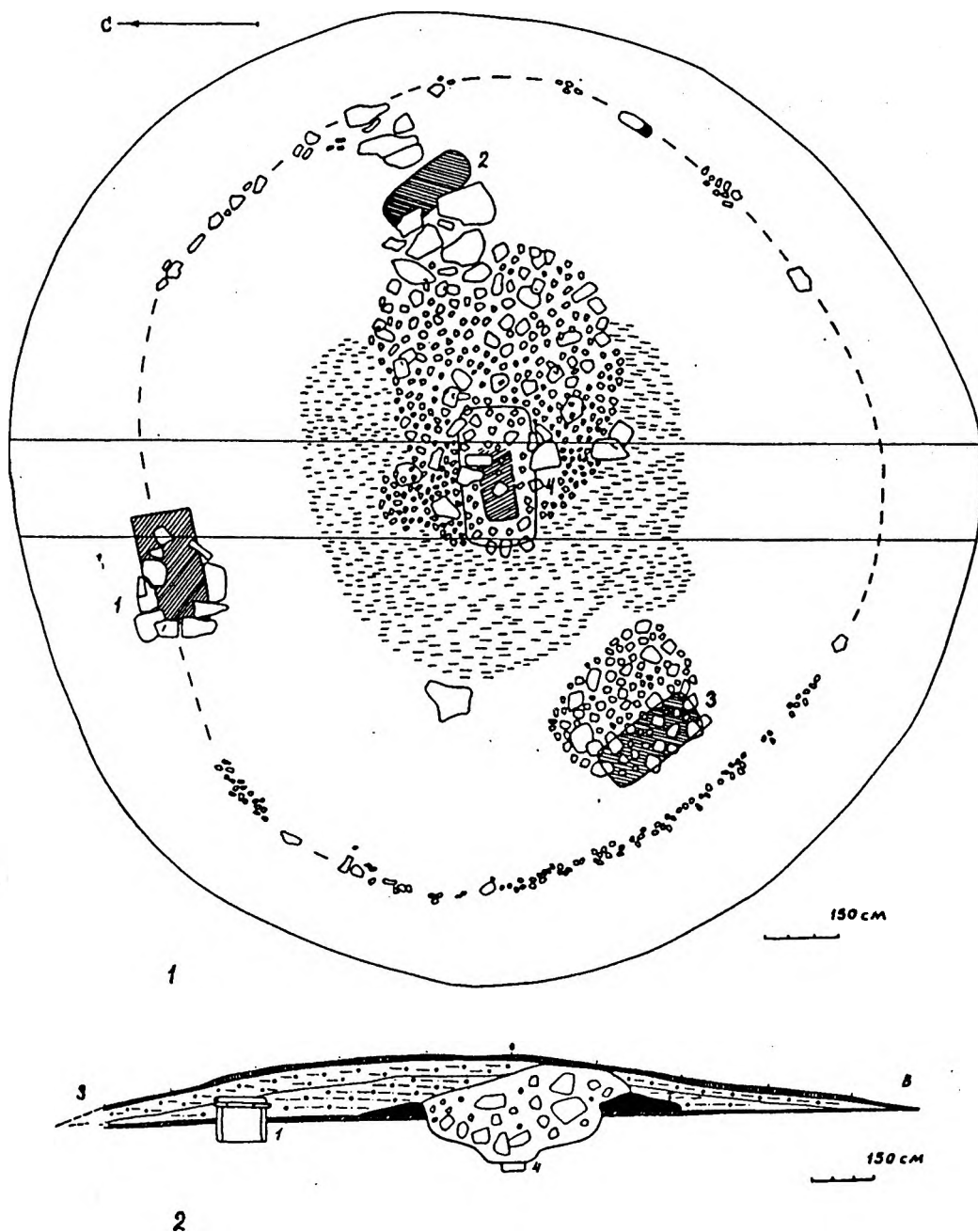

Рис.21. Пятигорск. Константиновское плато. Курган 3 (7). Раскопки В.И.Марковина, 1966 г.:
 1 — план; 2 — профиль по линии запад-восток. Условные обозначения см. на рис.16

О.В.Лопан, В.Е.Маслов

ЭКАЖЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ — ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ИНГУШЕТИИ

Летом 1996 г. Ингушская экспедиция Института археологии РАН вела охранные работы у с.Экажево Назрановского района Республики Ингушетия на месте строительства ее будущей столицы г. Магас. На территории электроподстанции, на расстоянии около полукилометра от южной окраины упомянутого села, выявлено поселение эпохи бронзы, которое в значительной степени оказалось разрушенным в ходе строительных работ. Поселение занимало довольно большую площадь на второй из четырех эрозионно-аккумулятивных надпойменных террас правого берега р.Сунжа. На территории поселения был заложен раскоп, вскрывший котлован постройки, которую, к сожалению, не удалось доследовать целиком из-за проложенной с восточной стороны траншеи с кабелем. Тем не менее, вскрытая площадь жилища — 108 кв. м — позволяет предположить, что большая его часть была исследована. В северной части котлован постройки прорезал дромос раннесредневековой подкурганной катакомбы (рис.1).

Под слоем гумуса (рис.2, 1) располагался мощный пласт темно-коричневого гумусированного суглинка (рис.2, 2), образывавший над котлованом постройки затек толщиной до 90 см. В северной части раскопа в него вклинивалась прослойка коричневатого суглинка с выделениями солей (рис.2, 3) — погребенная почва курганной насыпи над аланской могилой. Скопление костей лошади в яме, расположенной на этом уровне вне площади жилища (рис.2, 18), возможно относится к данному погребению. Ниже следовал слой бытования поселения эпохи бронзы — рыхлый коричневатый-серый суглинок мощностью до 40–50 см с небольшим количеством керамики и костями животных (рис.2, 4), который в районе затека над котлованом постройки был настолько насыщен золой, что образывал линзу светло-серого цвета (рис.2, 6). На этом уровне уже фиксировались края котлована постройки, вырытого в плотном желто-палевом лёссовидном материковом суглинке (рис.2, 5).

Постройка погибла в пожаре, что отмечено внутри ее котлована прослойкой серо-коричневого суглинка (рис.2, 13) с комьями красной обожженной глины (рис.2, 13 — рухнувший потолок?) и слоем коричнево-серого суглинка, насыщенного продуктами горения (рис.2, 7). По периметру постройки тянулись массивы спекшейся докрасна прокаленной глины (рис.2, 15), местами достигавшие толщины 35–50 см (завалы стен, рухнувших вовнутрь котлована постройки?).

Тонкие углистые прослойки (рис.2, 10) и беспорядочные завалы сгоревших деревянных плах (рис.2, 14), скорее всего относящиеся к упавшему потолочному перекрытию, располагались непосредственно на полу жилища, которым являлся желтый материковый суглинок (рис.2, 5). На нем местами прослеживались тонкие (2–10 см) слои разноцветных подмазок из материковой глины (рис.2, 9) и пятна выбросов из ям (рис.2, 8).

Котлован постройки, углубленный в материк на 20–50 см у стен и до 40–80 см в центре, имел подпрямоугольную форму и был ориентирован по линии ВСВ — ЗЮЗ. Размеры его около 13,8 м в длину и 7,8 м в ширину, общая вскрытая площадь составила около 108 кв. м.

В постройке было выявлено 89 ям (рис.1). Из них 10 по величине и профилировке отнесены к хозяйственным. Это колоколовидные или округлые в разрезе ямы с диаметром устьев от 50 до 90 см. Интересно, что в заполнении одной из этих ям находились кости животных, относящиеся к частям мясных туш: скелеты передней и задней конечности вместе с копытами, а также часть ребер и позвонков от двух молодых особей крупного рогатого скота, и практически полные скелеты двух молодых баранов и козленка (обработка остеологического материала выполнена сотрудником ИА РАН к.б.н. Е.Е.Антипиной). В данном контексте назначение этой хозяйственной ямы бесспорно — хранение мясных припасов. Мясо не было использовано в пищу, по видимому, в связи с неожиданно обрушив-

шейся на жителей дома бедой — пожаром. Содержимое еще одной хозяйственной ямы, примыкающей к вышеописанной, оказалось неординарным: здесь (рис.1, 21) были найдены голова барана, полный скелет новорожденного ягненка и скелет новорожденного младенца. Причем, судя по срокам окота овец и возрасту животных, тушка ягненка была положена в яму весной, а голова барана могла попасть туда только осенью. С этой ямой общим желобом соединялась еще одна, в которой найдена поставленная вертикально крупная каменная ладьевидная зернотерка (рис.1, 16). Данные ямы возможно образуют специфический комплекс, тяготеющий к расположению печи и очага. Наконец, упомянем еще одну хозяйственную яму, в заполнении которой была найдена единственная на памятнике металлическая вещь — бронзовое долото (рис.1, 19) и рог животного со следами обработки.

Остальные ямы предназначались для столбов: часть их расположена по всему периметру котлована жилища. Прочие столбовые ямы находились внутри постройки: их расположение позволяет судить, что дом, вероятно, делился на две крупные части — хозяйственную (западную), являвшуюся скорее всего помещением при входе, жилую (восточную), которые разделялись рядом идущих с юга на север столбов. На уровне завалов стен этот ряд ям перекрывался длинными (до 3 м) встречными языками прокаленной глины, вероятно, являющихся остатками внутренних перегородок. В свою очередь, хозяйственная часть, возможно, делилась на дополнительные помещения рядами ям, идущих с запада на восток (рис.1).

В хозяйственной части постройки найдены: керамическая бусина (рис.15, 5), фрагмент керамической «сковороды-жаровни» и два миниатюрных глиняных сосудика (рис.11, 16, 17). Восточная (предположительно жилая) часть постройки принесла наибольшее количество находок: достаточно сказать, что отсюда происходят 10 из 12 найденных на всем раскопе развалов сосудов, костяные изделия, абразив со следами глубокой сточенности. В этом же помещении находилась печь — «кор» (рис.1, 3) и жертвенник (рис.1, 5, 6, 7; 4, 3; 13).

«Кор», подковообразной формы размерами 1,04 x 1,00 м, сделан из докрасна обожженной глины. Печь была ориентирована стенками параллельно стенам постройки и обращена устьем на юг. Ее стены сохранились не на полную высоту: максимально до 32 см. Под «кору» состоит из двух продольных камер подпрямоугольной формы (рис.3, I-9А и 9Б),

которые отделяются друг от друга невысоким валиком из обожженной красно-коричневой глины (рис.3, I-5), шириной в 5–6 см и длиной около 80 см при высоте 4–6 см. Величина большой камеры — 55 x 85 см, малой — 20 x 90 см. Печи аналогичного устройства, с боковым продольным узким каналом, достаточно широко представлены на поселениях эпохи бронзы горного Дагестана. Близкие по конструкции печи, предназначенные для сушки и обжаривания зерна и выпечки хлеба, до сих пор используются жителями Северо-Восточного Кавказа. По-аварски они именуется «кор» — это название закрепилось в археологической литературе (Котович В.М., 1965, с. 38). Огонь в «коре» разводится сначала на поде (в большей камере), который после прогрева печи очищается, а температура поддерживается за счет огня в канале (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956, с. 75–76). По деталям устройства к печи Экажевского поселения наиболее близки «кору» Сигитминского поселения эпохи ранней бронзы. Они были высотой около 40 см от пола и имели частью сохранившееся у стен плоское перекрытие (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956, табл.61, 72 и др.). Мы полагаем, что «кор» Экажевского поселения имел неполное перекрытие, в отверстии которого наверху находилась довершавшая свод глиняная «сковорода-жаровня» (рис.3, II, VI, VII). Остатки ее обнаружены в развале на поде печи. Отметим, что очертания стен «кору» (рис.3, I) идеально повторяют контуры стенок «жаровни», (рис.3, II, 4, I) и это, в свою очередь, позволяет предположить, что постройка печки и изготовление «жаровни» взаимосвязаны. «Жаровня», вероятно, поддерживалась утолщениями верхних краев стен очага: многочисленные фрагменты валиков с расходящимися под углом уплощенными выступами были найдены в заполнении печки (рис.3, II, VI). В «коре» находился также фрагмент налепной глиняной спирали — солярного символа, скорее всего, относящегося к декору печи (рис.4, 2).

Сделанные разрезы позволили проследить этапы постройки печи и ее конструктивные особенности (рис.3, IV, V). В первую очередь был сформован устьевой валик (овального сечения) длиной 85 см из плохо обожженной глины темнокоричневого цвета с дресвой (рис.3, I-7; 3, V-3), на который затем был нанесен, с наружной его стороны, дополнительный слой глины для придания более заостренной формы (рис.3, V-4). Поверх обмазанного глиной пола (на этом уровне под очагом попадались фрагменты керамики и кости жи-

вотных — рис.3, IV-1, V-1) была произведена при устройстве печи нивелировочная подмазка из материковой глины (рис.3, IV-2, V-2). Под центральной частью «кора», в направлении С-Ю, эта подмазка имеет значительное утолщение до 7–8 см — там, где в дальнейшем предполагалась формовка валика, разделявшего печь на две камеры. Подмазка одновременно закрепляла в нужном положении устьевой валик (рис.3, IV-3). Пространство будущего очага изнутри оконтуривали невысокие, до 6 см, валики из материковой глины (рис.3, IV-5), которые, по-видимому, являлись дополнительной опорой для возводящихся стен очага. Стены «кора», толщиной 4–6 см (рис.3, IV-6), укреплены вмазанными внутрь них плоскими галечными камнями длиной 20–25 см, шириной 10–15 см и толщиной около 5 см, поставленными вертикально (всего 5 шт.). Затем бортики западной и восточной стен, изнутри, от середины их протяженности до устья, были укреплены дополнительным слоем глины, той же толщины (5–6 см) и высоты, что и стены печи (рис.3, I-2). Как видно по сохранившейся части восточной стены, края стенок печи, формирующие устье, вместе с укрепляющим слоем образовывали сдвоенные валики, спускающиеся с пода печи на пол постройки (рис.3, I-6). Пространство, ограниченное стенами и устьевым валиком, заполнено галечником (рис.3, IV-7, V-7). Галечная подушка частично перекрывает валик устья (рис.3, I-8). Следом на стены очага изнутри и снаружи был нанесен слой обмазки толщиной 1–1,5 см (рис.3, I-3, IV-8А и 8Б). Затем поверх галечной подушки (рис.3, IV-7) был уложен глиняный разделительный валик (рис.3, IV-9) и произведена первая формовка (заливка) малой топочной камеры (рис.3, IV-9). Полученный результат — углубленный относительно большой камеры канал — отчего-то не устроил мастеров и они решили прибегнуть ко вторичной галечной подсыпке, которая была произведена над малой топочной камерой (каналом) (рис.3, IV-10). Затем под печи, включая разделительный валик, был целиком покрыт слоем обмазки толщиной до 4 см, которая переходит во вторичную внутреннюю подмазку стен (рис.3, IV-11, V-11). Отметим, что прием постройки пода на галечном основании и укрепление стенок печи вертикальными плитами использовали жители Сигитминского поселения в Дагестане (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956).

У восточной стенки «кора» разместился небольшой культовый комплекс, состоящий из вмазанных в пол плиты и сосуда (рис.3, I-11

и 10). Плита сделана из обожженной глины с добавлением крупной дресвы; оба боковых края у нее обломаны (рис.12, I). Толщина блока по основанию — 12,4 см, по верху — 5 см, высота — 14,7 см, сохранившаяся длина — 32 см. С тыльной стороны плиты, на высоте около 4 см от основания, находится наклепной уплощенный валик высотой около 2 см, покрытый по гребню пальцевыми отпечатками, формирующими волнистый край. На лицевой стороне блока пальцевыми вдавлениями нанесены два ряда разнонаправленных треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Плита была вмазана в пол до уровня валика и ориентирована лицевой стороной на ЮВ. За нею находился вмазанный в пол плохо обожженный глиняный сосуд без дна с 2-мя парами симметричных сквозных отверстий под устьем. (рис.3, I-10; 4, 4). Позади них был найден бесформенный развал спрессованных черепков сосуда(?) из очень плохо обожженной глины с примесью органики (рис.3, I-12).

К югу от печи, на расстоянии 2 м, был устроен открытый очаг-жертвенник (рис.1, 5-7). Он представлял собою площадку из обожженной глины размерами 1,14 x 1,2 м (рис.13, II) с вмазанной у западной ее границы керамической фигурной плитой с солярными знаками — тремя спиральными наклепами (рис.4, 3; 13, I). С двух сторон плита имела два крыловидных скругленных выступа с заостренным — «рогатым» — завершением. С тыльной стороны плиты, на высоте около 8 см от основания, расположен наклепной уплощенный горизонтальный валик, до уровня которого плита была углублена в пол постройки. Она имела длину 75 см и толщину по верху — 4 см, по основанию — 6 см. Ее высота в центре — 21 см, по вершинам выступов — 29 см, расстояние между вершинами выступов — 50 см. По верхней грани плиты и боковым торцам проходят две углубленные линии-каннелюры шириной около 1 см. В тесте содержится значительная примесь дресвы. Очажная стенка ориентирована лицевой стороной на запад. Разрез глиняной площадки, располагавшейся за тыльной стороной очажной стенки (рис.13, III), позволил установить, что она подновлялась в процессе функционирования очага: последний слой (рис.13, III-5) был положен поверх прослойки золистой супеси, содержащей кальцинированные кости животных (рис.13, III-4). В полуметре от очага-жертвенника найден плохо обожженный сосуд баночного типа с комочками красной охры внутри (рис.13, II-7; 12, 3).

В восточной части постройки был найден комплекс из трех крупных сосудов (рис. 1, 10–12). Один из них — цилиндрический чан из плохо обожженной глины с примесью органики — имел прямой венчик (рис. 11, 13) и боковое отверстие, закрытое специально сделанной глиняной затычкой (рис. 11, 14). Чан, вероятно, был сформован на месте. Рядом находился очень крупный сосуд, поставленный вверх дном (рис. 6, 1), и два горшка (рис. 7, 2, 4).

В керамическом комплексе постройки представлены две синхронные технологические традиции. К первой относятся тщательно сформованные, симметричные, достаточно хорошо обожженные сосуды с заглаженной, реже — подлощенной поверхностью. В примеси преобладает дресва. Цвета — серый, различные оттенки коричневого. Яркие кирпично-красные оттенки и пятнистость ряда сосудов объясняется вторичным обжигом в огне пожара, от которого погибла постройка. На донных частях сосудов достаточно часто встречаются следы формовки на подставке с использованием подсыпки. На некоторых фрагментах придонных частей (5 экз.) удалось отследить применение донно-емкостного начина (рис. 8, 14, 16, 28). В двух случаях на верхних частях сосудов отмечено спирально-жгутовое конструирование. Имеется два ангобированных фрагмента (рис. 8, 28). Все крупные тарные сосуды, кухонные и столовые горшки, а также «сковороды-жаровни» имеют хороший обжиг и изготовлены из теста с примесью дресвы.

В рамках второй технологической традиции изготавливались груболепные, с неровной поверхностью, плохо обожженные, рыхлые сосуды баночных форм. Цвет — серый, во влажном состоянии коричневатозеленый. Из них только два миниатюрных сосудика содержали примесь дресвы. Во всех прочих случаях в качестве отощителя прослеживаются крупные фракции органического происхождения (отпечатки стеблей).

Керамика Экажевского поселения делится на следующие категории по назначению: 1. тарные горшки-пифоиды; 2. столовые и кухонные горшки; 3. «сковороды-жаровни»; 4. баночные сосуды неопределенного назначения; 5. диски (крышки?); 6. миниатюрные сосудики; 7. чаны; 8. культовый сосуд (?).

Категория тарной керамики включает большие сосуды трех типов:

ТИП 1. Сосуды с «С»-видным отогнутым венчиком, широким устьем, узким дном и яйцевидным туловом, максимально расширяющимся в верхней части. Единственный целый экземпляр (рис. 6, 1) имеет заглаженную сна-

ружи и подлощенную изнутри поверхность и серию налепов, расчлененных зажимами. Высота — 52,5 см, D устья — 36,5–37,5 см, D шейки — 32,5–33,5 см; D тулова — 46 см; D дна — 15 см.

ТИП 2. Целых форм нет. Сосуды с резко расширенным туловом, узким относительно тулова устьем и высоким вертикальным (рис. 6, 5) или слабоизогнутым венчиком (рис. 6, 6). К этому типу могут быть отнесены только профильные части двух пифоидов. Оба фрагмента имеют заглаженную поверхность и примесь дресвы и органики в тесте.

ТИП 3. Целых экземпляров нет. Сосуд с покатыми плечиками, отогнутым венчиком и очень широким устьем, диаметр которого (ок. 36 см) почти равен диаметру тулова (рис. 8, 36). Поверхность заглажена; в примеси дресва и органика.

Столовые и кухонные горшки представлены следующими типами:

ТИП 1. Это горшки средних размеров высотой 25–30 см, с округлым туловом, максимально расширенным посередине (27–30 см), широким устьем и шейкой, диаметр которой на одну треть меньше диаметра тулова (рис. 7, 1, 2, 4, 5). Диаметр венчиков приблизительно в 2 раза превышает диаметр донной части. Венчики горшков изогнутые или прямые, слегка отогнутые. Поверхность — заглаженная, а иногда и подлощенная. Сосуды орнаментированы различными вариантами налепов, реже отрисками треугольной лопаточки. В примеси — дресва. Среди горшков этого типа выделяется три варианта профилировки тулова.

Вариант 1. Сосуды со «вздутым» туловом, заметно расширяющимся посередине, и выраженным переходом к придонной части (рис. 7, 1, 5).

Вариант 2. Горшок с шарообразно расширенным туловом. У единственного целого экземпляра такого сосуда невысокий прямой отогнутый венчик (рис. 7, 2).

Вариант 3. Горшок более удлиненных пропорций; форма тулова близка к яйцевидной: высотой несколько превышает максимальный диаметр тулова (рис. 7, 4).

ТИП 2. Имеется единственный большой фрагмент профиля (рис. 7, 3). Это горшок средних размеров, с крутым перегибом в верхней трети, на которую приходится максимальное расширение тулова сосуда. Венчик круто изогнут, устье и шейка широкие; дно, по-видимому, небольшое. Стенки снаружи заглажены и подлощены; изнутри прослеживаются следы заглаживания деревянным (?) инструментом.

ТИП 3. Целых форм нет. По пропорциям и профилировке эти сосуды очень близки 3-му типу крупных тарных сосудов, отличаясь лишь размерами. Это горшки с очень широким устьем, покатыми плечиками и слабоизогнутым венчиком, диаметр которого равен диаметру тулова (рис.8, 37-39). Поверхность заглаженная или подлощенная; в примеси — органика в сочетании с дресвой. По размерам внутри типа 3-го выделяется два подтипа: горшки средних размеров с D тулова — 24–26 см (рис.8, 38, 39) и маленький горшочек с D тулова 19,5 см (рис.8, 37).

Несмотря на большое количество вариантов профилировки тулова, в общей массе горшковидных сосудов Экажевского поселения достаточно четко прослеживается ведущий стандарт: «С»-видно изогнутый, реже — прямо отогнутый венчик, покатые плечики, плавно расширенное посередине или в верхней трети сосуда тулово, иногда намеченный прогиб в придонной части, широкие шейка и устье, диаметр которого почти в два раза превышает диаметр узкого донца.

Категория 3 — глиняные «сковороды», которые иногда также именуют «жаровнями». В отличие от собственно «жаровен» — плоских глиняных дисков, они имеют высокие стенки-борта. «Сковороды-жаровни» из Экажево представлены одним типом (рис.4, 1; 5): подковообразной формы (как можно судить по единственному целому экземпляру), с выпуклым дном, прямыми стенками с глубоким, до дна, подпрямоугольным, слегка расширенным кверху выемом. Края «жаровен» по всему периметру покрыты рядом сквозных отверстий. Длина целого экземпляра 51 см, наибольшая ширина — 44,5 см, высота — 20,5 см, размеры выреза: 28-33 x 15 см. Жаровни изготовлялись из теста с дресвой. На донцах — следы подсыпки; поверхность — заглажена. Обжиг очень хороший — неоднократный вторичный, цвет — коричнево-красноватый.

Все сосуды 4–8-й категорий, описание которых дано ниже, — груболепные, имеют плохой обжиг, изготовлены по преимуществу из теста с примесью крупной органики.

Категория 4 включает один тип сосудов — цилиндрические банки средних размеров (рис.11, 18; 12, 3) высотой 20–25 см и приблизительно такой же ширины. Назначение их неопределенно: скорее всего, они изготовлялись «на скорую руку» в силу каких-то утилитарных потребностей и, таким образом, каждый сосуд имел свое собственное назначение. В нашей постройке единственная целая банка (рис.11, 3) находилась неподалеку от

площадки очага-жертвенника (рис.1, 8; 13, II-7) и содержала комочки красной охры. В данном случае сосуд, по-видимому, использовался в культовых целях.

Категория 5. К категории дисков (крышек) отнесен единственный экземпляр (рис.12, 2). Это изделие из рыхлого теста с примесью органики имело очень плохой обжиг.

Категория 6. Два миниатюрных толстостенных глиняных сосудика, расширяющиеся к устью, имеющему слегка отвернутый край (рис.11, 16, 17).

Категория 7. Чаны огромных размеров. Достоверно известны остатки только одного такого сосуда. Этот толстостенный чан с диаметром дна ок. 60 см., из рыхлой глины коричневого цвета с примесью крупной органики, был сформован и обожжен, по-видимому, на месте (рис.1, 10). Высота чана полностью не восстанавливается, но можно с уверенностью сказать, что он имел цилиндрическую форму, практически прямые стенки, весьма незначительно сужающиеся к устью тулово и прямой вертикальный край (рис.11, 13). В стенке чана имелось отверстие со специально изготовленной к нему глиняной затычкой грибовидной формы (рис.11, 14). На расстоянии около метра от этого чана, внутри постройки, находился бесформенный завал абсолютно идентичных толстостенных черепков. Этот сосуд восстановлению не поддавался, поэтому нельзя сказать, располагался ли здесь еще один аналогичный чан или это были остатки стенок предыдущего сосуда, снесенные сюда рухнувшими стенами постройки. Диаметр его венчика около 40 см (рис.11, 15).

К последней, восьмой категории экажевской керамики принадлежит представленный в единственном экземпляре сосуд оригинальной формы, который, как нам кажется, имел культовое назначение (рис.12, 4). Этот сосуд, дно у которого отсутствовало, был вмазан в пол постройки рядом с восточной стенкой печи — «кора», за керамической плитой, орнаментированной пальцевыми вдавлениями (рис.3, I-10). Цвет его серовато-коричневый, обжиг плохой, тесто с большой примесью органики, поверхность сосуда достаточно ровная, заглаженная. Изогнутые стенки сужаются к устью. Губа имеет сечение, близкое к полукруглому, толщиной 0,6 см; стенки к низу утолщаются до 1,1 см. Под устьем сосуда имеются две пары симметрично расположенных отверстий. Можно предположить, что данный сосуд использовался для ритуальных возлияний у печи.

Перейдем к описанию индивидуальных находок. Среди них выделяются многочис-

ленные фрагменты глиняных изделий различного назначения (рис.14):

1. Фрагмент, покрытый глубокими вертикальными нарезками; с двух боковых сторон имеются небольшие вдавления — «глаза», оставленные вероятно пальцами (рис.14, 4). Возможно, это деталь от стилизованного антропоморфного изображения.

2. Угловой фрагмент плоской плиты с «рогатым» выступом (рис.14, 3), украшенный пальцевыми каннелюрами, выполнен из глины с дресвой. Плита имеет сквозное отверстие диаметром ок. 1,3 см.

3. Фрагмент глиняного предмета (возможно, очажной подставки), обколотый с трех торцов и с тыльной стороны (рис.14, 5). В центре сохранившегося фрагмента имеется сквозное отверстие. Кроме того, встречено несколько фрагментов от изделий непонятного назначения (рис.14, 1, 2, 5-7).

Украшения представлены единственной керамической дисковидной бусиной (рис.15, 5) диаметром 11 мм; диаметр внутреннего отверстия 1,5 мм, толщина 2,5 мм.

Все кремневые изделия (рис.15) происходят из культурного слоя Экажевского поселения и найдены неподалеку от местоположения раскопанной постройки. Это два серповых вкладыша (концевой — рис.15, 4 и срединный — рис.15, 3) из кремня светло-серого цвета, изготовленные в технике двустороннего отжимного ретуширования. Фасетки формообразующей ретуши — широкие и пологие. Рабочие края орудий обработаны пыльчатой ретушью и имеют следы заполированности от работы, причем срединный вкладыш гораздо более изношен. Нуклеидный резец (рис.15, 1) изготовлен методом кривой оббивки из кремня светло-серого цвета.

Наиболее интересен наконечник стрелы треугольной формы со слегка вогнутым, близким к прямому основанием (рис.15, 2). Высота — 3 см, ширина основания — 2,2 см. Он изготовлен из кремня бело-серого тона в технике двустороннего отжимного ретуширования. Фасетки формообразующей ретуши — широкие и пологие. Фасетки кривой ретуши — короткие, полукруглые, местами заломистые. Экземпляры, наиболее близкие треугольному наконечнику Экажевского поселения, происходят с территории Чечни — это кремневые наконечники Сержень-Юртовского поселения (Мунчаев Р.М., 1962, с. 180, рис.1, 3-5, 8).

Обычной находкой на поселениях эпохи бронзы Северного Кавказа являются каменные зернотерки. Ладьевидная зернотерка из серого камня найдена и в постройке Экажев-

ского поселения (рис.1, 16). Ее рабочая поверхность немного вогнутая; длина — 44 см, ширина — 17 см (рис.5, 12).

Костяной инвентарь из Экажево хотя и многочисленен, но достаточно разнообразен (рис.15). Он включает три заготовки неопределенного назначения (рис.15, 16), одно изделие очень плохой сохранности из рога со срезанным верхним краем (рис.15, 7), пять орудий типа «острие» из расколотых трубчатых костей (рис.15, 12, 13) и заготовок к ним. Не совсем понятно назначение изделия из фрагмента ребра животного, приостренного на одном из концов, края которого сглажены до блеска (рис.15, 14). Близкое по форме орудие из первого слоя Верхнегуньбского поселения в Дагестане В.М.Котович считает лощиком (Котович В.М., 1965, с. 113, рис.45, 16). На том же поселении, в материалах 3-го слоя, имеется аналог еще одному экажевскому костяному изделию (рис.15, 15) — пластинка из лопатки животного с заглаженным краем, которую В.М.Котович также предположительно относит к лощикам (Котович В.М., 1965, с. 121, рис.46, 3). Костяное шильце с тщательно обточенной и заполированной до блеска рабочей частью овального сечения и удобно лежащейся в ладонь рукоятью (рис.15, 11) представлено в материалах нашего сооружения в единственном экземпляре. В заполнении постройки найден астрагал с отверстием, прорезанным в верхней части (рис.15, 9). Два фрагмента рога оленя со следами обработки были найдены на полу постройки рядом и относятся к одному орудью (рис.15, 10). На остром конце рога имеются следы срезов, заостряющих край орудия. Фрагмент орнаментированной костяной пластинки из ребра животного возможно представляет собою накладку (рис.15, 8). Наружная сторона изделия заполирована и на нее нанесены тонкие неглубокие косые насечки, образующие ромбовидные фигуры. Обратная сторона неорнаментирована. Неясно назначение фрагмента костяного изделия с заполированной поверхностью и вырезанными в верхней части зубчиками (сохранилось три) (рис.15, 6), изготовленного из клыка нижней челюсти взрослой домашней свиньи (хряка).

Единственное металлическое изделие, найденное в заполнении одной из ям внутри постройки — бронзовое долото с разомкнутой втулкой, утончающейся к краям (рис.14, 8). Экажевское втульчатое долото выковано из цельнолитой заготовки. Технологические этапы его изготовления включали проковку заготовки, оттяжку лезвия и формовку втулки.

Рабочий край орудия слегка расширяется и едва заметно вогнут, вероятно вследствие обработки с внутренней стороны на абразиве. Технология производства подобных орудий исследована в ходе работы с материалами Мосоловского поселения (Саврасов А.В., 1996, с. 156–157). Длина долота — 9 см, диаметр втулки — 2,3–2,5 см, ширина в центральной части — 1,8 см, ширина рабочего конца — 2,1 см.

Полученные в ходе раскопок на Экажевском поселении археологические материалы позволяют отнести данный памятник к эпохе бронзы. Попытаемся уточнить его культурную и хронологическую принадлежность.

Территория Ингушетии еще со времени эпохи раннего металла являлась контактной зоной между носителями майкопской культуры и жителями территорий Северо-Восточного Кавказа (Мунчаев Р.М., 1975, с. 365), входивших в обширный ареал куро-аракской культурно-исторической общности (Гаджиев М.Г., 1991, с. 233). Синкретичный характер материальной культуры жителей Чечни и Ингушетии в эпоху ранней бронзы ярко демонстрируют такие памятники как Луговое и Сержень-Юртовское поселения. Особо следует отметить наличие здесь, как и на Долинском поселении в Центральном Предкавказье, таких специфических форм керамики как «сковороды-жаровни» с высокими прямыми стенками-бортами. «Жаровни» известны на Северо-Восточном Кавказе и в Закавказье еще в пору неолита-энеолита, причем «жаровни» с отверстиями по краю преобладали именно на Северо-Восточном Кавказе, где они сохранялись в употреблении на протяжении эпохи ранней бронзы, но, как отмечает М.Г.Гаджиев, уже не встречаются в материалах среднебронзовых памятников (Гаджиев М.Г., 1991, с. 206). «Жаровни» с «перфорированным» краем найдены на майкопском поселении Галюгай I (Кореневский С.Н., 1995, с. 48, рис.52). Наиболее поздние находки «сковород-жаровен» происходят с таких памятников Дагестана как Чиркейское поселение, Галгалатли I, Сигитминское поселение (Гаджиев М.Г., 1991, с. 146, рис.34, 26; с. 143, рис. 31, 11; с. 148, рис.36, 19), а также погребение I Карабудакхенского II-го могильника (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, с. 15, рис.3, 3). В целом эти памятники датируются в пределах III тыс. до н.э. (Марковин В.И., 1994б, с. 299).

Находки на Экажевском поселении (как в заполнении постройки, так и в подъемном материале с площади поселения) многочисленных фрагментов «сковород-жаровен» с «пер-

форированным» краем, несомненно, указывают на связь с культурами Северо-Восточного Кавказа. Это обстоятельство еще более подчеркивается наличием в постройке Экажевского поселения сводчатой печи — «кора». Печи аналогичной конструкции, отличающиеся лишь деталями, известны на нескольких поселениях Дагестана эпохи бронзы (Гаджиев М.Г., 1983, с. 9, 18; Котович В.М., 1965, с. 38; Канивец В.И., Буров Г.М., 1956). Они имеют подковообразную в плане форму и, по-видимому, плоское сводчатое перекрытие (частью сохранившееся на некоторых «корах» Сигитминского поселения (Канивец В.И., Буров Г.М., 1956). «Кор» Экажевского поселения отличается от остальных известных печей тем, что под и канал находятся у него на одной высоте (формовались на общей галечной подушке) и разграничиваются только валиком, в то время как прочие печи имеют углубленный, относительно пода, канал, граница между которыми лишь дополнительно подчеркивалась валиком. На основании детального анализа особенностей сохранившихся частей Экажевского «кора» (и с учетом конструкции других известных сводчатых печей двухкамерного типа), нами была предпринята попытка графической реконструкции этой печи (рис.3, V, VI).

Среди находок Экажевского поселения привлекает внимание часть глиняной конструкции с плоскими гранями и сквозным отверстием округлого сечения (рис.14, 5). Весьма вероятно, что это — фрагмент очажной подставки. Так называемые очажные подставки, снабженные сквозными отверстиями, известны в эпоху ранней бронзы как на Северо-Восточном Кавказе (Гаджиев М.Г., 1991, с. 207; рис.27, 26; 31, 8-10; 34, 27, 28, и др.), так и в материалах смешанных куро-аракско-майкопских комплексов (Мунчаев Р.М., 1961, табл. XIX; 1975, рис.78, 79). Эти конструкции часто украшались бороздками каннелюр. Сходные черты можно отметить и для майкопских глиняных конусов (Кореневский С.Н., 1995, рис.68).

Каннелюрами снабжена «рогатая» стенка жертвенника из экажевской постройки (рис.13, I) и фрагмент аналогичной глиняной конструкции, происходящей из подъемного материала с площади поселения (рис.14, 3). Рельефно выполненные выступы — «рога» на стенке очага-жертвенника, вероятно, связаны с культом быка, распространенным в среде жителей Северного Кавказа в эпоху бронзы. Воплощением этого культа являлись «рогатые кирпичи» — своеобразные очажные подстав-

ки, распространенные в северовостокавказских раннебронзовых памятниках (Гаджиев М.Г., 1991, с. 207) и в смешанных майкопских комплексах (Мунчаев Р.М., 1975, с. 363; Ростунов В.Л., 1984, с. 12). Исследователи справедливо отмечали генетическую связь «рогатых кирпичей» Северного Кавказа с очажными подставками куро-аракской культуры (Мунчаев Р.М., 1975, с. 363; Гаджиев М.Г., 1991, с. 207), своеобразно трансформировавшимися в местной среде (Ростунов В.Л., 1984, с. 14). На Северо-Восточном Кавказе очажные подставки всех типов исчезают «на рубеже эпохи ранней и средней бронзы» (Гаджиев М.Г., 1991, с. 207). Наличие выступов-«рогов» на стенке очага-жертвенника Экажевского поселения и прием каннелирования поверхности глиняных изделий позволяют рассматривать эти предметы как выполненные в традициях, связанных с куро-аракским влиянием. С наследием раннебронзовой поры на Экажевском поселении можно связать предположительно антропоморфную деталь с симметрично расположенными с боков вдавлениями-«глазами» (рис.14, 4), а также плитку-кирпич с пальцевым узором. Пока глиняные культовые плиты известны только на Верхнегунибском поселении (раннебронзовый слой) в горном Дагестане (Котович В.М., 1965, рис.57). И, наконец, кремневый треугольный наконечник стрелы из Экажево наиболее близок каменным изделиям раннебронзового пласта Сержень-Юртовского поселения (Мунчаев Р.М., 1962, с. 180, рис.1, 3-5, 8).

Обратимся к анализу керамического комплекса Экажевского поселения. Яйцевидный тарный сосуд-пифоид 1-го типа из Экажево профилировкой тулова живо напоминает крупные сосуды эпохи начала средней бронзы Дагестана — верхний слой Великентского поселения (Котович В.Г., 1959, с. 126, рис.2, 1; Гаджиев М.Г., 1991, рис.25, 12). Фрагмент большого сосуда с узким горлом и резко расширенным туловом (рис.6, 5) более всего напоминает майкопскую керамику. Миниатюрный глиняный сосудик, аналогичный экажевским, происходит из катакомбы 2 кургана 3 у ст.Манас в Дагестане (Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 178, рис.6, 5).

По основным пропорциям — удлиненно-округлое тулово, широкое устье, узкое дно — горшки Экажевского поселения тяготеют к керамике Северо-Восточного Кавказа. Генезис этой характерной формы можно проследить в местных памятниках эпохи ранней бронзы, относящихся к куро-аракской культурно-исторической общности (третий слой Верхнегу-

нибского поселения (Котович В.М., 1965) и др.). Эволюция этой формы продолжается здесь и в эпоху средней бронзы.

Широкогорлые узкодонные горшки с удлиненно-округлым туловом и покатыми плечиками, достаточно близкие по профилировке корпусов сосудам 1-го типа из Экажево, представлены на таких памятниках эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа как Верхнегунибское поселение (третий и второй слои), керамика могильника Гинчи, Ирганайского склепового могильника, Манасских курганов (Котович В.М., 1965, рис.55, 15; 174, 8; Гаджиев М.Г., 1969, рис.8, 10; 21; 25, 11, 12; 34, 15; 39, 7; Погребова М.Н., 1961; Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 175, рис.4). С подобными сосудами генетически связана керамика 1-ого типа каякентско-харачоевской культуры (Марковин В.И., 1969, с. 51–52). Горшки Экажевского поселения (рис.7, 1, 4, 5) демонстрируют достаточно развитые формы, наиболее близко сопоставимые с сосудами первого типа (по В.И.Марковину) этой культуры (Марковин В.И., 1969, рис.18; 19, 2, 12; 20, 2 и др.; Круглов А.П., 1958, рис.21, 3; 26, 2, 4; 36, 1; 48, 1, 4).

Основной особенностью, отличающей керамический комплекс Экажевского поселения от памятников Северо-Восточного Кавказа, является почти полное отсутствие керамики с характерной обмазанной поверхностью. Здесь преобладают сосуды с хорошо заглаженной, даже подлощенной поверхностью. Встречены также несколько ангобированных фрагментов керамики, свидетельствующие о южных культурных связях.

Другой особенностью керамики Экажевского поселения является наличие характерной для северокавказской культурно-исторической общности орнаментации в виде рядов оттисков треугольного штампа, опоясывающих шейку и плечики сосудов. На территории Северо-Восточного Кавказа этот тип орнаментации не распространен. За этим фактом можно усматривать влияние на облик керамики Экажевского поселения в Ингушетии культурных традиций Западного и Центрального Предкавказья.

Второй ведущий тип орнаментации экажевской керамики — налепные валики, расчлененные защипами или насечками. Они, напротив, характерны для всей эпохи бронзы Северо-Восточного Кавказа. Традиция украшения керамики налепными валиками здесь восходит еще к энеолиту-раннему бронзовому веку, являя собою яркий, сугубо местный культурный компонент (Гаджиев М.Г., 1991,

с. 212). За пределами этой территории на Северном Кавказе орнамент в виде валиков под венчиком или на плечиках сосудов в данный период практически не встречается и получает широкое распространение только на III (позднем) этапе развития северокавказской культурно-исторической общности (Марковин В.И., 1994а, с. 279).

Вышеизложенное позволяет утверждать, что материальная культура жителей Экажевского поселения в целом относится к кругу культур Северо-Восточного Кавказа. Это выражается в керамических аналогиях, особенно в пропорциях ведущего типа горшковидных сосудов и характере налепной валиковой орнаментации, а также во многих чертах, восходящих к материалам куро-аракской культурно-исторической общности и ее северо-восточнокавказского ареала.

Для установления хронологических границ бытования Экажевского поселения важное значение имеет найденное здесь бронзовое втульчатое долото (рис.14, 8). Как уже отмечалось, втулка подобных орудий получалась в результате расковки верхней части изделия в виде боковых захватов, образующих трубку (Магомедов С.М., 1974, с. 73). Экажевское бронзовое долото с ковanej втулкой относится к типам «среднекубанского» металла по А.А.Иессену (Иессен А.А., 1950). Он установил, что долота с коваными втулками сменяют предшествовавший тип желобчатых долот с четырехгранным насадом (Иессен А.А., 1950, табл. II, 2). Подобные долота с насадом характерны для майкопской культуры и синхронных памятников (Мунчаев Р.М., 1975, с. 246, рис.49; Мунчаев Р.М., 1994, с. 206, табл.54). Желобчатые долота с четырехгранным насадом известны в материалах памятников донецкого типа и раннего этапа северокавказской культурно-исторической общности (Марковин В.И., 1960, рис.3, 1; 4, 2; Марковин В.И., 1994а, с. 283), в пределах которого они выходят из употребления. Долота со стержнем-насадом не характерны для территории Северо-Восточного Кавказа. Однако именно отсюда происходят наиболее ранние находки долот с коваными втулками. Это долота из кургана у пос. Дагестанские Огни и из случайно обнаруженного катакомбного погребения у ст. Манас в Дагестане (Марковин В.И., 1994а, табл.97, 29; 96, 14), которые по инвентарю датируются в пределах 1-й трети II тыс. до н.э. (Котович В.Г., 1973, с. 80). Найденные в этих комплексах бронзовые топоры относятся к технологической группе 2.2 по классификации С.Н.Кореневского и условно дати-

руются им в пределах конца III — 1-й половины II тыс. до н.э. (Кореневский С.Н., 1981, с. 25, 37).

Сразу три долота с коваными втулками были найдены в катакомбе I Великентского могильника (Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 10, рис.2, 9-11), комплекс металлических изделий которой охватывает последние века III тыс. — 1-ю пол. II тыс. до н.э., а сами вещи находят аналогии в материалах северокавказской культурно-исторической общности. Однако, исходя из находки в катакомбе импортных сосудов алазано-беденской культуры, было предложено датировать этот памятник в пределах конца III — нач. II тыс. до н.э. (Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 26, 27). В свою очередь В.И.Марковин подверг сомнению такую узкую дату, полагая, что «катакомбы заполнялись постепенно, в течении длительного времени» и, указывая на сходство инвентаря Великентского могильника и Манасских курганов и весьма развитые формы великентского металла, считает, что основную массу находок данного могильника можно относить уже к 1-й пол. II тыс. до н.э. (Марковин В.И., 1994б, с. 312).

Верхнюю границу бытования втульчатых долот с разомкнутой втулкой определяют их находки на поселениях со следами развитой металлообработки в Среднем Подонье и присутствие их в одних комплексах с вещами сейминско-турбинского круга в Волжско-Уральском регионе (Пряхин А.Д., 1996, рис.26, 1; Черных Е.Н., 1970, табл.В; Халиков А.Х., 1969, с. 266, рис.55, 90-92). Наиболее важны для нас материалы Мосоловского поселения, откуда происходит серия литейных форм, отражающих наследие доно-волжской абашевской культуры (Пряхин А.Д., 1996, с. 22). Как отмечалось, помимо срубной керамики здесь найдены сосуды с абашевскими чертами и браслет, близкий экземплярам из Покровского могильника (Пряхин А.Д., 1993, с. 29, 53, рис.28), что свидетельствует об относительно раннем возникновении поселка. Исходя из распространения долот с цельнолитой втулкой в древностях срубного горизонта (Черных Е.Н., 1978) следует признать, что верхняя граница бытования долот с раскованной втулкой находится в пределах второй четверти, не позднее середины II тыс. до н.э. (Черных Е.Н., 1978).

Таким образом, наиболее ранние находки долот с коваными втулками происходят с территории Северо-Восточного Кавказа (Дагестанские Огни, Манас, Великент). Они относятся уже к среднему бронзовому веку, а пе-

риод их появления и бытования укладывается в пределы конца III — 1-й пол. II тыс. до н. э., что не противоречит датировкам этих изделий в памятниках других культур (Черных Е.Н., 1978, с. 65, рис.8, 17, 23, 50). В целом, долота с коваными втулками имели распространение в материалах различных археологических культур эпохи средней бронзы на очень широкой территории от Северного Кавказа и Прикубанья до Подонья, Поволжья и Южного Урала.

Таким образом, комплекс вещей Экажевского поселения несет черты как ранней, так и средней бронзы.

С одной стороны, бронзовые долота с раскованными втулками появляются и бытуют уже в эпоху средней бронзы. Характерный для Экажевской керамики орнамент в виде рядов оттисков треугольного штампа на шейке и плечиках сосудов, по мнению В.И.Марковина, получает распространение на Северном Кавказе в материалах северокавказской культурно-исторической общности в конце I-го (раннего) этапа ее развития (Марковин В.И., 1960, с. 89). Хотя отдельные фрагменты керамики, украшенные оттисками треугольного штампа, известны еще на поселении Галюгай I, но они отличаются в композиционном отношении (Кореневский С.Н., 1995, рис.62). Керамика Экажевского поселения во многом находит аналогии в материалах среднебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа «манасско-гинчинского» («гинчинско-гатынкалинского») этапа. Экажевские горшки имеют весьма развитые формы, наиболее полно соответствующие I-му типу сосудов каякентско-харачоевской культуры. Исходя из верхней границы бытования долот с раскованными втулками, постройка Экажевского поселения не может быть датирована позднее I-й четверти — сер. II тыс. до н.э.

С другой стороны, в материалах данного памятника чрезвычайно ярко выражены черты эпохи ранней бронзы, связанные с куроаракской культурно-исторической общностью и ее северокавказским вариантом: печи-«коры», «жаровни» с отверстиями по краю, многочисленные глиняные изделия с каннелюрами и роговидными выступами, которые, как принято считать, исчезают на рубеже позднего периода ранней бронзы и среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1991, с. 236). Поэтому мы не можем полностью исключать и вероятность того, что время бытования постройки Экажевского поселения может быть удревнено вплоть до рубежа этих эпох.

На Экажевском поселении были получены любопытные данные, характеризующие хозяйственную деятельность его обитателей, тип которой можно определить как оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. На оседлый характер быта указывает сам долговременный характер большой постройки, обилие керамических сосудов весьма высокого качества и достаточно развитый уровень земледелия. Последнее подтверждается находками серповых вкладышей, ладьевидной зернотерки и наличием в постройке особой печи-«кора», имевшей специфическое назначение — сушку зерна и выпечку хлеба. На отдельных фрагментах керамики и глиняных конструкций удалось проследить отпечатки зерен злаковых культурных растений: в одном из случаев ячменя или пшеницы, в другом случае, вероятно, *Secale cereale* (рожь) и колоска пшеницы, возможно *Triticum dicocoeum* (определение сотрудника ИА РАН, к.и.н. Е.Ю.Лебедевой).

Другим важнейшим направлением хозяйства жителей Экажевского поселения было скотоводство. Определение таксономической принадлежности костных остатков, полученных с площади постройки, и аналитическая обработка коллекции были выполнены в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН к.б.н. Е.Е.Антипиной. Общее число костей составило 1287 единиц. Из них определимыми до видового уровня оказались 742 фрагмента: 362 шт. принадлежали крупному рогатому скоту, 316 шт. — мелкому рогатому скоту, костей свиньи встречено 37 шт., лошади — 26 шт. Таким образом, мясной рацион хозяев жилища включал говядину, мясо овцы, козы, свиньи и лошади. Учитывая преобладание остатков костей крупного рогатого скота по абсолютным показателям, а также то, что при подсчете мясной продуктивности к одной особи крупного рогатого скота приравнивается несколько голов мелкого рогатого скота, можно с уверенностью утверждать, что ведущую роль в мясном рационе играла говядина. Столь значимая роль крупного рогатого скота в животноводческом хозяйстве в свою очередь подчеркивает оседлый характер быта. Это подтверждается и находками костей домашней свиньи; причем в пищу употреблялось по преимуществу мясо молочных поросят. В целом, в числе кухонных остатков преобладают кости молодых особей. Только мясо лошадей потреблялось от взрослых животных, да и то не играло существенной роли в рационе. Надо полагать, хозяйственное назначение лошади было иным и мясо этих животных употреблялось в пищу лишь эпизоди-

чески. Судя по находкам в постройке всего 2-х костей диких животных (рог оленя и кость кабана), охота вряд ли была существенным подспорьем в хозяйстве, что по-видимому, обуславливалось относительной удаленностью от лесных массивов.

Полученные данные по земледелию и скотоводству обретают особую ценность, поскольку эта сторона жизни древнего населения эпохи ранней и средней бронзы Чечни и Ингушетии до сих пор практически не изучалась (Марковин В.И., 1994б, с. 330). Сопоставление данных нашего памятника с данными о хозяйстве племен Северо-Восточного Кавказа показало их полное соответствие по ассортименту зерновых, составу стада и ведущей роли разведения крупного рогатого скота в животноводстве (Котович В.Г., 1965; Марковин В.И., 1994б, с. 328–330).

Особое значение крупного рогатого скота в животноводстве подчеркивается распространенным на Северном Кавказе еще с эпохи ранней бронзы культом быка. Особым воплощение культа быка, сложно переплетавшимся с культом домашнего очага и огня, стали «рогатые» очажные подставки. «Рогатая» стенка очага-жертвенника из постройки Экажевского поселения, украшенная солярными символами, приоткрывает еще один аспект древнего культа. Солярными знаками была украшена печь для сушки зерна и выпечки хлеба (рис.4, 2). Особое значение этой конструкции подчеркивается несомненно культовым характером комплекса вещей у восточной стенки печи: сосуд без дна, вмазанный в пол, возможно служил для культовых возлияний, а плитка-кирпич с орнаментом из пальцевых вдавлений могла быть связана с календарным циклом.

В процессе полевых работ на Экажевском поселении были отобраны образцы древесного угля, происходящие из заполнения ям и с пола постройки. Определение пород деревьев было выполнено в лабораторных условиях н.с. Института географии РАН, к.б.н. А.А.Гольевой. Древесные плахи, располагавшиеся на полу постройки в слое пожара и относящиеся скорее всего к остаткам потолочного перекрытия, принадлежали дубу (*Quercus*) и буку (*Fagus*). В заполнении столбовых и хозяйственных ям внутри постройки находились угли

следующих пород: дуб (*Quercus*), бук (*Fagus*), шелковица (*Morus*), крушина (*Rhamnaceae*), ива (*Salix*), два различных представителя семейства розоцветных (*Rosaceae*), каштан (*Castanea*), черешня (*Prunus*) и лох (*Elaeagnus*). В численном отношении среди исследованных образцов значительно преобладали шелковица, дуб и бук.

В составе экспедиции принимали участие сотрудники Института почвоведения и фотосинтеза РАН О.С.Хохлова и А.А.Хохлов. Палеоклиматические реконструкции, проведенные ими на основе почвенного хронорядя, показали следующее. Для атлантического периода голоцена (представлен почвами, погребенными более 5000 лет назад) для данной территории в пойме р.Сунжа вероятны довольно аридные климатические условия. Наступление периода максимальной аридности — наиболее сухих и жарких климатических условий — охватывает 2-ю пол. III тыс. до н.э., т.е. совпадает со временем заключительного этапа раннебронзовой эпохи Северного Кавказа, закатом раннеземледельческих культур и началом сложения среднебронзовых культур данного региона. Аридные условия в конце суббореального-начале субатлантического периодов сменяются более влажными и холодными, которые и сохраняются до наших дней.

Экажевское поселение эпохи бронзы — один из немногих исследованных поселенческих памятников этой поры на территории Ингушетии и единственный — из раскопанных за последние годы. Материалы этого памятника обладают самобытными культурными чертами, тяготея к кругу культур Северо-Восточного Кавказа. Следует отметить, что они не имеют никакого сходства с находками из многочисленных подкурганых погребений эпохи средней бронзы, раскопанных Ингушской экспедицией в том же сезоне в ближайшей округе. Пока неясно, нужно ли рассматривать данный факт только как результат хронологических различий.

Основная цель этой работы — сделать доступными наши материалы широкому кругу специалистов. Будем надеяться, что данная публикация оживит интерес к древностям эпохи бронзы Северного Кавказа.

- Гаджиев М.Г., 1983.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.Г., 1991.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.
- Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984.* Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.
- Иесен А.А., 1950.* К хронологии «больших кубанских курганов» // СА, вып. XII.
- Канивец В.И., Буров Г.М., 1956.* Отчет о работах Чир-юртовского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 1626.
- Корневский С.Н., 1981.* Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.
- Корневский С.Н., 1995.* Галюгай I — поселение майкопской культуры. М.
- Котович В.Г., 1959.* Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. Т.1. Махачкала.
- Котович В.Г., 1965.* О хозяйстве населения горного Дагестана в Древности // СА, № 3.
- Котович В.Г., Котович В.М., 1973.* Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
- Котович В.М., 1965.* Верхнегунибское поселение. Махачкала.
- Круглов А.П., 1958.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н.э. // МИА. № 68. М.-Л.
- Магомедов С.М., 1974.* К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей юго-восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала.
- Марковин В.И., 1960.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. № 93. М.
- Марковин В.И., 1969.* Дагестан и горная Чечня в древности // МИА. № 122. М.
- Марковин В.И., 1994а.* Северокавказская культурно-историческая общность // ЭБКСА. М.
- Марковин В.И., 1994б.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // ЭБКСА. М.
- Марковин В.И., 1994в.* Каякентско-харачоевская культура // ЭБКСА. М.
- Мунчаев Р.М., 1961.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М.
- Мунчаев Р.М., 1962.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА, № 3.
- Мунчаев Р.М., 1975.* Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.
- Мунчаев Р.М., 1994.* Майкопская культура // ЭБКСА. М.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // СА, вып. XXVI.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958.* Археологические памятники близ села Карабудахкент // МИА. № 68. М.-Л.
- Погребова М.Н., 1961.* Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т.2. Махачкала.
- Пряхин А.Д., 1993.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга первая. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1996.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж.
- Ростунов В.Л., 1984.* К социальной интерпретации «рогатых кирпичей» раннебронзовой эпохи Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный.
- Саврасов А.В., 1996.* Экспериментальное изучение технологии металлообрабатывающего производства // Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы: Книга вторая. Воронеж.
- Санжаров С.Н., 1998.* Катакомбно-покровский бытовой комплекс на Северском Донце и некоторые проблемы культурного развития населения Восточной Украины в финале среднего — начале позднего бронзового века // VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии Юго-Восточной Европы» (тезисы докладов). Ростов-на-Дону.
- Трифонов В.А., 1997.* К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб.
- Халиков А.Х., 1969.* Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1970.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., 1978.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА, № 4.

Иллюстрации

ПОЯСНЕНИЯ К РИСУНКАМ 1-3

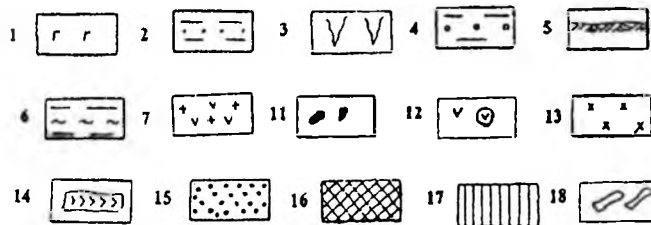
Рис. 1. Обозначения к плану постройки:

-*-*-* — линия траншеи под заземление;

x — находки;

1 — печь-«кор»; 2 — культовый сосуд, вмазанный в пол; 3 — керамическая плита-кирпич; 4 — развал сосуда (?); 5 — стенка очага-жертвенника; 6, 7 — слои глиняных подмазок площадки очага-жертвенника; 8 — баночный сосуд с охрой; 9 — развал глиняного чана (?); 10 — чан; 11 — горшок; 12 — сосуд-пифоид; 13-15 — развалы сосудов; 16 — ладьевидная зернотерка в яме; 17, 18 — миниатюрные глиняные сосудики; 19 — бронзовое долото в хозяйственной яме; 20 — развал сосуда; 21 — яма с костями младенца; 22 — хозяйственная яма с остатками мясных туш. Буквами на плане обозначены разрезы: А-А" — разрез площадки глиняных подмазок очага-жертвенника; Г-Г" — профиль западного борта; Д-Д" — профиль восточного борта.

Рис.2. Условные обозначения к чертежам профилей:

1 — гумус (пахотный слой); 2 — темно-коричневый гумусированный суглинок; 3 — коричневато-серый суглинок с выделением солей — погребенная почва; 4 — коричневато-серый суглинок — культурный слой поселения эпохи бронзы; 5 — материк — палево-желтый лессовидный суглинок; 6 — светло-серый суглинок с золой — затек культурного слоя поселения над котлованом постройки; 7 — коричневаго-серый суглинок, насыщенный продуктами горения — слой пожара; 8 — материковый суглинок — выбросы из ям; 9 — слои подмазок пола; 10 — углистая прослойка; 11 — камни; 12 — древесный уголь; 13 — серо-коричневый суглинок, насыщенный комками красной обожженной глины; 14 — обгорелые древесные плахи потолочного перекрытия; 15 — обожженная красная глина; 16 — заполнение ям; 17 — перекоп; 18 — скопление костей лошади в яме.

Рис.3. Печь-«кор»

Цифрами на чертеже I обозначены:

1 — стены печи; 2 — дополнительные стенки, укреплявшие изнутри основные стены печи; 3 — обмазка стен печи; 4 — камни; 5 — разделительный валик на поде; 6 — сохранившаяся часть устья печи в виде 2-х валиков, выходящих за пределы пода; 7 — валик, оформляющий край устья пода печи; 8 — галечная подсыпка, обнажившаяся местами из-под обмазки пода; 9 — под печи, покрытый обмазкой; 9А — большая камера, 9Б — малая топочная камера; 10 — вмазанный в пол культовый сосуд без дна; 11 — керамическая плита, орнаментированная пальцевыми вдавлениями; 12 — бесформенный развал сосуда (?).

Цифрами на чертежах IV и V обозначены:

1 — подмазка пола из материковой глины; 2 — нивелированная подушка из материковой глины, выполненная под строительство печи; 3 — валик, оформляющий устье края пода печи; 4 — слой обмазки валика устья; 5 — валики из материковой глины, укрепляющие стены печи изнутри; 6 — стены печи; 7 — галечная подсыпка; 8 — обмазка стен: 8А — внешняя; 8Б — первичная внутренняя; 9 — первоначальный разделительный валик на галечной подсыпке и первоначальная заливка малой камеры; 10 — вторичная подсыпка галечника над малой камерой; 11 — обмазка пода, переходящая во вторичную обмазку внутренней части стен печи.

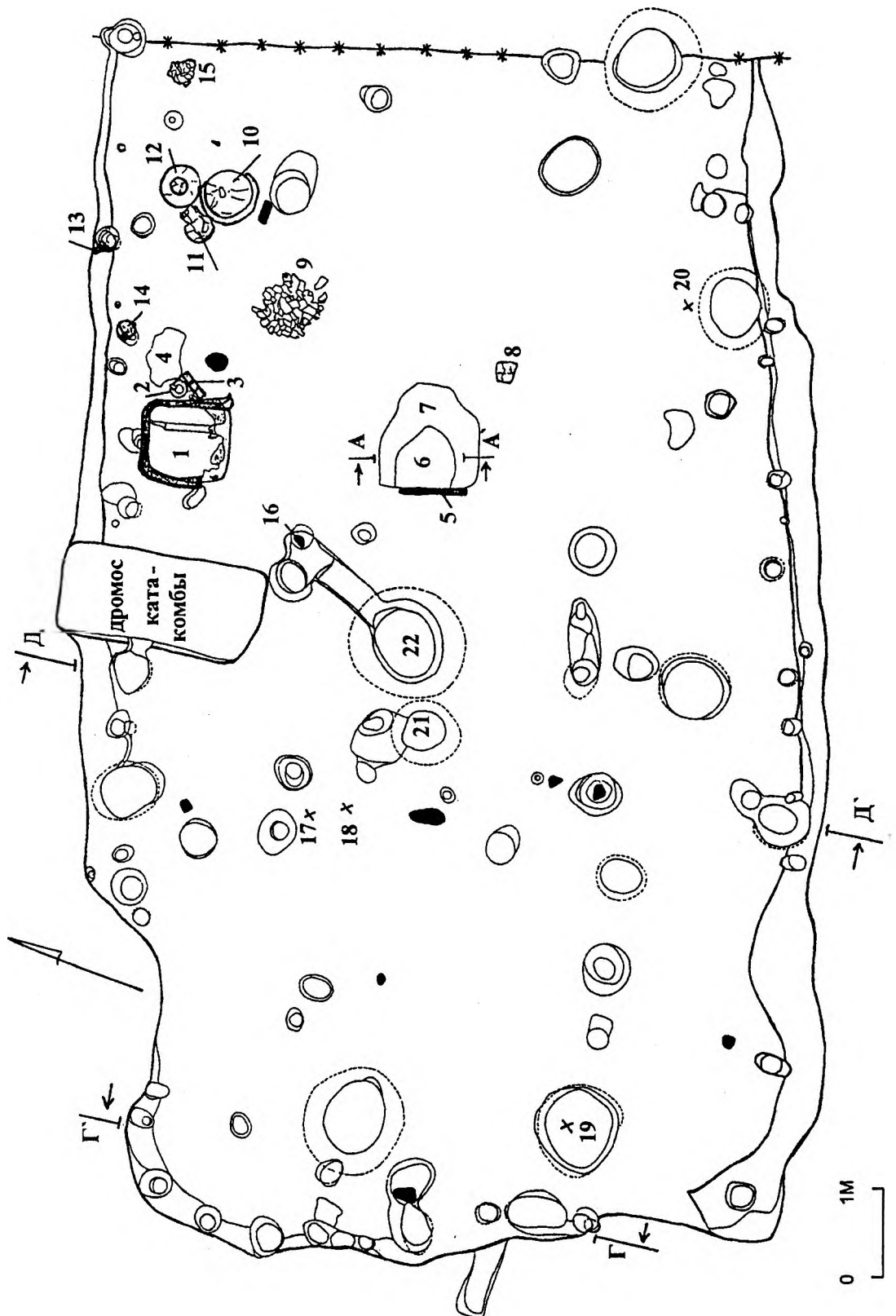

Рис.1. План постройки Экажевского поселения

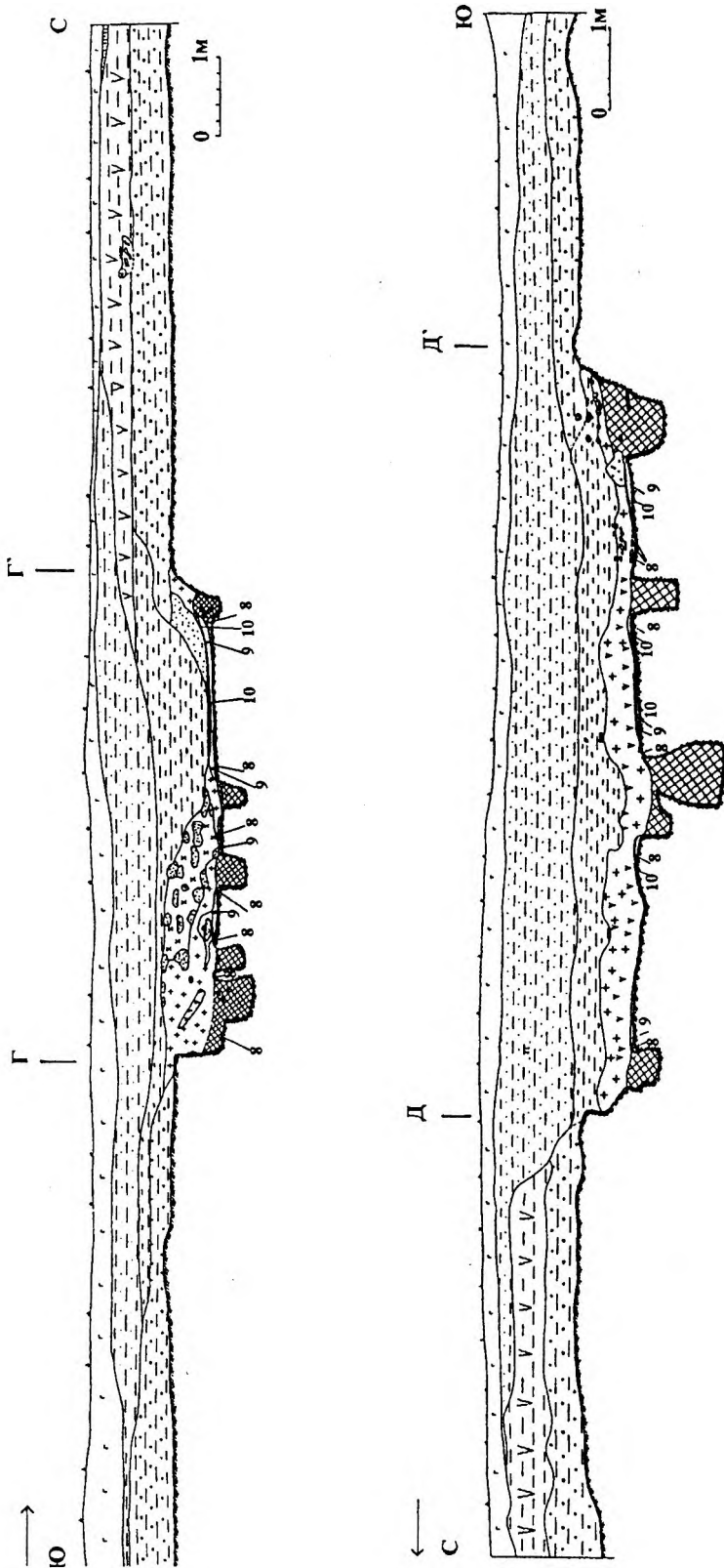

Рис.2. Профиля бортов раскопа, заложенного на месте постройки Экажевского поселения

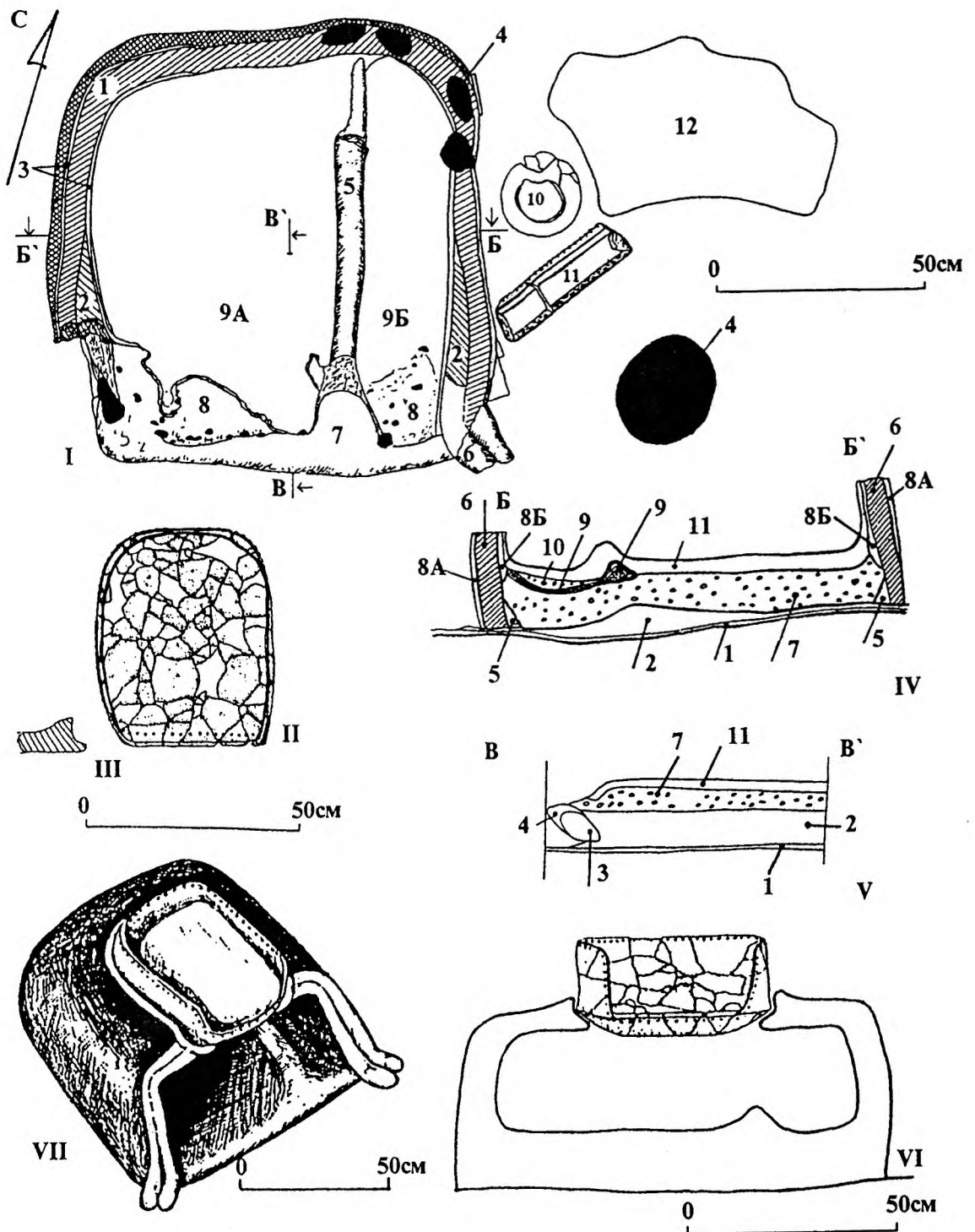

Рис.3. Печь-«кор» из постройки Экажевского поселения: I — план печи; II — глиняная сковорода-«жаровня» из заполнения печи; III — фрагмент глиняного валика из заполнения печи; IV — поперечный разрез (Б-Б') печи — вид с севера; V — продольный разрез печи (Б-Б') — вид с востока; VI, VII — графическая реконструкция печи

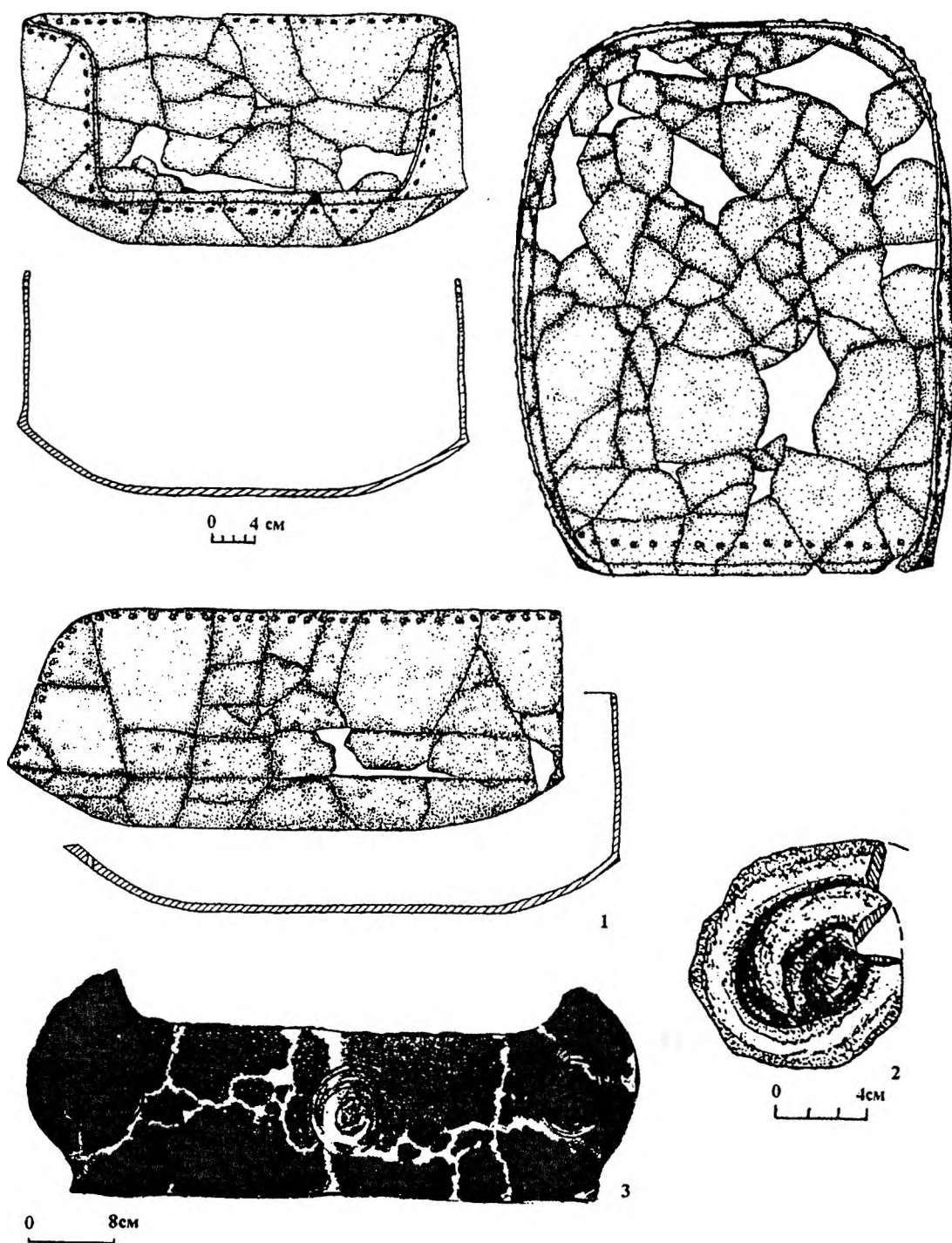

Рис.4. Экажевское поселение. Постройка. 1 — глиняная сковорода-«жаровня»; 2 — глиняная спираль — наклепная декоративная деталь из заполнения печи-«кора»; 3 — глиняная «рогатая» стенка очага-жертвенника

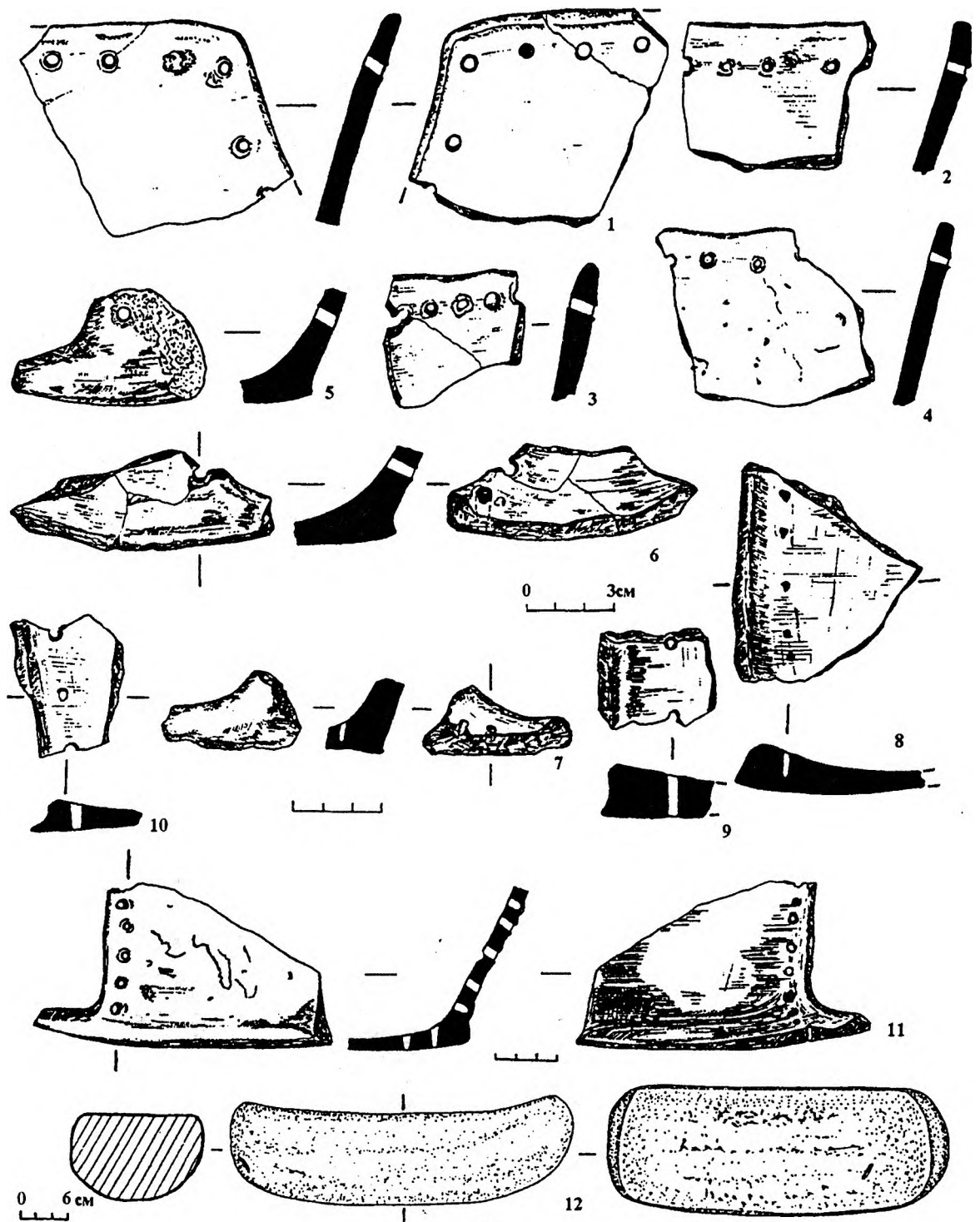

Рис.5. Экажевское поселение: 1-4, 6, 8-12 — вещи из постройки; 5, 7 — подъемный материал с территории поселения (1-11 — фрагменты глиняных сковород-«жаровен»; 12 — каменная ладьевидная зернотерка)

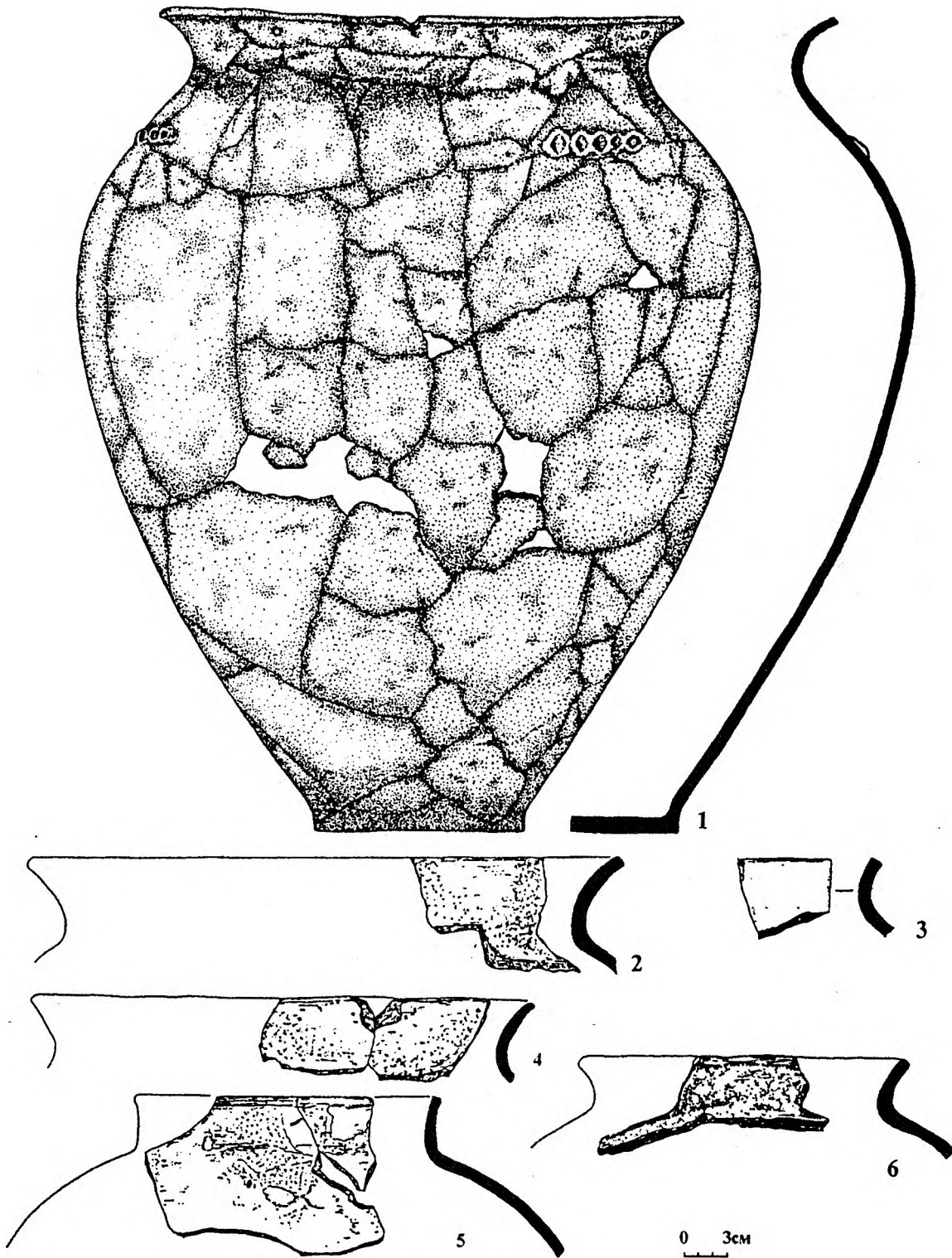

Рис.6. Экажевское поселение. Постройка. Тарная керамика: 1-4 — тип 1; 5, 6 — тип 2

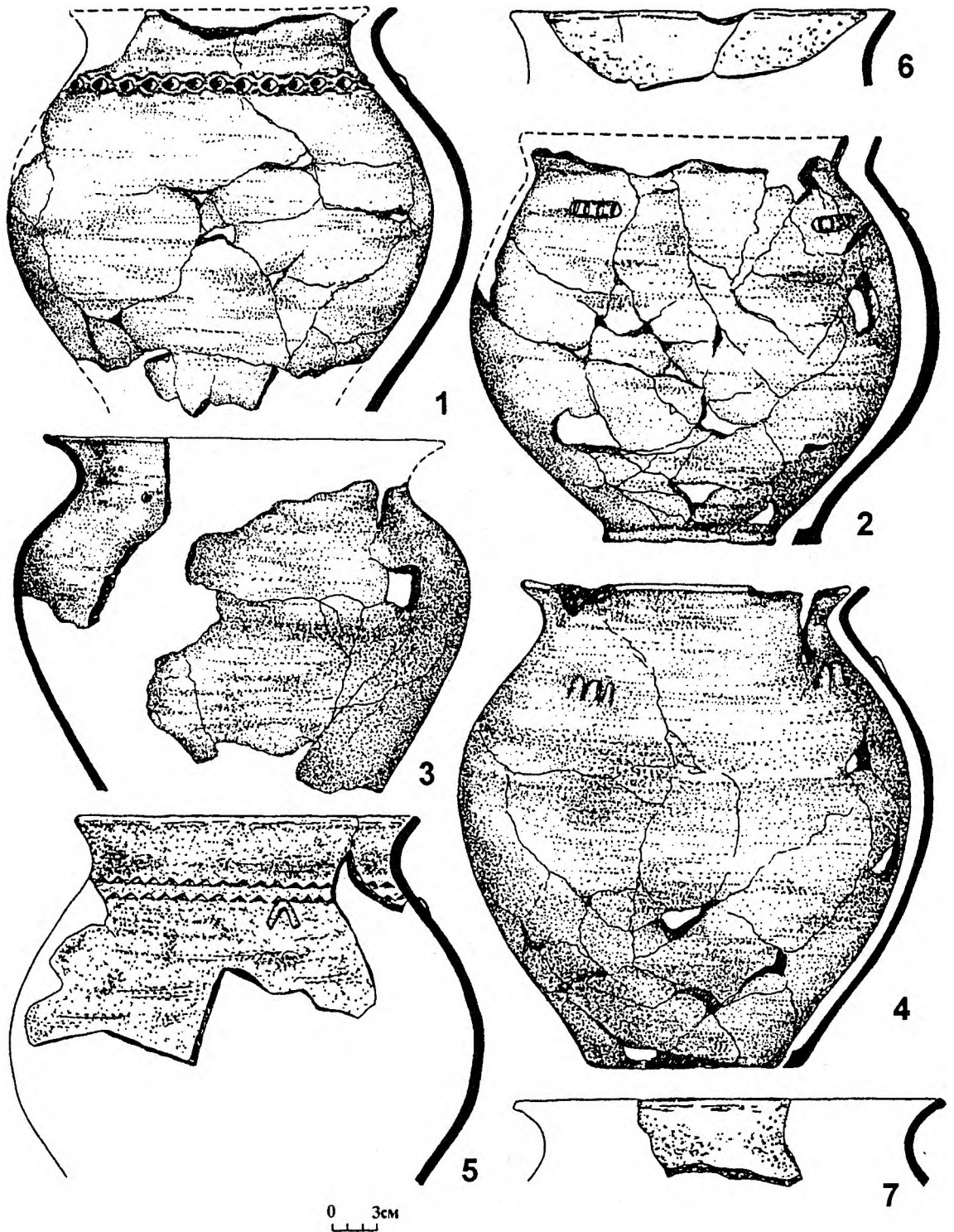

Рис.7. Эжажевское поселение. Постройка. Горшковидные сосуды. 1, 2, 4, 5 — горшки, тип 1; 1, 5 — тип 1, вариант 1; 2 — тип 1, вариант 2; 4 — тип 1, вариант 3; 3 — горшок, тип 2; 6, 7 — венчики горшков

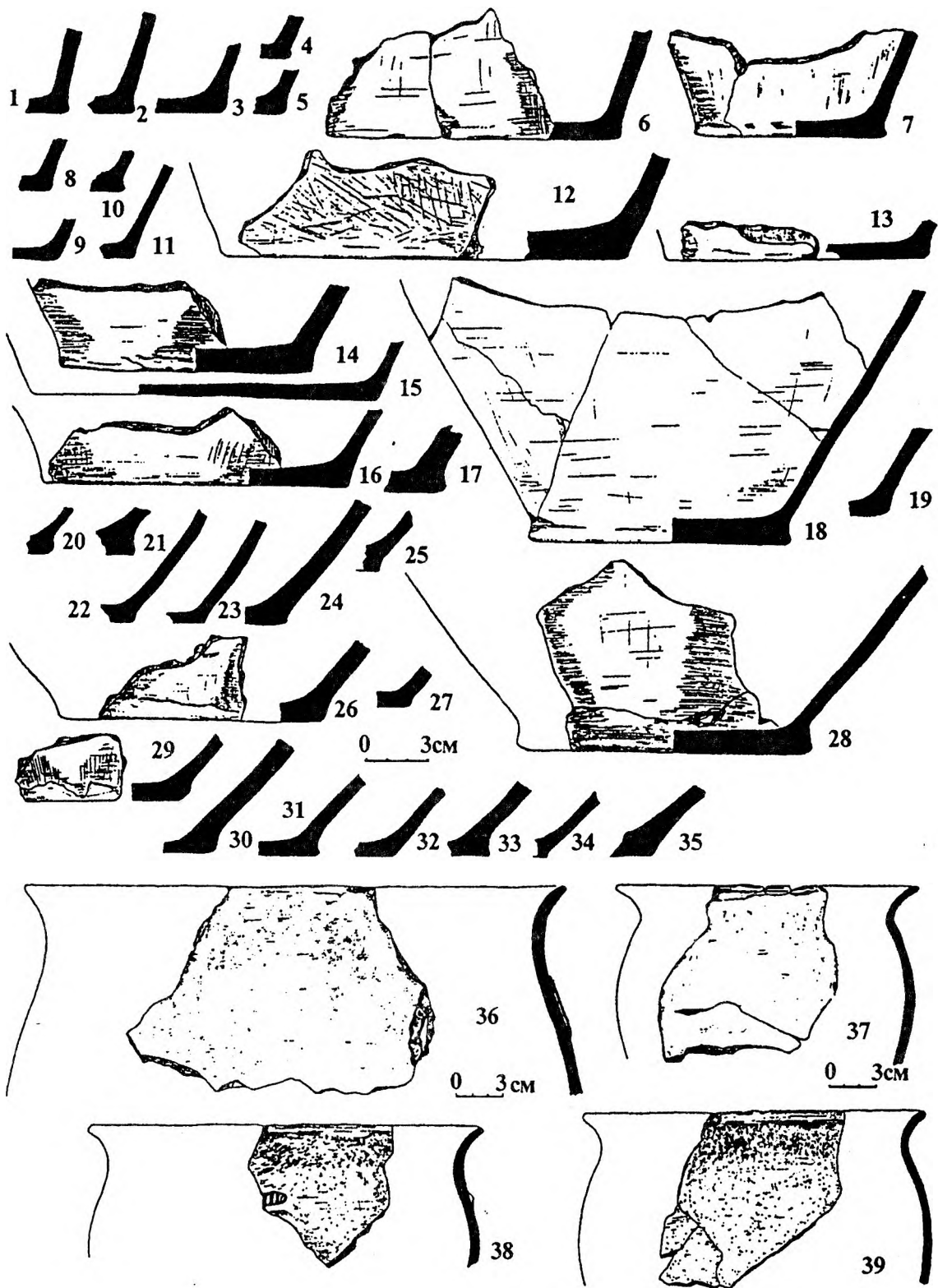

Рис.8. Экажевское поселение. Постройка. Фрагменты керамики: 1-35 — придонные части; 36 — тарный сосуд, тип 3; 37-39 — горшковидные сосуды, тип 3

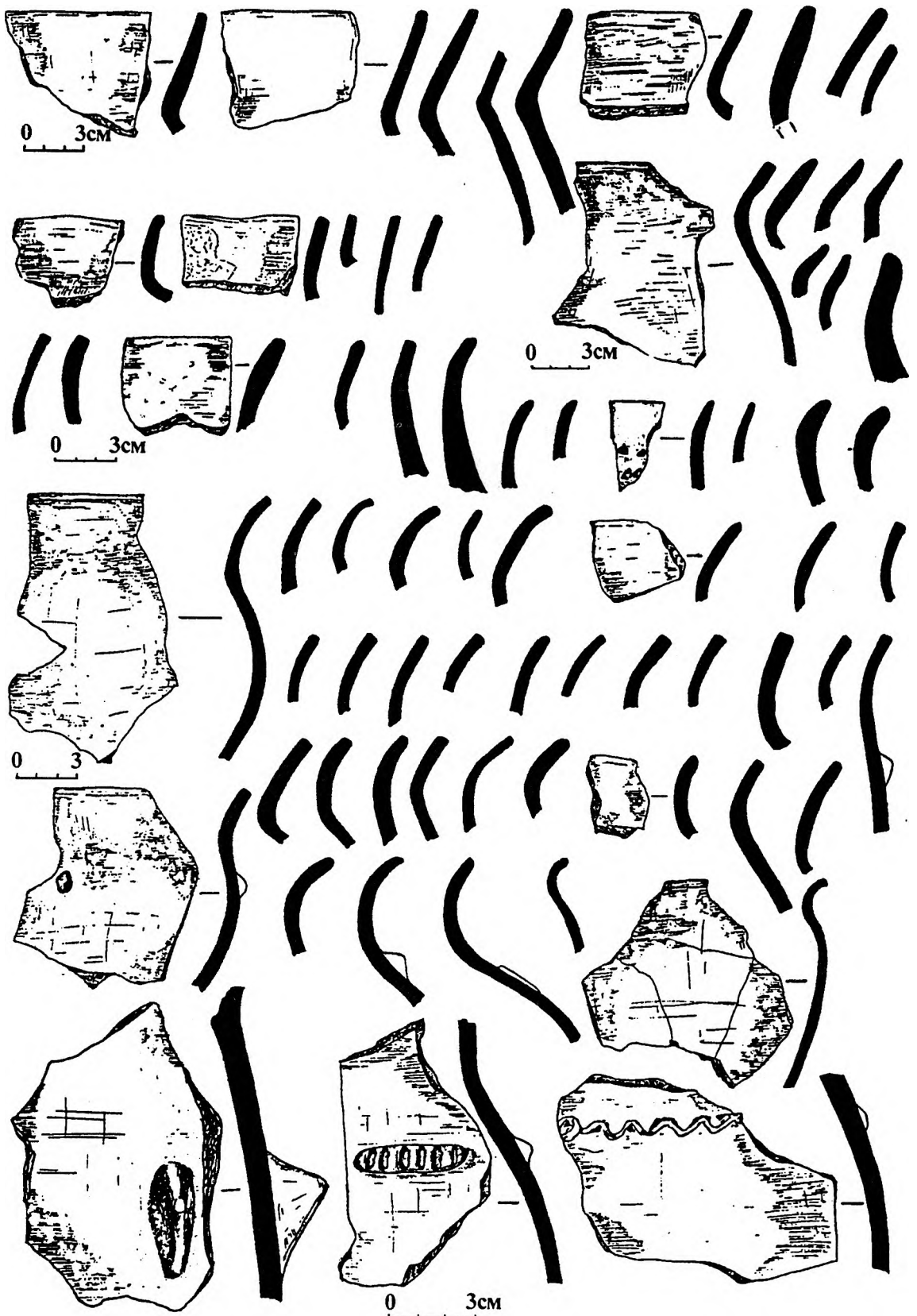

Рис.9. Керамика из постройки Экажевского поселения

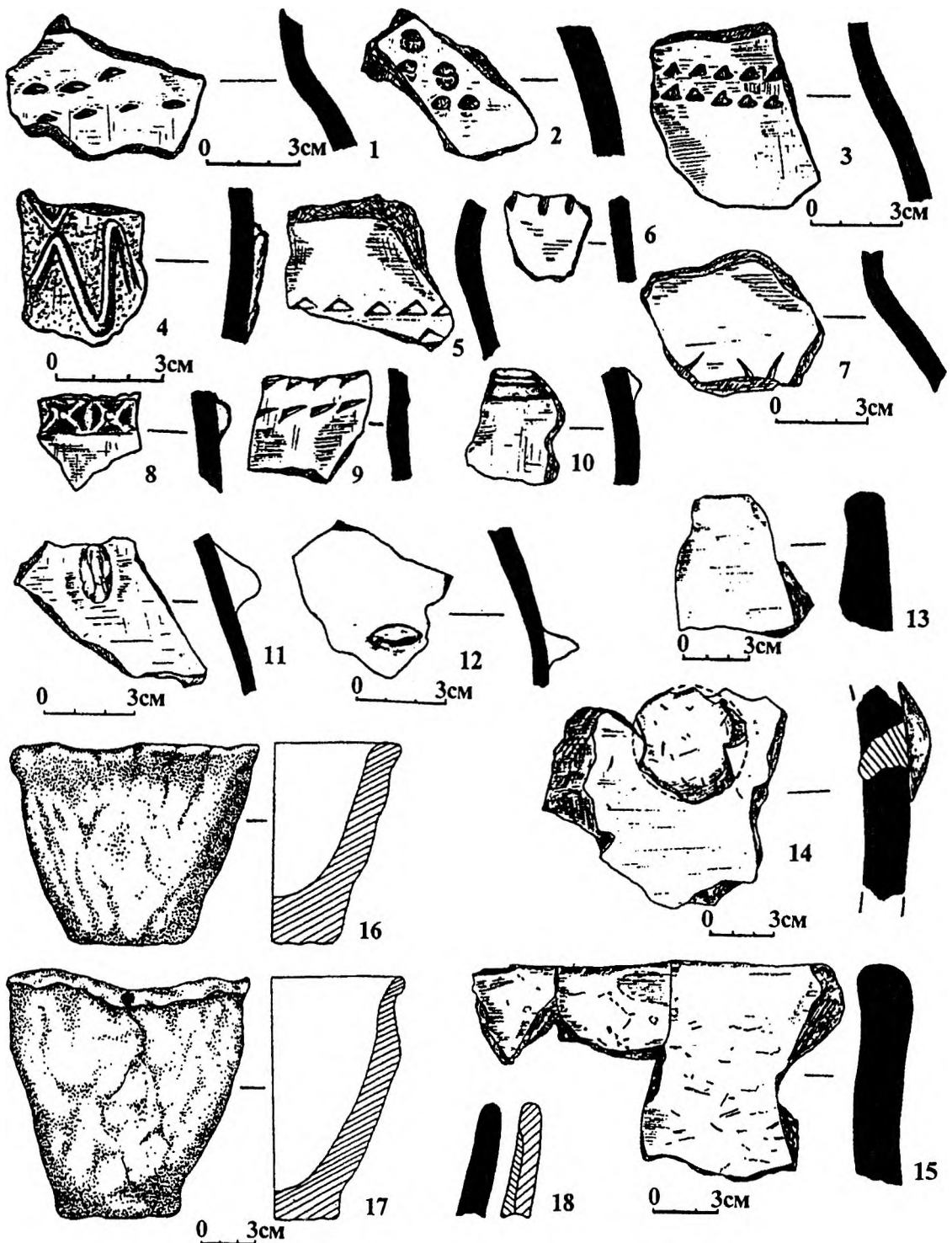

Рис.11. Эжажевское поселение. Постройка. Керамика: 1-12 — орнаментированные фрагменты; 13, 15 — фрагменты венчиков глиняных чанов; 14 — фрагмент стенки глиняного чана с отверстием и пригнанной к нему глиняной затычкой грибовидной формы; 16, 17 — миниатюрные грубелепные сосудики

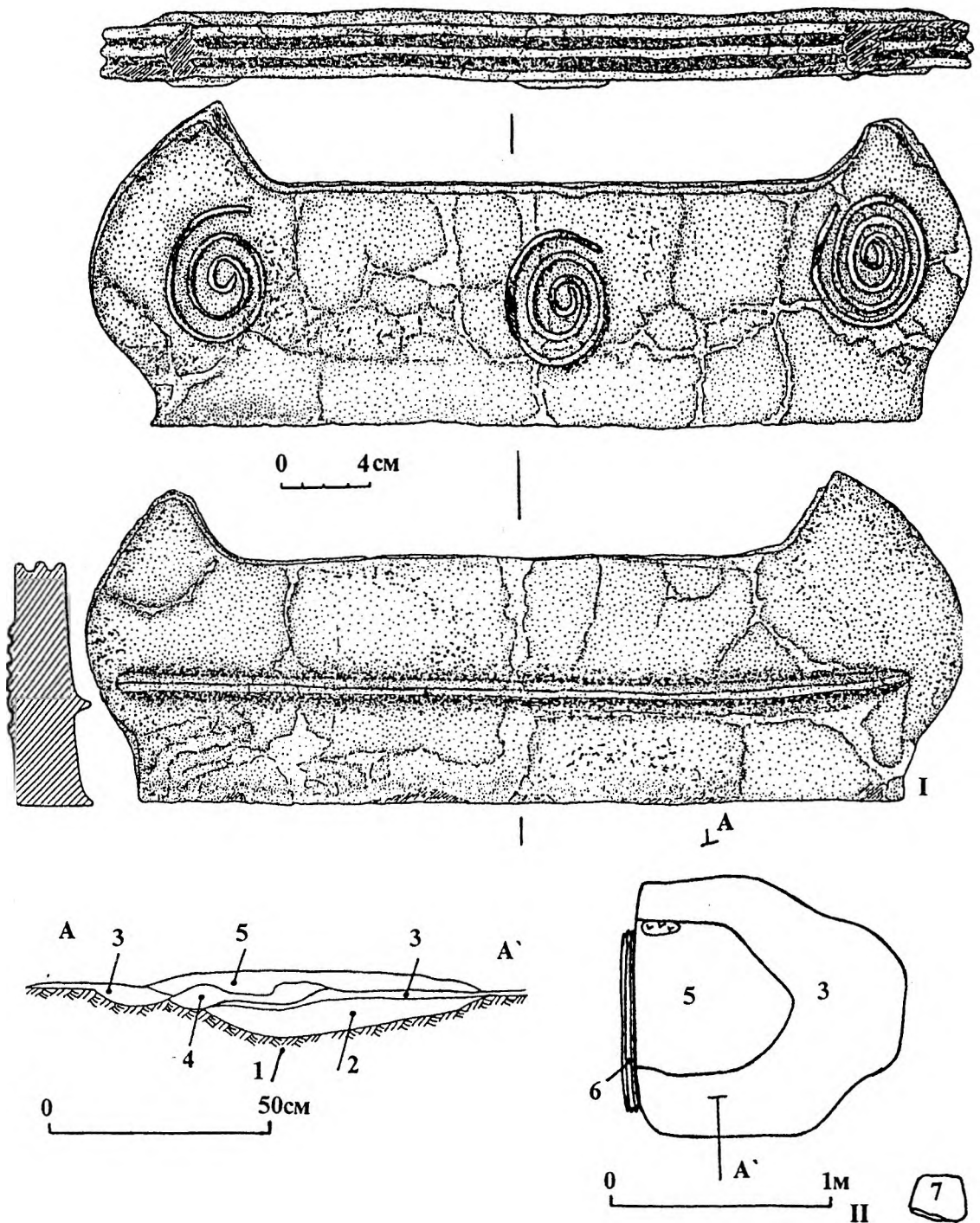

Рис.13. Очаг-жертвенник из постройки экажевского поселения: I. Глиняная стенка жертвенника (вид сверху; спереди; сзади); II. План очага-жертвенника; III. Разрез (А-А') площадки глиняных подмазок очага-жертвенника. Цифрами на чертежах обозначены: 1 — материк (желтый суглинок); 2 — кирпично-красного цвета проквал материка; 3 — разноцветные от прокала подмазки, подновлявшие площадку жертвенника; 4 — зольная супесь с кальцинированными костями животных; 5 — обожженная глиняная подмазка бело-розового цвета; 6 — стенка очага-жертвенника; 7 — развал сосуда с комочками красной охры внутри

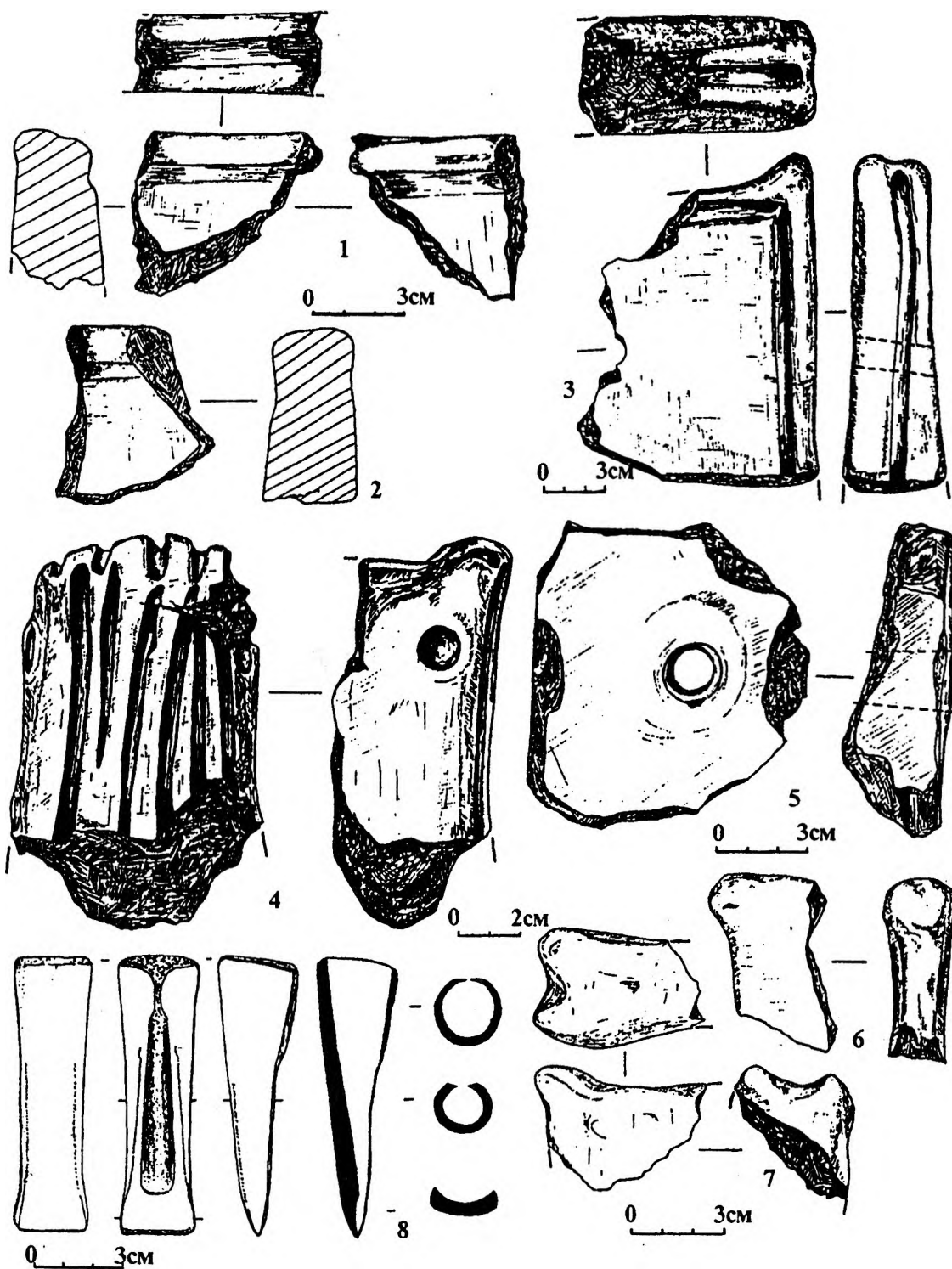

Рис.14. Экажевское поселение (1, 2, 4-8 — вещи из постройки; 3 — подъемный материал): 1, 2, 6, 7 — фрагменты керамических конструкций; 3 — фрагмент керамической плиты с круглым отверстием; 4 — антропоморфная деталь керамической конструкции; 5 — фрагмент очажной подставки (?); 8 — бронзовое долото из заполнения хозяйственной ямы внутри постройки

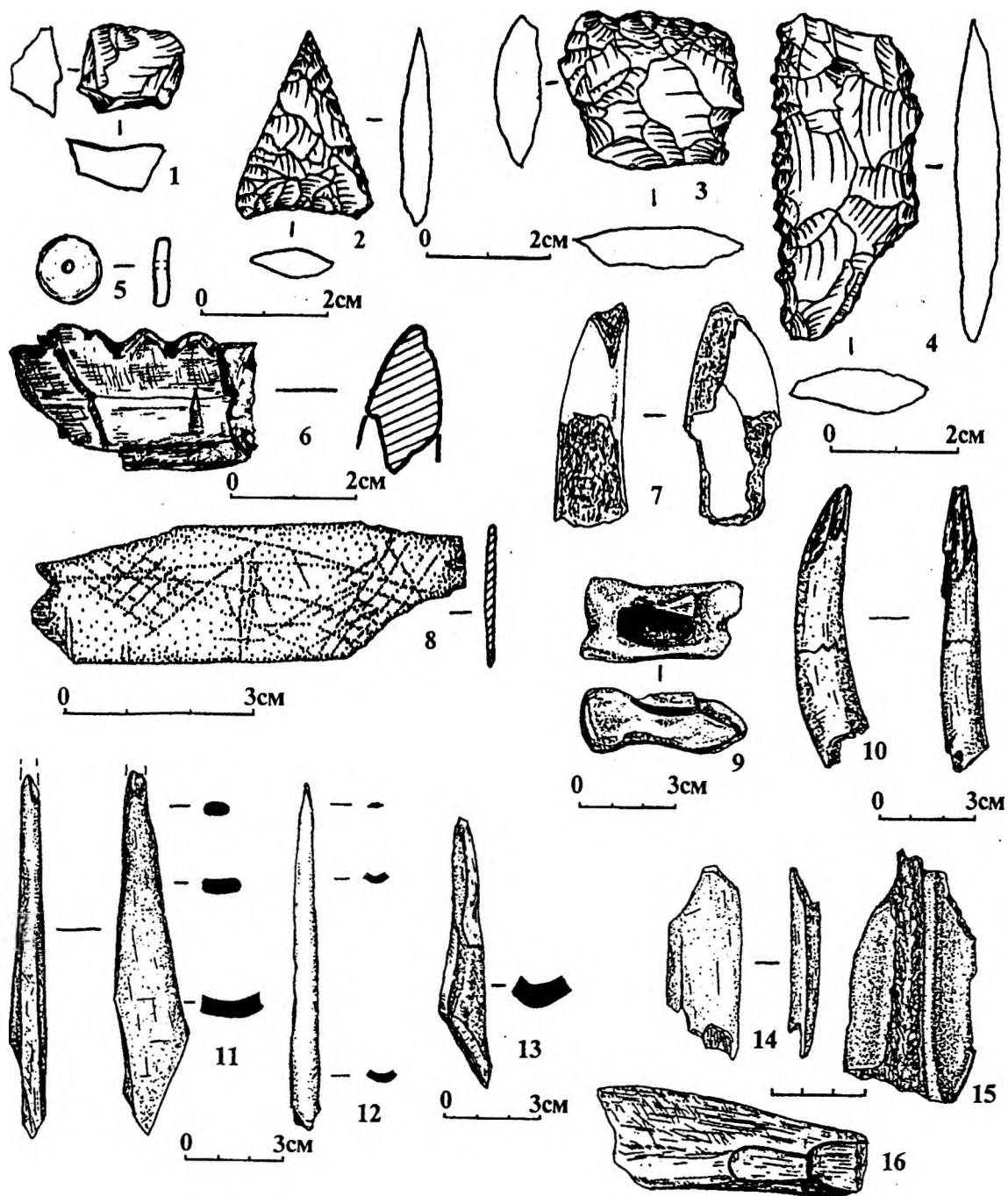
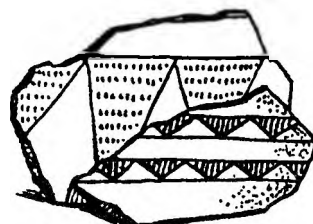

Рис. 15. Экажевское поселение (1-4 — подъемный материал с территории поселения; 5-16 — вещи из постройки): 1-4 — кремьен: 1 — нуклеидный резец; 2 — наконечник стрелы; 3, 4 — вкладыши серпа; 5 — глиняная бусина; 6-16 — изделия из кости и рога: 6 — орудие из клыка хряка с вырезанными в верхней части зубчиками; 7 — костяное орудие; 8 — орнаментированная пластинка; 9 — астрагал; 10 — орудие из рога; 11 — костяное шило; 12, 13 — остря; 14, 15 — ложила (?); 16 — заготовка орудия

М.П.Абрамова

ПОСЕЛЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У АУЛА ХУМАРА НА ВЕРХНЕЙ КУБАНИ

На территории Северного Кавказа, в разных его районах, в настоящее время известно большое количество поселений скифского времени. Однако детальная их характеристика и выявление локальных особенностей затруднены тем обстоятельством, что лишь немногие из них подвергались планомерным раскопкам.

В связи с этим представляют большой интерес материалы расположенного на Верхней Кубани Хумаринского поселения, поскольку при наличии ряда признаков, общих для памятников разных районов и являвшихся таким образом хронологическими показателями (некоторые формы сосудов и отдельные элементы орнамента, образцы изделий из кости и т.д.), здесь можно выделить ряд черт, являющихся, несомненно, локальной особенностью памятников этого региона.

Поселение было открыто Е.П.Алексеевой во время ее работ (1963, 1964 гг.) на территории хорошо известного Хумаринского городища, расположенного на правом берегу Верхней Кубани, в 40 км южнее г.Черкесска. Здесь Е.П.Алексеевой было заложено 6 раскопов, в четырех из них (I, II, III, VI) были выявлены слои VIII–VI вв. до н.э.: в западной части городища, на северных и южных склонах цитадели и на естественном холме, расположенном к северо-востоку от цитадели (Алексеева Е.П., 1971, с. 53–55, табл.34, 1).

Самые поздние керамические материалы были, по мнению Е.П.Алексеевой, выявлены в раскопе III, заложенном на естественном холме, которые она датировала VII–VI вв. до н.э. (Алексеева Е.П., 1971, с. 55). На этом раскопе, по ее данным, были открыты фундаменты прямоугольных в плане построек, сложенных небрежно из плохо отесанных камней, фрагменты керамики и изделия из камня и кости (Алексеева Е.П., 1971, с. 54).

В 1979 и 1980 гг. работы на Хумаринском городище проводил Х.Х.Биджиев. В 1979 г. он заложил два небольших раскопа на естественном холме у цитадели городища, рядом с раскопом III Е.П.Алексеевой. В результате были открыты 4 подбойных могилы с инвентарем II–III вв. н.э. (Биджиев Х.Х., 1983, с. 11,

12). В 1980 г. на двух раскопах в восточной части городища, на склонах цитадели, были выявлены слои VIII–VI вв. до н.э. мощностью от 0,4–0,8 м до 2 м, с остатками сооружения из камня в виде четырехугольной постройки с овальным в плане очагом, обложенным по периметру каменными плитками, а также остатки каменной кладки толщиной 0,4–0,5 м (Биджиев Х.Х., 1983, с. 12–14).

В 1983–1985 гг. на примыкавшем к цитадели городища холме М.П.Абрамовой были продолжены раскопки могильника первых веков н.э., открытого в 1979 г. Х.Х.Биджиевым. При раскопках, помимо погребений, были выявлены слои скифского времени с материалами, идентичными найденным Е.П.Алексеевой в раскопе III, заложенным ею на этом холме. Именно эти материалы и будут рассмотрены ниже.

Овальный в плане холм вытянут с юго-запада на северо-восток. Северный склон его крутой, остальные — более пологие. Размеры верхней части холма — 105 x 80 м. У основания холм имеет округлую форму — 130 x 120 м.

Поскольку склон имел следы многочисленных перекопов (помимо Е.П.Алексеевой и Х.Х.Биджиева, здесь в послевоенные годы проводили раскопки грузинские археологи, так как Карачаевский район входил тогда в состав Грузии), нами было заложено на южном склоне холма два раскопа рядом с раскопами Х.Х.Биджиева — раскоп I, площадью в 76 кв.м (рис.1), и раскоп II, площадью около 400 кв.м. Необходимо отметить, что культурные слои поселения были выявлены далеко не по всей площади раскопов. Особенно это относится к участкам, вскрытым в 1983 г. (квадраты 1–7 раскопа II). Не исключено, что данное явление связано с процессом оползней. Подтверждает это, в частности, тот факт, что на квадратах раскопа глубина залегания материка была различной на разных участках склона. В верхней части материк залегал сразу же под гумусным слоем, на 2–3 штыке. Чем ниже по склону, тем больше становилась толщина гумусного слоя и слоя древней почвы. На участках, вскрытых в 1984 и 1985 гг.,

культурный слой поселения распространялся по всей площади (рис.5).

Наличие сильных оползней подтверждается и некоторыми приемами домостроительства, которые будут рассмотрены ниже. Этим же обстоятельством можно, по-видимому, объяснить и сам факт очень плохой сохранности жилищ. Практически не выявлено ни одного жилища, конструкцию которого можно было бы восстановить полностью, — намечаются лишь общие приемы домостроительства и отдельные их детали. Помимо оползней, негативную роль сыграло и появление здесь в первых веках нашей эры могильника со сложными конструкциями — с большими по размерам подбойными и катакомбными могилами, в устройстве которых использовался камень (для закладов камер, для заполнения входных ям, а также при сооружении гробниц из камня). При этом можно утверждать, что, скорее всего, для этих целей использовался камень, который был под рукой, то есть взятый из построек поселения. Поэтому связанные с поселением объекты сохранились фрагментарно, тем не менее некоторые особенности домостроительства можно реконструировать.

На отдельных участках обоих раскопов при исследовании их в 1983 г. (квадраты 5–8 раскопа I и кв. 1 раскопа II) было четко прослежено два слоя, близкие по характеру (рис.1, Б, В; 4, Г). Верхний слой — это серый суглинок с включениями камней. Нижний слой, тоже серый суглинок, содержал и большое количество угля. На границе двух слоев найдены значительные развалы камней, — по-видимому, остатки второго строительного яруса (толщиной от 0,2 до 0,5 м), однако никакой четкой планировки в сооружениях этого периода проследить не удалось. Лишь в квадратах 5–7 раскопа I сохранились остатки вымостки из неправильных плит, связанной с верхним слоем. В кв. 5 рядом с этими плитами обнаружены пятна угольной прослойки диаметром 0,5–0,6 м (рис.2, А). Среди плит в кв. 6 найдена плоская круглая глиняная «лепешка», украшенная вдавленными пересекающимися линиями (рис.12, 9), а в кв. 7 — фрагмент костяного трехдырчатого псаля (рис.12, 14).

С этим верхним ярусом связаны две ямы, прослеженные в стенках раскопа II (рис.4, Г). Они имели подцилиндрическую форму, диаметр 0,7–0,8 м. На дне одной из них лежало несколько мелких камней.

Сооружения нижнего яруса (толщина нижнего слоя 0,8–1 м), расположенные на материке, имеют лучшую сохранность и позволяют

дать некоторую, довольно приблизительную, реконструкцию жилищ.

При сооружении жилищ, имевших прямоугольную форму, проводилось террасирование — выше по склону делался материковый срез в виде вертикальной ступени высотой от 0,5–0,6 м до 1–1,2 м. Этот срез укреплялся примыкавшей к нему каменной стеной, причем в основании стены размещались наиболее крупные камни. Остатки подобных срезов с каменными стенами выявлены в разных местах обоих раскопов. В кв. 5–7 раскопа I к югу от материкового среза высотой 0,65 м проходила вымостка из неправильных плит (рис.2, Б), лежавших горизонтально, причем нижний их ряд был углублен в материк. В кв. 5 рядом с плитами вымостки на материковом дне найдена полая костяная рукоять (рис.12, 11). На границе квадратов 5 и 6, у юго-западной стены раскопа, плиты лежали друг на друге. Самая верхняя плита находилась на глубине 1 м от поверхности. Под ней проходил угольный слой (угли встречались под этим камнем и над ним). Рядом с этой плитой и частично на другой плите, уходящей в бровку, стоял большой (высотой 27 см) глиняный сосуд (рис.13, 16). В 0,45 м к юго-востоку от него прослежена яма очага, диаметр ямы до 1,5 м, глубина 0,3 м. Края ямы и ее дно выложены мелкими каменными плитками, причем на дне плитки лежали в несколько слоев. В пределах этого участка найдено большое количество (более 400) фрагментов керамики и кости животных.

Несколько лучшую сохранность имеет помещение, примыкавшее к вымостке с юго-востока.

ПОМЕЩЕНИЕ I-1 (помещение 1 раскопа I), связанное, по-видимому, с жилым комплексом, зафиксировано в квадратах 9, 10, 91, 101 раскопа I. Здесь на глубине 0,3–0,5 м почти по всей площади проходил развал камней, среди которых найдено большое количество (около 700) фрагментов сероглиняных сосудов, преимущественно стенок (из них 13 с орнаментом), 12 фрагментов красноглиняных сосудов, 3 пращевых камня и 43 обломка костей животных.

Под развалом камней обнаружены остатки постройки с каменными стенами и материковым полом, выложенным каменными плитами (рис.3). Пол имел почти горизонтальную поверхность в результате террасирования — на границах квадратов 8 и 9, 10 и 11 был материковый срез в виде вертикальной ступени высотой до 0,5 м, в настоящее время неровный и оплывший (рис.1, Б). Рядом с этим срезом со-

хранилось основание стены, сложенной из больших камней, ширина ее 0,25 м. Сохранился только один ряд камней, лишь кое-где они были дополнены более мелкими камнями (рис.3). Общая длина стены 2,35 м, направление ее с юго-запада на северо-восток, а основание находится на глубине 0,8–1 м от современной поверхности. По-видимому, это была северо-западная стена помещения. Примыкавшая к ней юго-западная стена также состояла из одного ряда камней неправильной формы, лежавших на материке. Пазы между ними средних размеров (0,4–0,6 x 0,3 м) и заполнены более мелкими обломками. Общая протяженность стены 3,3 м.

Материковое дно, ограниченное этими стенами, было выложено каменными плитами. В западной части этой постройки находилось погребение 8 в каменной гробнице. На стыке квадратов 9 и 91 находился очаг в виде прямоугольной ямки, углубленной в материк на 0,1 м. Ямка (размерами 1,2 x 0,6 м) вытянута с востока на запад. В западной части этого очага лежала каменная плита, частично уходящая под северную стенку гробницы. Вся остальная часть очага была заполнена рыхлой землей с большим количеством угля. Дно частично выложено каменными плитками. Среди мелких камней, найденных внутри очага и рядом с ним, имеется 4 окатанных камня, овальных и круглых, которые использовались, по-видимому, как терочки. Здесь же лежали фрагменты керамики. К восточному концу очага примыкал зольник — небольшая яма (диаметр 0,35–0,4 м, глубина 0,1 м). Дно ее частично выложено мелкими каменными плитками. Более крупные камни размещались по краям. Все внутреннее пространство было заполнено золой.

К юго-западной стене помещения с внешней стороны примыкала яма диаметром 0,4 м, глубиной 0,4 м. Она оказалась перекрытой тонкой каменной плиткой, лежавшей наклонно. К северу от ямы проходила кладка, расположенная параллельно стене у материкового среза. Она была сложена из подтесанных плит. Общая длина ее 1,3 м, ширина 0,3–0,35 м (один ряд камней). Высота стены от 0,15 до 0,35 м. С юга от стены, между ней и ямой, лежал разбитый горшок (рис.13, 14). При раскопках этого участка было найдено более 200 фрагментов керамики, преимущественно сероглиняной, и 29 фрагментов костей животных.

Подобные сооружения, связанные, очевидно, с жилищами, обнаружены и в раскопе II.

ПОМЕЩЕНИЕ II-1 (помещение раскопа II) находилось в квадратах 1 и 2 раскопа II.

В северной части этого участка проходил материковый срез высотой до 0,4 м (в настоящее время довольно покатый). Этот срез переходил в слабо наклонную ступень шириной 0,15–0,2 м, при этом поверхность материка углублена еще на 0,6 м (рис.4, А). Вдоль нижней части образовавшейся материковой стены проходила кладка камней, центральная часть которой была разрушена при сооружении погребения 6. Длина выявленного отрезка стены 0,9 м при ширине 0,2–0,3 м (один ряд камней). Сохранившаяся высота 0,25–0,4 м.

В западной части стена состояла из положенных друг на друга массивных камней, восточная — из трех рядов мелких камней (рис.4, Б).

Параллельно этой стене, в 2 м к югу от нее, прослежены остатки второй стены — два стоявших на ребре массивных прямоугольных блока. Все пространство между ними заполнено развалом камней разных размеров, здесь же найдено большое количество угля и крупные фрагменты сосудов больших размеров. В восточной части вскрытого участка находился очаг прямоугольной формы, размерами 0,9 x 0,6 м, глубиной до 0,1 м. У западной и восточной его стен найдены вертикально стоявшие камни. Очаг оказался заполненным мелкими камнями, дно выложено плитками. Среди них найдено много углей и мелкие обломки обожженных костей животных. Рядом с очагом найдено 3 окатанных камня — два овальных (0,4 x 0,27 м и 0,36 x 0,15 м) и один округлый диаметром 0,13 м. Камни служили, по-видимому, терочниками. Большой камень имел в разрезе форму овала (обе поверхности были выпуклыми), у среднего камня одна поверхность была плоская, другая выпуклая, маленький камень имел обе плоские поверхности.

С восточной стороны к очагу примыкало насыщенное углями пятно округлой формы. Толщина угольного слоя достигает здесь 0,1 м. Нижняя часть его находилась на уровне бортов очага и частично перекрывала их, под слоем угля прослежена красная обожженная земля.

Исследованный комплекс можно, по-видимому, связать с жилым помещением. Материковый пол этого помещения был выложен каменными плитами разных размеров. Они устилали не все дно, а лежали на некотором расстоянии друг от друга. Снизу, на материке, находились плиты больших размеров, местами почти вплотную примыкая друг к другу. В материковом полу обнаружено несколько округлых ямок, возможно, от столбов, поддерживающих перекрытие (рис.4, В).

Среди камней, лежавших у дна, найдено большое количество фрагментов керамики (более 600) и костей животных.

Помещения относительно лучшей сохранности были прослежены при раскопках 1984 и 1985 гг. Однако и они довольно невыразительны.

ПОМЕЩЕНИЕ II-2. Расположено в кв. 17, 18, 25, 26 (рис.5, 6). На всей этой площади прослежен горизонтальный уровень материка (материковый пол). С северо-запада и северо-востока этот участок ограничивался материковым срезом (вертикальной ступенью) высотой от 0,25 до 0,45 м. Общие размеры участка: длина 5,8 м, ширина 5,7 м в квадратах 17 и 18 и 4,6 м в квадратах 25 и 26. В западной его части (по всей площади кв. 17 и частично в кв. 18) выявлен угольный слой толщиной 0,25–0,3 м. Общая его площадь 4 x 2,6 м. Над этим слоем найдены разрозненные плиты и мелкие камни. Угольный слой сверху перекрыт обожженной землей. В пределах самого слоя, примерно в центре кв. 17, обнаружен тонкий ствол обгоревшего дерева. Наиболее интенсивный участок углей и обожженной земли зафиксирован в восточной части исследованной площади, где найдены фрагменты раздавленных глиняных сосудов (рис.13, 8). Здесь же, в восточной части, на границе квадратов 17 и 18, выявлены остатки каменной стены, от которой сохранился один ряд массивных блоков и два ряда более мелких камней, лежавших на материке. Длина стены 2,2 м, ширина 0,1–0,25 м (один ряд камней). Стена вытянута с северо-запада на юго-восток. Своим северо-западным концом она примыкала к материковому срезу. Здесь, с юго-востока, параллельно этому срезу и перпендикулярно к стене стояла на продольном ребре каменная плита, длина ее 0,7 м, высота 0,35 м, толщина 0,08 м. Поверхность материка, ограниченная стеной и этой плитой, была выложена каменными плитами (глубина залегания 1,2 м от современной поверхности). На плитах обнаружено пятно углистой прослойки диаметром 0,5–0,6 м и обожженной земли. Толщина углистого слоя 0,2–0,25 м.

В южном углу кв. 18, рядом с вертикально стоявшей плитой, обнаружен очаг № 1 в виде овальной ямки (размеры 0,4 x 0,5 м, глубина 0,05–0,07 м). Она была заполнена углями и обожженной землей, в ней же стоял черноглиняный сосуд с зооморфной ручкой (рис.13, 12). Еще две подобные ямки, возможно, очаги, находились также у границы углистого слоя, примерно на одной линии с первым очагом. Очаг № 2 (у юго-восточной стены кв. 17) —

в виде ямки овальной формы диаметром 0,5–0,6 м, глубиной 0,2–0,25 м. Верхняя часть его стенок была частично обложена мелкими каменными плитками. Очаг был заполнен углями и обожженной землей. Очаг № 3 находился на границе кв. 16 и 17. Он имел подпрямоугольную форму (размеры 0,35 x 0,3 м, глубина 0,07–0,08 м; рис.6). В заполнении найдены мелкие камни, угли, обожженная земля. Этот очаг частично выходил за границы участка, покрытого угольным слоем.

Примерно в центре квадратов 18 и 25 обнаружен еще один отрезок стены, состоявшей из двух поставленных на ребро длинных и невысоких плит (1,15 x 0,35 м и 0,5 x 0,3 м). Их основания примерно на 0,1 м углублены в материк. Общая длина стены 1,7 м. Она была расположена перпендикулярно к описанной выше вертикально стоявшей плите в южном углу кв. 18. К восточной части этой стены, находившейся в кв. 25, примыкала узкая канавка, которая затем расширялась, имея вид прямоугольной ямы (2 x 0,6–0,7 м) глубиной до 0,1 м. Яма была заполнена лежавшими плашмя массивными плитами, мелкими плитками и скоплениями фрагментов керамики. В дне западной части этого углубления обнаружена круглая ямка (диаметр 0,2 м, глубина до 0,1 м). В ней лежали мелкие плитки и один округлый камень. За пределами этого прямоугольного углубления, на границе кв. 25 и 26, обнаружены остатки вымостки из каменных плит неправильной формы. Возможно, что она была разрушена при сооружении обнаруженного здесь погребения 15.

Все описанные объекты (остатки каменных стен и вымосток, очаги, зольники, прослойки угля) связаны, очевидно, с одним жилым комплексом, т.к. находились на одном уровне и были ограничены стенами материкового среза, однако реконструировать его первоначальную планировку трудно. Весь комплекс производит впечатление заброшенности, возможно, из-за пожара, что подтверждается мощной угольной прослойкой в кв. 17. Весь этот участок был почти не потревожен погребениями, отличается он и незначительным числом найденных здесь фрагментов керамики и костей животных.

ПОМЕЩЕНИЕ II-3. Оно обнаружено на площади квадратов 11–13, 19, 20, 30 и 31 раскопа II (рис.7). Общие размеры его 9 x 5–6 м. Уровень залегания материка в результате террасирования находился здесь на глубине от 0,6 м до 1 м. Граница среза шла от северного угла кв. 30, почти по диагонали кв. 31 и 11, в кв. 20 поворачивала к юго-востоку.

Материковый срез в момент раскопок был довольно оплывшим. В квадратах 11 и 20 он имел как бы две ступени — верхнюю высотой до 0,5 м и нижнюю — шириной до 0,4 м и высотой до 0,2 м. Материковый срез у основания был укреплен каменной стеной. Сохранились лишь отдельные ее участки. В квадратах 30 и 31 участок этой стены достигает в длину 2,6 м, в ширину 0,2–0,3 м (на ширину одного камня). Высота стены 0,85 м в восточной части (6–7 рядов камней) и 0,3 м в западной (2–3 ряда камней).

Участок сохранившейся стены у основания материкового среза в кв. 11 достигает в длину 2 м. В основании ее лежали массивные камни, сверху они дополнялись более мелкими камнями и плитами, положенными плашмя. Ширина стены 0,35–0,4 м, высота до 0,6–0,7 м (3–5 рядов камней).

В южной части кв. 11, в 0,6 м к югу от этой стены проходил еще один ряд камней, параллельный первому, примыкавший к нижней ступени материкового среза. В юго-восточной части находился массивный плоский камень (0,8 x 0,6 x 0,1 м), стоявший почти вертикально на продольном ребре. К северо-западу его дополняли более мелкие камни, лежавшие на выровненной поверхности материка. Общая длина отрезка стены 1,5 м.

Все остальное пространство квадратов 12 и 19, примыкавшее к материковым срезам, было выложено по поверхности материка массивными каменными плитами неправильной формы, примыкавшими друг к другу. Значительная часть вымостки была разрушена при сооружении погребений 22, 23 и 26.

Та часть вымостки, которая расположена в кв. 19, состояла из плит, лежавших в беспорядке, хотя они и подгонялись друг к другу. Все плиты лежали в один ряд, однако верхний их уровень был не очень ровным — имелись перепады в 5–7 см. Основу вымостки составляли массивные плиты (0,8–0,9 x 0,5–0,6 м). Пространство между ними заполнено более мелкими камнями и плитами. У границы квадратов 12 и 19 по обе стороны выкладки имелись круглые ямки: яма 3 (диаметр 0,3 м, глубина 0,35 м) и яма 4 (диаметр 0,2 м, глубина 0,2 м). Между ними среди плит имелись еще две ямки: яма 5 (диаметр 0,13 м, глубина 0,13 м) и яма 6 овальной формы (длина 0,25 м, глубина 0,2 м). По-видимому, они сохранились от столбов, поддерживавших перекрытие.

С севера и северо-запада к этому выложенному плитами участку примыкала вымостка, узкая и длинная, ориентированная с севе-

ро-запада на юго-восток. Она начиналась на границах квадратов 12 и 19, располагаясь по диагонали кв. 12 и доходила примерно до середины кв. 30. Плиты этой вымостки залегали на глубине 0,85–0,9 м от современной поверхности. Общая длина ее около 5,5 м, ширина 0,8–1 м. По-видимому, здесь проходила дорога. Часть ее была разрушена при сооружении погребений 22 и 23. По краям она была укреплена вертикально стоящими плитками, углубленными в материк. Остатки таких плит сохранились и в северном углу кв. 13 (рис. 7). Их верхние концы находились на уровне поверхности плит вымостки. На границе квадратов 30 и 31 вымостка расширялась, занимая почти всю восточную часть кв. 30. В центре этой же части вымостки находилась одна большая плита (1 м x 0,5–0,6 м), вокруг которой располагались более мелкие плиты.

Рядом с крупной плитой находилась небольшая ямка (№ 1) диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м. В ней, заполненной рыхлой землей, найдены небольшой камень и стоявшая вертикально костяная проколка (рис. 12, 15).

С севера к этой вымостке примыкал очаг прямоугольной формы, составленный из вертикально стоявших плиток и камней неправильной формы. Внутренние размеры его 0,8 x 0,4 м, в южной части дно его выложено плитками. Высота стен 0,2–0,35 м. Северную стенку образует одна вертикально стоявшая плита размерами 0,6 x 0,3 м. Восточная и западная стороны составлены из 1–2 рядов мелких камней. В северной части дно материковое, на нем — следы красной обожженной земли и угольный слой. Заполнение очага — рыхлая листовая земля.

К востоку от вымостки, у материкового среза в кв. 31, сохранились остатки второй вымостки из 6 плит, лежавших близко друг к другу в 1–2 ряда. Возле них найдены два глиняных пряслица (рис. 12, 1, 5).

К западу от очага обнаружена плоская плита, лежавшая плашмя, а рядом с ней — обломок терочника. Между плитой и каменной стеной у материкового среза, в северном углу кв. 30, прослежено пятно красной обожженной земли (размерами 0,4 x 0,5 м). Второе неправильной формы пятно обожженной земли гораздо больших размеров (2,5 x 2 м) находилось на границе кв. 13 и 30. Глубина его залегания 0,8–1 м. В его пределах, у северо-западной стенки кв. 13, находились остатки сложенного из камня сооружения, имевшего первоначально, по-видимому, квадратную форму. Сохранились две стенки этого сооружения — северная и западная. Они сложены из

стоявших на ребре каменных блоков. Северная стена состояла из двух камней длиной 0,45 и 0,6 м, высотой 0,2 м; сохранившаяся часть западной стены также состояла из двух камней — длиной 0,4 и 0,25 м и высотой 0,15–0,2 м. Внутреннее пространство этого сооружения (по-видимому, очага) было заполнено более темной землей с включением угля. Уровень поверхности материка внутри очага понижался на 0,15 м.

Вдоль юго-западной границы кв. 13 проходил участок стены, составленный из трех массивных каменных блоков длиной 0,6, 0,75 и 0,6 м, толщина стены 0,2–0,25 м, высота 0,4–0,5 м. Основания камней были углублены в материк на 0,1 м. Возможно, эта стена ограничивала рассматриваемый комплекс с юго-запада. Можно предположить, что продолжением этой стены являлся массивный каменный блок, врытый в материк на границе квадратов 29 и 30.

Интересно, что в пределах исследованного комплекса найдено сравнительно мало фрагментов керамики и костей животных; основное число этих находок происходит с площадей, расположенных за пределами жилых комплексов.

ПОМЕЩЕНИЕ II-4 размещалось в квадратах 28, 29, 35, 36 и 14 раскопа II (рис.8). Площадь выявленного участка более 30 кв.м. Он имел прямоугольную форму и был вытянут с юго-востока на северо-запад. Юго-восточная его часть, находившаяся в пределах квадратов 14 и 15, была разрушена при сооружении погребений 11, 12, 13, 16. Камни и плиты лежали здесь в беспорядке. Среди развала этих камней в кв. 14 найдены две костяные поделки — проколка и четырехгранный стержень (рис.12, 7, 8).

С северо-востока участок ограничивался материковым срезом в виде ступени высотой 0,5–0,6 м. Здесь материк залегал на глубине до 1 м от поверхности и материковый срез проходил почти параллельно границе квадратов 36 и 37, где он был укреплен массивными плитами, стоявшими вертикально. Наибольшая плита имела размеры 1 х 0,5 м. Вплотную к этой стене примыкал развал довольно крупных камней. Возможно, они обвалились с верхней части стены.

Продолжением этой стены, видимо, являлась большая плита (1,2 х 0,6 м), стоявшая на продольном ребре на границе квадратов 29 и 30. С юго-востока она была дополнена лежащими друг на друге более мелкими плитами, на которых лежали фрагменты орнаментированного сосуда (рис.13, 15).

С северо-запада этот участок ограничен материковым срезом, сделанным при сооружении следующей террасы, уходящей за пределы раскопа.

Описываемый участок имеет почти горизонтальную поверхность материка. По нему, в 1–1,5 м от материкового среза, почти параллельно ему, в квадратах 29 и 36 проходила довольно небрежная вымостка из каменных плит, лежавших плашмя. Сверху они были перекрыты развалом камней, который шел с глубины 0,2–0,3 м от современной поверхности. Эта вымостка начиналась от восточного угла кв. 14 (сохранился небольшой участок ее между погребениями 12 и 16), в кв. 29 она была частично перерезана погребением 32, затем доходила до материкового среза на границе квадратов 35 и 36. Общая длина вымостки около 9 м, ширина около 1,5 м. Направление ее — с северо-запада на юго-восток. Для нижнего ряда этой вымостки, составленного из массивных плит, было сделано подобие неглубокой канавки с пологими стенками, так что верхние грани плит находились на уровне поверхности материка. Сверху массивные плиты были перекрыты более мелкими камнями и плитами, положенными в 2–3 ряда. На границе квадратов 28 и 35 у края вымостки найдена красноглиняная миска (рис.13, 2). В кв. 29 среди камней у края вымостки лежали два овальных терочника. Один из них имел плоскую, слегка вогнутую поверхность. Среди камней вымостки найдены также 5 округлых пращевых камней диаметром 6–10 см и подвеска из просверленного зуба (рис.12, 12, 13). Она лежала на плите у границы квадратов 29 и 30.

В кв. 28, примерно в 1 м от вымостки, обнаружены 2 круглые ямки, углубленные в материк. У ямы 1 диаметр по верху достигал 0,65 м, по дну — 0,35–0,4 м, глубина ее 0,2 м. Центральная часть ямы была заполнена мелкими камнями. Расположенная южнее яма 2 (диаметр по поверхности материка 0,55 м) имела конусовидную форму. Диаметр дна — 0,2–0,3 м, глубина 0,25 м. Яма была частично перекрыта камнями.

При раскопках этого участка найдены фрагменты керамики и костей животных. Наибольшее их число обнаружено в квадратах 28 и 35, расположенных в нижних участках холма, что, возможно, связано с оползнями.

ПОМЕЩЕНИЕ II-5 размещалось на площади квадратов 31–33, 37–40 раскопа II (рис.9). Этот комплекс был выявлен не полностью, т.к. границы его уходили за пределы раскопа. Судя по выявленной части, он зани-

мал большую площадь. По-видимому, рассматриваемый участок имел прямоугольную форму, что подтверждается наличием почти прямого угла у материкового среза, ограничивавшего этот участок с севера и с востока. Примерные размеры участка 9 x 9 м.

Материковый срез в восточной его части проходил почти по диагонали кв. 33 (рис.9). Здесь прослежены две его ступени. Внешняя ступень, высотой до 0,3 м, была укреплена каменной стеной, стоявшей вплотную к материковому срезу. Длина сохранившегося участка стены 1,8 м, ширина 0,3–0,35 м, высота 0,35–0,45 м (3–4 ряда камней). Основание стены составляли крупные каменные блоки (длиной до 0,5 м), сверху они дополнены более мелкими камнями и плитками. Верхние ряды камней лежали выше поверхности материка (рис.9, разрез I-I). Среди камней найдены фрагменты керамики.

Вторая ступень материкового среза расположена в 0,6–0,8 м к западу от первой. Это оплывший покатым материковый срез высотой 0,3–0,4 м. Прослеженная длина его 3,5 м. Этот срез также, по-видимому, был укреплен каменной стеной, от которой сохранился лишь развал камней шириной 0,4–0,5 м, примыкавший к ступени. Конец материкового среза находился в северном углу кв. 33, где он смыкался с каменной стеной, ограничивавшей этот участок с севера. Описанный выше внешний материковый срез доходил до западного угла кв. 34, где границы его терялись, а затем поворачивал к северо-западу, проходя по северной части кв. 40. Общая длина выявленной здесь материковой ступени составляет 2,5 м. Восточный участок этого среза почти вертикальный, здесь вплотную к нему примыкала каменная стена. В западной части срез более покатым, оплывший. Каменная стена стоит у подножья ступени, не примыкая к материковому срезу, что связано, по-видимому, с оползнями.

Выявленный в кв. 40 участок стены состоял из массивных блоков и плит, лежавших плашмя. Высота стены 0,7–0,8 м, ширина 0,3–0,4 м (сложена в один ряд). Камни лежали друг на друге в 5–7 рядов. В основании стены (на глубине 1–1,2 м от поверхности) положены в 1–2 ряда массивные блоки (длиной 0,4–0,55 м), их перекрывали более мелкие камни (рис.9; 10, 2).

Все пространство, ограниченное материковым срезом (квадраты 40, 33 и восточная часть квадрата 32), заполнено развалом камней, под которыми на поверхности материка (а места на развале камней, лежавших на материке)

обнаружены плиты вымостки. В квадратах 32 и 33 эта вымостка располагалась параллельно материковому срезу, почти примыкая к нему. Общее ее направление близко к меридиональному (ССВ–ЮЮЗ). Вымостка состояла из плит и массивных плоских камней (размерами 0,6 x 0,55 м; 0,5 x 0,4 м). Между ними положены более мелкие плиты и камни. В кв. 32 среди камней вымостки найден просверленный бараний астрагал (рис.12, 10).

В северо-западной половине кв. 33 на поверхности материка зафиксировано углистое пятно овальной формы (размерами 0,9 x 0,7 м). Со всех сторон оно окружено развалом мелких камней.

На границе квадратов 32 и 33 по краям вымостки и между ее плитами обнаружено 6 ямок. Одна из них (№ 4) имела подквадратную форму (0,2 x 0,2 м), глубина ее 0,07 м. Она оказалась заполненной углистой черной землей. Пятно углистой прослойки (0,3 x 0,35 м) примыкало к этой ямке и с севера. Здесь же, в восточной части кв. 32, найдено еще 4 ямки (№ 5–8). Яма № 5 (диаметр 0,25 м) была едва углублена в материк, на дне ее лежал камень. Ямы № 6 и 7 (диаметр 0,2 м, глубина 0,15 м) обложены по краям мелкими каменными плитками. Яма № 8 (диаметр 0,2 м, глубина 0,07 м) заполнена темной землей, на дне ее лежал камень. Яма № 9 находилась рядом с вымосткой в кв. 33. Диаметр ее 0,3 м, глубина 0,12 м. Она была заполнена углистым слоем и камнями.

Вымостка из плит занимала, по-видимому, и почти всю площадь кв. 40 (частично она была разрушена при сооружении погребений 35 и 38). Эта вымостка сверху также оказалась перекрытой развалом камней. Общая длина этого развала более 3 м. Среди камней найдены овальный терочник и фрагменты керамики, в том числе разных форм мисок и горшков (рис.13, 4, 9, 10). Каменная вымостка из массивных плит находилась на поверхности материка на глубине до 1 м. В южной части этой вымостки в кв. 40 имелся разрыв — подквадратное углубление (очаг?) размерами 0,8 x 0,6 м, глубиной 0,1–0,12 м от поверхности плит. По краям это углубление обложено мелкими камнями и плитками, стоявшими частично вертикально. Отдельные мелкие камни находились и внутри очага. В заполнении его встречались угольки, хотя углистого слоя здесь не было.

Еще одно углубление, однако сделанное не в каменной вымостке, а в материковом дне, расположено к западу от первого, в юго-западной части кв. 40. Это был очаг подпрямо-

угольной формы, вытянутой с северо-запада на юго-восток. Длина его 0,9 м, ширина 0,75 м, глубина 0,1 м. Кое-где у его стен сохранились мелкие камни и одно округлое ядро.

Скопление мелких камней, возможно, от очажка, и округлый камень-голыш обнаружены у западного угла кв. 40. Рядом лежали врытые в материк два массивных округлых камня, на плоской верхней поверхности которых имелись чашеобразные углубления. Один камень был подквадратной формы (0,5 x 0,5 м), диаметр округлого углубления 0,2 м, глубина 0,2 м. Второй камень округлой формы (диаметр 0,4–0,43 м) имел круглое углубление диаметром 0,15 м, глубиной 0,15 м.

К югу от этих двух камней в материке сохранилась ямка (№ 10) диаметром 0,2–0,25 м, глубиной 0,07 м. В ямке найдены угольки и несколько фрагментов керамики.

Третий камень с чашеобразным углублением располагался примерно в 0,7 м от первых двух, у центральной части северо-западной стенки кв. 39. Он имел подквадратную форму, размеры его 0,4 x 0,35 м, диаметр углубления 0,13 м, глубина 0,12 м. Рядом с ним на материке прослежено пятно красной обожженной земли диаметром 0,45–0,5 м.

На этом же уровне, на поверхности материка, который здесь залегал на глубине 0,5–0,6 м от современной поверхности, на границе квадратов 38 и 39 обнаружен каменный очаг. У него подквадратная форма (внешние размеры — 1,25 x 1,15 м, внутренние — 1,05 x 0,95 м). Он был ориентирован с ССВ на ЮЮЗ. Стенки его сложены из вертикально стоявших камней и плит, основания которых углублены в материк. Верхние края плит находились на глубине 0,15 м от современной поверхности. В центре восточной стенки стоял один массивный камень (0,5 x 0,4 м), по краям — два более мелких камня. Южную стенку очага составлял один большой камень (длина 0,45 м), дополненный с востока более мелким камнем. Западная стена состояла из двух камней, северная — из трех стоявших на ребре плит. Все стены имели разную высоту — от 0,2 до 0,35 м. Нижние части плит и камней углублены в материк на 7–8 см.

Очаг сверху заполнен слоями битой керамики, фрагменты которой, смыкаясь друг с другом, лежали почти по всей его поверхности (рис.9, а). Этот слой проходил на глубине 0,15 м от верхнего края стен (на уровне верхнего края плит более низкой северной стены). Под фрагментами керамики шел слой мелких плиток, лежавших друг на друге в 2–3 слоя по всей поверхности очага (рис.9, б; 10, 1). Меж-

ду ними изредка встречались мелкие кусочки глиняной обмазки и единичные фрагменты керамики. Под плитками шел слой мешаной земли толщиной до 0,1 м, под которым обнаружено материковое дно, находившееся в среднем на глубине 0,3 м от верхних оснований стен. В материковом дне сохранились две ямки. Первая из них была в восточном углу очага. Она имела овальную форму, размеры ее 0,3 x 0,2 м, глубина 0,1 м. В ней найдены угольки, мелкие фрагменты керамики, мелкие ребра барана и глиняное пряслице, лежавшее у края ямы (рис.12, 3).

Вторая яма расчищена в западном углу очага. Она имела круглую форму, диаметр ее 0,4–0,45 м, глубина 0,1–0,15 м. Яма заполнена камнями, среди которых на дне лежал камень-голыш.

Среди фрагментов керамики, обнаруженных в очаге, преобладают стенки сосудов, преимущественно сероглиняных (306 фрагментов стенок сероглиняных сосудов и 4 фрагмента стенок сосудов коричневой глины, все они не орнаментированы; кроме того, 17 фрагментов стенок сероглиняных орнаментированных сосудов, 11 фрагментов венчиков и 9 фрагментов днищ сероглиняных сосудов). Найденные здесь фрагменты стенок имели преимущественно большие размеры и принадлежали, по видимому, большим сосудам. Очевидно, они выполняли ту же роль, что и каменные плитки, устилавшие дно.

К восточной стене очага снаружи примыкала система ямок разной глубины, вытянутых в одну линию с запада на восток (рис.9). Первая из них, имевшая подпрямоугольную форму, примыкала к очагу. Размеры ее 0,45 x 0,5 м, глубина 0,15 м. Стенки ее покатые. В ямке, преимущественно у ее дна, найдено 14 фрагментов стенок сероглиняных сосудов. В центре ямки стояла на ребре каменная плита, ряд мелких камней лежал по краям ямки.

Вторая ямка, верхним бортом смыкавшаяся с первой, также имела подквадратную форму. Размеры ее 0,55 x 0,5 м, глубина 0,3 м. Между этой и предыдущей ямкой находилась перемычка, расположенная чуть выше уровня дна первой ямы. Вдоль восточного борта второй ямы стояли вертикально две плитки, общей длиной 0,5 м, высота их 0,1–0,12 м. Они располагались на материковом уступе, отделявшем эту яму от третьей. Размеры третьей ямы 0,7 x 0,5 м, глубина в западной части 0,3–0,35 м, в восточной — 0,15–0,2 м. Северная половина ямы по краю обложена мелкими плитками.

Еще две ямки в материке обнаружены в квадрате 38, к юго-востоку от каменного очага. Одна из них (№ 1) была круглой с покатыми стенками. Диаметр ее 0,37 м, глубина 0,07–0,15 м. Яма № 2, расположенная в 0,1 м от первой, имела трапециевидную форму. Размеры ее 0,5 x 0,4 м, глубина 0,15 м. Стенки ее более отвесны. В северо-восточной ее части лежала плашмя каменная плитка. Эта яма примыкала к каменному очагу круглой формы (диаметром 0,8 м), стены которого сложены из одного ряда довольно мелких камней и плит. Эти камни находились несколько выше материка на слое насыпной земли. В центре лежала плашмя каменная плитка. Материк в этой части раскопа залегал на глубине 0,25–0,35 м от поверхности.

С юго-востока к этому сооружению примыкала еще одна яма (№ 3), диаметр ее 0,25 м, глубина 0,2 м. Ко дну она сужалась, на бортах ее лежали два мелких камня.

В восточной части рассматриваемого участка, в квадратах 37–38, были выявлены три ямы больших размеров. Яма I расположена в восточном углу кв. 38 (рис.9). Сверху она имела неправильно-округлую форму, диаметр ее до 1 м. Вся яма от ее бортов и до дна на глубине 0,55 м от поверхности материка оказалась заполненной довольно массивными плоскими камнями, лежавшими друг на друге. Средние размеры их 0,3 x 0,4 м. Кроме того, в верхних слоях она заполнена красной обожженной землей. Под камнями, несколько выше материкового дна, найдены плиты, лежавшие в слегка наклонном положении. Средние размеры этих плит 0,35 x 0,25 м. Стенки ямы были почти отвесными (рис.5). В заполнении ямы встречались кусочки угля и фрагменты (31) сероглиняной керамики, а также один кусок глиняной обмазки и обломок кости.

Ямы II и III расположены на границе квадратов 37 и 38 (рис.5). Яма II округлой формы, диаметр ее 1,05 м, глубина 0,25–0,38 м. У северо-восточной ее стены прослежен скальный выход. Она заполнена мешаной землей, частично пережеженной. Яма III имела восьмеркообразную форму, вытянута с востока на запад. В восточной части диаметр ее достигал 1,15 м. Стенки ее почти отвесные. В северо-западной части дна прослежен скальный выход. Наибольшая глубина ямы 0,5 м от поверхности материка. У бортов найдено несколько камней. Западная часть ямы имела в диаметре 0,75 м, глубина ее 0,15–0,3 м. Дно ее лежало на 0,15 м выше дна восточной части. Стенки этой части ямы отвесные. Яма была заполнена камнями от дна до бортов, вы-

ступая над ними. Среди камней найдены фрагменты керамики (рис.13, 13).

Все описанные здесь сооружения (стены, вымостки, очаги и ямы), расположенные в квадратах 31–33, 37–40, связаны, по-видимому, с одним жилым комплексом, — на всей этой площади прослеживается одинаковый уровень горизонтального среза. Лишь в квадратах 31 и 37 и в западной части кв. 38 материк залегал на небольшой глубине (0,35–0,5 м от поверхности). Фактически на этой площади нет культурного слоя, почти не найдено фрагментов керамики и костей животных. Основное число находок сосредоточено в квадратах 32, 33, 39, 40. Основная масса керамики найдена при расчистке каменного завала на участке, примыкавшем к материковому срезу и каменной стене. Из квадратов 32 и 33 происходят 131 фрагмент сероглиняных сосудов (из них 11 с орнаментом), 2 фрагмента сосудов коричневой глины, 19 фрагментов костей животных. В кв. 40 найдено 377 фрагментов сероглиняных сосудов (из них 12 с орнаментом), 16 фрагментов сосудов коричнево-красной глины, 3 фрагмента костей животных. Значительно меньше керамики найдено в квадратах 38 и 39: 73 фрагмента сероглиняных сосудов, 5 фрагментов сосудов коричнево-красной глины и 9 обломков костей животных.

Каменный очаг подквадратной формы, подобный рассмотренному выше, выявлен и в раскопе I при работах в 1983 г. Там он находился между ямами от старых раскопов, поэтому осталось невыясненным, с каким жилым комплексом он был связан.

Очаг перекрыт развалом мелких камней, лежавших в почвенном слое, среди которых встречались угли и большое количество фрагментов керамики. Общая площадь развала 1,55 x 0,9 м. С севера этот развал ограничен рядом крупных камней, положенных друг на друга (рис.11, А). Очевидно, это были основные стены, продолжением которой, по-видимому, являлись два массивных камня, лежавших вдоль юго-восточной стены квадрата 2. У границы квадратов 2 и 3 в этой стене имелся проем шириной до 1 м. Мелкие камни являлись, возможно, развалом этой же стены, упавшей вниз по склону.

Очаг выявлен к югу от стены, в южной прирезке к кв. 2. Он сложен из стоявших на ребре каменных плит, находившихся в дерновом слое (рис.1, Б). Верхняя часть плит частично выходила на современную поверхность. Внешние размеры этого сооружения — 1,6–1,7 x 1,55 м, площадь внутреннего пространства 1,2 x 1,2 м. Ориентировка его —

с северо-запада на юго-восток. Северо-западная стена состояла из одного большого четырехгранного камня (0,6 x 0,15 x 0,15 м), дополненного более мелкими камнями. Северо-восточная стена составлена из двух плоских камней, стоявших на ребре (размеры 0,55 x 0,17 x 0,08 м и 0,62 x 0,2 x 0,1 м). Юго-восточная стена состояла из трех камней (один отсутствовал), юго-западную стену образует один большой овальный камень, лежавший плашмя. Нижние основания некоторых плит врыты в материк. Средняя высота поставленных на ребро плит достигала 0,3–0,35 м (рис. 11, 2).

По всей внутренней площади, начиная от верхнего уровня стен, проходил слой красной обожженной земли, в котором найдено большое количество мелких каменных плиток, а также фрагменты керамики и кусочки красной краски. Каменные плитки лежали в несколько рядов от верхнего уровня стен и до дна, то есть на высоту 0,1–0,15 м. Фрагменты керамики в большом количестве встречались в верхних слоях заполнения, у дна их почти не было. Материковое дно оказалось выложенным мелкими плитками. Под плитками обнаружена яма, заполненная красной обожженной землей со включениями мелких угольков, здесь же найдено около 100 фрагментов керамики, преимущественно сероглиняной. Яма имела форму неправильного прямоугольника, она вытянута с юго-запада на северо-восток вдоль юго-восточной стены. Длина ее 0,85 м, ширина 0,55 м, глубина 0,25–0,3 м. В верхней части заполнения найдено несколько небольших камней.

Описанное сооружение, как и подобное ему подквадратное сооружение, открытое в раскопе II, мы условно назвали очагом, хотя существенной угольной или золистой прослойки здесь не обнаружено. Однако наличие здесь слоя прокаленной земли является свидетельством использования огня. Поражает большое количество фрагментов керамики, найденных в заполнении этих сооружений: в очаге из раскопа I их найдено около 640. Вся керамика идентична керамике из культурного слоя поселения.

Представляет интерес тот факт, что квадратный очаг из раскопа I был обнесен каменной стеной, от которой сохранились только северо-западная и северо-восточная части (рис. 11, А). Возможно, очаг находился внутри квадратного в плане помещения, причем стены обоих сооружений были параллельными («квадрат в квадрате?»).

Комплекс, с которым можно было бы связать этот очаг, к сожалению, не выявлен, по-

скольку нарушен культурный слой примыкавших участков. Возможно, остатки этого комплекса зафиксированы в кв. 4: по всей его площади под дерновым слоем (толщиной 0,3 м) проходил развал мелких камней, и здесь же, вплоть до поверхности материка (на глубине 0,7 м) шел мешанный слой. На этом участке поверхность материка в результате террасирования почти горизонтальна. На ней, у северо-восточной стенки кв. 4, лежали плашмя несколько каменных плит, рядом с которыми обнаружен небольшой очаг — неглубокая ямка диаметром 0,6 м, заполненная углстой прослойкой. Рядом с очагом найден массивный каменный пест (рис. 2, Б).

Таким образом, в результате раскопок было выявлено несколько комплексов, объединявших, по-видимому, жилые и хозяйственные помещения. Сохранность их очень плохая, что связано, возможно, с оползневим процессом. Поэтому мы не можем восстановить ни точные размеры жилищ, ни их планировку. Тем не менее, некоторые приемы домостроительства могут быть выявлены.

Поскольку исследованный участок поселения был расположен на довольно крутых склонах холма, при сооружении жилищ использовалось террасирование — выше по склону делались материковые срезы в виде вертикальной ступени высотой от 0,5–0,6 м до 1–1,2 м. Материковая стена укреплялась кладкой из необработанных камней, которые укладывались без связующего раствора на всю ее высоту и, по-видимому, даже выше, что прослежено в помещении II-5 (рис. 9, В; 10, 2). Здесь ширина стены достигала 0,3–0,4 м (в один ряд камней). В основание стен обычно укладывались более крупные камни.

На образовавшейся в результате террасирования горизонтальной материковой поверхности возводились прямоугольной формы помещения из камня. Они, к сожалению, сохранились фрагментарно. Остатки таких построек были выявлены и при раскопках Е.П.Алексеевой (Алексеева Е.П., 1971, с. 54) и Х.Х.Биджиева (Биджиев Х.Х., 1983, с. 14).

Все постройки возводились из рваного камня, лишь в одном случае сохранился участок кладки из подтесанных камней (рис. 3, фасад Б). Во всех случаях уцелели, причем фрагментарно, лишь основания стен. Однако, по-видимому, каменными были не только основания стен, но и сами стены, так как, во-первых, по всей вскрытой площади обнаружены большие развалы камней, и, во-вторых, фактически отсутствовали фрагменты глиняной обмазки, характерные для турлучных построек.

Плохая сохранность жилищ, как отмечалось, в первую очередь связана с оползнями. В большей степени сохранилось лишь то, что находилось непосредственно на материке — каменные вымостки, очаги, различные ямки.

Вымостками перекрывались материковые полы жилищ, а также хозяйственные помещения или дворы. Они представляли собой крупные неправильной формы каменные плиты, дополненные более мелкими камнями. Большие плиты в ряде случаев углублены в материк. На некоторых участках между плитами сохранились небольшие ямки, иногда обложенные мелкими камнями, по-видимому, от столбов, поддерживавших перекрытия. Прослеженный в квадратах 12 и 13 участок дороги был укреплен стоявшими по его краям вертикально врытыми в материк мелкими плитками.

Внутри жилищ и, по-видимому, за их пределами найдены очаги различной формы — прямоугольные, круглые и овальные в виде неглубоких (в среднем 0,1 м) ямок, часто по дну и по краям обложенных мелкими плитками. Рядом с очагами обычно размещались терочники. Чаще всего это были три окатанных камня, имеющих одну или обе плоские поверхности. В кв. 4 раскопа I рядом с очагом лежал массивный каменный пест.

Крайне редки хозяйственные ямы. Остатки двух таких ям цилиндрической формы прослежены в верхнем слое поселения (рис.4, Г). Еще три ямы, также цилиндрические, расположены в квадратах 37 и 38. Они заполнены камнями и землей, средний диаметр их 1 м.

Представляют большой интерес два сооружения, имевшие, возможно, культовое значение (святылища или жертвенники?), найденные за пределами жилищ. Они имели подквадратную форму (1,7 x 1,55 м и 1,25 x 1,15 м), сделаны из поставленных на ребро мелких каменных плит и уплощенных камней неправильной формы. Дно их устлано тремя-четырьмя рядами мелких каменных плиток, перекрытых лежащими плашмя в несколько рядов фрагментами керамики (до 1 тысячи в обоих очагах).

С определенными культурами связаны и так называемые «чашечные» камни, найденные рядом с одним из подобных очагов в квадратах 38 и 39. Подобные камни встречаются при раскопках поселений и отдельных памятников в разных районах Северного Кавказа, что говорит о наличии общих кавказских культов и обрядов.

Что касается приемов домостроительства, то здесь выделяются как общие, так и специфические локальные черты.

Хумаринское поселение относится, по данным В.И.Козенковой, к западному варианту кобанской культуры (Козенкова В.И., 1989, с. 51). Всего на территории западного варианта учтено 83 поселения, однако стационарные раскопки проводились на 9 из них, а на 13 поселениях закладывались разведочные раскопы и шурфы. Остатки каменных оснований стен выявлены не более чем на 10 поселениях (Козенкова В.И., 1989, с. 63). Особенности их кладки прослежены лишь на трех поселениях (Подкумский мост, Уллубаганалы 2, Грушевское): основания стен выкладывались без раствора из больших камней неправильной формы. Такой же прием наблюдался и на Хумаринском поселении. Однако найденные в развалах каменных стен многочисленные фрагменты глиняной обмазки, в ряде случаев с рельефными отпечатками плетня (Перкальское поселение, Уллубаганалы 2, поселение на горе Медовой), не характерны для Хумаринского поселения, хотя Е.П.Алексеева отмечала наличие кусков глиняной обмазки во всех заложенных ею на Хумаринском поселении раскопах (Алексеева Е.П., 1971, с. 54).

Более специфичными являются каменные вымостки полов, выложенные плитами дороги. Подобные вымостки на территории западной группы были выявлены только на поселении Уллубаганалы 2, причем там они зафиксированы лишь для раннего периода, поскольку сооружения верхнего яруса, как и на Хумаре, сохранились фрагментарно.

Кроме того, следует отметить, что материалы поселения Уллубаганалы 2 отличаются значительным своеобразием: вымостки здесь были не только из плит, но и из речных камней и мелкой щебенки, в жилищах вдоль стен устраивались каменные нары, найдены глинобитные очаги и др. (Ковалевская В.Б., 1984, с. 62–64).

Представляет интерес рассмотрение вещественных, в первую очередь керамических материалов поселения, так как все другие находки крайне немногочисленны. Это, помимо различных каменных терочников и массивного песта (длиной 22 см), изделия из кости. Прежде всего это обломок трехдырчатого зооморфного псалия (рис.12, 14), сохранившаяся длина его 7 см. Псалий датируется VI в. до н.э., что подтверждает датировку Е.П.Алексеевой материалов поселения из раскопа, заложенного ею на данном холме. Найдены также единичные костяные проколки длиной от 7 до 12 см (рис.12, 7, 8, 15), а также глиняные пряслица, преимущественно биконические (рис.12, 1-3, 5, 6), часто имеющие орнамент

в виде насечек по верхней части. Диаметр пряслиц 3,5–4,5 см. Подобные пряслица, в том числе орнаментированные, были широко распространены в памятниках Северо-Западного Кавказа в 1-й пол. I тыс. до н.э. (Козенкова В.И., 1989, табл. IX, 2; XV, 7, 9, 20; XVIII, 3, 4; XIX, 2). Одно пряслице, сделанное из красной глины, имело шаровидную форму (рис. 12, 4).

В раскопе I, в верхнем слое поселения, среди развала камней найдена глиняная «лепешка» с орнаментированной поверхностью (рис. 12, 9), диаметр ее 2,5 см. Подобные «лепешки» разных размеров (от 1,7 до 6,7 см) хорошо представлены в материалах Серженьюртовского поселения (Козенкова В.И., 1982, с. 66).

Среди материалов наиболее выразительной является глиняная посуда. Всего при раскопках поселения найдено около 7 тыс. фрагментов глиняных сосудов. В основном это довольно мелкие фрагменты, которые встречались преимущественно в нижнем горизонте. Однако на тех участках, где было выделено два строительных яруса, керамика являлась характерной для обоих из них, хотя в нижних слоях ее было найдено почти в два раза больше, чем в верхних.

По своему характеру керамика верхнего и нижнего ярусов однотипна. Тот же облик имела и керамика из заполнения ям и очагов. Преобладала сероглиняная посуда, часто имеющая лощеную поверхность. В глине наблюдаются примеси песка и слюды. Однако имеются фрагменты толстостенных сосудов, глина которых имеет грубые примеси дресвы. Поверхность этих сосудов не имеет следов лощения. Выделяется группа тонкостенных сероглиняных лощеных сосудов. Некоторые из них имеют округлое тулово и отогнутый венчик (рис. 13, 8–10). Как правило, такие сосуды не орнаментированы. Некоторые из них имели поддоны. В единичных экземплярах встречались фрагменты сосудов коричнево-красной и ярко-красной глины. По-видимому, они имели однотипные формы с сероглиняными сосудами и украшались теми же приемами орнаментации. К сожалению, целые сосуды найдены в единичном числе, поэтому говорить о господствующих здесь формах сосудов трудно. И тем не менее можно сказать, что преобладающими были горшки, корчаги, кувшины и миски.

Горшки с восстановленной формой имеют короткое горло, прямой либо отогнутый венчик и раздутое тулово с наибольшим расширением в верхней его трети или в средней части (рис. 13, 14, 16). Размеры их различны.

Среди них имеются большие экземпляры высотой 27 см. Некоторые горшки достигали высоты 18 см.

Фрагменты корчагообразных сосудов редки. Эти сосуды, по-видимому, достигали больших размеров и имели равномерно сужавшееся кверху тулово и резко отогнутый венчик (рис. 13, 11).

По-видимому, многочисленными были кувшины, поскольку в большом количестве представлены ручки сосудов, однако форма этих сосудов в большинстве случаев не восстанавливается.

Два сосуда с восстановленной формой имеют раздутое подбиконическое тулово. У одного из них горло отбито; на плечиках расположена небольшая зооморфная ручка, орнаментированная продольными желобками, у верхнего основания ручки — орнамент, выполненный насечками, на уровне нижнего основания ручки на тулове имеется горизонтальный уступ (рис. 13, 12). Высота сосуда 13 см, диаметр дна 10,5 см, диаметр горла 8 см. На поверхности имеются следы лощения. Второй сосуд имел горшковидную форму, горло его короткое, венчик отогнут. Плоская ручка соединяла край сосуда с широкой частью тулова (рис. 13, 15). На тулове и на ручке имеется орнамент из рядов насечек. У верхнего основания ручки — два круглых налета. Высота сосуда 17,5 см, диаметр дна 7,5 см, диаметр горла 15 см.

Целая серия найденных в слое ручек может быть, исходя из их размеров, разделена на две группы. К первой из них относятся сравнительно небольшие ручки (длина 4–5 см, ширина 1,5–2,5 см). Они обычно имеют вид круглого или овального кольца и либо не имели орнамента (рис. 14, 1, 2), либо были орнаментированы по внешней поверхности глубокими вертикальными желобками или слегка вдавленными линиями (рис. 14, 3), в ряде случаев дополненными округлыми налетами (рис. 14, 5).

Ко второй группе относятся массивные плоские ручки (длиной 8–10 см, шириной до 4 см), принадлежавших сосудам больших размеров, возможно, тарным. Эти ручки располагались, по-видимому, на широкой части тулова (рис. 14, 8, 9). Внешняя поверхность их покрыта однотипным орнаментом, сходным с орнаментом ручек первой группы — глубокими линиями, чаще всего вертикальными, резными и, возможно, нанесенными палочкой (рис. 14, 7–9).

Необходимо отметить, что некоторые из подобных плоских ручек имели значительно

меньшие размеры (длиной до 6 см, шириной 2–3 см). Они также чаще всего были орнаментированы (рис.15), хотя есть и образцы подобных ручек без орнамента.

Большую серию среди керамических материалов составляют миски, представленные разными формами. Среди них есть миски с загнутым внутрь краем (рис.13, 1, 2), некоторые из них имеют елочный орнамент или украшены отрезками косых линий и овальными налечами на широкой части тулова; миски с ребром на тулове и резко отогнутым венчиком (рис.13, 3, 4), иногда орнаментированные налечами на широкой части тулова. Выделяется группа сероглиняных лошенных сосудов, по-видимому, мисок, а возможно, и сосудов других форм, имеющих поддоны различной высоты (рис.13, 5–7). Подобные миски известны и среди материалов других памятников Верхнего Прикубанья (Алексеева Е.П., 1971, табл.11,5-7).

Особую группу составляют миски (и сосуды других форм) с плоским, горизонтальным или скошенным, орнаментированным бортиком. В слое поселения найдено большое количество фрагментов сосудов с подобным бортиком, многие из них имеют небольшие размеры, что не позволяет восстановить форму сосудов, однако наличие среди них мисок не вызывает сомнений (рис.16, 4). Подтверждает этот факт и наличие целых мисок с подобными бортиками среди керамических материалов Тамгацикского могильника на Верхней Кубани. Одна из мисок имела загнутый внутрь край, другая — ребро в верхней части тулова и слабо отогнутый венчик. Плоские края обеих мисок были орнаментированы елочным узором и рядами косых насечек (Алексеева Е.П., 1954, табл.34, 2, 4; 1971, табл.12а, 2, 3).

Необходимо отметить, что, исходя из материалов Тамгацикского могильника, подобные плоские орнаментированные бортики имели не только миски, но и горшки (Алексеева Е.П., 1954, табл.20, 1), а возможно, и сосуды других форм, что подтверждается, в частности, материалами Хумаринского поселения (рис.16). Многие из этих венчиков принадлежали толстостенным сосудам больших размеров (рис.16, 3, 4). При этом орнамент на плоских бортиках сосудов самых разных форм однотипен — это отрезки прямых линий, резных или вдавленных, образующих различные комбинации (елочный орнамент, косая штриховка, косая сетка и др.). Сосуды с таким бортиком делались преимущественно из серой глины, лишь изредка — из красной.

В целом, рассматриваемые сосуды были, по-видимому, мало орнаментированы. Фрагменты с орнаментом составляют лишь 2,5% от общего их числа. Украшались большей частью ручки сосудов, а также их венчики, имевшие плоские бортики. Тулово, как правило, не орнаментировалось. Иногда орнамент размещался непосредственно под венчиком. Это были либо горизонтальные каннелюры (рис.17, 5; 18, 11, 13), которые иногда дополнялись рядом ямок (рис.17, 13; 18, 8, 10, 12), либо вдавленные горизонтальные линии, нанесенные лощиком. На некоторых фрагментах имеется резной геометрический орнамент: заштрихованные треугольники, елочный орнамент, косая сетка, зигзаг и др. (рис.17, 1-4, 6, 9-12, 15). Такой декор иногда сочетался с рядами овальных и округлых ямок (рис.17, 4, 10). В некоторых случаях сосуды украшались наlepным орнаментом в виде уплощенных конусов и различных валиков (рис.18, 1-6, 9, 14). Орнамент в виде валиков чаще всего, видимо, был характерен для сосудов больших размеров. Встречается также ногтевой орнамент (рис.17, 12) и нанесенный различными штампами — в виде треугольных и овальных углублений (рис.17, 7, 14) и др.

Представляет интерес тот факт, что многие элементы орнамента, в частности рельефный (валики), а в первую очередь орнамент на плоских бортиках сосудов разных форм находит ближайшие аналогии в колхидской керамике Западной Грузии VI–IV вв. до н.э. (Лордкипанидзе О.Д. и др., 1981, табл.9-11, 20, 66, 68).

Перечисленные приемы орнаментации сосудов, да и сам характер орнамента, были типичны для широкого круга глиняных сосудов Кабардино-Пятигорья I-й пол. I тыс. до н.э. (Козенкова В.И., 1989, табл.III–XX). Орнаментированные подобным образом сосуды наиболее характерны для памятников предскифского времени, однако они продолжали бытовать и в скифское время.

Локальной особенностью рассматриваемой керамики является наличие сосудов разных форм (мисок, горшков и кувшинов) с плоским орнаментированным бортиком (рис.16), а также кувшинов, возможно, и тарных сосудов с уплощенными, часто массивными, ручками, украшенными своеобразным орнаментом из вдавленных вертикальных линий (рис.14, 15). Как показывают имеющиеся материалы, подобные сосуды характерны для таких памятников бассейна Верхней Кубани как Учкулан (Козенкова В.И., 1989, с. 49, табл.XX, 1-5), Кызыл-Кала (Алексеева Е.П., 1971, табл.13а, 5),

Тамгацик (Алексеева Е.П., 1971, табл.11, 11-13; Козенкова В.И., 1989, табл.ХХ, 6), Бесленей (Алексеева Е.П., 1956, табл.27, 3; 31, 1, 6; 42, 1; 43, 1; 50, 2).

Восточная граница территории распространения подобной керамики проходила по верховьям рек Кумы и Подкумка, западная, — возможно, доходила до течения Урупа: единичные фрагменты подобных сосудов найдены в слое поселения «Заслонка» на левом берегу Урупа (Анфимов Н.В., 1965, с. 48, 49, табл.48; Козенкова В.И., 1989, табл.ХХ, 12, 21).

Все эти памятники датируются скифским временем (VI–V вв. до н.э.), что позволяет связывать рассматриваемую керамику именно с этим периодом. Подтверждают данный факт и материалы VIII–VII вв. до н.э. из Инжиччукуна (Верхняя Кубань), среди которых отсутствует подобная керамика (Алексеева Е.П., 1971, табл.5, 6), хотя территориально этот памятник находится в пределах рассматриваемой группы.

По-видимому, лишь планомерные раскопки поселений скифского времени в бассейне Верхней Кубани помогут уточнить границы той локальной группы, к которой относится Хумаринское поселение.

Следует отметить, что выделение признаков узколокальных групп представляется очень важным. Когда мы говорим о местном населении Северного Кавказа применительно к рассматриваемому времени, то на всей его территории (за исключением Дагестана на востоке и бассейнов Средней и Нижней Кубани на западе) мы размещаем племена кобанской культуры, полагая, что в данном случае слово «местный» является синонимом «кобанский». Однако следует различать горную и предгорно-равнинную зоны. В горных районах коренное население преобладало в разные периоды. Так, В.В.Бунак, основываясь на антропологических материалах, говорил, что в горах и в скифское время жило то же население, что и в эпоху бронзы (Бунак В.В., 1953, с. 362, 363).

Совсем другое открытые для вторжений районы предгорно-равнинной зоны, где произошло проникновение и оседание групп кочевников, что приводило к формированию полиэтничных группировок. Выделение в этих районах коренного населения крайне затруднено и вряд ли возможно. В каждом из них создавались свои локальные группировки. Материалы Хумаринского поселения показывают возможность выделения одной из них.

Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.

Биджиев Х.Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск.

Бунак В.В., 1953. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник МАЭ. Т. XIV. М.—Л.

Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы. М.

Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской

культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.

Лордкипанидзе О.Д., Гиголашвили Е.Г., Качарова Д.Д., Личели В.Т., Пиричалава М.С., Чкониа А.М., 1981. Колхидская керамика VI–IV вв. до н.э. из городища Вани // Вани. Археологические раскопки. Вып. V. Тбилиси (на груз. яз.).

Иллюстрации

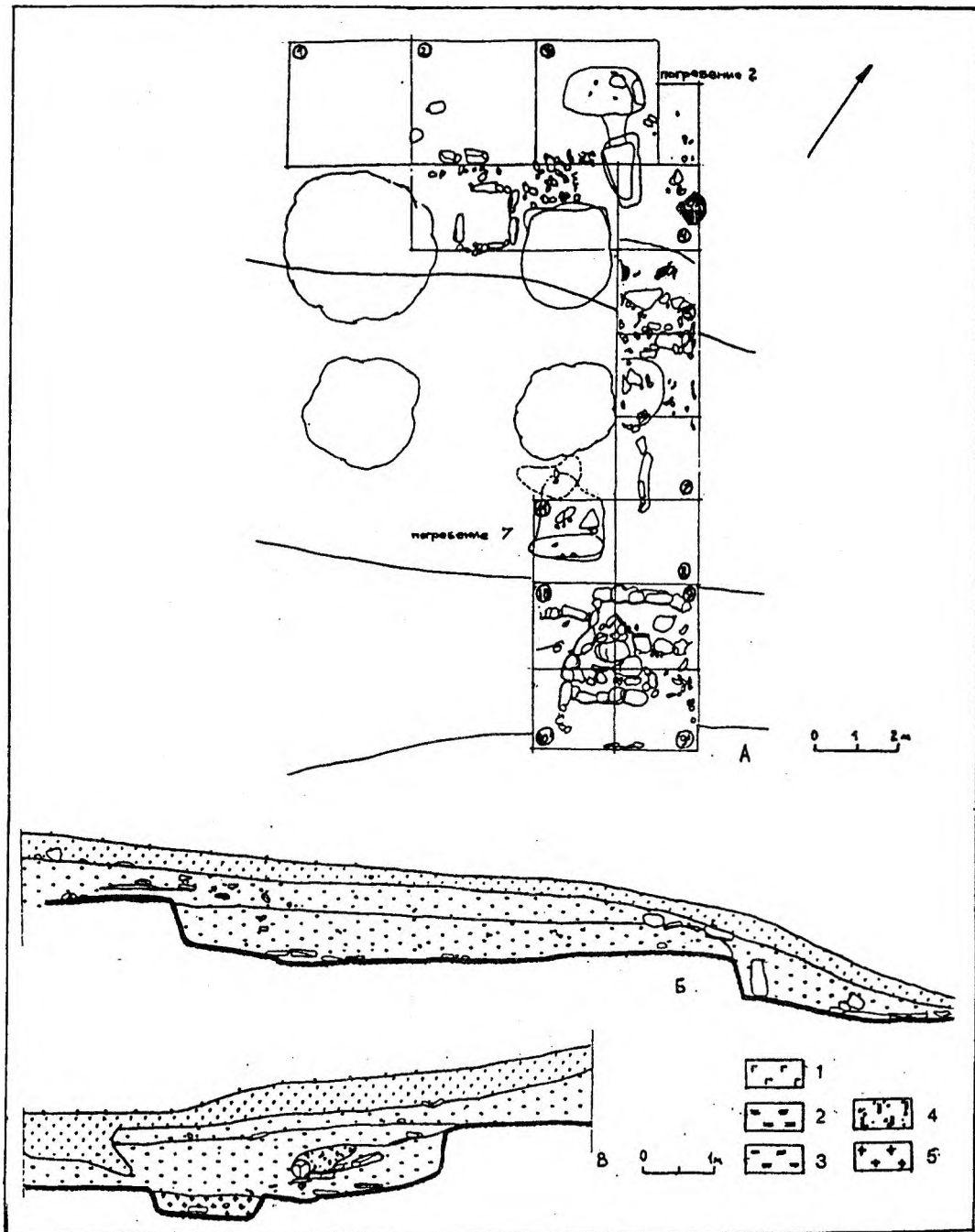

Рис.1. Хумаринское поселение. План и профили раскопа I: А — план раскопа I; Б — профиль восточной стенки квадратов 4-9; В — профиль западной стенки квадратов 4-7 (1 — гумус, 2 — серый суглинок, 3 — серый суглинок с включением угля, 4 — темно-коричневый слой с включением угля, 5 — заполнение ямы)

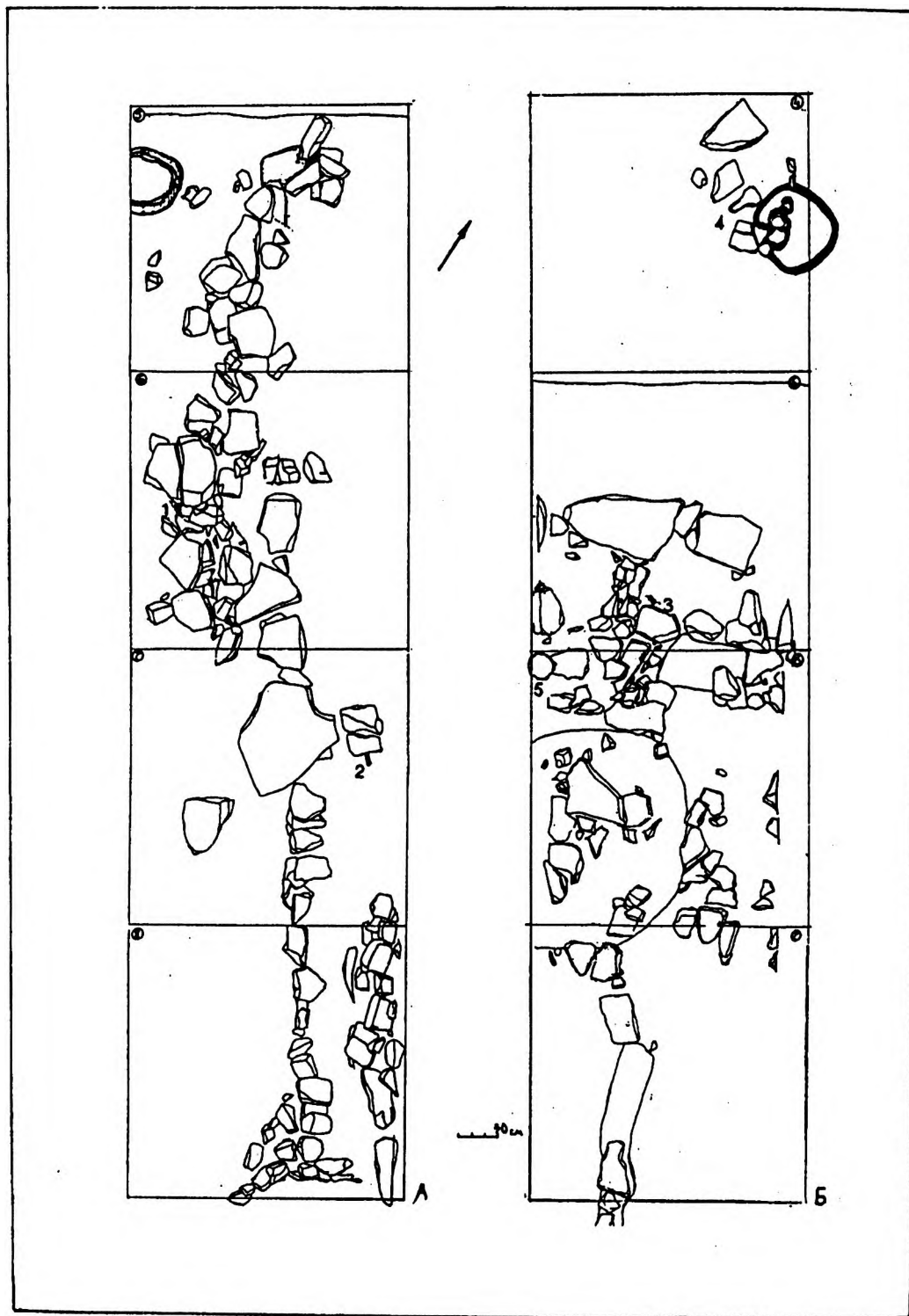

Рис.2. Раскоп I. План квадратов 4-8: А — вымостка верхнего слоя в квадратах 5-8; Б — план квадратов 4-7 на уровне материка (1 — глиняная «лепешка», 2 — костяной псалий, 3 — костяной наконечник, 4 — каменный пест, 5 — горшок)

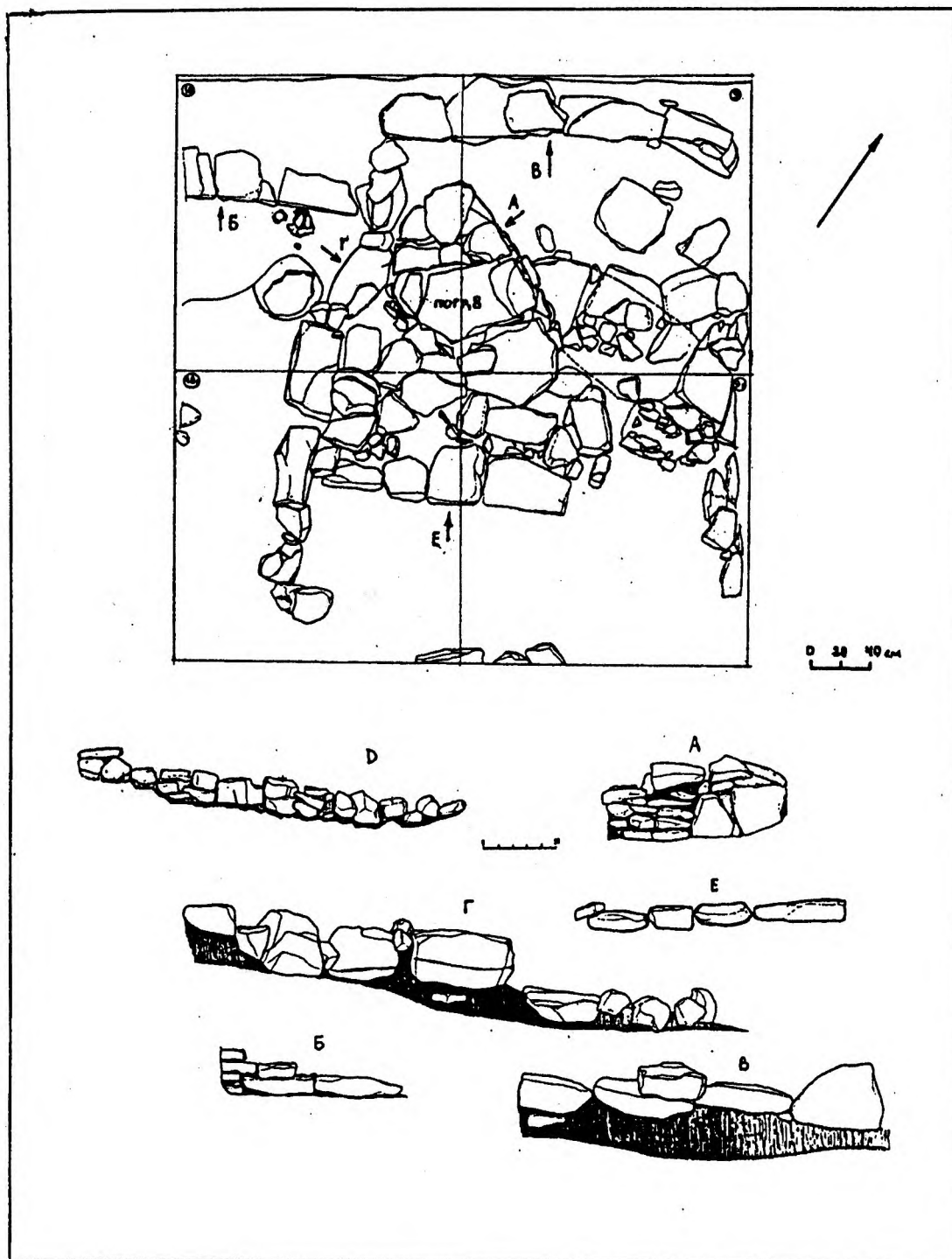

Рис.3. Раскоп I. Помещение I-1

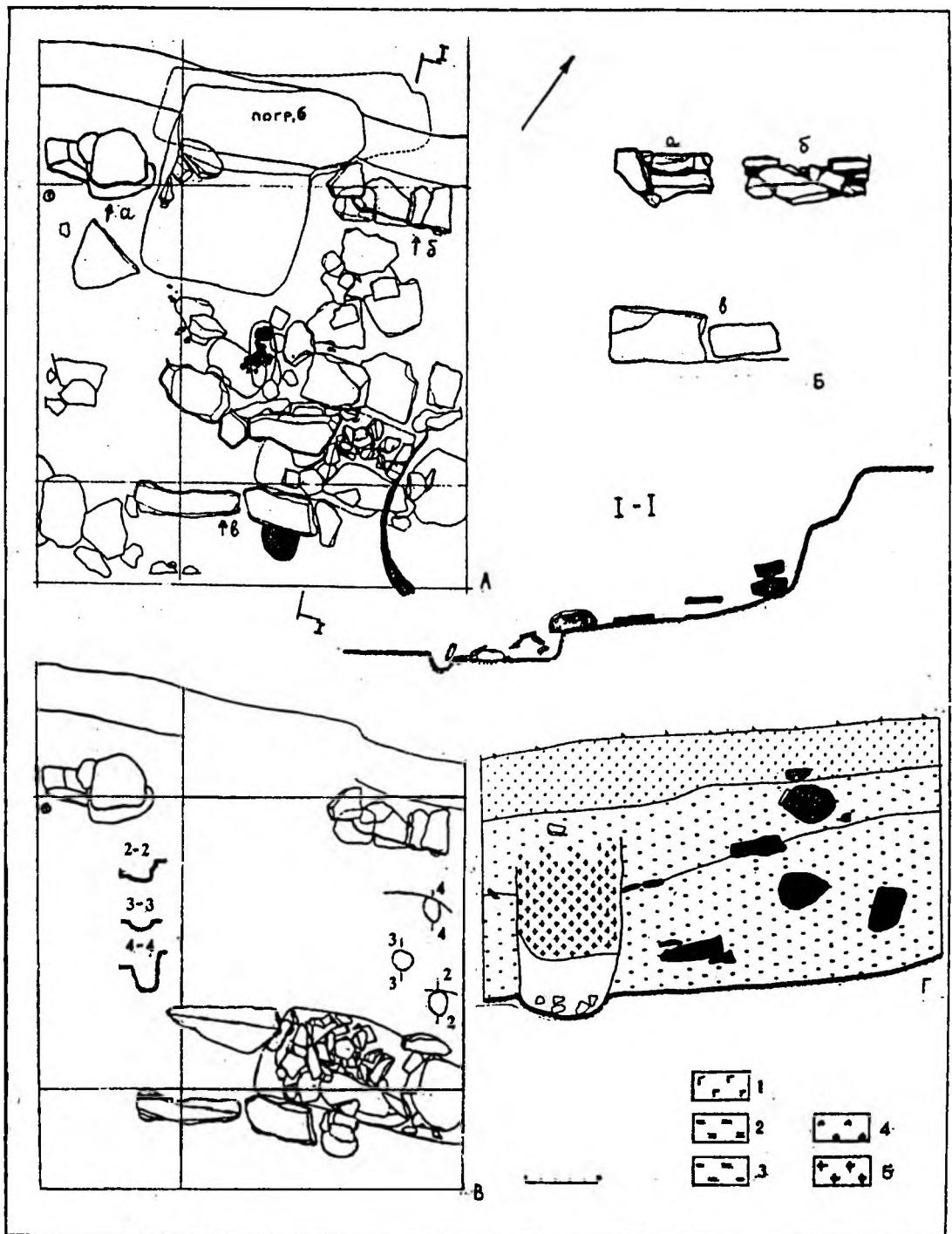

Рис.4. Раскоп II. Помещение II-1: А — план выемки; Б — фасы стен; В — план на уровне материка; Г — профиль юго-западной стенки (1 — гумус, 2 — серый суглинок, 3 — серый суглинок с включением угля, 4 — лиственный слой, 5 — заполнение ямы)

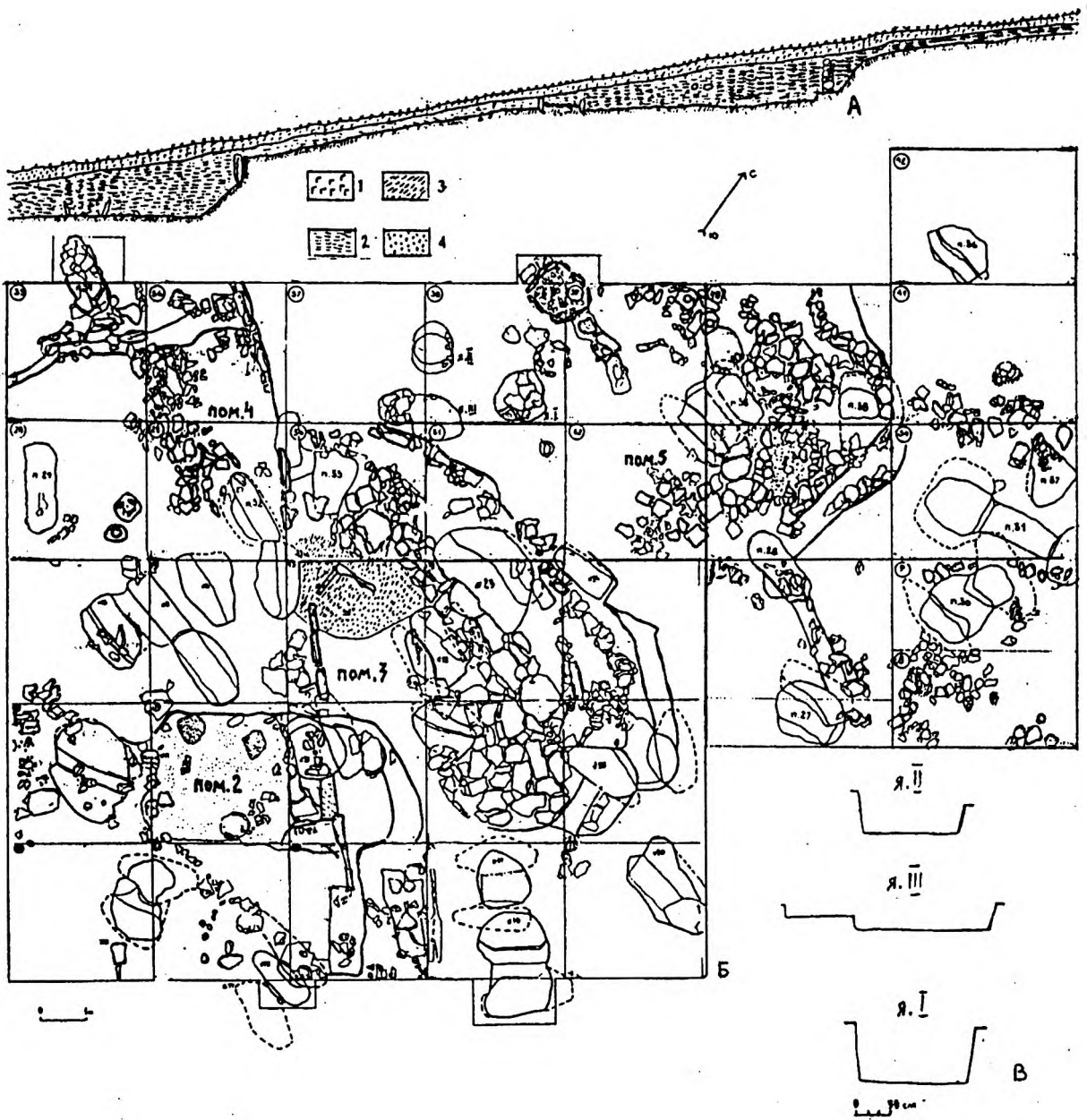

Рис.5. Раскоп II: А — раскоп II, профиль северо-западной стенки (1 — гумус, 2 — серый суглинок, 3 — обожженная земля, 4 — углистый слой); Б — план квадратов 9-42; В — разрезы ям

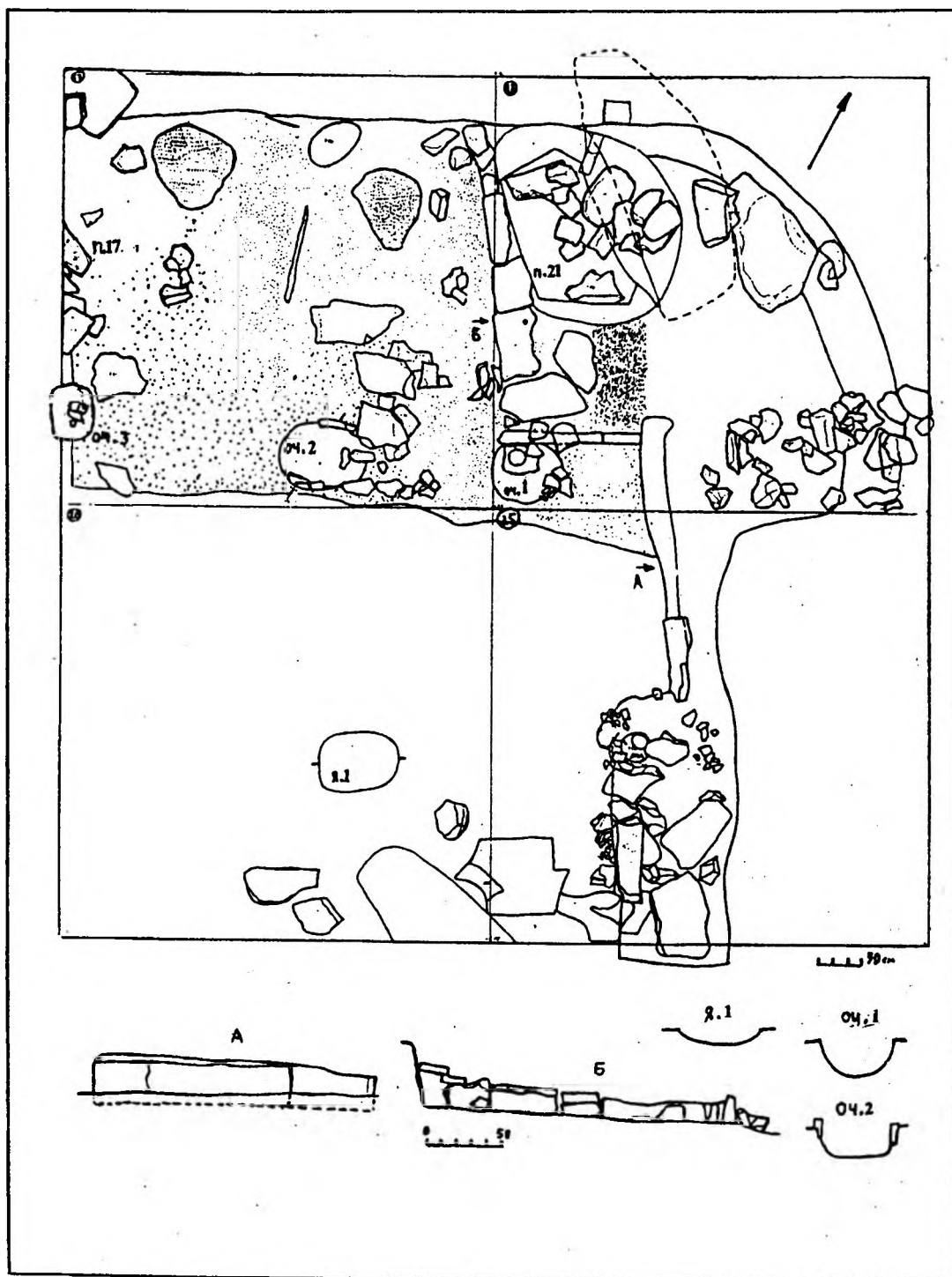

Рис.6. Раскоп II. Помещение II-2

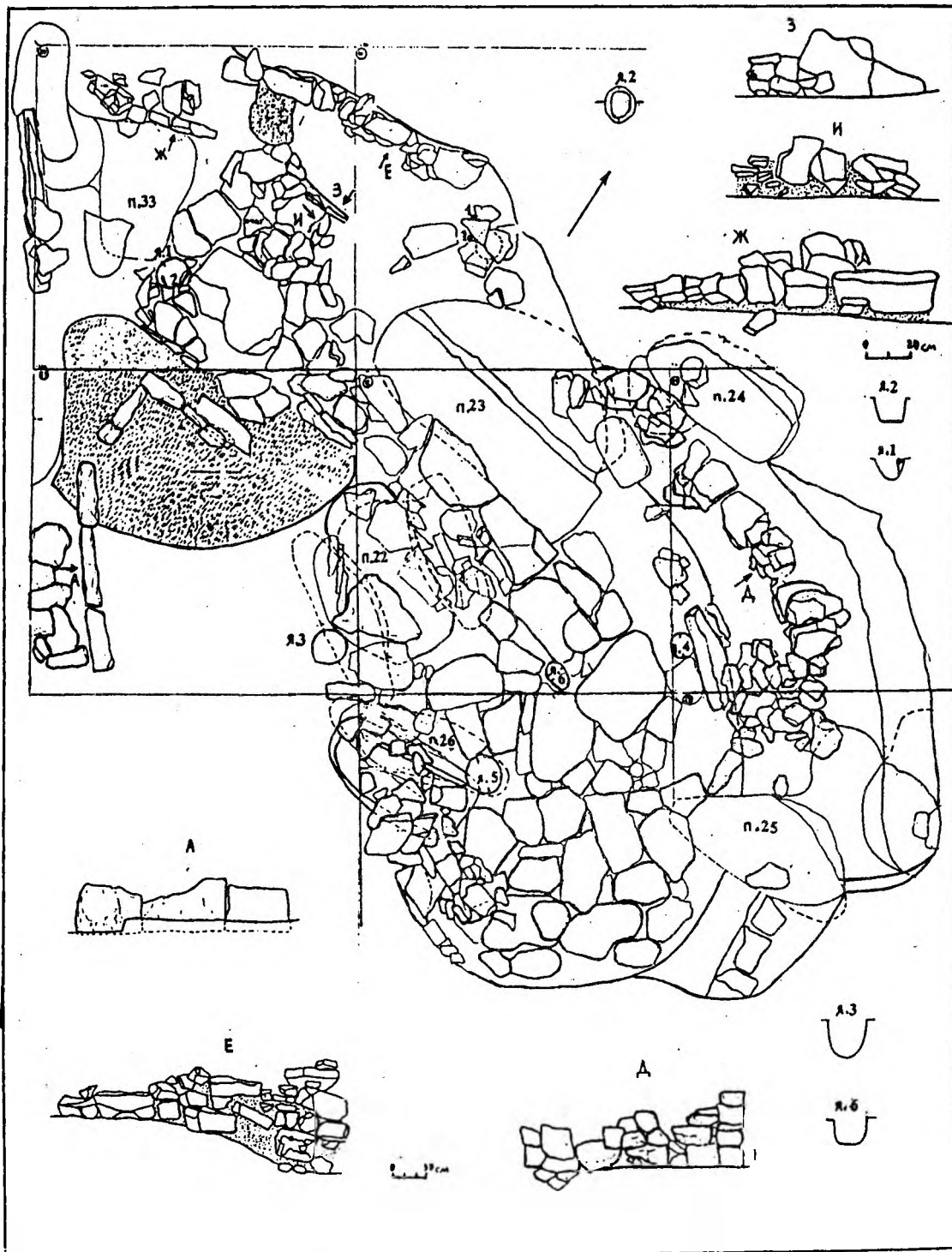

Рис.7. Раскоп II. Помещение П-3 (1 — пряслице, 2 — проколка)

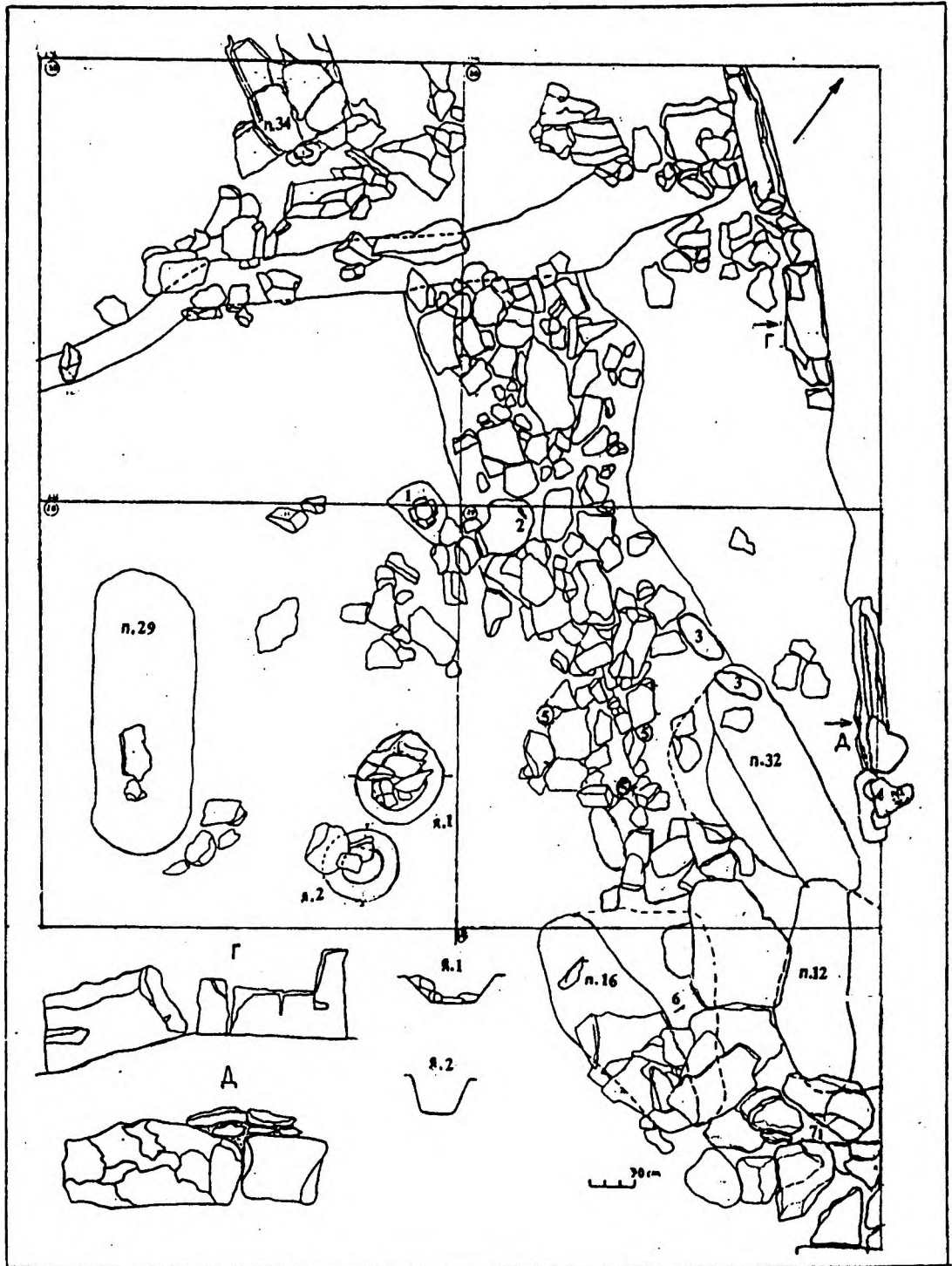

Рис.8. Раскоп II. Помещение II-4 (1 — глиняный сосуд, 2 — подвеска из зуба животного, 3 — терочные камни, 4 — фрагмента орнаментированного сосуда, 5 — пращевые камни, 6 — костяная проколка, 7 — костяной стержень)

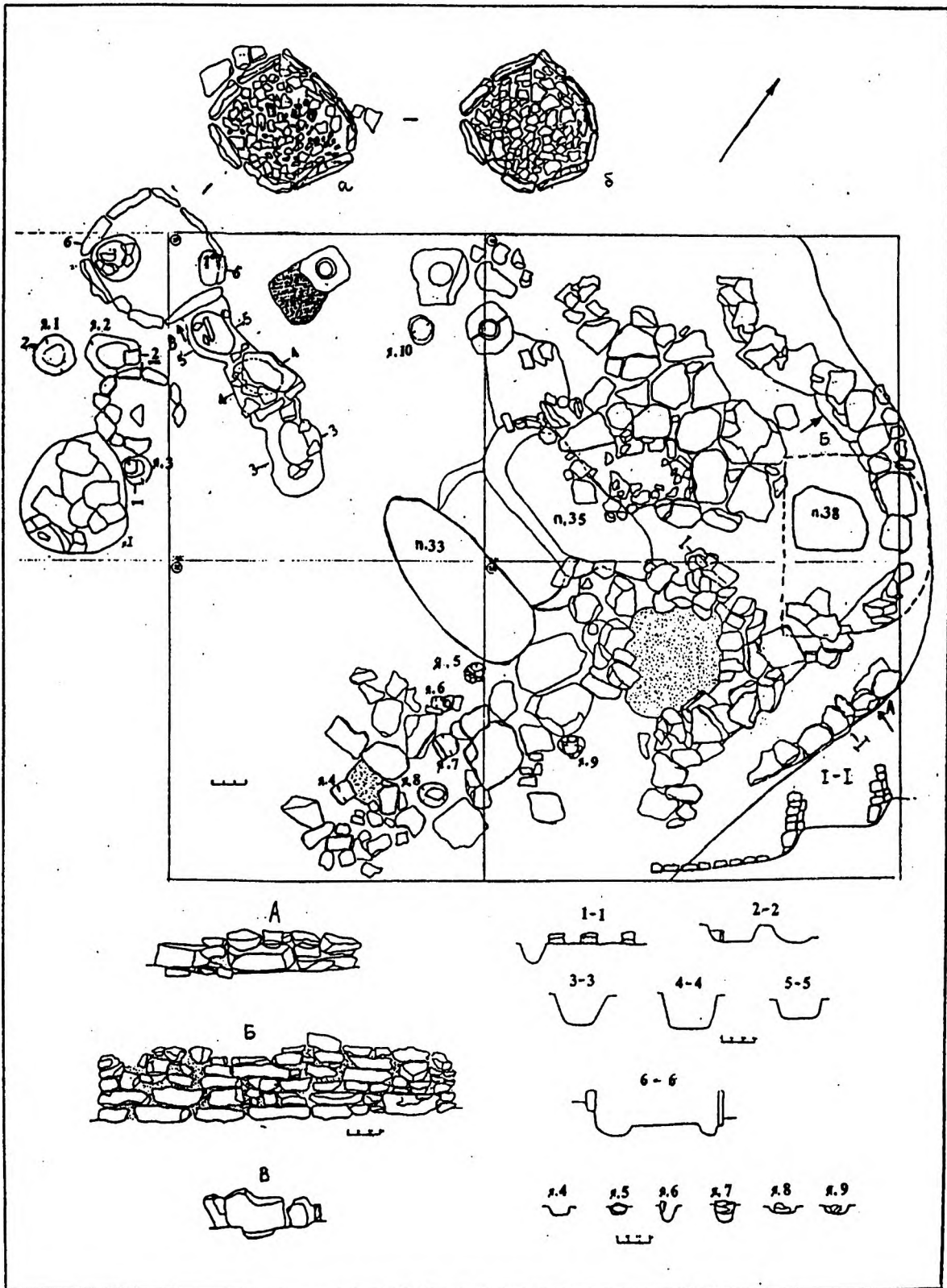

Рис.9. Раскоп II. Помещение II-5 (а, б — каменный очаг в процессе расчистки)

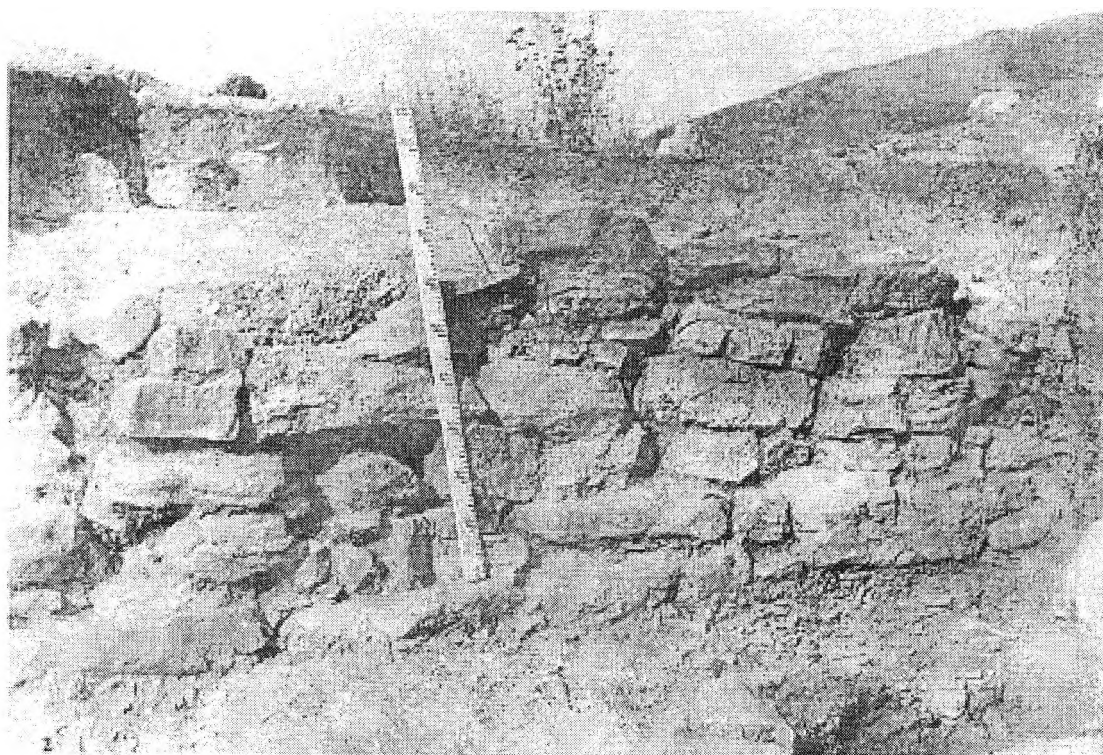
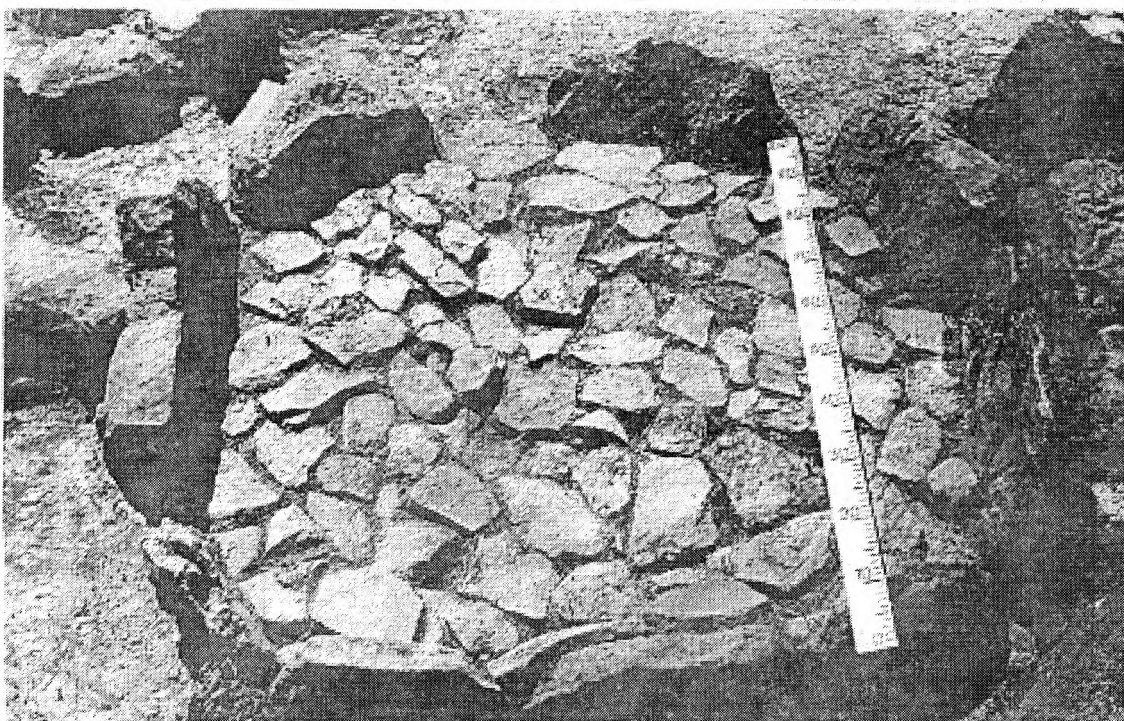

Рис.10. Раскоп II. Помещение II-5 (1 — каменный очаг в кв. 38, 39; 2 — каменная стена в кв. 40)

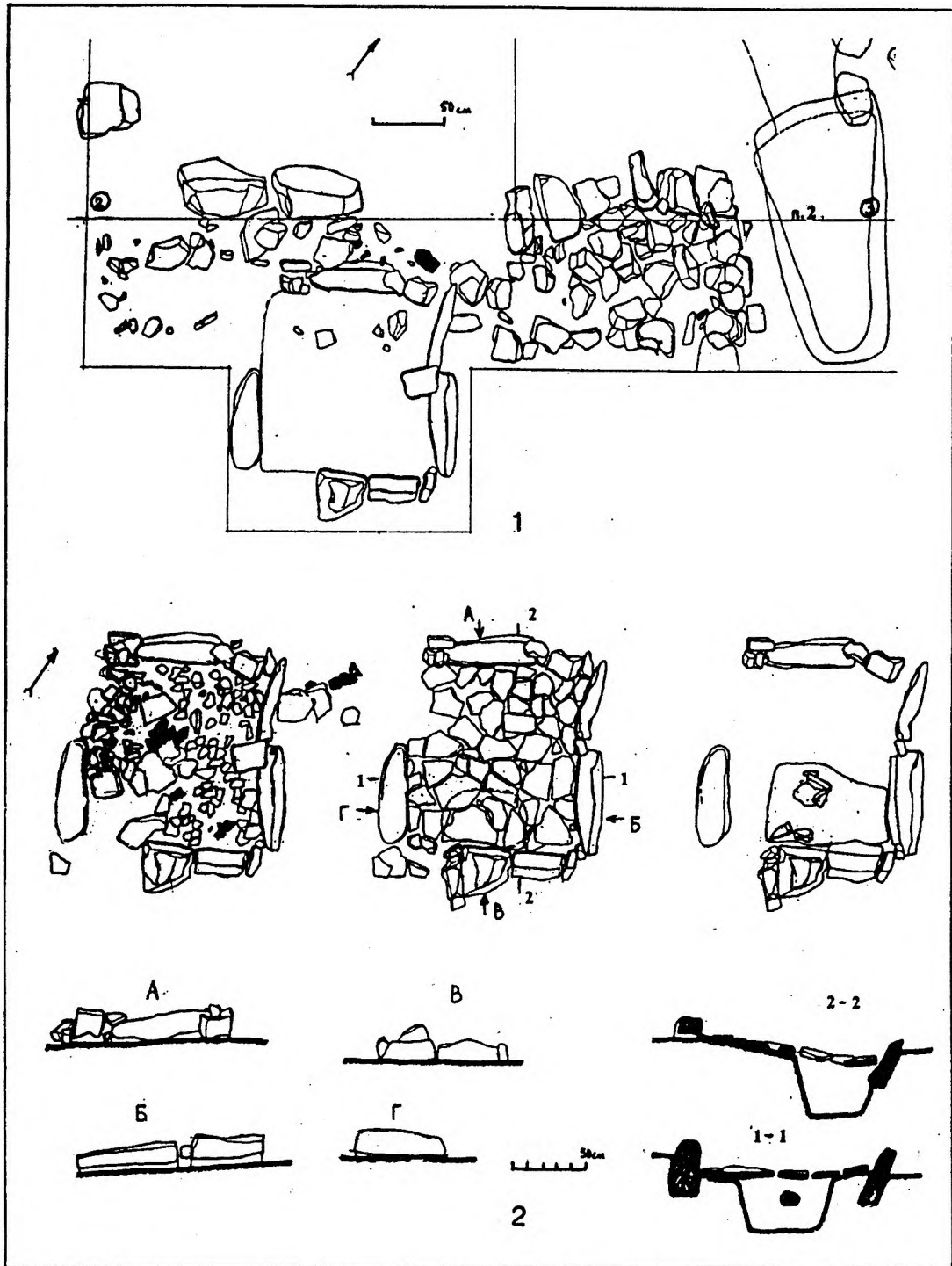

Рис.11. Раскоп I. Каменный очаг: 1 — план квадратов 2, 3 и южной прирезки; 2 — планы (в процессе расчистки) и разрезы очага

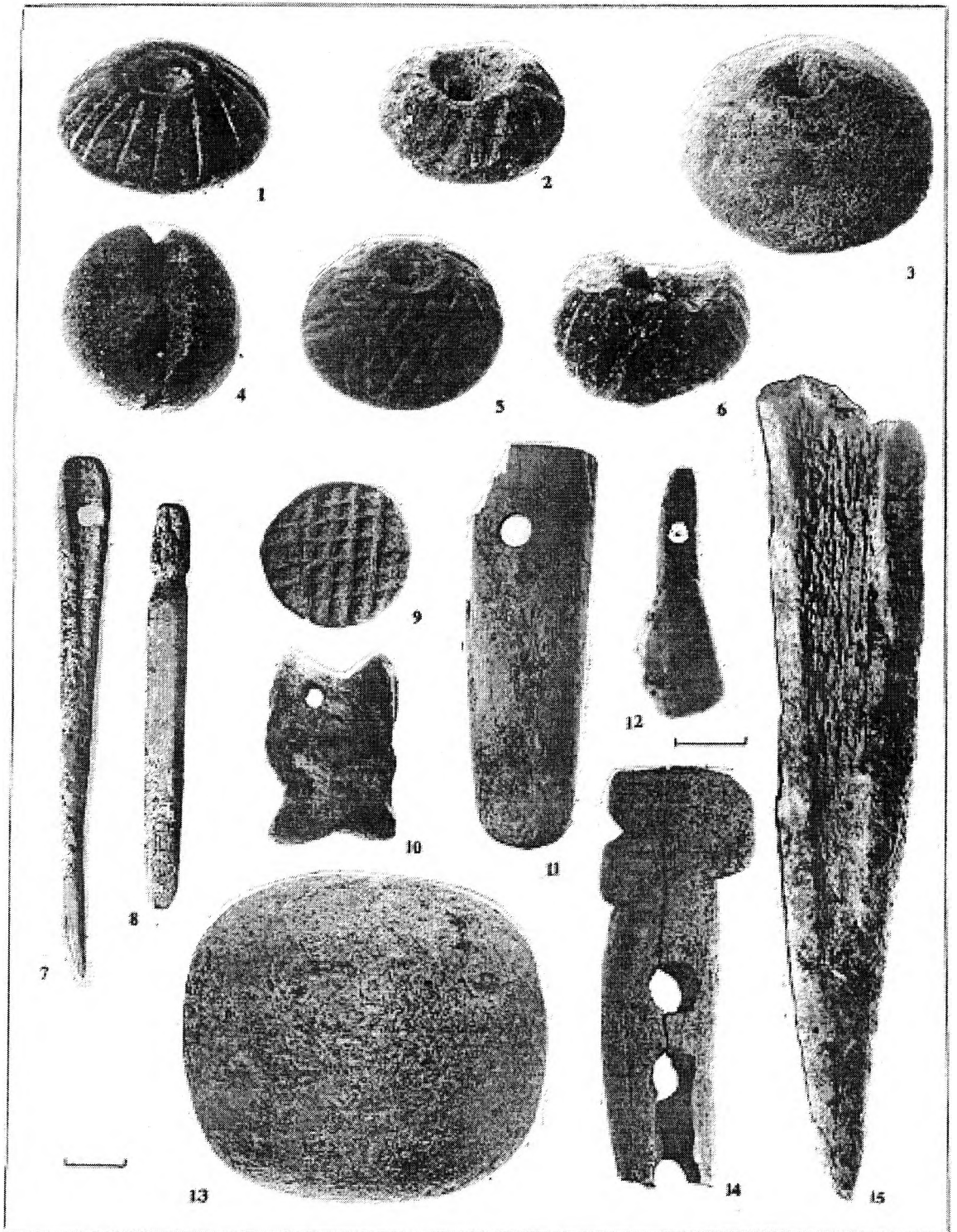

Рис.12. Изделия из глины, кости и камня: 1, 5, 15 — помещение П-3; 2, 6 — Р.П, кв. 8; 3 — помещение П-5, кам.очаг; 4 — Р.П, кв. 34; 7, 8, 12, 13 — помещение П-4; 9 — Р.П, кв. 6, верхн. слой; 10 — помещение П-5; 11 — Р.П, кв. 5, нижн. слой; 14 — Р.П, кв. 7, верхн. слой (1-6, 9 — глина; 7, 8, 10-12, 14, 15 — кость; 13 — камень)

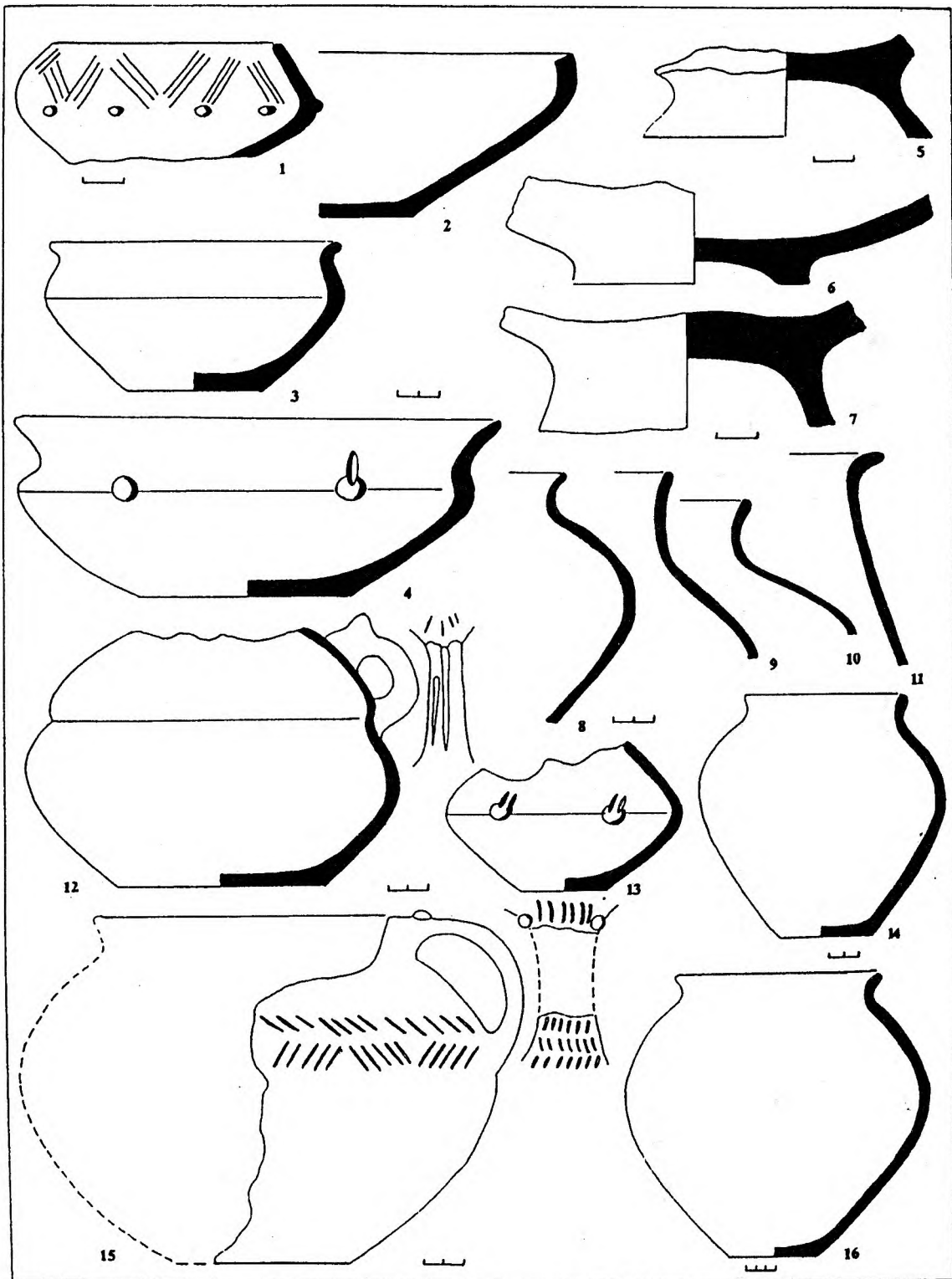

Рис.13. Керамика Хумаринского поселения: 1, 3 — Р.И, кв. 8; 2 — помещение П-4; 4, 9, 10 — помещение П-5; 5, 6 — Р.И, кам. очаг; 7, 16 — Р.И, кв. 6, нижн. слой; 8, 12 — помещение П-2; 11 — Р.И, кв. 27; 13 — Р.И, кв. 38, яма П; 14 — помещение I-1; 15 — помещение П-4

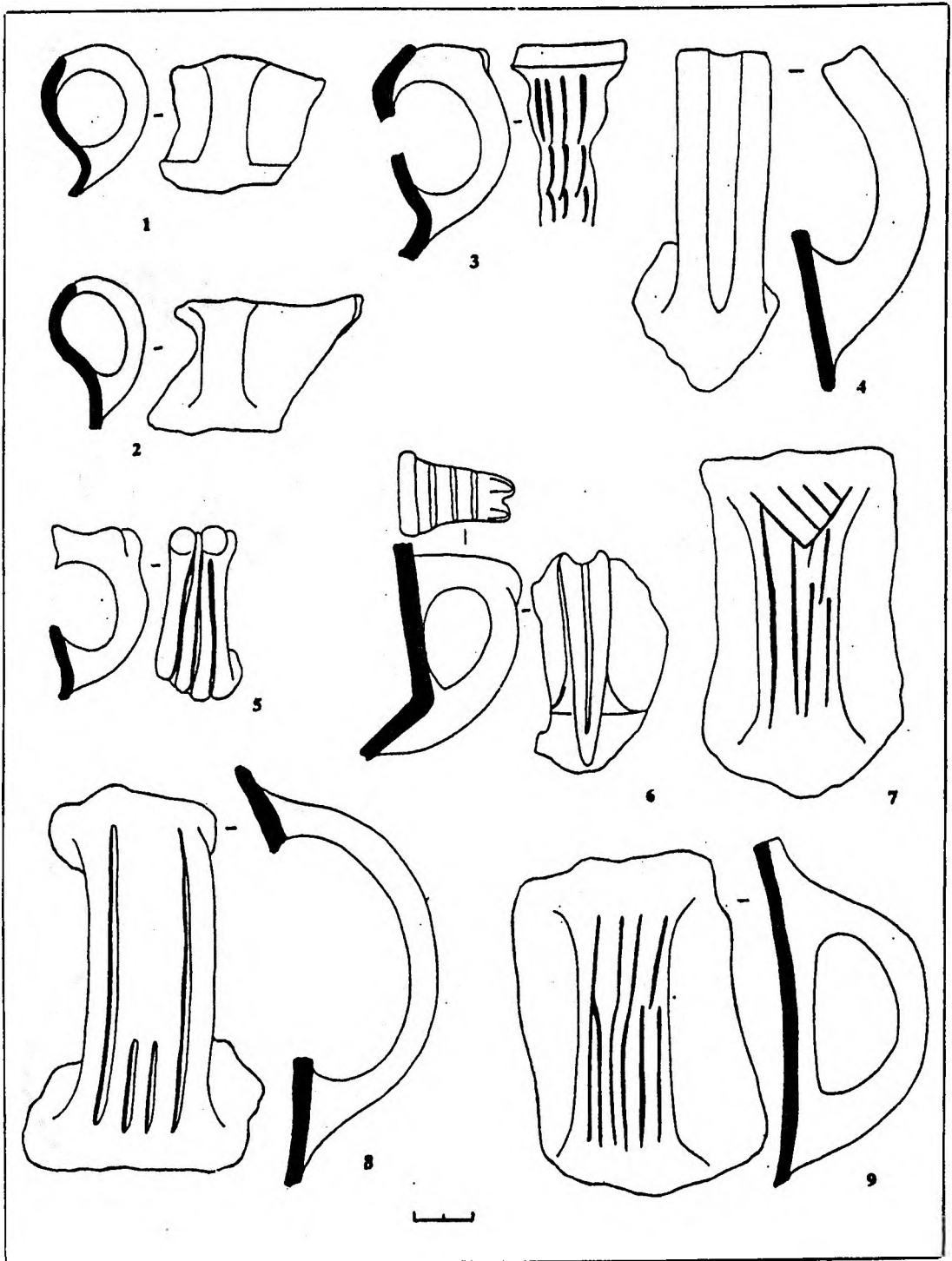

Рис.14. Керамика Хумаринского поселения: 1, 2, 8 — помещение II-1; 3, 5 — Р.І, каменный очаг; 4 — Р.ІІ, кв. 23; 6 — помещение I-1; 7, 9 — помещение II-2

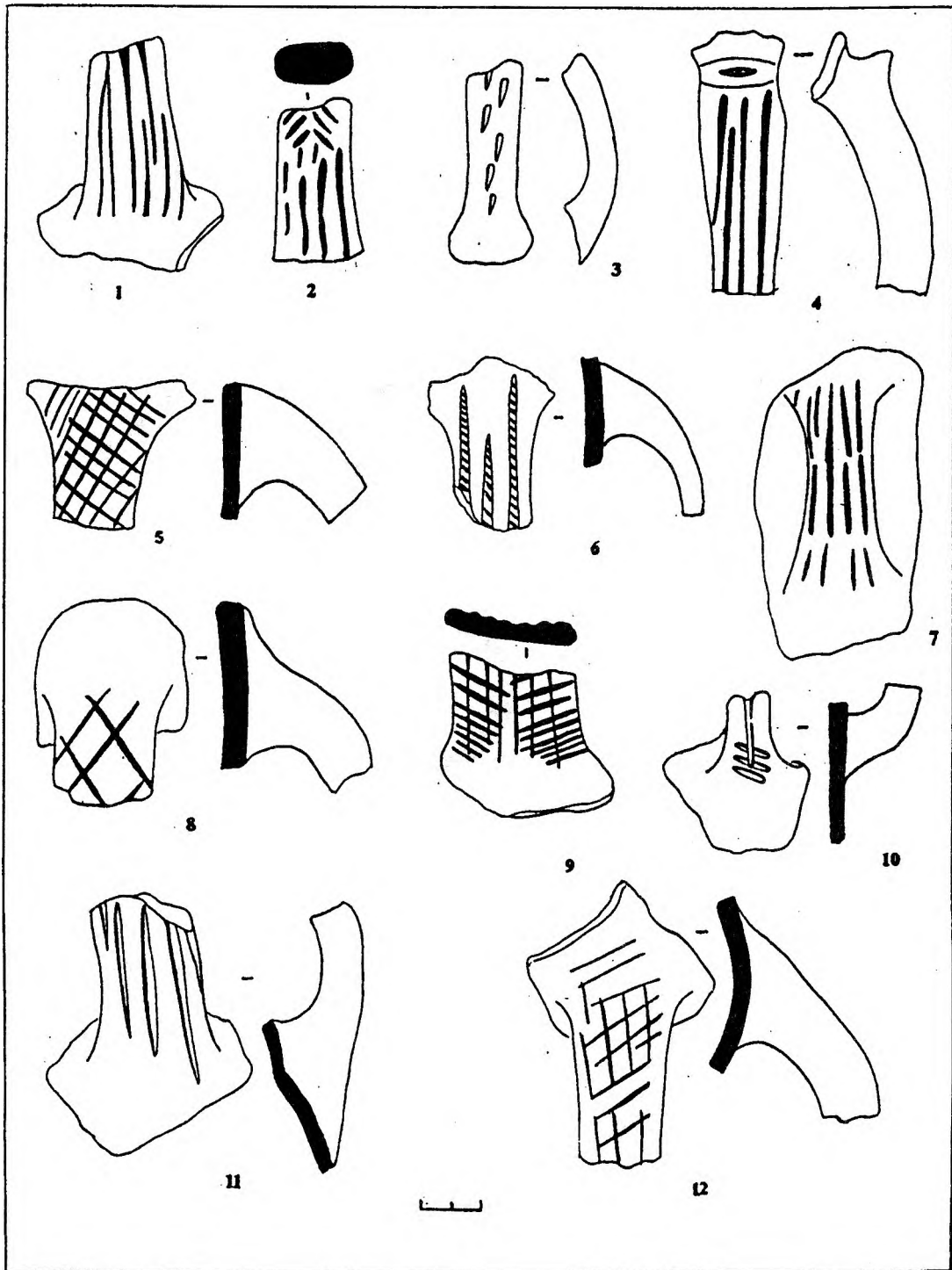

Рис.15. Керамика Хумаринского поселения: 1, 5 — помещения II-1; 2, 10 — Р. II, кв. 6; 3, 8, 12 — помещения II-5; 4 — Р. I, кв. 6, нижний слой; 6 — Р. II, кв. 5; 7 — помещение II-2; 9 — Р. I, кв. 1; 11 — Р. II, кв. 23

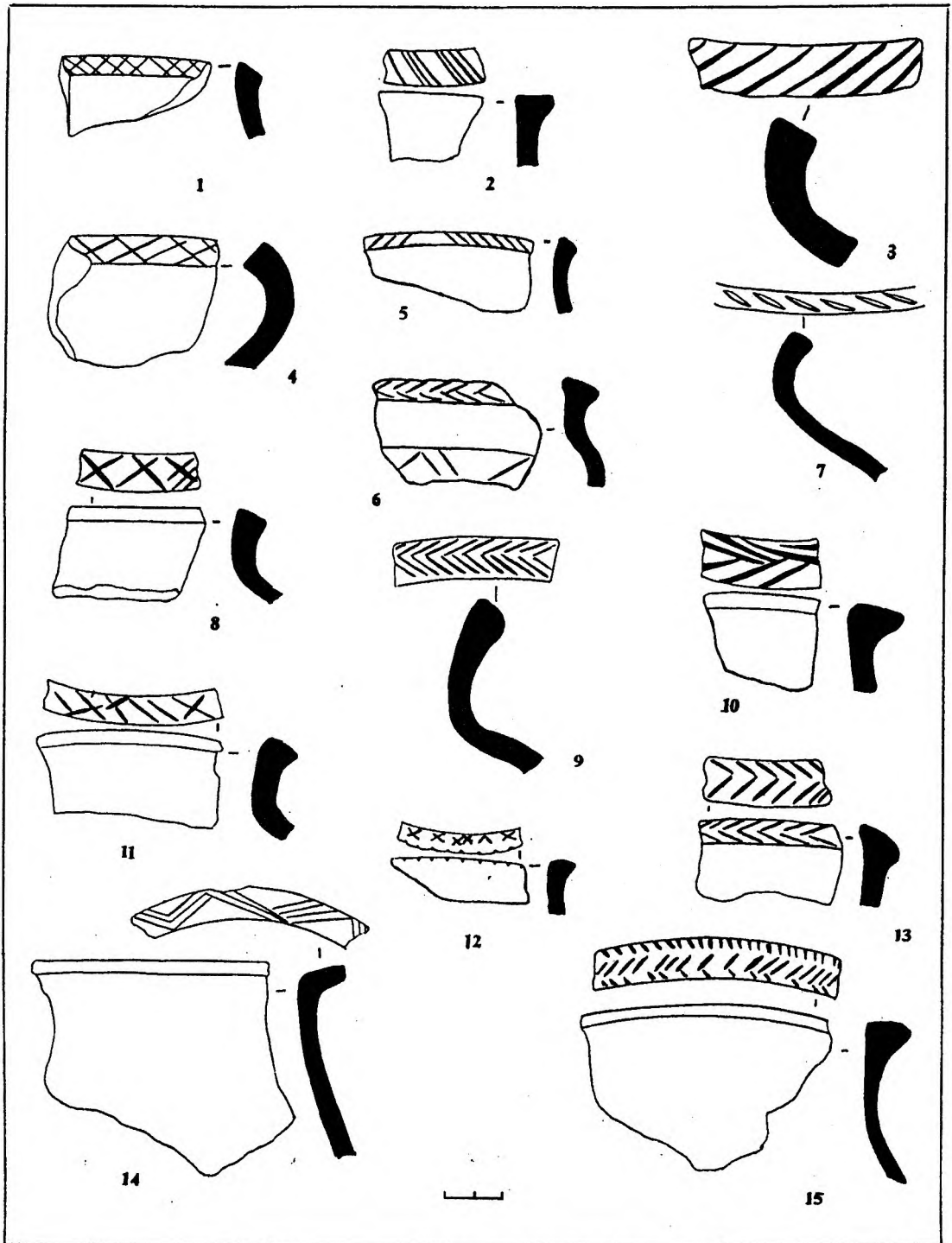

Рис.16. Керамика Хумаринского поселения: 1 — помещение П-5, каменный очаг; 2, 3, 5, 6, 10, 11, 12 — помещение П-1; 4, 7 — помещение П-3; 8, 13 — Р.1, каменный очаг; 9 — помещение П-2; 14 — Р.И, кв. 35; 15 — Р.И, кв. 5

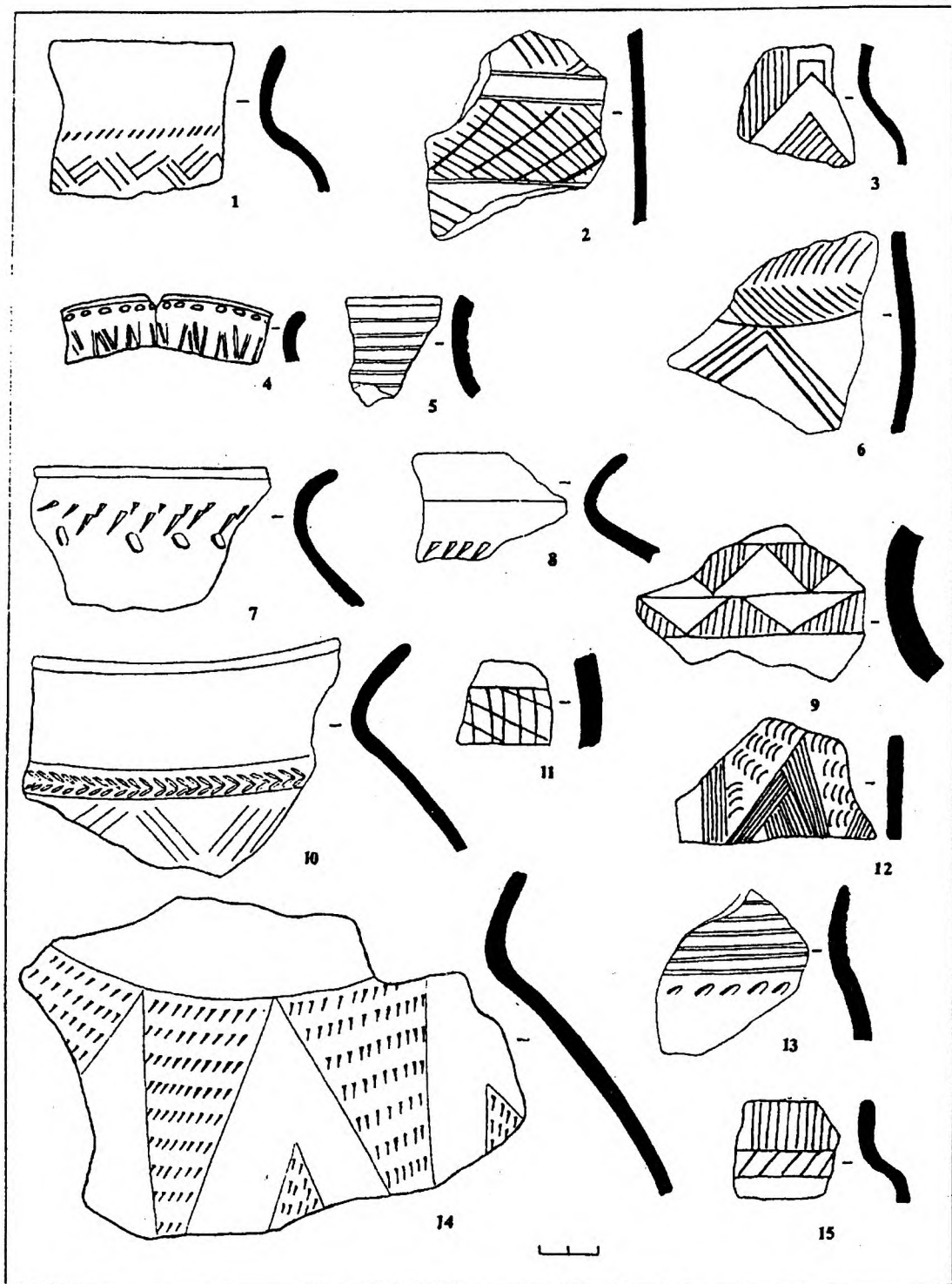

Рис.17. Керамика Хумаринского поселения: 1, 10, 14 — Р.П, кв. 27; 2 — Р.І, кв. 3; 3, 6, 9, 11, 12 — Р.П, кв. 36; 4, 5 — помещение П-4; 7 — помещение І-1; 8 — помещение П-1; 13, 15 — Р.П, кв. 23

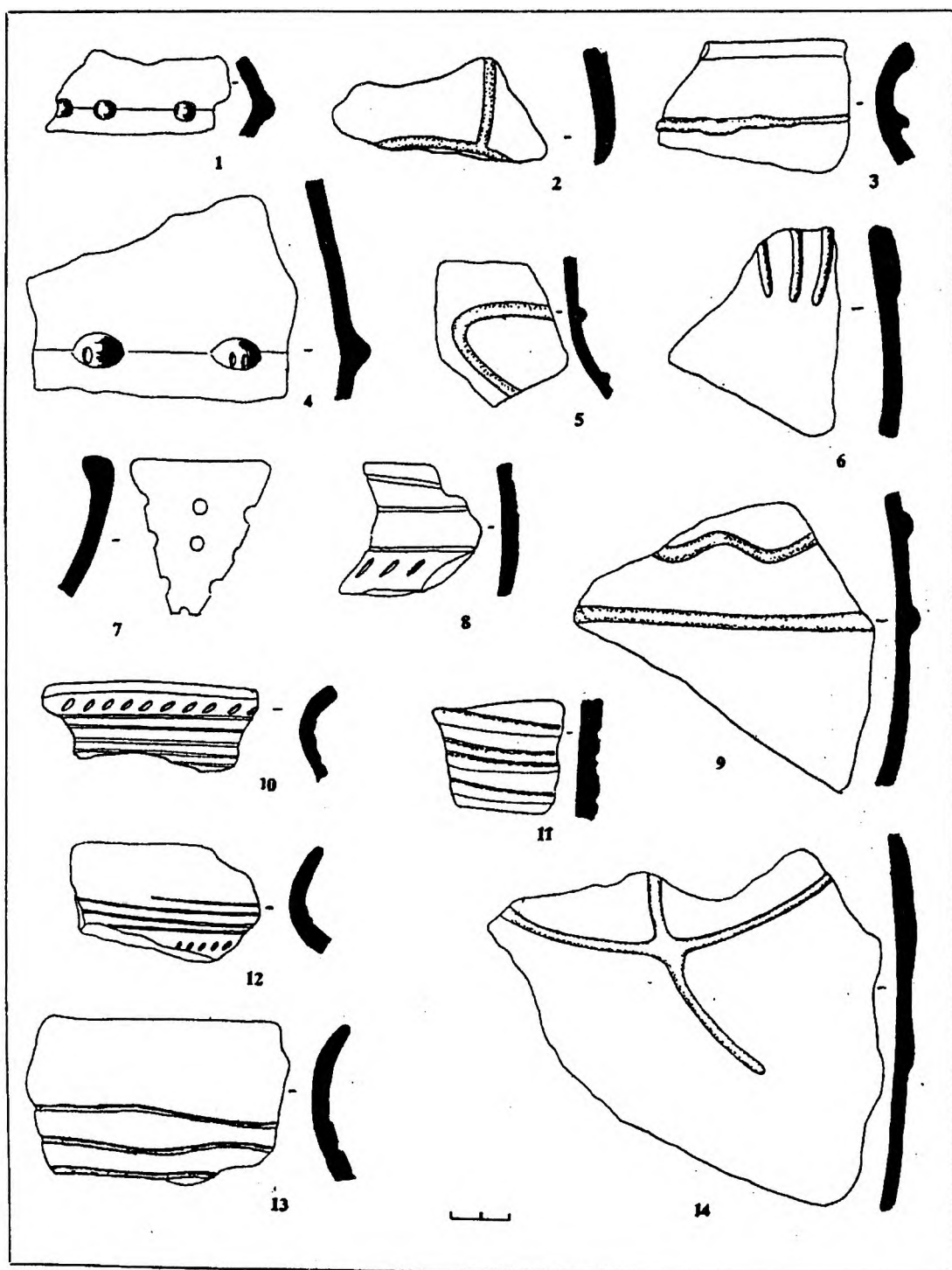

Рис.18. Керамика Хумаринского поселения: 1, 5 — Р.І, каменный очаг; 2, 14 — помещение II-5, каменный очаг; 3, 7, 8, 12, 13 — Р.ІІ, кв. 23; 4 — помещение II-1; 6, 9-11 — помещение II-3

А.Ю.Скаков

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ТОПОРЫ МОГИЛЬНИКА ФАСКАУ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Могильник Фаскау у аула Галиат находится недалеко от крайней восточной оконечности Дигорского ущелья в Северной Осетии. Эта часть ущелья, расположенная в бассейне притока Уруха (Ирафа) — реки Сонгутидон (Айгомугидон), носит название Уаллагком. Как отмечала П.С.Уварова, название «Фаскау» носит склон горы при слиянии рек Дунке-дона и Галиат-дона, напротив состоящего из двух отдельных поселков аула Галиат (Уварова П.С., 1900, с.271; 1904, с.120). На этом склоне, от подошвы до вершины горы, и находился могильник. По словам Е.И.Крупнова, «Фаскау» в переводе означает «край села» (Крупнов Е.И., 1960, с.212). Согласно В.И.Абаеву, «faesqaew» переводится как «аул, лежащий в стороне, окрестный, прилегающий» и состоит из слов «faers» («faes») — «сторона» и «qaew» — «аул» (Абаев В.И., 1958, с.461).

В непосредственной близости от аула Галиат находится Згидский перевал, ведущий в Алагирское ущелье, в котором памятники кобанской культуры известны в Архоне, Зарамаге, Рекоме и Наре. Далее к востоку, в соседних ущельях, находятся хорошо известные кобанские памятники самой Кобани, Карцы и Джи-джи (Джизи). От аула Галиат по рекам Сонгутидон и Урух или через перевал Казатафцаг можно добраться до крайней южной оконечности Дигорского ущелья. Оттуда сравнительно удобные перевалы Гурдзиафцаг и Гебеафцаг ведут в Рачу (Грузия), а перевал Кривосевцек — в Балкарию. Таким образом, могильник Фаскау находится на пересечении путей, связывающих между собою как отдельные регионы Северного Кавказа, так и Северный Кавказ с Закавказьем.

К сожалению, могильник Фаскау был практически полностью и грабительски раскопан в конце XIX в., и целые кобанские комплексы отсюда нам неизвестны. Богатейшие материалы могильника, относящиеся к средней и поздней бронзе, а также к раннему железному веку, попали в многочисленные музеи России и Европы, в первую очередь, в Государственный Исторический музей (ГИМ) и Государственный Эрмитаж (ГЭ). Лишь незначительная

часть этих материалов была издана. По сути, единственной работой, посвященной исключительно материалам могильника, является небольшая по объему и несколько поверхностная статья О.А.Дудко (Дудко О.А., 1961). В настоящее время материалы раннего железного века (VI–IV вв. до н.э.) могильника Фаскау изучаются А.П.Мошинским.

Кобано-колхидские топоры могильника Фаскау мало известны. В то время как отдельные и значительные по объему работы посвящены топорам Кобанского и Глийского могильников, большинство кобанских топоров из Фаскау почему-то оставалось вне поля зрения исследователей. Поэтому П.С.Уварова отмечала наличие в собрании ГИМа лишь двух кобанских топоров из Фаскау (Уварова П.С., 1900, с.273), а В.И.Козенкова указывала только на один топор первого типа¹ из Фаскау (Козенкова В.И., 1996, с.54). Даже те орнаментированные топоры из Фаскау, которые были введены в научный оборот, изданы крайне плохо. Так, один из топоров, плохая фотография которого опубликована Е.И.Крупновым и Д.Газдапустаи, оказался изданным как происходящий из Кобанского могильника (Крупнов Е.И., 1957, рис.20, 2; Газдапустаи Д., 1962, табл.ХХII, 3). Ошибка вкралась и в работу О.А.Дудко — она пишет о наличии в материалах Фаскау трех орнаментированных топоров первого типа с изображениями извивающихся змей. По моей классификации эти топоры должны относиться к подгруппам 1/1 и 1/2² (Скаков А.Ю., 1997а, с.73, 75). На самом деле, в материалах могильника известно

¹ Традиционно выделяются 3 типа топоров: 1 тип — с дважды изогнутым корпусом, ассиметричным лезвием и молоточковидным обухом; 2 тип — с прямым корпусом, ассиметричным лезвием и молоточковидным обухом; 3 тип — с прямым корпусом, почти симметричным лезвием и клиновидным обухом.

² С предлагаемой классификацией и относительной хронологией можно познакомиться в статьях (Скаков, 1997а; 1997б; 1998а). В итоге, было выделено 16 групп орнаментированных топоров с определенным набором изображений на лопасти, устойчивой композицией и стилистическим единством. Некоторые из групп подразделяются на 22 подгруппы, которые выделяются по особенностям изображений на лопасти топора.

лишь два топора подгруппы 1/2 с изображением извивающихся змей, ограниченных пределами лопасти.

Предметом данной работы являются орнаментированные топоры не только из Фаскау, но и из других могильников Дигорского ущелья. Связано это с невозможностью в ряде случаев определить точное место находки того или иного топора. Кроме того, в кобанскую эпоху Дигорское ущелье отличалось высокой степенью культурного единства, что не позволяет рассматривать местные памятники в отрыве друг от друга.

Безусловно из могильника Фаскау происходит 6 орнаментированных топоров, один из которых, вероятно, не сохранился. Еще два топора могут быть приурочены к данному могильнику лишь предположительно. Из могильника Верхняя Рутха известен один орнаментированный топор. Кроме того, из Фаскау или из близлежащих могильников Камунта и Рахта происходят два орнаментированных топора, причем для каждого из них определить конкретное место находки пока невозможно. Итак, мы можем говорить о 10 или 11 бронзовых орнаментированных кобано-колхидских топорах, происходящих из могильника Фаскау и из прилегающей части Дигорского ущелья. По декору они относятся к группам и подгруппам 1/2 (2 экземпляра), 2/6, 4/2, 5 (3 экз.), 11 (2 экз.), 14, 15/2, 16/1 (?). Еще 5 топоров являются неорнаментированными, а о наличии декора еще на одном ничего неизвестно. Из всех топоров, как орнаментированных, так и лишенных орнамента, 6 относятся к первому типу (2 из них имеют киркообразную форму), 7 — к третьему и 3 — к второму. Обращает на себя внимание значительное количество топоров третьего типа, как считалось ранее, мало характерного для кобанской культуры. О форме трех топоров из Фаскау и одного — из Верхней Рутхи сведения отсутствуют.

7 из 9 дошедших до наших дней орнаментированных кобано-колхидских топоров Дигорского ущелья хранятся в ГИМе. Их издание является целью данной работы. Следует отметить крайне плохую сохранность декора большинства рассматриваемых топоров данного собрания (ГИМ, 497/201, 497/202, 497/256, 1322/44, 1765/211).

Согласно предложенной хронологической схеме, реконструирующей эволюцию кобано-колхидского искусства (Скаков А.Ю., 1997а; 1997б; 1998а), в Фаскау нет наиболее ранних орнаментированных топоров первого хронологического периода. Ко второму хронологи-

ческому периоду относятся здесь топоры подгрупп 1/2, 2/6 и 4/2, к третьему — групп 5 и 11: к четвертому — группы 14 и подгрупп 15/2 и 16/1.

Второй хронологический период

Как уже отмечалось, на топорах подгруппы 1/2 изображены змеи, ограниченные пределами лопасти. По этому, основному, мотиву декора данные топоры сохраняют преемственность по отношению к экземплярам подгруппы 1/1 первого хронологического периода, на которых изображались змеи, переползающие с лопасти на лопасть. Здесь произошел характерный для кобано-колхидского графического искусства переход от «неограниченного рисунка», переходящего с грани на грань, к его «сжиманию» в пределы одной плоскости. Топоры подгрупп 1/1 и 1/2 объединяет также декор боковых граней и обуха.

Другие топоры подгруппы 1/2, в которую входит 6 экземпляров, происходят из Кобанского могильника (Уварова П.С., 1900, табл. III, 3, рис. 13; Hancar Fr., 1934, taf. IV, 2; Доманский Я.В., 1984, илл. 13-15, рис. 1) и клада из Чобарухи в Грузии (Панцхава Л.Н., 1988, табл. XVI, 1). Эту подгруппу можно считать характерной для центрально-кавказского варианта графического стиля, но при этом необходимо отметить отсутствие подобных топоров в погребениях Глийского могильника. Во всяком случае, топоры этой подгруппы ни в коей степени не могут считаться чужеродными в могильнике Фаскау.

Рассмотрим более подробно каждый из орнаментированных топоров.

1. Топор подгруппы 1/2, поступивший в ГИМ из собрания Б.Дзелихова, хищнически раскопавшего большую часть могильника Фаскау и остававшийся до сих пор неизданным (ГИМ, 497/201)³. Каждая из лопастей топора, относящегося к первому типу, украшена изображением извивающейся змеи (рис. 1).

2. Топор подгруппы 1/2, также поступивший в ГИМ из собрания Б.Дзелихова (ГИМ, 497/202). Этот, уже упоминавшийся топор первого типа, впервые был издан Е.И.Крупновым, но как происходящий из Кобанского могильника (Крупнов Е.И., 1957, рис. 20, 2). На одной лопасти данного топора изображены две змеи, причем одна из них небольшого размера и размещена в изгибе туловища более

³ Пользуюсь случаем выразить благодарность А.П.Мошинскому за поддержку в моей работе и ценные советы.

крупной, а на другой лопасти — змея и две рыбы, также расположенные в изгибах туловища змеи (рис.2). Изображения рыб рядом со змеями известны на лопастях ряда топоров подгруппы, но расположение рыб между извивами ползущей змеи характерно исключительно для более ранней подгруппы 1/1 (топоры из Кобанского могильника и погребений 23, 39, 215а Тлийского могильника), что свидетельствует о связи декора этого топора из Фаскау с предшествующей графической традицией (Уварова П.С., 1900, рис.15, 16; Техов Б.В., 1988, рис.2, 4, 18).

Другой особенностью этого топора является изображение трех змей на лопастях и на одной из боковых граней в технике железной инкрустации. Единственный топор, также инкрустированный железом, происходит из селения Джирхуа в Абхазии и относится к подгруппе 12/1 (Бжания Д.С., 1985, рис.8). Любопытно, что топор из Джирхуа также датируется вторым хронологическим периодом. Возможно, данное обстоятельство косвенно свидетельствует о датировке второго хронологического периода временем начального освоения железа, когда оно особенно ценилось и нередко использовалось для инкрустации пряжек. Впрочем, здесь нельзя забывать и о магической роли железа, выступающего в качестве оберега от злых духов.

В связи со сказанным, имеет смысл остановиться на одном из недоразумений: О.М.Джапаридзе в 1953 г. писал о характерности инкрустации железом для кобанских топоров и отсутствии такой инкрустации на топорах, происходящих из Грузии (Джапаридзе О.М., 1953, с.289). Это необоснованное утверждение неоднократно повторялось в работах некоторых археологов (Техов Б.В., 1971, с.159; 1988, с.28; Бжания Д.С., 1985, с.17, 18).

3. Топор подгруппы 2/6 из собрания Б.Дзелихова (ГИМ, 497/161). Этот топор, относящийся к первому типу, был подробно описан П.С.Уваровой (Уварова П.С., 1900, с.273), а его рисунок издан О.А.Дудко (Дудко О.А., 1961, табл.1, 24). На лопастях топора изображены подтреугольные рамки с головами зверей (рис.3).

Кроме экземпляра из Фаскау, известно 5 таких топоров: 2 — из Кобанского могильника (Nansen Fr., 1934, taf. I,2; V,1), 2 — из погребений 263 и 308 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис.32, 33) и 1 — из погребальной ямы № 2 могильника № 4 в Эржете в Мегрелии (Микеладзе Т.К., Папуашвили Р.И., Чубинишвили Н.Т., 1991, рис.148, 14). Таким образом, подгруппа 2/6 характерна для цен-

трально-кавказского варианта стиля. Топор из Эржеты по форме и декору безусловно определяется как центрально-кавказский импорт. По форме данный топор относится к нехарактерному для Колхиды первому типу, а по декору находит многочисленные аналогии в центрально-кавказском варианте графического стиля.

Отличительной особенностью топора подгруппы 2/6 из Фаскау является изображение на его боковых сторонах извивающихся змей, между изгибами туловища которых помещено по шесть кружков. Изображения кружков или подтреугольных значков рядом с змеями известны на более ранних топорах упоминавшейся выше подгруппы 1/1. Ближайшим аналогом является изображение змеи на боковой стороне топора подгруппы 4/2 из Корниси в Южной Осетии (Техов Б.В., 1968, рис.2, 2). На нем между изгибами туловища змеи помещено шесть подтреугольных значков. По девять аналогичных кружков помещено между извивами змей на лопастях топора подгруппы 1/2 из Кобанского могильника. Кружки и подтреугольные значки могут расцениваться здесь как солярные знаки, а их размещение рядом с изображением змеи, в изгибах ее туловища — как отражение известной мифологии о «небесном змее», преследующем или заглатывающем солнце, а также похищающем или, напротив, оберегающем дочь солнца. Аналогичное изображение солярного знака, расположенного в изгибе тела змеи, известно и на одной из кобанских пряжек (Уварова П.С., 1900, табл.ХIV, 6).

Как видно, орнаментированные топоры из Фаскау второго хронологического периода относятся к центрально-кавказскому варианту графического стиля и не отражают каких-либо внешних воздействий. Такое положение меняется в третьем хронологическом периоде.

Третий хронологический период

4. Учитывая особенно интенсивные раскопки в конце XIX в. могильников в районе аула Галиат, можно предполагать, что часть найденных здесь предметов, попадая в отечественные и зарубежные собрания, легко могла утратить данные о месте находки. Крайне осторожно, учитывая характер сопутствующего материала⁴, можно предположить про-

⁴ По мнению работавшей с данным материалом С.Рейнхольд (Германия), которой я выражаю признательность за предоставленный хороший рисунок топора.

исхождение из этого района топора из собрания Британского музея (Sulimirski T., 1962, abb.2; Скаков А.Ю., 1998а, рис.2)⁵. Топор относится к третьему типу, одна его лопасть украшена изображением горизонтально расположенного зверя, не выходящего за ее пределы (группа 5), а другая — изображением вертикально расположенного зверя, ограниченными пределами лопасти (голова и передние лапы частично заходят на боковые грани), без рамки или нижнего обвода (подгруппа 4/2).

Этот экземпляр занимает промежуточное положение между вторым и третьим хронологическими периодами. Изображение на лопасти вертикально расположенного зверя без рамки или нижнего обвода характерно, по преимуществу, для топоров абхазского варианта второго хронологического периода. При этом голова и лапы зверя частично выходят за пределы лопасти, что связывает данный топор с изображениями, характерными для первого хронологического периода, когда вертикально расположенный зверь как бы «переползает» с грани на грань (группа 3). Для изображений зверя, как и змеи, характерен переход от рисунка, неограниченного пределами плоскости, к его «сжиманию» до пределов лопасти.

По положению вытянутых передних лап зверь на топоре из Британского музея сближается с изображениями, характерными для центрально-кавказского варианта стиля. Позу зверя можно охарактеризовать как статичную, что также характерно не для абхазского, а для центрально-кавказского варианта.

На другой лопасти топора из Британского музея размещено горизонтально расположенное изображение зверя, ограниченное ее пределами (группа 5). Поза зверя статична. В качестве позднего признака, более характерного для третьего, чем для второго периода, можно рассматривать наличие четко выраженного орнаментального пояса, охватывающего все грани топора. При этом заполнение пояса кружковым орнаментом широко применялось на топорах абхазского, западно-грузинского и северо-осетинского вариантов и почти не использовалось в южно-осетинском (тлийском) варианте. Для абхазских топоров третьего периода характерно и обрамление проуха ряды звериных голов и изображениями 4 зверей. Изображение пары солярных знаков на боковых гранях ниже пояса находит аналогию на топоре группы 5 из Абгархука в Абхазии

⁵ В подписях под иллюстрациями в статье Т.Сулимирского перепутаны топоры из Британского музея и из Винницы.

(Шамба Г.К., 1984, рис.18). Таким образом, декор топора из Британского музея сочетает признаки не только различных хронологических периодов, но и различных вариантов графического стиля. В декоре его лопастей доминируют центрально-кавказские черты, а в декоре боковых граней заметно влияние абхазского варианта графического стиля. Возможно, декор топора выполнен в промежуточной, контактной зоне. Это мог быть один из регионов Западной Грузии. Изображение близкого по декору топора без указания места его находки приводит О.Д.Лордкипанидзе (Лордкипанидзе О., 1989, рис.102).

5. Не вполне ясно происхождение еще одного топора из собрания ГИМ (ГИМ, 1322/44), поступившего в 1897 г. из Императорской Археологической комиссии. Предположительно, он происходит из могильника близ аула Камунта (раскопки Н.С.Семенова), расположенного рядом с аулом Галиат. Топор относится к первому типу и имеет плохо сохранившееся изображение горизонтально расположенного зверя, ограниченное пределами лопасти (группа 5). Как и вся группа 5, топор относится к третьему хронологическому периоду (Скаков А.Ю., 1998б). У изображенного зверя статичная поза (рис.4).

Изображение зверя находит полные аналогии на топорах из Кобанского могильника и погребений 77, 140, 223 и 342 Тлийского могильника, а также погребения 121 могильника Самтавро (ГИМ, 449/1, 1703/13, 1703/17; Скаков А.Ю., 1998б, рис.4, 5; Техов Б.В., 1988, рис.20, 30, 44, 50; Абрамишвили Р.М., 1957, табл.1, 79). Туловище зверя на топоре из Камунты, вероятно, было заполнено спиральным или кружковым орнаментом. Такое заполнение туловища зверя известно на топорах группы 5 из Абгархука, Хихадзири, Кобанского могильника и Винницы (Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., 1975, рис.4; Лордкипанидзе О., 1989, рис.102; ГИМ, 1702/4790; Уварова П.С., 1900, табл.VIII, 1; Sulimirski T., 1962, abb.1). Поясок экземпляра из Камунты заполнен спиральным орнаментом, что особенно характерно для топоров Кобанского могильника. Декор боковых граней камунтского топора находит аналоги на топорах того же могильника.

6. К группе 5 относится и топор второго типа, происходящий из Фаскау или из Верхней Рутхи (могильник в Дигорском ущелье у заброшенного аула Кумбулта в 12 км. от Галиата, напротив впадения р.Сонгутидон в Урух). Этот топор издан И.Мотценбеккером (Motzenbacker I., 1996, taf.36, 3) в составе хряня-

шейся в Берлинском музее древней истории коллекции А.Коссниерской⁶. Так как для инвентаря Верхней Рутхи кобанского периода топоры были мало характерны, что связано, очевидно, с особенностями местного погребального обряда, представляется более чем вероятным происхождение данного экземпляра из Фаскау. На лопасти топора изображен горизонтально расположенный и не выходящий за ее пределы зверь. В.И.Козенкова предположительно связывает коллекцию А.Коссниерской с раскопками В.И.Долбежева (Козенкова В.И., 1998а, с.32; 1998б, с.52).

Топор из собрания А.Коссниерской сильно отличается по своему декору от экземпляра из Камунты. Изображенный на нем зверь передан достаточно схематично, его непропорционально большая голова повернута назад, морда стилизована. Слегка загнутые назад лапы зверя заканчиваются так называемыми «плавниками», а их положение напоминает позу «на цыпочках». По туловищу зверя проходит полоса кружкового орнамента. Хвост зверя изображен в форме опущенного вниз «колоса». Аналогичные изображения известны на топорах группы 5 из Цхинвали, Кобанского могильника и погребения 432 Тлийского могильника (Лордкипанидзе О., 1989, рис.102; ГИМ, 1702/4790; Техов Б.В., 1988, рис.52). Поясок топора из собрания А.Коссниерской охватывает все грани и заполнен вертикальными рядами ромбов, елочного и кружкового орнамента. Схожий декор известен на топорах Тлийского могильника. Так, почти аналогичное заполнение пояска мы видим у топора из погребения 417 (Техов Б.В., 1988, рис.51). Для топоров южно-осетинского (тлийского) варианта в третьем хронологическом периоде характерно и полное отсутствие декора на боковых гранях. Для южно-осетинского варианта, в отличие от северо-осетинского, западно-грузинского и абхазского, в третьем хронологическом периоде характерны топоры второго типа.

Таким образом, топор из коллекции А.Коссниерской, наряду с экземплярами из Цхинвальского клада (Лордкипанидзе О., 1989, рис.102) и погребений 432 и 433 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис.52, 53), может быть отнесен к наиболее поздним топорам группы 5, связанным своим происхождением с южно-осетинским вариантом графического стиля. Показательно также присутст-

вие на гранях рассматриваемого топора шнурового орнамента, характерного для стилистически поздних топоров группы 5, изображение зверя на которых имеет признаки достаточно сильной стилизации.

7–8. В состав коллекции Б.Дзелихова (ГИМ, 497/256) входит происходящий из Фаскау топор третьего типа с лопастью, украшенной сетчатым орнаментом (группа 11). Ранее этот топор не издавался (рис.5).

Кроме того, в фондах ГИМ хранится обломок орнаментированного топора третьего типа с лопастью, украшенной также сетчатым орнаментом (ГИМ, 1765/211). Этот экземпляр считается происходящим из раскопок С.А.Уварова в могильнике Рахта, расположенном в непосредственной близости от аула Галиат. В музей данный топор поступил вроде бы в качестве дара Московского Археологического общества. Как следует из описания работ С.А.Уварова в Рахте, кобано-колхидские топоры при раскопках не были найдены (Уварова П.С., 1900, с.287–289). Поэтому можно предполагать иное происхождение рассматриваемого обломка топора. Обращает на себя внимание сообщение об орнаментированном топоре из аула Галиат в описании коллекции К.И.Ольшевского (Архив ИИМК, дело 1887/68, л.69). Там говорится об «обломке бронзового топора с нарезным узором», переданном из Императорской Археологической комиссии в ГИМ. В его фондах известен только один обломок орнаментированного топора с геометрическим узором, происходящий якобы из Рахты. Возможно, здесь мы имеем дело с возникшей позже путаницей и в обоих случаях речь идет об одном и том же топоре. Ранее этот обломок топора не издавался (рис.6).

Таким образом, из могильника Фаскау происходят два орнаментированных топора группы 11, которые можно также отнести к третьему хронологическому периоду. Эта группа, насчитывающая 13 топоров, одинаково хорошо представлена как в Абхазии, так и в центрально-кавказском регионе. При этом топоры абхазского варианта отличаются от топоров южно-осетинского варианта наличием богатого декора на боковых гранях. В Кобанском могильнике известен всего один топор группы 11 (Уварова П.С., 1900, табл.VII, 3), относящийся, вероятно, к местному, северо-осетинскому варианту стиля. Об этом свидетельствует декор его боковых граней, покрытых вертикальными рядами треугольников. Такой декор известен и на нескольких кобанских топорах группы 5 (Доманский Я.В., 1984, илл.13-15, рис.1; ГИМ, 449/1).

⁶ Выражаю искреннюю благодарность В.И.Козенковой, обратившей мое внимание на этот топор.

Топоры с сетчатым орнаментом на лопасти из Фаскау (ГИМ, 497/256, 1765/211) значительно отличаются от других топоров группы 11. Оба топора украшены по граням шнуровым орнаментом, что уже само по себе свидетельствует об их сравнительно позднем хронологическом положении. Шнуровой орнамент появляется на кобано-колхидских топорах в третьем хронологическом периоде, хотя тогда он еще довольно редок. Повсеместно шнуровой орнамент распространяется лишь в четвертом хронологическом периоде. Для третьего хронологического периода нехарактерно наличие на топоре из Фаскау горизонтальных рядов орнамента под проухом. Такой декор распространяется на обширной территории от Абхазии и Аджарии до Северной и Южной Осетии лишь в четвертом хронологическом периоде.

Прямые аналогии топорам группы 11 из Фаскау и Рахты мне неизвестны. В то же время, декор лопастей топоров, а именно заполнение клеток сетки точечным орнаментом и трактовка нижнего обвода как двойной линии или как двух пар двойных линий, пространство между которыми заполнено точечным орнаментом, находит прямые аналогии в материалах Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис.76, 126, 129, 149). Однако для Тлийского могильника не характерен переход нижнего обвода и сетчатого орнамента на боковые грани под пояском, как мы это видим у топора из Фаскау (ГИМ, 497/256). Декор, украшающий одну из боковых сторон данного топора и состоящий из вертикальных рядов ромбов, косых насечек и кружков, сближается с аналогичным орнаментом, заполняющим пояску на ряде топоров из Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис.51, 52). Подобный декор украшает также одну из боковых сторон более позднего топора из погребения 41 того же могильника (Техов Б.В., 1988, рис.159).

На топорах Тлийского могильника почти неизвестно заполнение пояски кружковым орнаментом (ГИМ, 497/256), но оно часто встречается в абхазском, западно-грузинском и северо-осетинском вариантах во втором и третьем хронологических периодах. Поясок топора из Фаскау (ГИМ, 1765/211) украшен треугольниками, заполненными кривой штриховкой, что напоминает характерное для Абхазии и известное в Западной Грузии заполнение пояски зигзагом. Размещение пары солярных знаков по бокам от проуха на топоре из Фаскау находит аналогии на отдельных топорах из Западной Грузии, в частности, на экземпляре из Мухурчи (Элиава Г., 1987, табл.35).

Как видим, на топорах группы 11 из Фаскау опять же присутствуют не только некоторые признаки более позднего этапа в развитии кобано-колхидского графического искусства, но и сочетание ряда признаков, характерных для южно-осетинского, северо-осетинского, западно-грузинского и абхазского вариантов графического стиля. Отнести эти топоры безусловно к какому-либо из этих вариантов не представляется возможным. Здесь мы имеем дело с несколькими эклектичными изделиями, выполненными в периферийной и пограничной зоне, где творчески перерабатывались традиции различных центров кобано-колхидского искусства. Возможно, это продукция местного, локального центра производства орнаментированных топоров. Близость рассматриваемых топоров к продукции более позднего объединенного северо-осетинского — западно-грузинского варианта четвертого хронологического периода заставляет предположительно связать их с начальным периодом его формирования. Для этого объединенного варианта в четвертом хронологическом периоде характерны топоры третьего типа. Они малоизвестны в этом регионе в предшествующем третьем периоде.

Четвертый хронологический период

9. К четвертому хронологическому периоду относится только один сохранившийся до наших дней топор из Фаскау, лопасть которого украшена свастическим орнаментом (подгруппа 15/2). Этот топор третьего типа, поступивший в ГИМ из собрания Б.Дзелихова (ГИМ, 497/300), сравнительно неплохо сохранился и был неоднократно опубликован, что связано с наличием на его обухе скульптурного изображения лежащего зверя (рис.7). Впервые он был издан Е.И. Крупновым (Крупнов Е.И., 1957, рис.20, 3; 1960, табл.11), затем неоднократно переиздавался (Дудко О.А., 1961, табл.1, 23; Коридзе Д.Л., 1961, табл.8; Погребова М.Н., 1984, табл.Ш, 1; Козенкова В.И., 1996, рис.36, 8).

Лопасть этого топора украшена сложным свастическим орнаментом, несколько приближающимся к меандру. По каждой из лопастей топора вертикально проходит 2–3 зигзага, от каждого из которых в различные стороны отходит несколько ответвлений, напоминающих окончания свастики. На большинстве других топоров подгруппы 15/2 свастический орнамент на лопасть нанесен более хаотично, как будто мастера стремились лишь максимально заполнить ограниченное ею простран-

ство. По наличию вертикально проходящих зигзагов экземпляр из Фаскау сближается с более ранними топорами, украшенными меандровидным зигзагом (подгруппа 15/4). Среди топоров подгруппы 15/2 лишь на одном мы видим аналогичный декор. Это происходящий из Северной Осетии топор из собрания Д.А. Вырубова, хранящийся в Гос. Эрмитаже (ГЭ, ОАВЕС, 1739/1)⁷. Место его находки неизвестно, но, скорее всего, это либо Кобанский могильник, либо Фаскау. На лопасти топора имеются три горизонтальных зигзага, пересеченных тремя вертикальными зигзагами. Качество рисунка и его геометрическая правильность значительно уступают описанному топору подгруппы 15/2 из Фаскау. Еще более близкая аналогия декору лопасти топора из Фаскау известна на двух орнаментированных поясных пряжках из Кобанского могильника (собрание К.И. Ольшевского, ГИМ, 1709/67) и из Палурского «Садзвле» в Западной Грузии (Окропиридзе Н.И., Барамидзе М.В., 1974, табл. XI, XVII). В средней части пряжек вдоль их основания проходит полоса зигзага, к которой с обеих сторон примыкают ответвления, напоминающие оконечности свастики или фрагменты меандра. Пряжки производят впечатление сравнительно поздних, о чем свидетельствует наличие на их противоположных сторонах, по обе стороны от зигзага, орнаментальных поясков, которые состоят из полоски зигзага, ограниченной сверху и снизу лентами штриховки или сетки. Такие пояски известны на поздних пряжках предскифского и раннескифского времени. Кстати, этим же временем датируется и четвертый хронологический период (Скаков А.Ю., 1997а, с. 72).

Декор лопасти топора из Фаскау отделен от лезвия нижним обводом, заполненным сетчатым орнаментом. Наличие такого обвода характерно для топоров подгруппы 15/2. Поясок топора из Фаскау заполнен сетчатым орнаментом, что также характерно для этой подгруппы. В то же время, по форме и декору основных граней под обухом, экземпляр из Фаскау отличается от большинства топоров подгруппы, связанных своим происхождением с Глийским могильником и южно-осетинским вариантом стиля. Для них преимущественно характерны топоры второго типа, лишенные декора на боковых гранях.

Топор из Фаскау, наряду с экземплярами из Сурмуши (Иващенко М.М., 1941, рис. 2б),

Кобанского могильника (Уварова П.С., 1900, рис. 12), Северной Осетии (ГЭ, 1739/1), Гурии (Раишвили А.Т., 1974, табл. XXX, 5) и погребения 41 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис. 159) образует особый вариант в рамках подгруппы 15/2. Все эти топоры относятся к третьему типу и имеют более или менее богатый декор на средней грани под обухом. Так, на топорах из Северной Осетии и Сурмуши она заполнена тем же свастическим орнаментом, ограниченным сверху и снизу или только сверху рядами небольших треугольников. Таким образом, орнамент под обухом дублирует декор на лопасти, он как бы перенесен оттуда. Аналогичное заполнение зоны под обухом свастическим орнаментом известно и на топоре без декора на лопасти, найденном в Окуреша (Коридзе Д.Л., 1965, табл. XLIV, 3). У других топоров рассматриваемого варианта под обухом нанесен сетчатый и кружковый орнамент или ряды косых насечек. Сочетание сетчатого и кружкового орнамента под обухом, кроме топора подгруппы 15/2 из Фаскау, известно также на топорах без декора на лопасти из Окуреша (Коридзе Д.Л., 1965, табл. XLIV, 1), Цагвери (Панцхава Л.Н., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., 1978, табл. VI, 2) и погребения 41 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1988, рис. 159).

Пояски топоров рассматриваемого варианта заполнены, как правило, сетчатым орнаментом. Для всех этих топоров характерно наличие достаточно разнообразного декора на боковых гранях. Так, у топора из Фаскау между пояском и проухом на боковых гранях размещены два S-видных знака, каждый из которых представляет из себя изображение двух соединенных и сильно стилизованных звериных лап. У топоров из Фаскау и погребения 41 Тлийского могильника на обухе размещены скульптуры животных.

В целом, рассматриваемые топоры подгруппы 15/2 достаточно близки между собой и являются, безусловно, продукцией одного художественного центра. Форма топоров, характер декора боковых граней и наличие богатой орнаментации на основных гранях под обухом позволяют связывать их с объединенным северо-осетинским — западно-грузинским вариантом. Начавшееся в предшествующем, третьем периоде сближение северо-осетинского и западно-грузинского вариантов привело к нивелировке различий между ними. При этом декор топоров образовавшегося объединенного варианта резко отличается от орнаментики изделий южно-осетинского варианта.

⁷ Выражаю признательность Я.В. Доманскому и Ю.Ю. Пиотровскому за помощь в работе с коллекциями Гос. Эрмитажа.

Как отмечалось выше, отличительной особенностью топора подгруппы 15/2 из Фаскау является наличие на его обухе скульптурного изображения лежащего зверя. В связи с этим сделаем небольшое отступление. Кобано-колхидские топоры с скульптурными изображениями на обухе неоднократно становились объектами изучения исследователей (Техов Б.В., 1971, с.125, 126, Панцхава Л.Н., 1975, с.19, Погребова М.Н., 1984, с.73–89). Им удалось выделить группу топоров с скульптурным изображением лежащего животного, выполненном в едином стиле и имеющем безусловные луристанские прототипы. Орнаментированные топоры с такими скульптурными изображениями известны из Фаскау, погребений 41 и 51 Тлийского могильника (подгруппа 15/2 и группа 7), Цагвери (подгруппа 16/2) и из коллекции барона де Бая (группа 7). Все эти топоры (Техов Б.В., 1988, рис.158, 159; Панцхава Л.Н., 1988, табл. XII, 3; Hancar Fr., 1935, Taf.VI, 1) относятся к четвертому хронологическому периоду. Аналогичные изображения зверя украшают обух лишённых графического декора топоров из Пасанаури и Переви. Железный топор с скульптурным изображением лежащего животного на обухе известен из Верхней Рутхи. Как видно, все топоры с аналогичными скульптурными изображениями происходят из Южной Осетии и непосредственно прилегающих к ней районов.

К выделенной группе топоров примыкает уникальная секира из Рене в Каспском районе Грузии (Иремашвили Ш., 1975, с.83). Секира и ее бронзовая рукоять покрыты гравированным декором в канонах кобано-колхидского графического стиля. На обухе секиры находится скульптура зверя, выполненная несколько более реалистично, чем близкие по стилю скульптуры на топорах четвертого хронологического периода. Отметим, что, в отличие от них, изображение на обухе секиры из Рене органично не связано с формой топора и не имеет тщательно проработанной пасти. Лопать секиры занята сетчатым орнаментом, характерным для группы 11 третьего хронологического периода. Особенности скульптурного изображения и характер гравировки лопасти позволяют считать изображение лежащего зверя на обухе секиры из Рене наиболее ранним. Оно занимает промежуточное положение между топорами из Гудауты, Куланурхвы, Ожоры, Сулори (с реалистическими скульптурами стоящих животных или всадников на обухе) и топорами с геометризованными изображениями лежащего животного. Топоры со стоящими животными на обухе

твердо датируются третьим хронологическим периодом (приблизительно VIII до н.э.). Основанием для такой датировки служит топор из Ожоры (Коридзе Д.Л., 1965, табл. XLVI, 21), относящийся к группе 5 третьего хронологического периода, а также топор из погребения 1 могильника Куланурхва со скульптурой стоящего животного (Трапш М.М., 1970, табл. I, 5); последний был найден вместе с орнаментированными топорами группы 10 также третьего хронологического периода. Таким образом, стилистически единые скульптурные изображения лежащего зверя с подогнутыми лапами появляются на Кавказе не ранее конца третьего хронологического периода, когда происходит заметное оживление связей между кобано-колхидским ареалом и более южными районами.

Обращает на себя внимание идентичность оформления головы и пасти на скульптурных изображениях лежащих зверей и на навершии из погребения 254 Тлийского могильника (Техов Б.В., 1980а, рис.108, 8). Само навершие, представляющее из себя зооморфно оформленную трехконечную свастику (триквестр), также выглядит чужеродным в материалах кобанской культуры. Истоки этого мотива М.Н.Погребова видит в хорошо известной в древнем Иране конца II — начала I тыс. до н.э. схеме из трех животных, располагающихся вокруг центрального отверстия. Аналогичные изображения пасти зверя также были известны в иранском искусстве (Погребова М.Н., 1984, с.150, 151). В то же время, уникальное тлийское навершие, как и топоры с скульптурным изображением на обухе, является, скорее всего, изделием местного мастера.

Сближение тлийского навершия с топорами, украшенными такой скульптурой, автоматически означает их синхронизацию в рамках четвертого хронологического периода, датированного концом VIII — VII вв. до н.э. Этот период достаточно надежно датируется благодаря находкам орнаментированных топоров группы 7 и подгрупп 15/2 и 16/1 в погребениях 68, 85 и 129 Тлийского могильника, содержащих предметы раннескифского облика (Техов Б.В., 1980б, с.21–25, 28–31). Само погребение 254 Тлийского могильника, отнесенное Б.В.Теховым к XII–X вв. до н.э., представляло из себя две кучки перемешанных костей (Техов Б.В., 1980а, с.42, табл.108) и поэтому не может считаться достоверным комплексом и использоваться для уточнения датировок. Необходимо лишь отметить находку рядом с рассматриваемым навершием топора группы 5, относящегося к третьему хро-

нологическому периоду. На этом основании можно допускать датировку навершия концом третьего хронологического периода.

Тлийское навершие, несмотря на свою уникальность, вписывается в целую серию предметов, происходящих из различных регионов Кавказа и с большей или меньшей степенью стилизации отображающих идею зооморфно оформленной трех- или четырехконечной свастики. Из погребения 44 (63) могильника Красный Маяк близ Сухуми происходит глиняное навершие, аналогичное по композиции тлийскому, но отличающееся большей степенью стилизации (Трапш М.М., 1969, табл. XXVII, 10). Еще более стилизованное, но аналогичное по композиции изображение мы видим на распределительных пронизях из Кармир-Блура (Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985, табл. XVII). На всех трех предметах с зооморфно оформленной трехконечной свастикой головы зверей разделены.

На Кавказе известны не только зооморфно оформленные свастические триквестры, но и аналогичные по оформлению четырехконечные свастики. В погребении из села Агаиани Каспского района Грузии найдена бляха с изображением четырехконечной зооморфно оформленной свастики, причем незначительно стилизованные головы зверей соединены друг с другом (Барамидзе М.В., 1974, табл. I-II). Предложенная М.В. Барамидзе для этого комплекса дата — XI–X вв. до н.э. вызывает серьезные сомнения. В Адыгее в кургане Хаджох 1/1 в предскифском погребении, датированном А.А. Сазоновым 1-й половиной VII в. до н.э., были найдены 4 уздечные бляшки в виде четырехконечной свастики, лучи которой завершаются звериными головками. Достаточно реалистично выполненные, они не смыкаются друг с другом. В центре свастики размещен характерный для предскифской орнаментики «солярный знак» (Сазонов А.А., 1994, с. 86–96, рис. 14–15).

Дальнейшее развитие идеи зооморфно оформленной свастики мы видим на более поздних фракийских и скифских бляхах-свастиках, образующих из себя определенный типологический ряд, в самом начале которого можно разместить бляхи из Агаиани и Хаджох. В дальнейшем эволюция этого мотива идет в сторону максимального нарастания признаков стилизации (Никулицэ И.Т., 1987, рис. 44, 45). Предположение о кавказском происхождении идеи блях-свастик снимает вполне очевидное противоречие, когда наиболее ранними из них считались сильно стилизованные экземпляры из кургана 8 у с. Волковцы,

датированные концом VI в. до н.э. (Ильинская В.А., 1968, с. 130, табл. XXXV, 9). Безусловно, эти сильно стилизованные и уникальные для Скифии VI–V вв. до н.э. бляхи не могли служить прототипами менее стилизованных фракийских блях конца V — середины IV вв. до н.э., как предполагала А.И. Мелюкова (Мелюкова А.И., 1976, с. 116, 126). Скифские бляхи-свастики датируются преимущественно 2-й половиной IV — III вв. до н.э. и являются, вероятно, подражанием фракийским. Можно предполагать, что бляхи из кургана 8 у с. Волковцы, как и наиболее ранние бляхи из Фракии (Никулицэ И.Т., 1987, с. 135, рис. 5, 8), являются независимым друг от друга подражанием кавказским образцам.

10–11. Еще два орнаментированных топора из Дигорского ущелья, относившиеся, вероятно, также к четвертому периоду, к сожалению, не сохранились.

В описании коллекции К.И. Ольшевского, поступившей в Гос. Эрмитаж и ГИМ, имеется не очень понятное упоминание о бронзовом топоре «с резным изображением оленя» из Кумбулты — очевидно, из могильника Верхняя Рутха (Архив ИИМК, дело 1887/68, л. 48). О форме топора сведения отсутствуют. В музейных собраниях такой топор мне неизвестен. Возможно, этот топор либо не попал в них, либо место его находки было перепутано. Топоры с изображением оленя на лопасти относятся к группе 14 и датируются четвертым хронологическим периодом (Скаков А.Ю., 1997а, с. 84).

Нынешнее местонахождение двух топоров из Фаскау, купленных ГИМом у Б. Дзелихова, мне неизвестно. Один из них, относящийся, как кажется, ко второму типу, был передан В.А. Городцовым в 1917 г. на временное хранение в МГУ Д.Н. Анучину и в ГИМ, к сожалению, не был возвращен. Судя по фотографии в картотеке ГИМ, данный топор имел изящную форму, а его грани были украшены шнуровым орнаментом. Возможно, именно об этом топоре пишет П.С. Уварова. По ее словам, в ГИМ хранился происходящий из Фаскау топор второго типа (по П.С. Уваровой, типа «б»), украшенный орнаментальным «незначительным поперечным пояском у шейки» (Уварова П.С., 1900, с. 273), то есть на самом узком месте топора. Судя по этому описанию, данный топор относился к подгруппе 16/1, также датирующейся четвертым хронологическим периодом. В настоящее время он в собрании ГИМ отсутствует.

Второй утраченный топор, относящийся к третьему типу, в 1921 г. был передан из ГИМа

в Симбирский городской музей. О его декоре ничего не известно.

В собрании ГИМ хранятся еще два неорнаментированных кобано-колхидских топора из могильника Фаскау. Первый из них, купленный у Б.Дзелихова, относится ко второму типу (ГИМ, 497/575). Это массивный экземпляр, по своей форме близкий к неорнаментированным топорам из Жемталинского клада. Второй топор, происходящий из Фаскау или из Кумбулты и купленный в 1898–1899 гг. у Х.Канукова, относится к третьему типу (ГИМ, 526/33). Кроме того, в собрании А.Коссниерской известно еще 2 неорнаментированных топора первого типа из Верхней Рутхи, особенности формы которых, а именно слабая выделенность обушной части, узость лезвийной части и «киркообразность» свидетельствуют об их относительно ранней датировке (Motzenbacher I., 1996, Taf.16, 6-7). Из Кумбулты (т.е., скорее всего, из могильника Верхняя Рутха), происходит также еще один неорнаментированный топор третьего типа, входящий в состав коллекции П.С.Уваровой (Уварова П.С., 1900, с.226, табл.ХСIV, 1).

Есть сообщения о находке одного целого и двух поврежденных бронзовых топоров, обнаруженных В.Л.Тимофеевым при раскопках нескольких кобанских погребений в могильнике Фаскау (Уварова П.С., 1900, с.271, 272). Однако о месте хранения, форме и декоре этих топоров ничего неизвестно. Вероятно, они, как и большая часть коллекций В.Л.Тимофеева, утрачены. Указания А.А.Иессена и В.И.Козенковой на находку В.Л.Тимофеевым в погребении 2 могильника Догуй-хунта (в Дигорском ущелье между селениями Лизгор и Донифарс) топора кобанского типа основаны на недоразумении (Иессен А.А., 1935, с.135; Козенкова В.И., 1996, с.21). Как следу-

ет из приведенного П.С.Уваровой описания его раскопок, в данном погребении такой предмет найден не был. Бронзовые топоры в Догуй-хунте были найдены лишь в погребениях 1 и 3 (Уварова П.С., 1900, с.204–206), но, к сожалению, и эти топоры не сохранились. Возможно, они относятся к протокобанскому периоду. Еще один «бронзовый топор не Кобанского типа» был найден В.Л.Тимофеевым при раскопках могильника близ селения Донифарс на берегу Уруха (Уварова П.С., 1900, с.203).

Таким образом, во втором хронологическом периоде топоры могильника Фаскау принадлежали к центрально-кавказскому локальному варианту графического стиля. Для третьего периода из Фаскау известно по одному топору южно-осетинского (экземпляр из коллекции А.Коссниерской) и северо-осетинского вариантов (экземпляр из Камунты). Если допустить, что топор из собрания Британского музея происходит из могильника Фаскау, причем, как говорилось, он может быть связан с формирующимся западно-грузинским вариантом, то картина станет еще более сложной. Фаскау предстает перед нами как своеобразный «проходной двор», куда, благодаря торговым связям, в этот период орнаментированные топоры различного происхождения. Формирование в конце третьего хронологического периода объединенного северо-осетинского — западно-грузинского варианта было, вероятно, облегчено именно этим обстоятельством. Именно через Фаскау, минуя Южную Осетию и Тлийский могильник, развивались контакты между северо-осетинским и западно-грузинским вариантами. Фаскау и, в целом, Дигория выступали здесь как контактная зона, в которой мастера творчески перерабатывали различные культурные традиции.

Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л. (репринт: М., 1996).

Абрамшвили Р.М., 1957. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. Т.ХІХ-А, ХХІ-В. Тбилиси (на груз. яз.).

Барамидзе М.В., 1974. Из истории материальной культуры Шида Картли (погребальный комплекс «знатного воина» из с.Агаиани) // МАГК. Т.VI. Тбилиси (на груз. яз.).

Бжаня Д.С., 1985. Инкрустированный топор из с.Джирхуа // АОА-1981-1982. Тбилиси.

Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., 1975. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР // СА. № 2.

Газдапуштаи Д., 1962. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу // Диссерт. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Л.

Джапаридзе О.М., 1953. Бронзовые топоры Западной Грузии // СА. Вып.ХVІІІ.

Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.

Дудко О.А., 1961. Опыт классификации археологического материала из Галиатского могильника «Фаскау» // Археологический сборник. М.

- Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.
- Иващенко М.М., 1941. Материалы к изучению культуры колхов // МИГК. Вып.2.
- Иессен А.А., 1935. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Из истории древнейшей металлургии Кавказа // Известия ГАИМК. Вып.120. М.-Л.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев.
- Иремашвили Ш., 1975. Впервые в археологии // Друзья памятников. № 39. Тбилиси (на груз. яз.).
- Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
- Козенкова В.И., 1998а. К интерпретации малоизвестной коллекции кобанских древностей из Берлинского музея древней истории. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б.Пиотровского. Тезисы докладов. СПб.
- Козенкова В.И., 1998б. Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь.
- Коридзе Д.Л., 1965. К истории колхской культуры. Тбилиси (на груз. яз.).
- Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Лордкипанидзе О., 1989. Наследие древней Грузии. Тбилиси.
- Микеладзе Т.К., Папуашвили Р.И., Чубинишвили Н.Т., 1991. Колхидская экспедиция // ПАИ-1982. Тбилиси.
- Никулицэ И.Т., 1987. Северные фракийцы в VI — I вв. до н.э. Кишинев.
- Окропиридзе Н.И., Барамидзе М.В., 1974. Палурское «Садзвле» // МАГК. Т. VI. Тбилиси (на груз. яз.).
- Панихава Л.Н., 1975. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси.
- Панихава Л.Н., 1988. Памятники художественного ремесла колхидской культуры. Тбилиси (на груз. яз.).
- Панихава Л.Н., Киквидзе Я.А., Авалишвили Г.Б., 1978. О некоторых элементах колхидо-кобанской бронзы в искусстве скифского «звериного стиля» // ВГМГ. Т.38-В. Тбилиси.
- Погребова М.Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Рашишвили А.Т., 1974. Из истории материальной культуры Колхети (Колхиды). Батуми (на груз. яз.).
- Сазонов А.А., 1994. К вопросу о хронологии протомеотских колесничных наборов в эпоху киммеро-скифских походов // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.
- Скаков А.Ю., 1997а. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М.
- Скаков А.Ю., 1997б. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Скаков А.Ю., 1998а. Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь.
- Скаков А.Ю., 1998б. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Вып.4. Армавир-М.
- Техов Б.В., 1968. Археологическое изучение Южной Осетии за 50 лет Советской власти // Известия ЮОНИИ. Вып. XV. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1971. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1980а. Глийский могильник. Часть I. Тбилиси.
- Техов Б.В., 1980б. Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э. по материалам Глийского могильника. М.
- Техов Б.В., 1988. Бронзовые топоры Глийского могильника. Тбилиси.
- Трапи М.М., 1969. Труды. Т.2 (Древний Сухуми). Сухуми.
- Трапи М.М., 1970. Труды. Т.1 (Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии). Сухуми.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М.
- Уварова П.С., 1904. Кавказ. Путевые заметки. Ч. III. Рача, Горийский уезд, горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. М.
- Шамба Г.К., 1984. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми.
- Элиава Г., 1987. Археологические материалы Петрес Накару. Тбилиси (на груз. яз.).
- Hancar Fr., 1934. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischen Altertummer // WPZ. XXI. Wien.
- Hancar Fr., 1935. Zum Problem des Kaukasischen Tierstils // MAG. Band LXV. Heft V-VI. Wien.
- Motzenbacher I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin.
- Sulimirski T., 1962. Eine Kobaner Prachtaxt von Winniza (Ukraine) // MAG. Band 92. Wien.

Иллюстрации

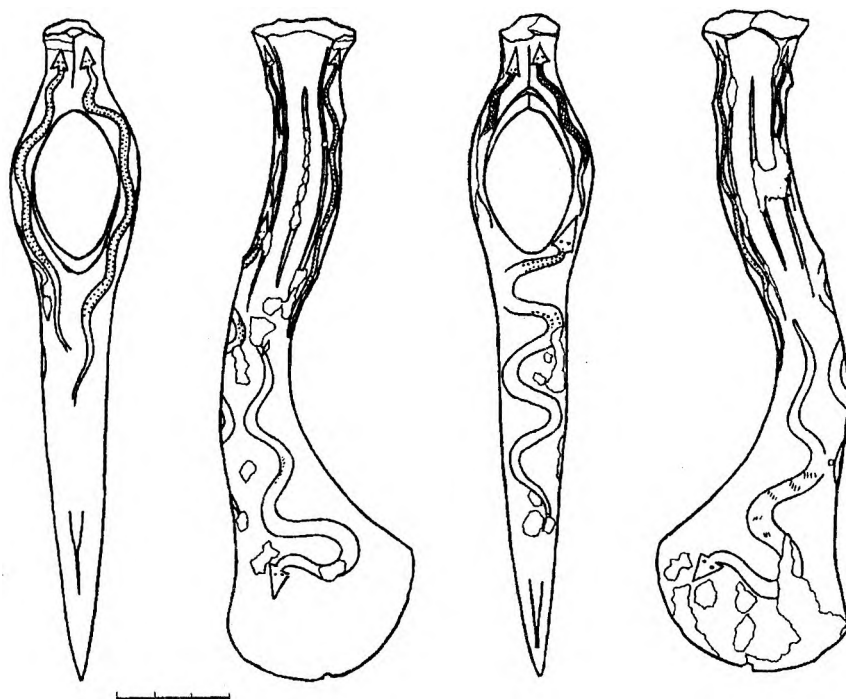

Рис.1. Орнаментированный топор подгруппы 1/2 (ГИМ, 497/201) из Фаскау

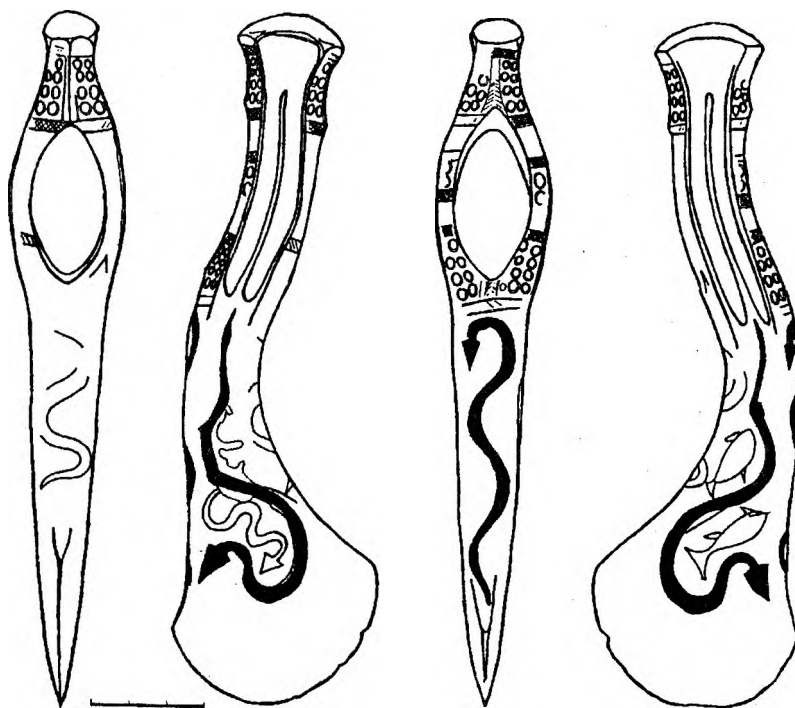

Рис.2. Орнаментированный топор подгруппы 1/2 (ГИМ, 497/202) из Фаскау

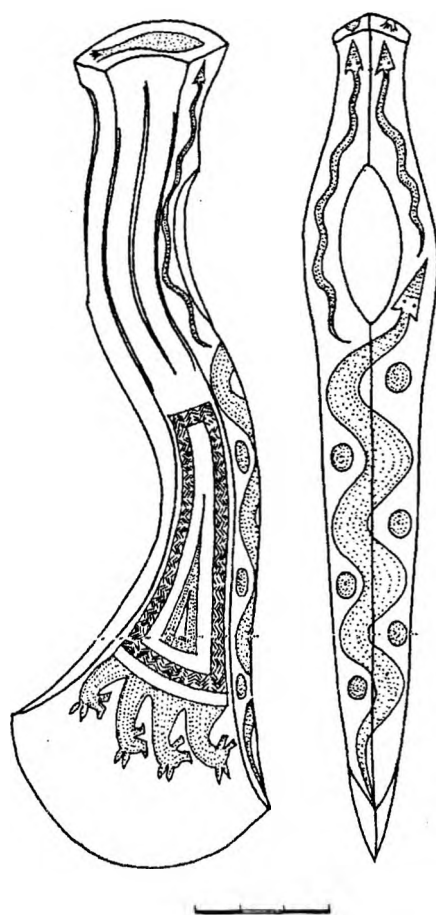

Рис.3. Орнаментированный топор подгруппы 2/6 (ГИМ, 497/161) из Фаскау

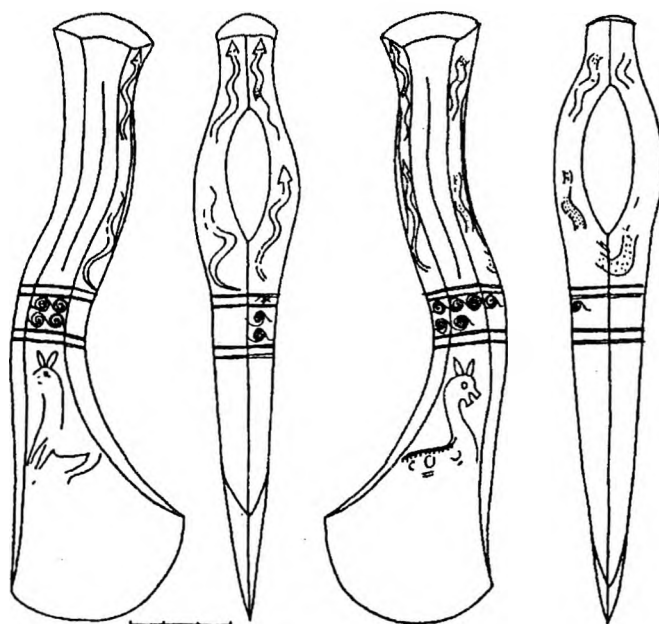

Рис.4. Орнаментированный топор группы 5 (ГИМ, 1322/44) из Камунты

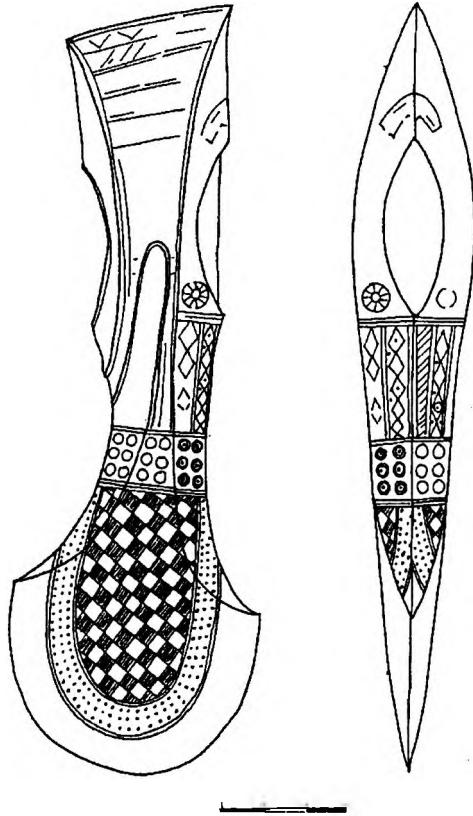

Рис.5. Орнаментированный топор группы 11 (ГИМ, 497/256) из Фаскау

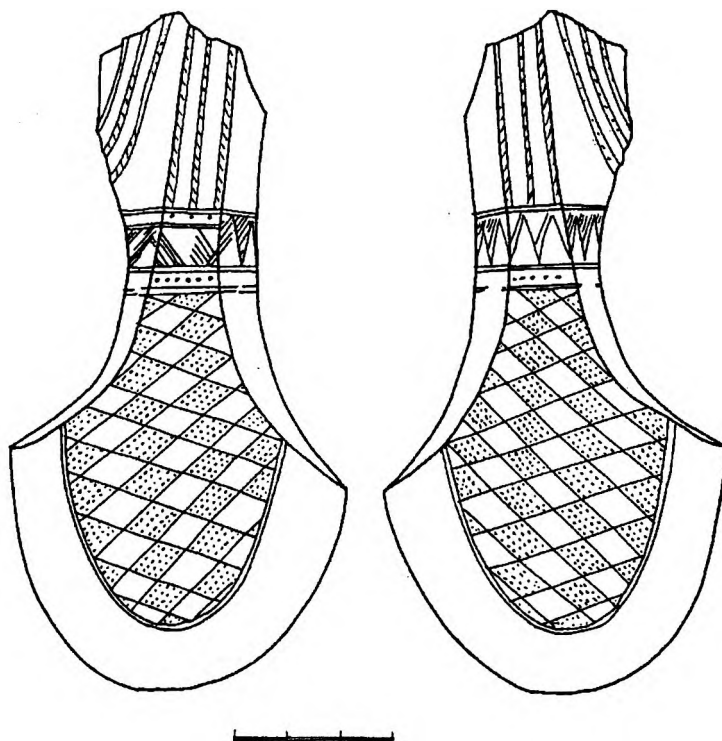

Рис.6. Орнаментированный топор группы 11 (ГИМ, 1765/211) из Рахты (?)

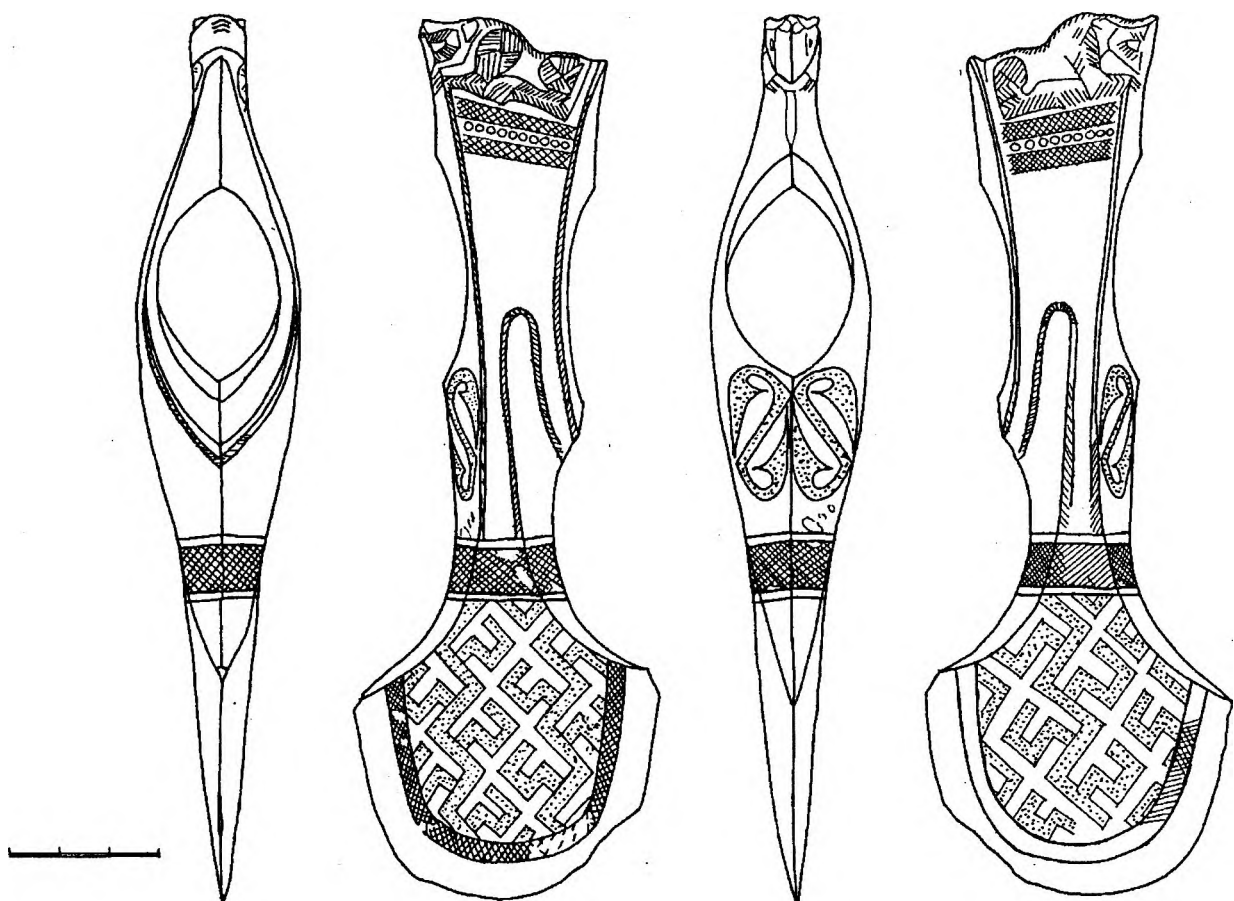

Рис.7. Орнаментированный топор подгруппы 15/2 (ГИМ, 497/300) из Фаскау

А.П.Мошинский

БРАСЛЕТЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ГАСТОН УОТА (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)*

Предметом данной статьи является анализ самой многочисленной группы вещей, найденных в кобанском могильнике Гастон Уота, расположенном в Дигорском ущелье Северной Осетии. Этот могильник, исследуемый экспедицией Государственного Исторического музея с 1987 г., уже неоднократно являлся темой наших публикаций (Мошинский А.П., 1988; 1994; 1995; Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994; Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 1996; Мастыкова А.В., Мошинский А.П., 1996). Для горной зоны центральной части Северного Кавказа VII–IV вв. до н.э. этот памятник является единственным, раскопанным достаточно широко и документированно. Классификация браслетов, установление их относительной и, по возможности, абсолютной хронологии позволит в дальнейшем построить значительно более дробную и устойчивую хронологическую шкалу для древностей позднекобанского периода и, соответственно, поставить исторические выводы на более прочную основу.

При классификации браслетов приняты следующие принципы. Весь массив материала состоит из двух отделов, включающих бронзовые и железные экземпляры. Бронзовые и железные браслеты рассматриваются отдельно, так как даже морфологически сходные экземпляры изготовлены по принципиально различным технологиям и зачастую относятся к различным хронологическим периодам. Внутри отдела, заключающего в себя бронзовые браслеты, материал разбит на разделы: браслеты стержневые и браслеты пластинчатые. Каждый из разделов в свою очередь состоит из подразделов, отражающих основные особенности технологии: браслеты литые, согнутые из проволоки или пластины и т.д. Далее следует деление на группы в зависимости от морфологических особенностей браслетов: браслеты с несомкнутыми или заходящими друг за друга концами. Такие браслеты в свою очередь разделяются на подгруппы по степени закрученности: не более чем в полто-

ра оборота, в два с половиной оборота и т.д. Затем следует деление на типы. Вслед за А.В.Арциховским (Арциховский А.В., 1930) и другими исследователями, в том числе и работавшими со сходным материалом, типоборазующим признаком принято считать оформление концов браслетов. Внутри типов выделяются подтипы по характеру и размеру сечения браслетов. На варианты браслеты разделяются по оформлению поверхности: рифленные, гладкие, гладкие с насечками и т.д. Все прочие признаки являются индивидуальными и на классификацию не влияют.

Браслеты, найденные в могильнике Гастон Уота, изготовлены как из бронзы, так и из железа. Всего в комплексах памятника обнаружено 127 экземпляров.

Отдел 1: браслеты бронзовые (124 экз.).

По особенностям изготовления все бронзовые браслеты разделены на два раздела — стержневые и пластинчатые.

Раздел 1. Браслеты стержневые (120 экз.).

Совершенно права В.Г.Петренко (Петренко В.Г., 1978, с.49), называя все браслеты в виде согнутого стержня дрововыми. Слово «дрот» происходит от немецкого «der Draht» — «проволока» и именно так и объясняется в словаре В.Даля. Таким образом, дрововыми могут именоваться только браслеты, изготовленные из проволоки. Чтобы не вносить терминологическую путаницу, мы полностью отказались от этого термина.

Подраздел 1. Браслеты литые (99 экз.).

Все браслеты этого подотдела относятся к группе браслетов с несомкнутыми концами.

Тип 1. Браслеты с зооморфными объемными концами (39 экз.).

Подтип 1. Браслеты в виде стержня круглого сечения, уплощенного с внутренней стороны. Стержень в поперечнике не более 0,6 см (25 экз.).

* Статья подготовлена к печати при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда в рамках программы «Могильник Гастон Уота — эталонный памятник позднекобанской культуры», № проекта 98-01-00160.

Вариант 1. Браслеты с гладкой внешней поверхностью, по которой нанесены насечки. Диаметр браслетов: 5,2–6,2 см. (рис.1, 2-5; 11 экз.).

Найдены в погребениях 7, 9, 12 и 13. Браслеты различаются по характеру и группировке насечек, а также по характеру оформления зооморфной головки. Насечки могут быть только поперечными и располагаться по всей поверхности браслета (экземпляр из погребения 13), занимать участки, примыкающие к звериным головкам (два экземпляра из погребения 7 и два — из погребения 9), располагаться группами по поверхности браслета (экземпляр из погребений 7 и 9). Поперечные насечки могут чередоваться с насечками в виде косых крестов и занимать как всю поверхность браслета (экземпляр из погребения 7 и два экземпляра из погребения 12), так и располагаться группами.

В ряде случаев зооморфная головка имеет оформленные уши (4 экз. из погребения 7 и по одному экземпляру из погребений 12 и 13).

На небольшой выборке мы не имеем оснований говорить о значимости этих частных признаков.

Вариант 2. Браслеты с рифленой внешней поверхностью. Диаметр браслетов 5,7–7,0 см (рис.1, 6-8; 14 экз.).

Найдены в погребениях 7 (3 экз.), 9 (1 фрагмент), 11 (1 экз.), 12 (2 экз.) и 19 (7 экз.).

Головки всех браслетов этого варианта имеют условно очерченные уши.

Крупное рифление на спинках этих браслетов во всех случаях сопровождается поперечными насечками. Особо выделяется фрагмент браслета из погребения 9, на нем менее всего присутствует рифление, но максимально — насечки. Насечками покрыта даже передняя часть зооморфной головки. У всех браслетов из погребения 7 и у одного — из погребения 12 насечками покрыта гладкая часть, примыкающая к звериной головке. У второго браслета из погребения 12, экземпляра из погребения 11 и четырех браслетов из погребения 19 насечки проходят непосредственно по рифленой поверхности, причем участки с насечками чередуются со свободными от них. Необходимо отметить, что у этих двух браслетов рифление более крупное.

Браслеты этого варианта относятся к XI типу по В.И.Козенковой (Козенкова В.И., 1982, с.48). Аналоги известны из могильника Фаскау (собрание Дзелихова, ГИМ Б 497/977) и памятников VI–V вв. до н.э. восточного варианта кобанской культуры: Лугового могиль-

ника (Мунчаев Р.М., 1963, рис.18, 2, 3; 31, 6, 7; 33, 5-10) и Ца-Ведено (Козенкова В.И., 1973, рис.2, 6, 7).

Подтип 2. Браслеты с полностью гладкой внешней поверхностью. Диаметр браслетов 4,4–5,1 см (рис.1, 1). (2 экз.).

Оба в погребении 12. Головки выделены, но не проработаны.

Подтип 3. Браслеты в виде массивного изогнутого стержня округлого сечения, уплощенного с внутренней стороны. Стержень в поперечнике более 0,9 см.

Браслеты, отнесенные нами ко второму подтипу первого типа, В.И.Козенкова причисляет к типу 10 своей классификации и датирует скифским временем (Козенкова В.И., 1982, с.48).

Известно 10 экз. Все браслеты этого подтипа происходят только из погребения 19.

Вариант 1. Браслеты с гладкой поверхностью. Рифление только на коротком участке около зооморфных голов (рис.2, 1; 4 экз.).

Глазау зооморфных головок в виде небольших окружностей. За глазами двойной уголок. Уши показаны в виде сильно вытянутых треугольников, одна из сторон которых прочерчена двойной линией с внутренней штриховкой.

Ближайшие аналогии браслетам этого варианта присутствуют в могильнике Фаскау (собрание Дзелихова, ГИМ Б 497/642, 1102; собрание В.И.Долбежева, ГИМ Б 1747/838). Браслеты со сходно показанными ушами, но с частично рифленой поверхностью, происходят из клады в могильнике Верхняя Рутха (раскопки Е.И.Крупнова, ГИМ Б 550/39, 41, 42 — Крупнов Е.И., 1960, с.231, табл.XLVI) и из могильника Фаскау (собрание Дзелихова, ГИМ Б 497/974). Браслеты этого же варианта с полностью гладкой поверхностью, но без гравированных ушей обнаружены в том же кладе из могильника Верхняя Рутха (раскопки Е.И.Крупнова, ГИМ Б 550/41, 42 — Крупнов Е.И., 1960, с.231), в могильнике Фаскау (собрание В.И.Долбежева, ГИМ Б 1747/837; в собрании Дзелихова, ГИМ Б 497/120, 121, 241, 641, 1061, 1062, 1064) и в могильнике у сел.Каррас в урочище Чеснок Гора (раскопки Д.Я.Самоквасова, ГИМ Б 1757/1788).

Браслеты с частично рифленой поверхностью известны из того же клады могильника Верхняя Рутха (раскопки Е.И.Крупнова, ГИМ Б 550/41,42 — Крупнов Е.И., 1960, с.231) и из гробницы 4 могильника у сел.Каррас в урочище Чеснок Гора (раскопки Д.Я.Самоквасова, ГИМ Б 1757/1813). Последний комплекс может быть датирован VI в. до н.э.

Клад из Верхней Рутхи можно датировать по пряжке рубежом VI–V вв. до н.э.

Вариант 2. Браслеты с рифленой поверхностью (6 экз., рис.2, 2).

Оформление головок близко к первому варианту, уши отсутствуют.

Аналогичные браслеты известны из уже неоднократно упоминавшегося клада из могильника Верхняя Рутха (раскопки Е.И.Крупнова, ГИМ Б 550/40, 43, 45 — Крупнов Е.И., 1960), из могильника Фаскау (собрание Дзелихова, ГИМ Б 497/240), из могильника у с.Каррас (собрание Сванидзе, ГИМ Б 1764/23) и из Лугового могильника (Мунчаев Р.М., 1963, рис.19, 1, 2; 25, 4-7).

Браслеты этого варианта (как и первого) можно датировать по кладу из Верхней Рутхи временем не позже рубежа VI–V вв. до н.э.

Подтип 4. Браслеты с поверхностью в виде стержня подчетыреугольного сечения. Диаметр браслетов 6,1–6,5 см (рис.2, 3, 4; 2 экз.).

Для браслетов этого подтипа характерно оформление внешней поверхности тулова. Секции рифленого тулова с боковых сторон украшены ямками.

По одному браслету из погребений 7 и 13. Головки этих браслетов графически не проработаны и только по своей характерной конфигурации могут считаться зооморфными. У браслета из погребения 13 ямки на секциях тулова чередуются с косыми прочерченными линиями.

Два аналога браслетам этого подтипа известно из могильника Рутха — собрание В.И.Долбежева (ГИМ Б 1286/132, 133). Один аналогичный браслет найден автором этой работы при раскопках практически полностью ограбленного погребения 3 могильника Верхняя Рутха.

Тип 2. Браслеты с зооморфными уплощенными сверху концами (рис.2, 5; 3 экз.).

Все браслеты с полностью гладкой внешней поверхностью. Все предметы происходят из погребения 9.

Тип 3. Браслет с одним зооморфным уплощенным сверху концом (рис.2, 6; 1 экз.).

Происходит из погребения 2. Тонкий, с гладкой поверхностью. Выделяется из общей массы браслетов малым диаметром — 3,7 см. Зооморфный конец крест накрест перечеркнут гравированными линиями, глаза отмечены точками, в передней части «морды» — короткие продольные насечки.

Тип 4. Браслеты с зооморфными уплощенными с боков концами (35 экз.).

Подтип 1. Браслеты со стержнем подовального сечения, стержень уплощен с внутренней стороны (33 экз.).

Вариант 1. Браслет с полностью гладкой внешней поверхностью (рис.3, 1).

Известен 1 экз. из погребения 9. Уши зооморфной головки не обозначены, прочерчен рот и отмечены точками глаза.

Вариант 2. Браслеты с гладкой внешней поверхностью, по которой нанесены насечки (рис.3, 2; 2 экз. — в погребениях 9 и 13).

У зооморфных головок обоих браслетов прочерчен только рот. Насечки покрывают всю внешнюю поверхность браслетов.

Вариант 3. Браслеты с рифленой внешней поверхностью (рис.3, 3, 4; 30 экз.). Шесть браслетов происходят из погребения 7 (четыре найдены *in situ* на руках костяка 1 — по два на каждой руке); четыре — из погребения 12, 15 — из погребения 15 и четыре — из погребения 19; один браслет — случайная находка на могильнике. У 11 браслетов не прочерчены уши (у двух браслетов с левой руки костяка 1 погребения 7, еще у двух браслетов из этого же комплекса, у трех браслетов из погребения 15 и у всех браслетов из погребения 19). У 9 браслетов не отмечены глаза — у одного из погребения 15 и у всех вышеупомянутых, кроме двух браслетов из погребения 19 и одного экземпляра из погребения 15, где глаза, как и на браслете из того же комплекса, но с прочерченными ушами, обозначены точками. В зооморфных головках остальных браслетов (с прочерченными ушами) глаза показаны концентрическими окружностями. Обращают на себя внимание два браслета из погребения 15, зооморфные головки которых выполнены более реалистично — рот обведен двойной линией, пасть заглублена, острые уши имеют вытянутую листовидную форму с обозначенной ушной раковиной. Два браслета из этого же комплекса выделяются несколько большей массивностью — диаметр стержня доходит до 0,7 см.

Браслетам этого варианта известны довольно многочисленные аналогии из дигорских могильников: Рутха — три экземпляра из собрания В.И.Долбежева (ГИМ Б 1286/8,9, 136) и один из собрания П.С.Уваровой (ГИМ Б 1158/17); Хор-Гон — два экземпляра из собрания В.И.Долбежева (ГИМ Б 1286/328, 346); Фаскау — два экземпляра из грабительских раскопок Х.Канукова (ГИМ Б 521/4) и Б.Дзелихова (ГИМ Б 497/790). Помимо Дигории, один экземпляр браслета этого же варианта известен из с.Карца — собрание Долбежева В.И. (ГИМ Б 1755/3).

Подтип 2. Браслеты со стержнем подчетыреугольного сечения (рис.3, 5, 6).

Все браслеты этого подтипа имеют характерное оформление внешней поверхности стержня. Каждая секция рифленого стержня с боковых сторон украшена ямками или концентрическими окружностями. Стержень этих браслетов уплощен с боковых сторон.

Известно 3 экз. Два — из погребения 7 и один — из погребения 15. Последний, кроме этого, имеет желобок, проходящий по спинке браслета, и косые насечки на боковых гранях в части, прилегающей к зооморфной головке. Экземпляры из погребения 7 имеют глаза в форме концентрических окружностей и уши. У браслета из погребения 15 глаза обозначены точками, уши не обозначены.

Тип 5. Браслеты с псевдозооморфными концами (рис.4, 1, 2; 3 экз.).

Найдены в погребениях 7, 15 и 19. Браслеты из погребений 7 и 19 имеют овальное сечение стержня, экземпляр из погребения 15 — круглое. Все браслеты рифленые. У экземпляра из погребения 7 рифление более редкое и более длинные гладкие участки перед псевдозооморфными концами. Зооморфность концов у браслетов выражена только пластически.

Тип 6. Браслет с одним псевдозооморфным концом, второй конец приострен (рис.4, 3).

Единственный экземпляр происходит из погребения 3. Стержень браслета круглый, поверхность гладкая. По своему размеру (диаметр — 4 см) браслет близок к экземплярам из погребения 2 и 12, относящимся соответственно к типу 3 и второму варианту типа 1 данного подраздела. Браслет имеет эллипсоидную форму, один его конец утолщен, поверхность заштрихована поперечными насечками.

Тип 7. Браслеты с обрубленными концами (рис.4, 4; 2 экз.).

Вариант 1. Браслет с гладкой поверхностью из подовального уплощенного изнутри стержня. Диаметр — 6,0 см, диаметр стержня — 0,3 см.

1 экз. из погребения 20. Был найден на костях предплечья костяка 3.

Вариант 2. Браслет с круглым сечением стержня и рифленой поверхностью. Диаметр — 6,8 см. 1 экз. происходит из погребения 15.

Тип 8. Браслеты со скругленными концами (8 экз.).

Все браслеты этого типа подовальные в сечении.

Вариант 1. Браслеты с гладкой поверхностью (рис.4, 5). 2 экз.: из погребений 9 и 12.

Вариант 2. Браслеты с гладкой поверхностью, украшенной насечками (рис.4, 6, 7;

3 экз.: 2 — из погребения 9, 1 — из погребения 7).

У браслета из погребения 7 и одного из браслетов из погребения 9 насечками украшены части, прилегающие к концам, у второго экземпляра из погребения 9 насечки имеются в центральной части стержня.

Вариант 3. Браслеты с рифленой поверхностью (рис.4, 8; 3 экз.: из погребений 7, 9 и 19).

Тип 9. Браслеты с приостренными концами. Все браслеты этого типа подовальные в сечении (8 экз.).

Подтип 1. Браслеты диаметром 3,9–4 см.

Вариант 1. Браслеты с гладкой поверхностью (рис.5, 2; 2 экз.).

По одному — из погребений 2 и 12.

Подтип 2. Браслеты диаметром более 5,5 см.

Вариант 1. Браслеты с гладкой поверхностью (рис.5, 1; 3 экз.: один — из погребения 7 и два — из погребения 9).

Вариант 2. Браслеты с рифленой поверхностью (рис.5, 3; 3 экз.: два — из погребения 15, один — из погребения 19).

Части браслетов, примыкающие к концам — гладкие.

Подраздел 2. Браслеты, изготовленные из проволоки (13 экз.).

Все браслеты этого подотдела изготовлены из круглой бронзовой проволоки сечением диаметром 0,2–0,4 см. Поверхность всех браслетов гладкая. Все они происходят из погребения 15.

Группа 1. Несомкнутые браслеты (5 экз.).

Тип 1. Браслет с обрубленными концами (рис.5, 4; 1 экз.).

Тип 2. Браслеты с приостренными концами (рис.5, 5; 4 экз.).

Группа 2. Браслеты с заходящими друг за друга концами (8 экз.).

Подгруппа 1. Браслеты, закрученные не более чем в полтора оборота (7 экз.).

Тип 1. Браслеты с обрубленными концами (рис.5, 6; 3 экз.).

У одного браслета концы незначительно заходят друг за друга, два других экземпляра закручены в полтора оборота.

Тип 2. Браслеты с приостренными концами (рис.5, 7; 4 экз.).

У всех браслетов концы незначительно заходят друг за друга.

Подгруппа 2. Браслет, закрученный в два с половиной оборота. 1 экз. Соответственно, в подгруппу входит только один тип браслетов.

Тип 1. Браслет с обрубленными концами (1 экз., рис.5, 8).

Раздел 2. Пластинчатые браслеты (12 экз.).

Подраздел 1. Браслеты литые (10 экз.).

Группа 1. Несомкнутые браслеты (8 экз.).

Тип 1. Браслеты с отогнутыми концами (рис.6, 1).

В могильнике присутствуют только два браслета, поверхность которых оформлена двумя продольными каннелюрами. Оба происходят из погребения 2.

Тип 2. Браслеты с псевдозооморфными концами (3 экз.).

Концы браслетов выделяются своей меньшей шириной по отношению к общей ширине браслета.

Вариант 1. Браслет с поверхностью, орнаментированной гравированным орнаментом (рис.6, 3).

Обнаружен в одном экземпляре в погребении 18. Браслет шириной 1,6 см., орнаментирован двумя продольными фризами шириной 0,2 см, заполненными косыми насечками. Пространство между фризами заполнено вариантом бегущей спирали: кружки с точкой в центре, соединенные косой линией.

Вариант 2. Браслеты с гладкой поверхностью (рис.6, 2).

Известно два экземпляра — по одному в погребениях 7 и 12. Браслет из погребения 12 фрагментирован. В части, примыкающей к псевдозооморфному концу, у него имеется отверстие. Возможно, было также и второе, но из-за повреждения браслета установить это невозможно.

Вариант 3. Браслет с рифленой поверхностью (рис.6, 4) Вдоль браслета проходит желобок. Диаметр — 6,0 см, ширина пластины — 1,3 см.

Браслет происходит из погребения 21. Внешняя поверхность — выпуклая.

Тип 3. Браслеты с зооморфными концами, выделенными перехватом, с поверхностью, покрытой насечками (рис.6, 5; 2 экз.). Диаметр — 6 см, ширина пластины — 0,7 см.

Оба браслета происходят из погребения 20. Различаются деталями оформления. У одного из браслетов отсутствуют глаза. Вдоль браслета проходит гравированная полоса, по обе стороны которой располагаются направленные в одну сторону косые насечки. У второго браслета точками отмечены глаза, две такие же точки размещены выше ушей. Вдоль браслета проходят две линии, от которых во внешние стороны перпендикулярно отходят насечки.

Тип 4. Браслет с двумя парами спиральных завитков на каждом из концов (рис.6, 7).

Найден в погребении 19 на костях одной руки (оторванной от костяка) вместе с брас-

летами второго варианта второго подтипа первого типа и третьего варианта первого подтипа первого типа. Пластина браслета расширяется к центральной части до 3,7 см и сужается к концам до 0,6 см.

Браслет дополнительно украшен тремя полосками в виде шнуров. Две полоски проходят вдоль краев браслета, одна — посередине. Браслет отлит по сложносоставной восковой модели. Модели шнуров были дополнительно наложены на модель пластины. В погребении браслет был поврежден огнем, и шнуры в некоторых местах отошли от пластины. Внутренняя поверхность браслета крайне плохо обработана, что заставляет высказать предположение о том, что он был изготовлен специально для погребения.

Ближайшая аналогия этому браслету происходит из каменного ящика 2 могильника Хор-Гон. Морфологически же он практически полностью идентичен, лишь крайне незначительно отличаясь в своих пропорциях. В.И.Долбежев относил этот браслет к первому костяку из этого погребения, несмотря на то, что вещь была найдена не *in situ* (не на костях руки), а на полу погребения — «напротив тазовых костей нижнего скелета». Второй же костяк лежал на первом, причем так, что часть костей обоих погребенных перемешалась. Таким образом, по условиям находки данный браслет может быть отнесен как к первому костяку, так и ко второму. В.И.Козенкова, справедливо определив нижний костяк как относящийся к протокобанскому времени, а поздний к позднекобанскому, вслед за В.И.Долбежеем отнесла браслет к нижнему костяку. В правильности этого определения ее убедили имеющиеся в древностях Венгрии пластинчатые браслеты с четырьмя завитками, датируемые XIII в. до н.э. (Козенкова В.И., 1989, с.32). Более близких аналогий до находки в 1996 г. браслета из Гастон Уота не было. Предмет казался уникальным и чужеродным в кобанской культуре. Соответственно, XIII–XII вв. до н.э. ею был датирован и браслет из Хор-Гона (Козенкова В.И., 1982а, с.17; 1996, табл.50). Нам представляется, что столь близкое морфологическое сходство двух достаточно сложных предметов не могло быть случайным. Судя по условиям находки браслета в погребении 19, он, как и экземпляр из Хор-Гона, не может быть датирован временем ранее VI в. до н.э.

Группа 2. Браслеты с заходящими друг за друга концами.

Тип 1. Браслеты из узкой линзовидной в сечении пластины, закрученные в три с половиной

Классификация							№.№ погребений							ОПИСАНИЕ			
ОТДЕЛ	РАЗДЕЛ	ПОДРАЗДЕЛ	ГРУППА	ПОДГРУППА	ТИП	ПОДТИП	ВАРИАНТ	2	19 раннее	9	7	12	13		15	19 позднее	11
1	1	1			9	1		1				1					С приостренными концами, с гладкой поверхностью, маленького диаметра
1	1	1			1	1	2		7		3	2				1	С зооморфными объемными концами с рифленой внешней поверхностью
1	1	1			8		3	1	1	1							Со скругленными концами с рифленой поверхностью
1	1	1			1	1	1			5	5	2	1				С зооморфными объемными концами с гладкой поверхностью, по которой нанесены насечки
1	1	1			9	2	1			2	1						С приостренными концами, с гладкой поверхностью
1	1	1			8		2			2	1						Со скругленными концами, с гладкой поверхностью, по которой нанесены насечки
1	1	1			8		1			1		1					Со скругленными концами с гладкой поверхностью
1	1	1			4	1	2			1			1				С зооморфными уплощенными с боков концами, с гладкой поверхностью, по которой нанесены насечки
1	2	1	1		2		1				1	1					Пластинчатые с псевдозооморфными концами, с гладкой поверхностью
1	2	2			2						3	1					Пластинчатые (из тонкой пластины) со скругленными концами
1	1	1			1	4					1		1				С зооморфными объемными концами, со стержнем подчетыреугольного сечения
1	1	1			4		3				6	4		15	4		С зооморфными уплощенными с боков концами, с рифленой поверхностью
1	1	1			4		2				2			1			С зооморфными уплощенными с боков концами, со стержнем подчетыреугольного сечения
1	1	1			5						1			1	1		С псевдозооморфными объемными концами
1	1	1			9	2	2							2	1		С приостренными концами с рифленой поверхностью
1	2	2			2		1							1	1		Пластинчатые (из тонкой пластины), с обрубленными концами

Таблица 1

Классификация								№№ погребений								ОПИСАНИЕ		
Отдел	Раздел	Подраздел	Группа	Подгруппа	Тип	Подтип	Вариант	2	3	19 раннее	9	12	15	14	18		21	20
1	2	1	1		1			2										Пластинчатые, литые, с отогнутыми концами, канелированные
1	1	1			3			2										С одним зооморфным уплощенным сверху концом, второй - приострен
1	1	1			6			2	3									С одним псевдозооморфным концом, второй - приострен
1	2	1	1		4			2										Пластинчатые, литые, с двумя парами спиральных завитков на концах
1	1	1			1	3	1		10									С зооморфными объемными концами, с гладкой поверхностью
1	1	1			1	3	2		6									С зооморфными объемными концами, с рифленой поверхностью
1	1	1			2					3								С зооморфными уплощенными сверху концами
1	1	1			4	1	1			1								С зооморфными уплощенными с боков концами, с гладкой поверхностью
1	1	1			1	2					2							С зооморфными объемными концами, с гладкой поверхностью (малого диаметра)
1	1	1			7		2											С обрубленными концами, с рифленой поверхностью
1	1	2	1		1						3							Проволочные, несомкнутые с обрубленными концами
1	1	2	1		2													Проволочные, несомкнутые с приостренными концами
1	1	2	2	1	1						3							Проволочные, закрученные в 1,5 оборота с обрубленными концами
1	1	2	2	1	2						1							Проволочные, закрученные в 1,5 оборота с приостренными концами
1	1	2	2	2	1						1							Проволочные, закрученные в 2,5 оборота с обрубленными концами
2					1													Железные, стержневые с утолщениями на концах
2					2										1			Железные с бусиновидными утолщениями по поверхности
1	2	1	1		2		2									5		Пластинчатые, литые с псевдозооморфными концами, гравированные
1	2	1	1		3		2										1	Пластинчатые, литые с псевдозооморфными концами, рифленые
1	2	1	2		1												2	Пластинчатые, литые в 3,5 оборота
1	1	1			7		1											С обрубленными концами, с гладкой поверхностью
1	2	1	1		3												12	Пластинчатые литые с зооморфными концами, выделенными перехватом
2					?												12	Железные, плохой сохранности

Таблица 2

оборота (рис.6, б; 2 экз.). Диаметр браслетов 4,6–4,7 см., ширина пластины — 0,4 см.

Оба экземпляра происходят из погребения 21 (впускное детское погребение).

Подраздел 2. Браслеты, согнутые из тонкой пластины (6 экз.).

Тип 1. Браслеты с прямыми краями (рис.6, 8).

2 экз. — по одному из погребений 15 и 19. Оба браслета покрыты пуансонным орнаментом в виде меандра. У одного из концов браслета из погребения 15 пробито отверстие (у браслета из погребения 19 сохранился только один конец — без отверстия). Ширина пластин 2,3–2,5 см.

Тип 2. Браслеты с закругленными краями (рис.6, 9).

4 экз. — три из погребения 7 и один — из погребения 12. Все браслеты имеют полосы пуансонного орнамента вдоль краев. Экземпляр из погребения 12 имеет отверстие у края (второй край не сохранился).

Отдел 2. Железные браслеты (4 экз.)

Тип 1. Браслеты со стержнем круглого сечения с утолщениями на концах (рис.6, 10; 2 экз., оба — из погребения 15).

Тип 2. Браслеты со стержнем округлого сечения с бусиновидными утолщениями по поверхности (рис.6, 11; 1 экз. из погребения 14).

1 браслет (погребение 20) не может быть размещен в классификационной схеме из-за своей плохой сохранности.

На основании взаимовстречаемости браслетов в погребальных комплексах мы можем построить таблицу (таблица 1). Распределение по погребениям разновидностей браслетов, встреченных только в одном из комплексов могильника (изоляты), отражено в таблице 2. Браслеты были встречены только в 10 комплексах могильника, причем в первую из таблиц — собственно в таблицу взаимовстречаемости — попали браслеты только из восьми погребений (№№ 2, 7, 9, 11-13, 15, 19). Погребение 19 в отличие от всех остальных комплексов могильника содержало материалы двух различных эпох — соответственно и браслеты в таблицах разнесены по двум разным столбцам: 19 р (раннее) и 19 п (позднее).

Погребения 2 и 11 объединены с остальными комплексами только через один из типов браслетов каждое. Колонки, отражающие браслеты из этих погребений, размещены в правой части таблицы 1. В самой левой колонке размещены ранние материалы из погребения 19, в самой верхней строке — наиболее часто встречающийся вариант браслета (из обнаруженных среди ранних материалов

погребения 19). Все остальные колонки и строки размещены по степени взаимосвязи с первыми.

В результате на таблице можно выделить две основные группы браслетов (раннюю и позднюю), которые отмечены соответственно в левом верхнем и правом нижнем углах таблицы. Между ними располагается достаточно размытая промежуточная группа. Надо отметить, что вообще все границы групп — нечеткие. Это связано с относительно коротким промежутком времени, который охватывают, присутствующие в таблице погребения: с конца VI в. до н.э. (ранние материалы погребения 19) по начало IV в. до н.э. (погребение 15). Исключение составляет лишь погребение 2, которое относится, возможно, к VII в. до н.э. Но именно это погребение связано с основным массивом лишь одним признаком и находится вне отмеченных групп. Таким образом, все развитие браслетов, прослеженное в таблице, происходило максимум в течение полутора веков, что для достаточно консервативного горного общества является небольшим сроком. Картину несколько смазывает и погребение 7, в котором присутствует подавляющее большинство типов браслетов. Что, впрочем, неудивительно и объясняется датировкой этого комплекса серединой V в. до н.э., что в свою очередь является серединой периода, отраженного в таблице. При обилии материала в этом комплексе совершенно естественно то, что в нем присутствуют типы браслетов, и материалы, характерные для более позднего.

Тем не менее, мы на основании таблицы с достаточно большой долей уверенности можем говорить о том, что разновидности браслетов, размещенные в первых четырех строках таблицы (варианты два и три первого подтипа первого типа, вариант три восьмого типа и первый вариант девятого типа) являются ранними, а в последних пяти (вариант три первого подтипа четвертого типа, второй подтип этого же типа, второй вариант девятого типа, пятый и восемнадцатый тип) — поздними.

По результатам анализа таблицы 1 с привлечением материалов из таблицы 2 (таблица изолятов) мы можем представить себе общую картину развития браслетов (при описании для экономии места и избежания повторов мы будем пропускать слова «стержневые, литые». По умолчанию, таковым будет любой бронзовый не пластинчатый и не проволоочный браслет.)

Наиболее ранними браслетами (VII — возможно, 1-я половина VI в. до н.э.) представ-

ляются экземпляры, присутствующие в погребениях 2 и, вероятно, 3: пластинчатые, литые, с отогнутыми концами, с каннелированной пластиной (тип 1 подраздела 2 раздела 1 отдела 1); с одним концом — зооморфным уплощенным сверху, а вторым — приостренным (тип 3 подраздела 1 раздела 1 отдела 1); близкий к последнему браслет из погребения 3 с одним концом — псевдозооморфным уплощенным сверху, а вторым также приостренным (тип 6 подраздела 1 раздела 1 отдела 1) и браслет из погребения 2 с приостренными концами и гладкой поверхностью малого диаметра (подтип 1 типа 9). Такой же браслет присутствует и в несколько более позднем погребении 12, что может быть связано с переживанием этой формы.

Ко 2-й половине VI в. до н.э. относятся ранние браслеты из погребения 19: пластинчатые, литые, с двумя парами спиральных завитков на каждом из концов (тип 4 подраздела 1 раздела 2 отдела 1) и браслеты с овальным в сечении массивным стержнем с гладкой и рифленой внешней поверхностью (1 и 2 варианты подтипа 3 типа 1 подраздела 1 раздела 1 отдела 1).

К этим браслетам примыкает ранняя группа браслетов, выявленная в первой таблице. В эту группу (преимущественно конец VI — 1-я половина V в. до н.э.) входят браслеты с зооморфными объемными концами с рифленой внешней поверхностью (вариант 2 подтипа 1 типа 1 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), и браслеты со скругленными концами с рифленой поверхностью (вариант 3 типа 8 подраздела 1 раздела 1 отдела 1).

Далее следует довольно большая группа браслетов, которые, вероятно следует датировать началом — серединой V в. до н.э.: браслеты с зооморфными объемными концами, с гладкой внешней поверхностью, по которой нанесены насечки (вариант 1 подтипа 1 типа 1 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), браслеты с приостренными концами с гладкой поверхностью (вариант 1 подтипа 2 типа 9 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), браслеты со скругленными концами с гладкой поверхностью и с гладкой поверхностью, украшенной насечками (варианты 1 и 2 типа 8 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), браслеты с зооморфными уплощенными с боков концами с гладкой внешней поверхностью и с гладкой внешней поверхностью, по которой нанесены насечки (варианты 1 и 2 подтипа 1 типа 4 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), и с зооморфными уплощенными сверху концами (тип 2, подраздела 1 раздела 1 отдела 1).

Следующая группа браслетов датируется серединой V в. до н.э. В нее входят: пластинчатые браслеты с псевдозооморфными концами с гладкой поверхностью (вариант 2 типа 2 подраздела 1 раздела 2 отдела 1), пластинчатые с закругленными концами (тип 2 подраздела 2 раздела 2 отдела 1), с зооморфными объемными концами со стержнем под четырехугольного сечения (подтип 4 типа 1 подраздела 1 раздела 1 отдела 1) и с зооморфными объемными концами с полностью гладкой внешней поверхностью (подтип 2 типа 1 подраздела 1 раздела 1 отдела 1).

К экземплярам, датированным 2-й половиной V — началом IV вв. до н.э., относятся браслеты с зооморфными уплощенными с боков концами с рифленой внешней поверхностью (вариант 3 подтипа 1 типа 4 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), с зооморфными уплощенными с боков концами, со стержнем под четырехугольного сечения (подтип 2 типа 4 подраздела 1 раздела 1 отдела 1), браслеты с псевдозооморфными концами (тип 5 подраздела 1 раздела 1 отдела 1).

К концу V — началу IV в. до н.э. относятся браслеты с приостренными концами с рифленой поверхностью (вариант 2 типа 9 подраздела 1 раздела 1 отдела 1); браслеты, согнутые из тонкой пластины с обрубленными концами (тип 1 подраздела 2 раздела 2 отдела 1); браслеты с обрубленными концами (вариант 2 типа 7 подраздела 1 раздела 1 отдела 1); все типы браслетов, изготовленных из бронзовой проволоки (подраздел 2 раздела 1 отдела 1), и железные браслеты (типы 1 и 2 отдела 2).

К первой трети IV в. до н.э. относятся браслеты: пластинчатые, литые, с псевдозооморфными концами, с поверхностью, орнаментированной гравированным орнаментом (вариант 2 типа 2 подраздела 1 раздела 2 отдела 1) и с рифленой поверхностью (вариант 3 типа 2 подраздела 1 раздела 2 отдела 1); браслет с гладкой поверхностью из подовального уплощенного внутри стержня (вариант 1 типа 7 подраздела 1 раздела 1 отдела 1); пластинчатые литые с зооморфными концами, выделенными перехватом, с поверхностью, покрытой насечками (тип 3 подраздела 1 раздела 2 отдела 1); браслеты из узкой линзовидной в сечении пластины, закрученные в три с половиной оборота (тип 1 группы 2 подраздела 1 раздела 2 отдела 1).

Таким образом, нам удалось для браслетов из могильника Гастон Уота составить типологию, привязанную к относительной и (менее жестко) к абсолютной хронологической шка-

ле. Так как этот материал содержит большую часть разновидностей браслетов, известных в центральной части Северного Кавказа в VII—IV вв. до н.э., мы надеемся, что проделанная

работа значительно облегчит дальнейшее исследование материальной культуры данного региона.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.
 Журавлев Д.В., Мошинский А.П., 1994. Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // РА, № 1.
 Козенкова В.И., 1973. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н.э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
 Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып.2–5. М.
 Козенкова В.И., 1982а. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА, № 3.
 Козенкова В.И., 1989. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) // СА, № 3.
 Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.
 Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
 Мастыкова А.В., Мошинский А.П., 1996. Стекланные бусы могильника Гастон Уота // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа.

XIX «Крупновские чтения». Тезисы докладов. М.
 Мошинский А.П., 1988. Жертвенник кобанского могильника Гастон Уота // XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала.
 Мошинский А.П., 1994. Хронология позднекобанского могильника Гастон Уота // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск.
 Мошинский А.П., 1995. Штандарты из кобанского могильника Гастон Уота // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры (Труды ГИМ. Вып. 87). М.
 Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 1996. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991–1995 гг. // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.
 Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.
 Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. // САИ. Вып.Д 4–5. М.

Иллюстрации

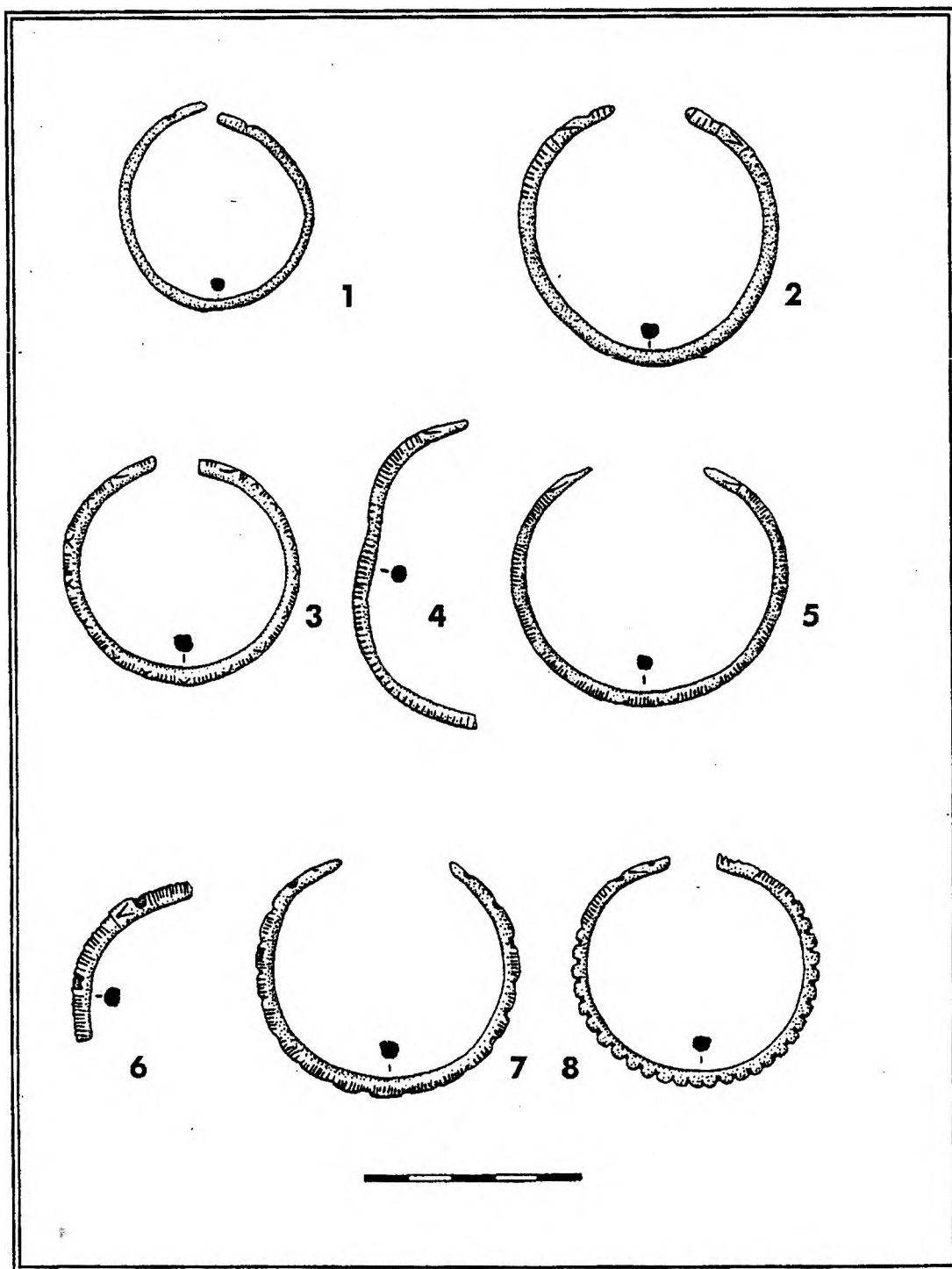

Рис.1

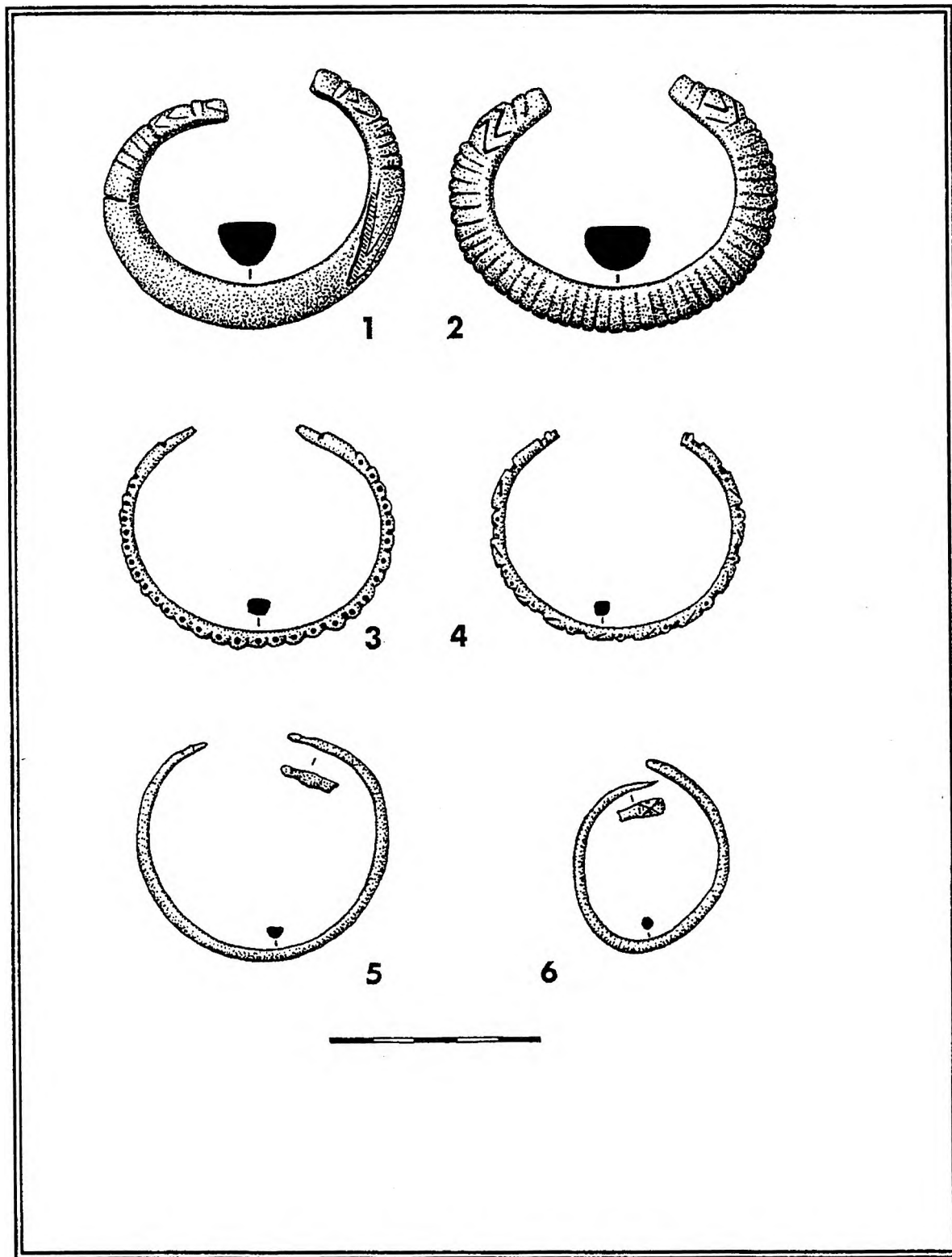

Рис.2

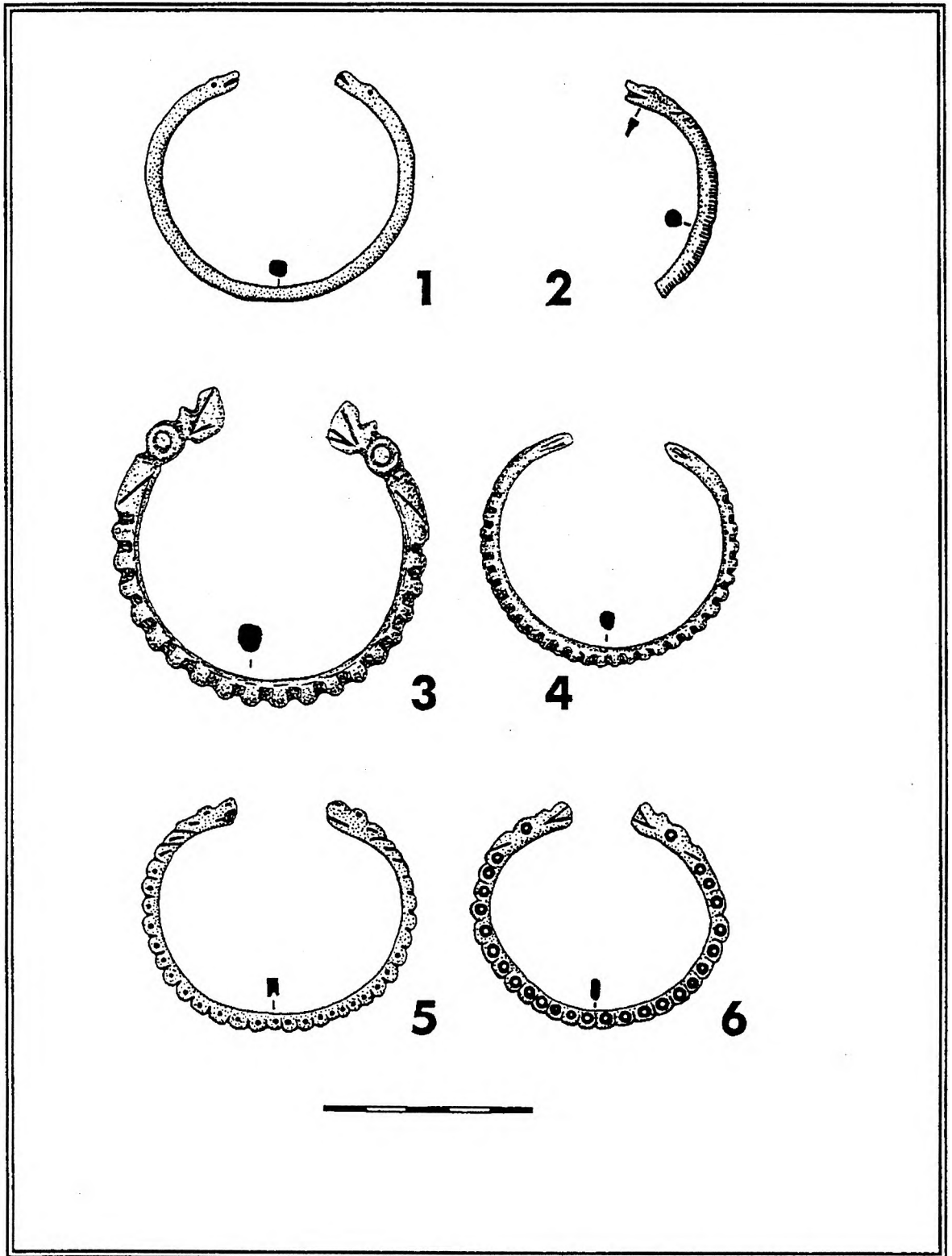

Рис.3

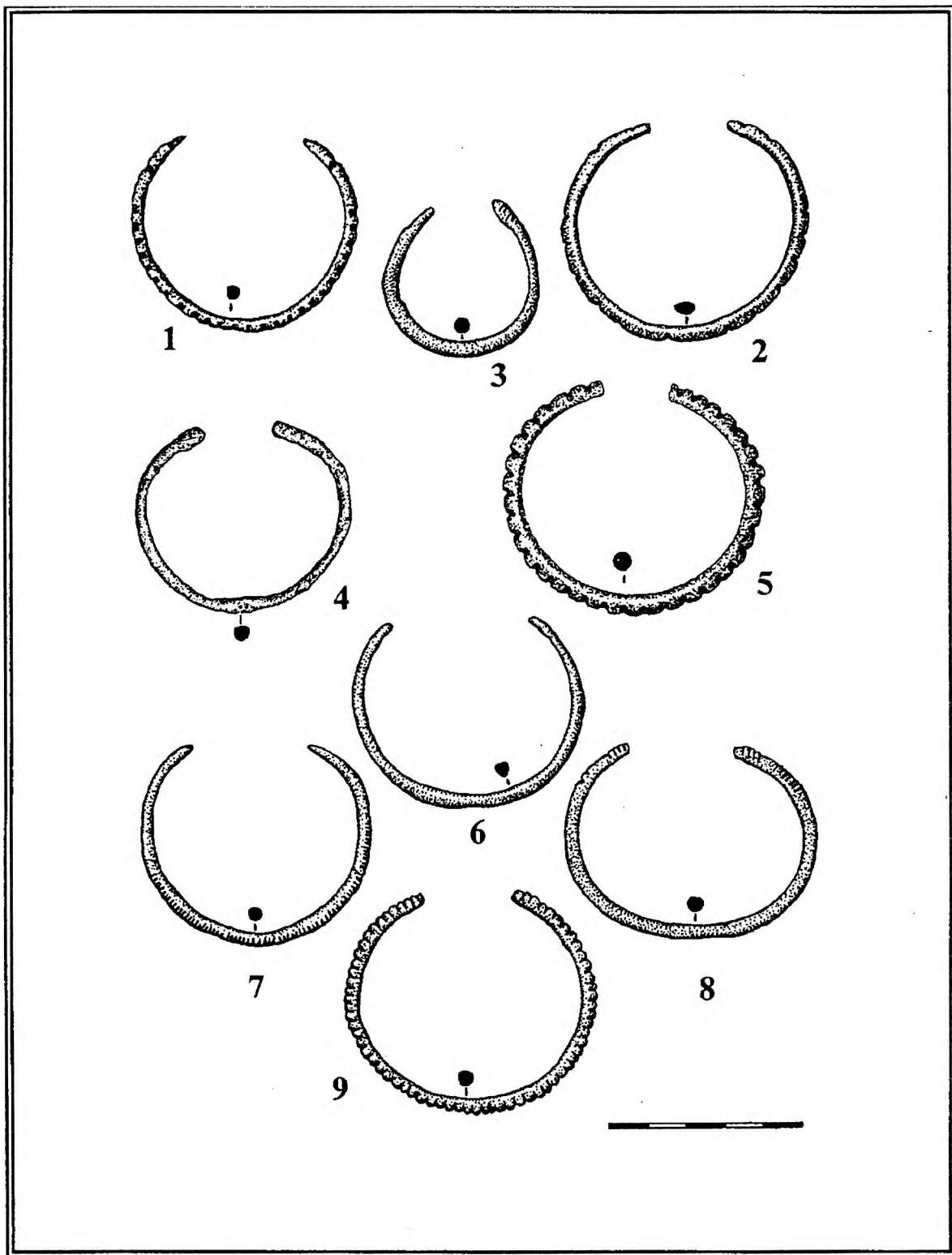

Рис.4

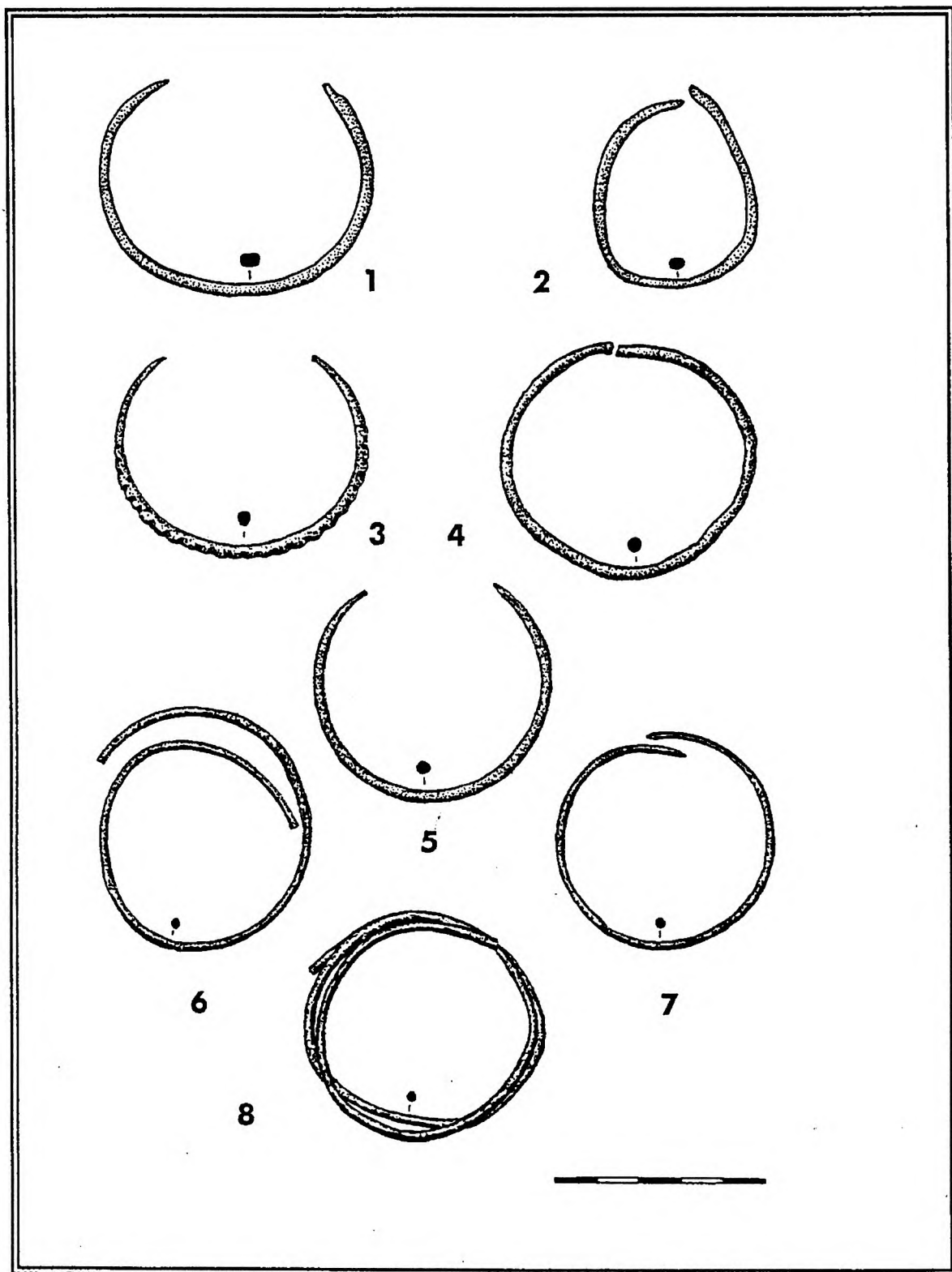

Рис.5

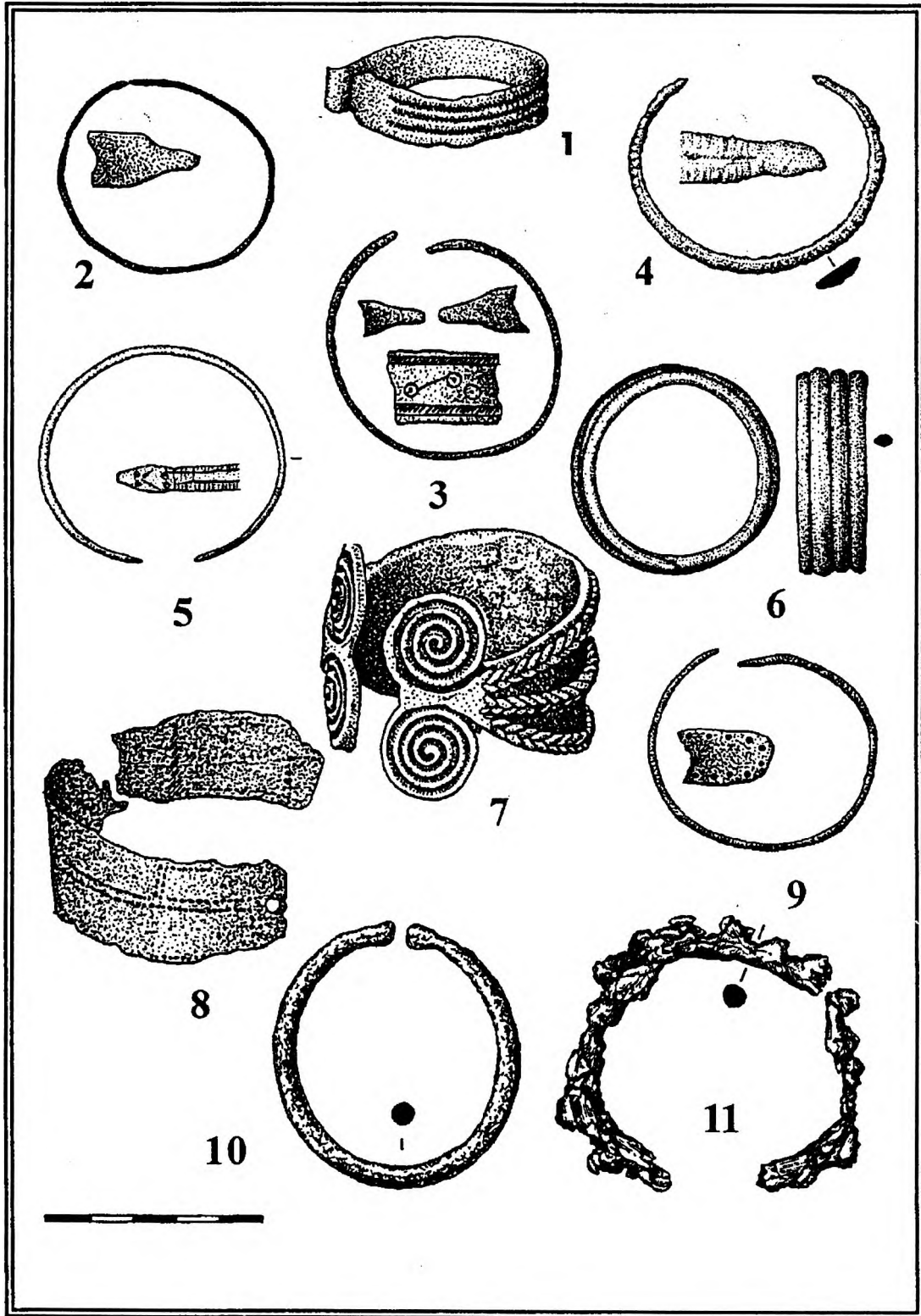

Рис.6

М.С.Гаджиев

ШАРАКУНСКИЙ КЛАД (ДАГЕСТАН)

В октябре 1985 г. в Институт ИЯЛ Даг. ФАН СССР поступило сообщение из поселка совхоза им.Ю.Герейханова (Сулейман-Стальский район) о находке в виноградниках при полевых работах «монет и бронзовых украшений в глиняном кувшине».

Местность, где находится совхоз, расположена в начале предгорий Южного Дагестана в долине р.Гюльгеры-чай, носит название Шаракун и известна своими археологическими объектами. Здесь рядом с совхозным поселком, к юго-западу от него в 1959, 1961–1962 гг. экспедицией под руководством М.И.Пикуль были исследованы поселение раннебронзовой эпохи и могильник албаносарматского времени, давший ценный материал по истории и культуре племен Южного Дагестана (Пикуль М.И., 1959; 1961; 1962), а в 1964 г. обнаружен клад античных монет, большая часть которого, к сожалению, оказалась утраченной. Из его состава известны только три медных монеты Антихона IV Эпифана (175–164 гг. до н.э.) (История Дагестана, 1967, с.112; Дзагурова В.П., 1978, с.29-40).

Вскоре после поступившего сигнала автор этих строк выехал на место находки, где встретился с бригадиром Т.А.Джабраиловым, который собрал и сохранил найденные предметы, оказав тем самым большую услугу науке. Он же сообщил сведения об условиях и месте обнаружения древностей. К сожалению, небольшая часть находок из комплекса (несколько монет) разошлась по рукам и собрать их не удалось, несмотря на прилагаемые усилия.

Предметы, о которых идет речь, были найдены в виноградниках в 2,5 км к востоку от поселка и в 300 м справа от дороги, ведущей к трассе Ростов—Баку. По полученным сведениям, они лежали в кувшине у самой поверхности земли. Нашедшими кувшин был разбит, а обломки разбросаны. На месте находки у небольшого углубления в земле, где лежал этот сосуд, мной было собрано более десятка фрагментов керамики, принадлежавших плоскодонному, сферической формы горшку с широким устьем и плавно отогнутым венчиком. Тулово его покрыто легкой

обмазкой, а горловина орнаментирована наlepным валиком с вдавлениями. Такой формы, орнаментации и технологии изготовления керамические изделия характерны для Дагестана эпохи раннего железа и раннеалбанского времени. В частности, они представлены и в Шаракунском могильнике. Каких-либо иных археологических объектов вблизи места находки выявлено не было. Но в районе обнаружения клада, в нескольких сотнях метров юго-западнее, находятся три кургана высотой до 4 м, а в 1–1,5 км к западу, по дороге в поселок, в виноградниках встречаются многочисленные фрагменты буроглиняной, серолощенной и чернолощенной керамики, указывающей и наличие здесь древнего поселения, которое по подъемному материалу можно предварительно отнести к албаносарматскому времени.

Условия и место находки, характер найденных предметов не оставляют сомнений в том, что данный комплекс представляет собой клад. В нашем распоряжении оказались следующие предметы из его состава.

1. Обломок бронзового литого плоского браслета с закругленным концом (рис.1, 1). Ширина браслета 1,5 см. С его внешней стороны проходит слабо выступающее продольное ребро.

2. Бронзовый литой плоский браслет овальной формы с несомкнутыми слегка заглаженными концами (рис.1, 2). Ему идентичен описанный фрагмент браслета. По середине внешней стороны также проходит ребро. Диаметр по длинной оси 7,2 см, ширина 1,5–1,7 см.

Близкое сходство с приведенными браслетами имеют подобные изделия из других памятников Кавказской Албании эллинистического времени и, в частности, браслеты из кувшинных погребений Мингечаура такой же формы, но с несколько иначе оформленными концами (Казиев С.М., 1960, табл. XXXVII, 9; Халилов Д.А., 1985, табл. LVII, 9). Отметим также их сходство с двумя случайно обнаруженными браслетами из сел.Карата и Согратль (Дагестан), имеющими аналогичные сечения и концы. Они датируются скифским временем (Давудов О.М., 1974, с.76, табл. XVIII, 14, 15).

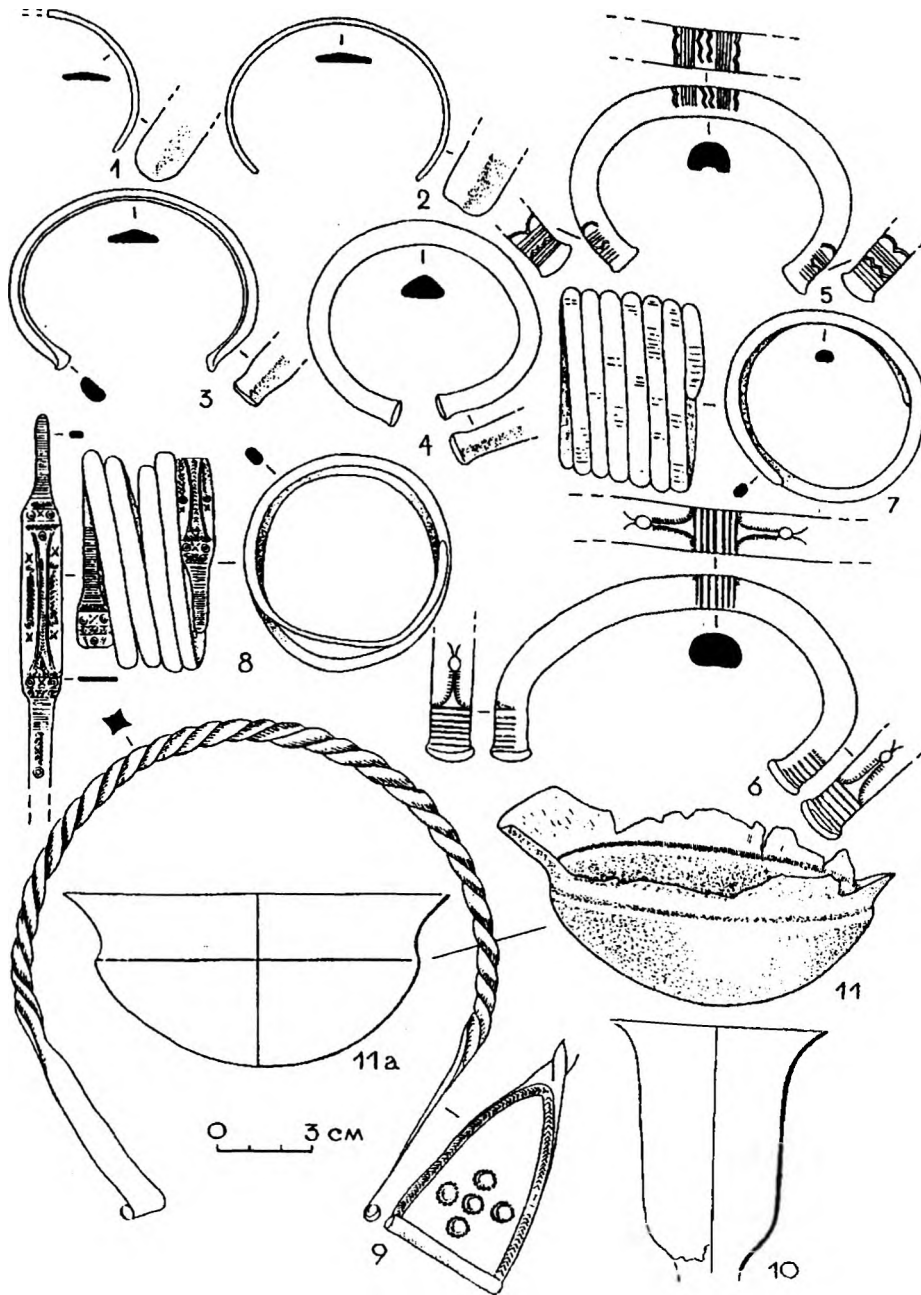

Рис.1. Бронзовые предметы из Шаракунского клада

3. Бронзовый литой, плоский браслет овальной формы с несомкнутыми концами (рис.1, 3). Имеет такое же ребро с внешней стороны, формой и размерами сходен с вышеописанными, но в отличие от них концы браслета слегка утоньшены, приплюснуты с торцевой стороны и немного отогнуты наружу. Диаметр 7,8 см, ширина 1,5 см (у концов 1,1 см). Ближайшую аналогию этому браслету составляют уже упоминавшиеся

браслеты из Мингечаура, которые, помимо названных сходных черт, имеют такие же немного отогнутые концы (Голубкина Т.И., 1969, с.221, табл. II, 12, 14).

4. Бронзовый литой несомкнутый браслет овальной формы, подтреугольного сечения (рис.1, 4). Концы у него приплюснуты с торца и тем самым утолщены. Диаметр 7,5 см, ширина в средней части 1,3 см (у концов 1 см), толщина 0,8 см.

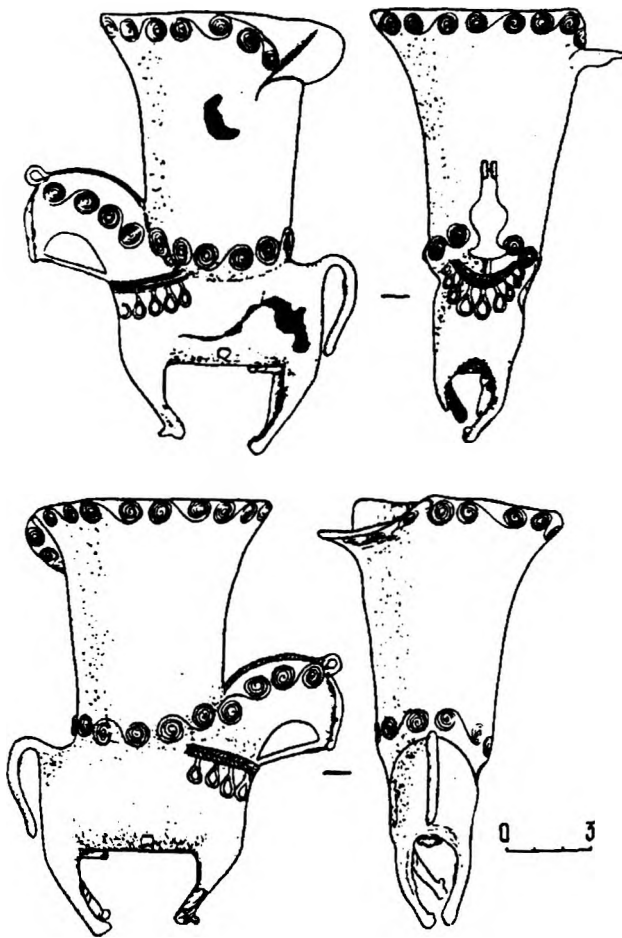

Рис.2. Бронзовый ритон из Шаракунского клада

Браслеты с подобным сечением известны среди материалов VII–IV вв. до н.э. восточного варианта кобанской культуры (Козенкова В.И., 1982, табл. XXVIII, 17), а по оформлению концов близок описанному браслет из погребения II–III вв. н.э. Хабадинского могильника в Дагестане (Пикуль М.И., 1967, рис.10, 16).

5. Бронзовый литой браслет овальной формы, полукруглый в сечении, с несомкнутыми концами (рис.1, 5). С внутренней стороны в его стержне имеется продольный желобок шириной 0,4 см. Диаметр браслета 9,1 см, ширина 1,3 см, толщина 1 см. Концы браслета отделаны идентично предыдущему. С лицевой стороны средняя часть и концы украшены поперечно расположенным врезным геометрическим орнаментом из прямых, ломаных и полукруглых линий.

Подобная гравированная техника орнаментации браслетов получила широкое распространение на Кавказе в I тыс. до н.э. (Лордки-

панидзе О.Д., 1985, с.128, 129, табл. XIV, 1, 2; XV, 15-23; Халилов Д.А., 1985а, с.131, табл. XVII, 22, 23, 25; Козенкова В.И., 1982, с.48, табл. XXVIII; Погребова М.Н., 1984, с.151). Обычно подобным декором украшались концы браслетов, реже концы и средняя часть. К рассматриваемому браслету по своим орнаментальным мотивам и их расположению близки некоторые восточнокобанские изделия (Козенкова В.И., 1982, табл. XXVIII, 2).

6. Бронзовый литой браслет полуовальной формы в сечении (рис.1, 6). Разогнут с одного края, в первоначальном виде имел несомкнутые концы и диаметр ок. 9 см. Ширина прута 1,5 см, толщина 1,1 см. Концы браслета оформлены аналогично вышеописанным. Браслет декорирован с лицевой стороны, на концах и в середине врезным орнаментом. В средней части рисунок декора представляет симметрично расположенную композицию из соединения двух одинаковых орнаментальных мотивов, идентичных украшающим концы браслета. Такой художественный прием построения орнамента использован и для украшения предыдущего браслета.

7. Бронзовый многовитковый (6,5 оборотов) браслет из тугоскрученной проволоки овального сечения (рис.1, 7). Диаметр 6 см, ширина 4,2 см. Внешняя его поверхность покрыта неглубокими поперечными насечками. Такой прием орнаментации браслетов получил распространение на Кавказе в скифское время и часто встречается среди позднекобанских древностей (Лордкипанидзе О.Д., 1985а, с.118, табл. IV, 21; 1985, с.128, 129, табл. XV, 22, 23; Халилов Д.А., 1985а, с.131, табл. XVII, 23, 25; Козенкова В.И., 1982, табл. XVIII; Техов Б.В., 1985, табл. 218).

Многовитковые браслеты на Северо-Восточном Кавказе в это время широко представлены в могильнике Исти-су (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, с.57, рис.9, 3; 14, 8; 17, 4), известны они и в Бети-Мохкском 3-м могильнике Чечни (Виноградов В.Б., 1972, рис.62, 1), а на территории Дагестана — это упоминавшиеся браслеты из Карата и Согратля, а также неопубликованный браслет из могильника Черкез-кутан албано-сарматского времени.

8. Бронзовый многовитковый (5 оборотов) браслет из проволоки овального сечения (рис.1, 8). Диаметр 7 см, ширина 3,8 см. Самые концы браслета утоньшены и покрыты поперечными насечками; рядом выкованные удлиненные орнаментированные площадки подпрямоугольной формы. Растительно-геометрический орнамент на обеих площадках

идентичен и представляет симметрично расположенную комбинацию различных декоративных деталей: косых крестов, кругов, «елочек».

Многовитковые браслеты с расплюснутыми и декорированными концами известны среди скифских украшений (Петренко В.Г., 1978, с.42, табл.44, 2, 3), а близкую композицию, составленную из тех же элементов орнамента, имеет серебряное кольцо из могильника Черкез-кутан, хранящееся в Археологических фондах Института ИАЭ ДНЦ РАН.

9. Бронзовая витая гривна из прута прямоугольного сечения, с несходящимися расплюснутыми концами, имеющими форму треугольного щитка (рис.1, 9). Диаметр гривны 15,5 см. Концы ее свернуты в трубочку, а щитки украшены гравированным и пунсонным орнаментом. На обоих щитках рисунок одинаков: по краям — рамка из елочного орнамента, а в центре — пять шишечек, окаймленных точечным пунктиром и образующих крест.

Витые гривны на Кавказе известны уже в позднебронзовую эпоху (Техов Б.В., 1985, рис.107, 17, 18), но наибольшее распространение получают в скифское и эллинистическое время (Лордкипанидзе О.Д., 1985а, с.118, табл.IV, 8; Козенкова В.И., 1982, с.45, табл.XXVI, 2-4; Крупнов Е.И., 1960, табл.II, 1; III, 2, 3; Есаян С.А., 1976, табл.117, 17). Известны они и в Дагестане (Пикуль М.И., 1967, рис.2, 72; 9, 3). Характерной чертой многих гривн являются раскованные концы, свернутые в трубочку. Наиболее близкие аналогии шаракунской находке составляют: витая гривна из крепости Воздвиженской (Чечня) со свернутым в трубочку концом и треугольным щитком, окантованным елочным орнаментом (Артамонова-Полтавцева О.А., 1950, рис.25, 1), витая гривна из комплекса VII–VI вв. до н.э. Мутерганского могильника (Дагестан), имеющая треугольный щиток, украшенный пунсонным орнаментом (Пикуль М.И., 1973, с.47, рис.10, 2), а также витые гривны 2-й половины VII и VI вв. до н.э. из Тлийского могильника с похожими по форме и орнаментальному оформлению щитками (Техов Б.В., 1985, табл.114, 4; 136; 5; 140, 3; 146, 5). В комбинировании врезной и пунсонной техники орнаментации, а также в мотивах орнамента определенное сходство у гривны из Шаракунского клада имеется с витой гривной VI–V вв. до н.э. из Нестеровского могильника (Крупнов Е.И., 1960, с.288, 289, рис.48, 33).

10. Верхняя часть бронзового литого сосуда цилиндрической формы с растробовидным

устьем (рис.1, 10). Высота сохранившейся части 8 см, диаметр устья 6,5 см, диаметр тулова 4,3 см, толщина стенок 1–1,5 мм. В нижней части сосуд суживается. Поверхность изделия имеет мелкие шероховатости и дефекты. Верхний край срезан ровно, но в одном месте — небольшое утолщение с выступом, видимо, от плохо удаленного литника.

Подобной формы серебряные сосуды с плавно расширяющимися к устью цилиндрическим туловом и плоским дном хорошо известны античное время. Таковы орнаментированные бокалы, относящиеся к сер.V — нач. IV в. до н.э., найденные на территории древней Фракии (Venednikov I., Gegasimov T., 1975, p.79, 80, ill.147, 148, 151). Известны они в раннеэллинистическое время на юге России и в Грузии (Мачабели К.Г., 1985, с.24–26, табл.1). Очевидно, подражаниями им являются аналогичной формы керамические бокалы эллинистического времени из Мингечаура (Казиев С.М., 1960, табл.XXIV, 7, 10, 12). Эта же форма нашла отражение в античных изделиях из стекла (Мачабели К.Г., 1976, с.26; Кропоткин В.В., 1970, рис.72, 19; 73, 6; 75, 4). К сожалению, дно рассматриваемого изделия не сохранилось и судить о его первоначальном облике трудно; можно полагать, что сосуд имел донце с невысокой ножкой.

11. Бронзовый гладкий фиал (рис.1, 11), изготовленный из тонкого (толщиной 0,4–0,6 мм, у устья 0,8 мм) цельного листа техникой давления. Фиал имеет обычную полусферическую форму, перехват и плавно отогнутый бортик. Значительная часть бортика отсутствует. Высота фиала 6,3 см, высота бортика 2 см, диаметр устья 12 см, диаметр перехвата 9,5 см.

Подобные фиалы, как гладкие, так и орнаментированные, в немалом количестве найдены в Грузии (Крупнов Е.И., 1960, с.473, табл.52; Смирнов Я.И., 1934, с.43–46), Азербайджане (Кошкарлы К.О., 1985, с.31–39, табл.I–IV), Армении (Тирацян Г.А., 1969, с.98–105). Все они изготовлены в стиле ахеменидского искусства и датируются V–IV вв. до н.э. (Кошкарлы К.О., 1985, с.32–36; Тирацян Г.А., 1969, с.98; Аракелян Б.Н., 1970, с.52). Находка хорошо датированного фиала, как и более поздние керамические реплики, позволяют говорить о бытовании их и в эллинистический период. К.О.Кошкарлы высказал предположение о возможном местном (азербайджанском) очаге производства металлических фиалов ахеменидского типа (Кошкарлы К.О., 1985, с.37–39). На территории Дагестана металлический фиал обнаружен впервые, но

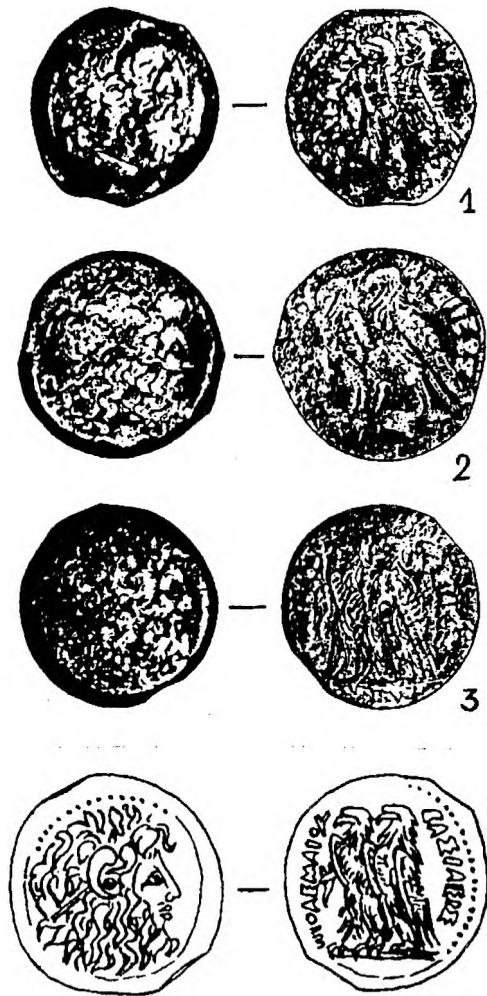

Рис.3. Монеты Птолемея III Эвергета из Шаракунского клада

здесь, как и в Закавказье, в последние вв. до — первые вв. н.э. получили распространение керамические фиалы (гладкие и орнаментированные, с умбоном и без него, а также на ножке), воспроизводящие форму и размеры металлических прототипов (Пикуль М.И., 1967, с.157, рис.25, 1; Кошкарлы К.О., 1985, с.37, 38; Смирнов К.Ф., 1961, рис.22, 315, 345, 387, 390; 24, 274; 1951, с.268, рис.20, 8, 11; 22, 5–7; 23; Крупнов Е.И., 1951, с.223, рис.9, 3, 4; 11, 4, 5). Эта форма, очевидно, оказала влияние и на появление чернолощенных небольших вазочек и плоскодонных чаш, имеющих округлые стенки, утончающийся бортик и получивших широкое распространение на территории Дагестана в албано-сарматский период (Смирнов К.Ф., 1961, с.212–215, рис.38, 87,

115; 39, 122; Крупнов Е.И., 1951, рис.6, 3; Давудов О.М., 1989, с.53, рис.6, 3, 5, 8, 10; Гаджиев М.С., 1991, с.121–123, рис.5, 1–3).

Ранние образцы керамических изделий, судя по находкам в Сары-тепе (Нариманов И.Г., 1960, с.164, рис.3) и Кара-тепе (Исмизаде О.Ш., 1965, с.216, рис.19), относятся, как и их металлические аналоги, к ахеменидскому времени. Но, как было отмечено, широкое распространение на Кавказе (в Кавказской Албании) они получили на рубеже эр. Хронологический разрыв между металлическими фиалами ахеменидского времени и их массовыми керамическими подражаниями может свидетельствовать не только о долговременном бытовании драгоценной металлической посуды, но и возможном производстве в Кавказской Албании ее металлических и керамических дериватов. На это указывают известные керамические кувшины с двумя зооморфными ручками и ритон с протомой оленя из Мингечаура (Казиев С.М., 1960, табл.ХХV; Кошкарлы К.О., 1985, с.38; Голубкина Т.И., 1951, рис.15, 16), а также красноангобированный кувшин с двумя зооморфными ручками и каннелированным туловом из Дербента (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991, с.95, рис.8). Прототипами они могли иметь металлические сосуды ахеменидского стиля.

О местном происхождении фиала из Шаракунского клада*, очевидно, свидетельствует состав его металла, в котором имеются искусственные добавки олова, свинца, сурьмы ($\text{Sn} > \text{Pb}$, $\text{Sb} > 1\%$). Спектрально-аналитическое исследование предметов из клада, в том числе и фиала, показало, что они составляют относительно однородную группу сложных медно-оловянисто-свинцовисто-сурьмянистых сплавов (табл.1), близкую к закавказским и дагестанским типам сплавов этого периода (Барцева Т.Б., 1974, с.27–32)**.

12. Бронзовый ритон в форме коня (рис.2), представляющий уникальный образец древне-

* Проф. Д.Стронах (Калифорнийский университет, Беркли), ознакомившийся в июне 1994 г. с нашей находкой, в устной беседе высказался о возможно местном производстве данного фиала, но с подражанием ахеменидским изделиям.

** Медно-оловянисто-свинцовистые и медно-оловянисто-свинцовисто-мышьяковистые сплавы отмечены Т.Б.Барцевой (Барцева Т.Б., 1974, с.27–30) как характерные для Дагестана VI–IV вв. до н.э. Такая дата была дана подвергшимся анализу предметам (51 экз.). Однако, значительная часть этих изделий (не менее 33 экз.), происходящих из Макинского, Шаракунского, Хабдинского могильников, относится к албано-сарматскому времени.

го художественного литья, рассмотрен мной ранее в специальной статье (Гаджиев М.С., 1991, с.53–58). Здесь же можно указать, что ближайшим аналогом ему по форме, технике изготовления и художественному оформлению является бронзовый ритон IV в. до н.э., выставленный в экспозиции «Ахеменидский Иран» Женевского Музея искусств и истории*. Отличаясь размерами и пропорциями, объемной передачей головы, некоторыми другими деталями, он также изображает запряженного коня (ремни упряжи переданы «елочкой») с высокой горловиной на спине (в центре седла).

13–17. В составе клада представлены монеты, из которых в нашем распоряжении оказалось 15 шт. (из них одна испорчена нашедшими — полностью стерты изображения на лицевой и оборотной сторонах). Все они представляют крупные медные монеты Птолемея III Эвергета (246–222 гг. до н.э.) (Head В.В., 1963, р.852) и принадлежат одной разновидности, отличительным признаком которой служат устойчивые типологические особенности обеих сторон. На их аверсе изображена бородатая голова Сераписа, повернутая вправо и окаймленная точечным ободком. На оборотной стороне — точечный ободок, круговая легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΥΣ (на разных монетах она в разной степени искажена), в центре — символ Зевса — два орла, сидящих на пучке стрел-молний и обращенных влево, слева в поле — между орлами и легендой — рог изобилия (символ Сераписа) (рис.3; табл.2). Все монеты однотипны, на них повторяются одни и те же изображения, но все они чеканены различными штемпелями, имеют неравный вес и размеры; соотношение осей лицевых и оборотных сторон совпадает у 10 монет, а 4 монеты имеют незначительные отклонения.

Нумизматическая часть клада представляет особый интерес. Это один из самых ранних на Кавказе кладов монет эллинистической эпохи; состоит он исключительно из птолемеевских монет, sporadически встречающихся в Северном Причерноморье (Зограф А.Н., 1951, табл.ХІІІ, 17; Шургая И.Г., 1972, с.23, 24; Булатович С.А., 1980, с.70; Карышковский П.О., 1988, рис.13, 7), в Закавказье — в Грузии (Пахомов Е.А., 1949, с.13, № 1019), Армении

(Тирацян Г.А., 1985, с.153, табл.ХХХІХ, 1). Примечательно, что монеты клада относятся ко времени правления Птолемея III Эвергета, при котором Египет достиг вершины могущества, вел успешные завоевательные войны, установил обширные торговые связи с ближними и дальними странами. Важно заметить, что согласно Адулисской надписи, Птолемей III Эвергет покорил не только Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персиду, но и Мидию, пограничную с Кавказской Албанией (Хвостов М.М., 1907, с.311–315). Вместе с тем, это первый случай находки монет Птолемея на территории Кавказской Албании, раскрывающий новые стороны ее контактов с эллинистическим миром и, в частности, с Птолемеевским Египтом.

Однородная по составу нумизматическая часть клада может служить надежным критерием для определения времени возникновения клада. Это — последняя треть III в. до н.э. Более сложен вопрос о происхождении клада и его нумизматической части. С одной стороны, можно предположить, что перед нами собственность состоятельного человека, спрятавшего свое добро в землю в опасный для него момент. С другой, наличие в клада ряда дефектных, испорченных еще в древности изделий наводит на мысль, что, возможно, эти предметы представляют лом и сам клад принадлежал мастеру-бронзолитейщику.

Серия однотипных монет чекана Птолемея III Эвергета, присутствующих в клада, скорее всего, поступила совместно и единовременно. Можно с определенной осторожностью допустить, что «поставщиком» их мог быть участник военных событий в Передней Азии, оказавшийся там в составе призванных наемных отрядов, состоявших из восточнокавказских (албанских) племен. В этой связи следует вспомнить, что еще в V в. до н.э. представители восточнокавказского племени каспиев, судя по данным арамейских папирусов, находились на службе в Египте в качестве военных колонистов и кораблестроителей (Алиев И., 1989, с.10). Появление их здесь было обусловлено персидским завоеванием Египта. В V–IV вв. до н.э. каспии, а также их соседи албаны, кадусии, мики уже были представлены в армии ахеменидских царей (Her. Hist., VII, 67; Q. Cur. Ruf., De gestis Al.Mag., IV, 12, 10; Arr. Anab., III, 8, 4; III, 11, 4; III, 13, 1). Вероятно, традиционная военная служба представителей различных восточнокавказских племен у могущественных правителей передневносточных держав имела место и в эллинистический период. Так, в армии Селев-

* Автор ознакомился с данным ритонном при посещении музея в сентябре 1995 г. Дата его дана по экспозиционной информации. К сожалению, не удалось узнать о публикации, обосновании датировки и месте находки экспонированного ритона.

кидов, с которыми вели войны Птолемеи, среди многочисленных туземных контингентов известны отряды кадусиев (Бикерман Э., 1985, с.57, 61, 65).

Эти данные, как видно, не исключают «военное» происхождение присутствующих в кладе монет. Но, конечно, возможно появление монет Птолемея III Эвергета в Кавказской Албании и в результате торгово-культурных контактов, осуществлявшихся по Прикаспийскому международному караванному пути. В этой связи укажем на ряд моментов, подтверждающих обоснованность такого предположения.

Именно на эллинистический период приходится начало распространения на Восточном Кавказе и, в частности, в Дагестане, стеклянных и пастовых бус египетского происхождения, найденных, например, в погребениях раннеалбанского времени Шаракунского могильника, который расположен недалеко от места обнаружения клада. С другой стороны, исследователи уже неоднократно указывали на тесные связи Птолемеевского Египта с государствами Северного Причерноморья, в особенности с Боспором в III в. до н.э. (Трейстер М.Ю., 1985, с.126–136, там же библиография по этому вопросу). Боспор на севере, а Экбатаны на юге являлись двумя крупнейшими торговыми центрами, транзитная связь между которыми осуществлялась вдоль западного побережья Каспия (Гаджиев М.С., 1997, с.60–66).

Приведенные доводы, как представляется, свидетельствуют о правомочности обеих версий происхождения нумизматической части

клада. Какая из них подлинна — сказать невозможно. Тем не менее, сам факт поступления монет Птолемея III Эвергета на территорию Кавказской Албании — еще один штрих к истории контактов периферии и одного из центров эллинистического мира, а также к показу роли и значимости международного Прикаспийского пути.

В заключение отметим, что обнаружение в местности Шаракун двух кладов монет эллинистического времени, синхронных могильника и поселения позволяет предполагать существование здесь значительного, очевидно, раннегородского центра Кавказской Албании. На эту мысль наводит факт приуроченности находок кладов античных монет на территории Кавказской Албании к местам расположения городищ — важных городских центров (Кабалинский, Хыныслинский, Тазакендский, Бардинский клад)*. Шаракунское поселение, расположенное у выхода р.Гюльгерычай на Прикаспийскую низменность, должно было играть существенную роль во взаимосвязях жителей гор и равнины, в международных контактах, о чем, несомненно, и свидетельствуют находки из клада.

* В 1993 г. в Закатальском районе Азербайджана был обнаружен еще один клад, к сожалению, разошедшийся по рукам. Мне довелось увидеть около 20 монет из клада, представлявших собой подражания драхам Александра Македонского, и серебряные кружки (d = 17–18 мм) без каких-либо изображений. По сообщению информаторов, клад включал около 120 подобных монет, а также бронзовые шлем и сосуд.

Алиев И., 1989. Очерк истории Атропатены. Баку.
 Аракелян Б.Н., 1970. Очерки по истории искусства древней Армении. Ереван.
 Артамонова-Полтавцева О.А., 1950. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период // СА, вып. XIV.
 Барцева Т.Б., 1974. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА, № 1.
 Бикерман Э., 1985. Государство Селевкидов. М.
 Булатович С.А., 1980. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по античной археологии Юго-Запада СССР. Киев.
 Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н.э.). Грозный.
 Гаджиев М.С., 1990. Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1991. Погребальный комплекс II–III вв. на поселении Ганзир (Табасаран) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
 Гаджиев М.С., 1997. Между Европой и Азией: из истории торговых связей Дагестана в албаносарматский период. Махачкала.
 Голубкина Т.И., 1951. О зооморфной керамике из Мингечаура // МКА. Т. II. Баку.
 Голубкина Т.И., 1969. О технике ювелирного дела Кавказской Албании // Летопись науки в Азербайджане. Т. 2. Техника. Баку.
 Давудов О.М., 1974. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
 Давудов О.М., 1989. Ганзирское поселение // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.
 Дзагурова В.П., 1978. Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического

- и политического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Есаян С.А., 1976. Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III—I тыс. до н.э.). Ереван.
- Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16. М.
- Исмизаде О.Ш., 1965. Раскопки холма Карапете в Мильской степи // МИА. № 125. М.
- История Дагестана, 1967. Т.1. М.
- Казиев С.М., 1960. Альбом кувшинных погребений. Баку.
- Карышковский П.О., 1988. Монеты Ольвии: Очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Киев.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М.
- Кошкарлы К.О., 1985. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку.
- Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27. М.
- Крупнов Е.И., 1951. Новый памятник древней культуры Дагестана // МИА. № 23. М.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Лордкипанидзе О.Д., 1985. Племена Иберии // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Лордкипанидзе О.Д., 1985а. Колхида в IV—I вв. до н.э. // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Мачабели К.Г., 1976. Позднеантичная торевтика Грузии. Тбилиси.
- Нариманов И.Г., 1960. Находки баз колонн V—VI вв. до н.э. в Азербайджане // СА, № 4. М.
- Пахомов Е.А., 1949. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IV. Баку.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д4-5. М.
- Пикуль М.И., 1959. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3. Д.100.
- Пикуль М.И., 1961. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3. Д.145.
- Пикуль М.И., 1962. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.3 Д.160.
- Пикуль М.И., 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пикуль М.И., 1973. Мугерганский могильник // МАД. Т. III. Махачкала.
- Погребова М.Н., 1984. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.
- Смирнов И.Я., 1934. Ахалгорийский клад. Тифлис.
- Смирнов К.Ф., 1951. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948–1949 гг. // МИА. № 23.
- Смирнов К.Ф., 1961. Грунтовые могильники албанско-сарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Т. II. Махачкала.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н.э. М.
- Техов Б.В., 1985. Тлийский могильник. Т.3 (комплексы второй половины VII—VI вв. до н.э.). Тбилиси.
- Тирацян Г.А., 1969. К вопросу о торевтике и ювелирном деле Армении // ИФЖ, № 1.
- Тирацян Г.А., 1985. Армения в III—II вв. до н.э. // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Трейстер М.Ю., 1985. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ, № 1. М.
- Халилов Д.А., 1985. Кавказская Албания // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Халилов Д.А., 1985а. Племена на территории Азербайджана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
- Хвостов М.М., 1907. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р.Х. — 284 г. по Р.Х.). Казань.
- Шургая И.Г., 1972. О торговых сношениях Ольвии с Александрией Египетской в эллинистическую эпоху // ВДИ, № 3.
- Head B. V., 1963. Historia Numorum. London.
- Venednikov I., Gerassimov T., 1975. Thracian Art Treasures. Sofia.

Приложения

Таблица 1

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА
СОСТАВА МЕТАЛЛА ПРЕДМЕТОВ ИЗ ШАРАКУНСКОГО КЛАДА
(Анализ произведен в лаборатории физических методов исследования
Института геологии ДНЦ РАН)

Лаб №№	Предмет	Cu	Sn	Sb	Pb	Fe	Ag	Co	Mg	Mo	Cr	Si	Nb	Ti
1	браслет	осн.	>1%	>1%	>1%	0,25	0,008	0,065	0,15	0,004	0,0015	0,009	0,0065	0,035
2	браслет	"	"	"	"	>1	0,0085	0,085	0,45	0,003	0,0045	>1	0,008	0,06
3	браслет	"	"	"	"	0,15	0,009	0,045	0,55	0,002	0,0025	0,075	0,0025	0,015
4	браслет	"	"	"	"	0,25	0,0085	0,035	0,17	0,005	0,005	0,25	0,004	0,05
5	браслет	"	"	"	"	>1	0,0075	0,09	0,15	0,0025	0,035	>1	0,008	0,065
6	браслет	"	"	"	"	0,15	0,009	0,045	0,25	0,003	0,08	0,35	0,0075	0,0095
7	браслет	"	"	"	"	0,009	0,0095	0,02	—	0,0015	—	0,0075	0,009	0,009
8	браслет	"	"	"	"	0,015	0,02	0,015	0,09	0,003	0,05	0,008	0,008	0,015
9	гривна	"	"	"	"	0,025	0,003	0,025	0,35	0,0025	0,0075	>1	0,003	0,025
10	бокал	"	"	"	"	0,25	0,015	0,085	0,45	0,0025	0,055	0,15	0,007	0,15
11	фиал	"	"	"	"	0,015	0,002	0,015	0,15	0,0015	—	0,09	0,0015	0,0015
12	ритон	"	"	"	"	0,3	0,0035	0,085	0,4	0,003	0,0095	>1	0,0035	0,015

Таблица 2

Монеты из Шаракунского клада

№/П	Описание	Д. мм	Вес. г.	Тип. л.с.	Тип. об.с
1.	Л.с.: Мужская голова с бородой вправо. Об.с.: Круговая легенда [ΠΤΟ]ΛΕΜΑΙΟΥ [ΒΑΣΙΛΕΩΣ], точечный ободок, в центре — два орла на пучке стрел, рог изобилия.	29	24,06	1	1
2.	Л.с.: То же Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ Β]ΑΣΙΛΕΩΣ	30	28,30	?	?
3.	Л.с.: То же, точечный ободок. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛΕΜΑ]ΙΟΥ [ΒΑΣΙΛΕΩΣ], без ободка	31	33,86	II	II
4.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛΕΜΑ]ΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ.	31	27,74	III	III
5.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ [ΒΑΣΙΛΕΩΣ], точечный ободок	28,5	26,98	IV	IV
6.	Л.с.: То же, без ободка. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣ[ΙΛΕΩΣ]	31	29,37	V	V
7.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟ]ΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	29	26,64	VI	VI
8.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛ]ΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	29	27,41	VII	VII
9.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛ]ΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	29	23,46	VIII	VIII
10.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛΕΜΑ]ΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	30	25,88	IX	IX
11.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	30	28,10	X	X
12.	Л.с.: То же, точечный ободок. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	31	30,45	XI	X
13.	Л.с.: То же. Об.с.: То же, легенда [ΠΤΟΛΕ]ΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	31	28,14	XII	XII
14.	Л.с.: То же, без ободка. Об.с.: То же, легенда ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	29	25,88	?	XIII

Д.С.КОРОБОВ

НОВЫЙ КОМПЛЕКС ИЗ МОГИЛЬНИКА МОКРАЯ БАЛКА I

В июле 1996 г. во время археологической разведки в окрестностях г.Кисловодска на территории могильника Мокрая Балка I было обнаружено размытое погребение. Совместно с Я.Б.Березиным, местным краеведом Н.Н.Климовым и учениками Кисловодского краеведческого кружка это погребение было исследовано, в результате чего получены интересные материалы эпохи раннего средневековья.

Могильник Мокрая Балка I, неоднократно упоминавшийся в литературе (Афанасьев Г.Е., 1979а; Рунич А.П., 1975а), расположен на левом берегу р.Мокрая Балка, на расстоянии 1400 м к юго-юго-западу от скального мыса, известного под названием «Замок коварства и любви», и 5700 м к востоку от скалы «Указатель». Могильник занимает склоны ниже поселения Замоквое и пересечен проселочной дорогой, ведущей из поселка Аликоновский к старым фермам. Памятник был открыт А.Агачевым и В.Лученковым в 1967 г. и неоднократно подвергался раскопкам А.П.Руничем, В.Б.Ковалевской, Г.Е.Афанасьевым, Я.Б.Березиным с 1968 по 1982 гг. (Рунич А.П., 1968; 1969; 1970; 1971; 1975а; Ковалевская В.Б., 1971; 1980; Афанасьев Г.Е., 1973; Березин Я.Б., 1982). В результате их работ было исследовано более 160 катакомбных погребений V–VIII вв., оставленных аланским населением Кисловодской котловины.

Нами в процессе осмотра могильника Мокрая Балка I было исследовано одно размытое погребение и собран подъемный материал, включенный в археологический отчет (Коробов Д.С., 1997). Размытая катакомба I обнаружена на проселочной дороге в 25 м к северо-востоку от ближайшего к дороге скального выхода (рис.2). Погребальное сооружение практически полностью уничтожено большими промоинами. Сохранилась лишь нижняя часть камеры, приблизительно на глубину 15–20 см. Расположение, форма и размеры лаза и дромоса не восстанавливаются. Камера неправильно-овальной формы с сохранившимися размерами в длину 1,34 м и в ширину 0,9 м располагалась длинной осью по направлению юго-юго-запад — северо-северо-восток (рис.3). Северо-северо-восточная

часть камеры не сохранилась. В камере обнаружены два скелета, сопровождавшиеся многочисленным инвентарем (рис.4).

ПОГРЕБЕНИЕ I принадлежало, видимо, взрослой женщине. Сохранность костей плохая. От скелета сохранились фрагменты черепной коробки, плечевые и локтевые кости рук, бедренная кость левой ноги и части бедренной и большой берцовой кости правой ноги. Поза погребенной реконструируется как слабоскорченная на правом боку с руками, расположенными возле лица. Возле остатков черепа находились две серьги с круглой в сечении калачиковидной серебряной дужкой размерами 2,0 x 1,6 и 1,8 x 1,4 см с золотой напайкой в виде грозди из трех шариков с четвертым на конце (высота подвесок 0,5 см) (рис.4, 1), гемма из светлого прозрачного халцедона («ложный перстень») в виде округлой бусины диаметром 1,9 см, диаметр отверстия 0,4 см, с плоской гранью — «щитком» — размерами 1,0 x 0,4 см, на которой помещена гемма-инталия в виде стилизованного изображения цветка (рис.1; 4, 8, 8а). Южнее черепа погребенной находилась круглая в сечении полая серебряная трубочка — ручка туалетной кисточки — с тремя рядами бронзовой зерни (на концах и посередине) длиной 3,7 и диаметром 1,2 см (рис.4, 3). На локтевой кости правой руки найден бронзовый провололочный браслет диаметром 5,7 см и толщиной 0,4 см посередине и 0,7 см на концах, круглый в сечении, несомкнутые концы которого сильно утолщены (рис.4, 5). Видимо, с локтевой кости левой руки происходят два других браслета: бронзовый плоский в сечении с закругленными концами диаметром 5,8 см, толщиной 0,1 см и шириной 0,7 см (рис.4, 7) и железный, сильно коррозированный, вероятно, круглый в сечении, с концами внахлест, диаметром 6,0 см и толщиной 0,4 см (рис.4, 6). В районе груди погребенной располагалось пятно глена органического происхождения темно-коричневого цвета, толщиной не более 2 см (возможно, остатки одежды или подстилки). С этим пятном связаны находки фрагмента однолезвийного железного ножа с прямой спинкой, треугольного в сече-

нии, ручка которого не сохранилась (длина лезвия 6,7 см, ширина рабочей части 0,9 см; рис.4, 4); бронзовой Т-образной шарнирной фибулы с ромбовидной ножкой, с орнаментом на головке и бусинами на концах шарнира и иглы. Основа фибулы изготовлена из бронзы, железная игла обломана, длина фибулы 4,6 см, длина штифта 2,4 см, высота 1,4 см; у приемника две полосы, у основании головки растительный орнамент; на конце иглы и штифтов — бронзовые бусинки неправильной формы (рис.4, 2). Там же найдена бронзовая плоская бляшка диаметром 2,2 см с пунсонным орнаментом в виде креста в круге и отверстиями для подвешивания (рис.4, 9), бронзовая брошь, сделанная в виде тонкой пластинки диаметром 3,0 см, в которую вставлена гагатовая крестообразная бусина (рис.4, 10), крупная янтарная бусина неправильной уплощенной формы (рис.4, 15); фрагмент железного браслета и фрагмент бронзового крючка (последние предметы извлечь не удалось). Возле шеи погребенной обнаружены скопления бусин и бисера: одна сердоликовая неправильной округлой формы (рис.4, 13), 58 бисерин из зеленого прозрачного стекла округлой и цилиндрической формы (рис.4, 19), 3 гагатовые крестообразные с двумя сквозными отверстиями (рис.4, 12), 38 бисерин из черного непрозрачного стекла (29 цилиндрической формы, 8 двухчастной, 1 четырехчастной) (рис.4, 22–24) и одна бусина из красного стекла круглой уплощенной формы (рис.4, 17). Несколько южнее черепа, возле кисточки, находились в скоплении 13 янтарных бусин неправильной уплощенной формы (рис.4, 13) и сердоликовые бусины — 8 неправильной округлой формы и 3 неправильной цилиндрической формы (рис.4, 14–15). Под черепом небольшое скопление бисера: 4 двухчастные бисерины из красного стекла и одна — из зеленого (рис.4, 18). Еще одна янтарная бусина неправильной уплощенной формы (рис.4, 15) не может быть с уверенностью отнесена ни к одному из погребенных, так как она находилась между ними.

ПОГРЕБЕНИЕ 2 (видимо, девочка-подросток) также плохой сохранности. От черепа сохранилась лишь часть черепной коробки. Кости рук отсутствуют. Из остальных костей уцелели две бедренные и одна большая берцовая кости ног, часть таза и несколько ребер. Однако, поза погребенной реконструируется несомненно как скорченная на правом боку с сильно подогнутыми ногами. Возле бедренной кости правой ноги находилась крупная стеклянная мозаичная бусина бочонковидной

формы, изготовленная из глухого стекла синей и зеленой основы с красными глазками на желтом фоне (рис.4, 11). Между ребер обнаружено два маленьких кусочка охры. В районе груди погребенной располагалась бронзовая полусферическая бляшка диаметром 1,0 см с двумя отверстиями для подвешивания (рис.4, 31) и скопление из 12 бисерин красного непрозрачного стекла цилиндрической формы (рис.4, 25). Несколько выше, у черепа, найдены 2 серьги во фрагментах: бронзовое круглое незамкнутое колечко диаметром 2,2 см и толщиной 0,1 см с фрагментом несохранившейся подвески длиной 0,7 см (рис.4, 33); фрагмент бронзовой составной серьги-пирамидки высотой 3,0 см из трех пластинок с ложной зернью, от подвески которой сохранился лишь штырек длиной 1,8 см (рис.4, 32). Рядом с серьгами скопление 16 бусин из «морской пенки» (сепионита)¹ неправильной округлой формы (рис.4, 16). Южнее черепа обнаружены фрагмент небольшой бронзовой бляшки и деревянного предмета в бронзовой оправе (извлечь не удалось). Под черепом скопление мелких уголков и 7 бисерин: две двухчастные из желтого прозрачного стекла (рис.4, 26), одна — двухчастная из желтого непрозрачного стекла (рис.4, 27), одна — трехчастная из желтого непрозрачного стекла (рис.4, 28), две керамические коричневого цвета цилиндрической формы (рис.4, 29), и одна цилиндрическая из желтого непрозрачного стекла (рис.4, 30).

Обнаруженный комплекс является типичным аланским погребением Кисловодской котловины. Найденные в нем предметы находят аналогии в памятниках региона. Так, фибула из погребения 1 (рис.4, 2) относится к кавказской серии группы 19 (Т-образные шарнирные фибулы) по классификации А.К.Амброза, а орнаментация ее верхней части несомненно аналогична орнаментации приведенной им фибулы (Амброз А.К., 1966, с.75, рис.13, 9). Не рассматривая подробно этот тип фибул, А.К.Амброз относил его распространение к VI–VIII вв. Исходя из периодизации древностей Кисловодской котловины, предложенной И.О.Гавритухиным и В.Ю.Малашевым, подобные находки являются наиболее распространенными в периоды IIIб (2-я половина VII в.) и IIIв (конец VII — 1-я половина VIII в.) (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998, с.64, 67, рис.7, 14, 15).

Найденная в погребении 1 пара серег (рис.4, 1) относится к типу 1 (№ 27) отдела 1

¹ Определение реставратора Кисловодского музея Ю.Б.Заславского.

по В.Б.Ковалевской (калачиковидные серьги) (Ковалевская В.Б., 1995, с.150, рис.6, 2). В могильнике Мокрая Балка аналогичные серьги были обнаружены А.П.Руничем в катакомбе 27 (Рунич А.П., 19756, с.147, рис.4, 14). В.Б.Ковалевская относит бытование этого типа серег ко второму хронологическому периоду существования могильника, датируемому VII в. н.э. (Ковалевская В.Б., 1995, с.170, 171, рис.8). Исходя из периодизации, предложенной Г.Е.Афанасьевым, данный комплекс можно отнести к третьему хронологическому этапу (2-я четверть VII — рубеж VII–VIII вв.) по наличию гагатовых бусин крестообразной формы, туалетных кисточек и Т-образных шарнирных фибул (Афанасьев Г.Е., 19796, с.49, рис.1). К этому же этапу относится фрагмент серьги-пирамидки с ложной зернью типа 5 (№ 34) отдела 3 по В.Б.Ковалевской, найденный в погребении 2 (рис.4, 32). Подобные серьги были обнаружены и в других погребениях могильника Мокрая Балка I (катакомбы 21, 59 и 117 раскопок А.П.Рунича; см.: Ковалевская В.Б., 1995, с.162), однако этот тип находок, согласно периодизации В.Б.Ковалевской, относится к третьему и четвертому периоду могильника, датируемых в рамках VIII в. (Ковалевская В.Б., 1995, с.171, рис.8, 9).

В недавнее время появилась новая хронологическая периодизация материалов из могильников Кисловодской котловины, основанная на анализе керамики (Малашев В.Ю., 1996, с.149–154, рис.86; Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998). Согласно приведенной ими серии керамики могильника, катакомба 27 раскопок А.П.Рунича с серьгами, аналогичными найденным нами (рис.4, из погребения 1), относится к периоду IIIб, хотя сам тип серег встречается на памятниках Кисловодской котловины в периоды IIIа и IIIб (середина — 2-я половина VII в.). Упомянутые катакомбы 59 и 117 с серьгами, аналогичными фрагменту из погребения 2 (рис.4, 32), относятся указанными авторами также к периоду IIIб, а катакомба 21 — к периоду IIIв (1-я половина VIII в.) (Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998, с.65, рис.1, 6; 5, 6; 26). Таким образом, не исключено, что открытое нами погребение 2 совершено несколько позднее погребения 1 исходя из разнотипности обнаруженных серег. Косвенно об этом свидетельствует фрагмент серьги, найденный у черепа погребенной 2, с несохранившейся подвижной подвеской (рис.4, 33). Подобные серьги, по мнению Д.А.Сташенкова, датируются более поздним периодом, чем серьги из погребения 1 (устное сообщение Д.А.Сташенкова).

Интересной находкой является халцедоновая гемма, обнаруженная у черепа погребенной 1 (рис. 1). Резные геммы в виде так называемых «ложных печатей» на Кавказе были обнаружены в катакомбных могильниках Чми-Суаргом (Абрамова М.П., 1986, с.67–70, рис.7) и Едыс (Дзаттиаты Р.Г., 1992, с.78, 79, рис.1, 3–18) в Северной Осетии, но для Кисловодской котловины это также не единственная находка. Подобные геммы, хотя и с иным изображением, найдены в катакомбе № 83 могильника Мокрая Балка I и в катакомбе № 3 Бермамытского могильника (Афанасьев Г.Е., 1979в, с.8).

Изображение цветка на «ложной печати» из погребения 1 находит аналогии в собрании Гос.Эрмитажа. Таковы небольшие геммы светлого халцедона с размерами щитка 0,7–1,1 x 0,6–0,9 см, на котором помещено изображение цветка в форме неправильного овала с отходящими от него в обе стороны короткими отростками и горизонтальной чертой внизу (Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963, с.165, 166, №№ 627–630). Гемма, найденная в погребении 1, отличается от описанных выше наличием двух длинных тонких листков, отходящих от середины стебля (рис.4, 8а; 1). Среди семнадцати сасанидских гемм, найденных при раскопках могильника Едыс, две также имеют изображение цветка (Дзаттиаты Р.Г., 1992, рис.1, 11, 13), однако с иной иконографией. Некоторую аналогию с описываемой геммой имеет найденная в погребении 8 могильника Чми «ложная печать» (Абрамова М.П., 1986, рис.7, 2). Четыре геммы из могильника Чми выполнены в так называемой «штриховой» или «эскизной» манере, когда изображение передается с помощью параллельных нарезок, подобно гемме из Мокрой Балки.

Две геммы с изображением цветка происходят и из погребения 1 кургана № 25 могильника Томпак-асар и погребения 2 кургана № 321 могильника Алтынасар 4о (Левина Л.М., Никитин А.Б., 1995, с.111, 112, рис.2, 7, 8). Последняя находка интересна для нас тем, что она также изготовлена в «штриховой» манере. Схематичность данного стиля иногда наталкивает исследователей на мысль о том, что подобная резьба на каменных печатях изготовлена местными мастерами в подражание более качественным сасанидским образцам (Рамишвили К.Н., 1979, с.159; цит. по: Дзаттиаты Р.Г., 1992, с.79). Однако, Л.М.Левина и А.Б.Никитин подчеркивают, что все геммы, найденные в джатыасарских курганах, выполнены в «штриховой» манере и их иранское происхождение не вызывает сомнения (Левина

на Л.М., Никитин А.Б., 1995, с.116). В.Г.Луконин считал, что различные области распространения однотипных каменных печатей являются дополнительным свидетельством одного центра их изготовления, то есть Сасанидского Ирана (Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963, с.29). Говоря о найденных геммах в могильнике Чми, М.П.Абрамова ссылается на мнение вышеупомянутых авторов о том, что упрощенные изображения могли выполняться местными мастерами в подражание сасанидским образцам (Абрамова М.П., 1986, с.68)

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что гемма, обнаруженная в погребении могильника Мокрая Балка, вероятнее всего выполнена сасанидским мастером. Время ее изготовления определить затруднительно. С одной стороны, исходя из мнения В.Г.Луконина, наиболее вероятно бытование гемм «штриховой манеры» в VI–VII вв. (Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963, с.27). Эта точка зрения в последнее время оспаривается Л.М.Левиной и А.Б.Никитиным, которые делают «штриховые» печати на две группы: более раннюю (III–V вв.), представленную крупными анэпиграфными «ложными печатями», в основном с изображениями животных, и более позднюю (VI–VII вв.), отличающуюся более мелкими размерами, четким контуром и часто встречающимися пехлевийскими надписями. При этом геммы из джатыасарских захоронений, по мнению вышеупомянутых авторов, относятся к ранней группе и датируются III–IV и IV–V вв. (Левина Л.М., Никитин А.Б., 1995, с.116, 117). Однако, судя по материалу, происходящему из найденной катакомбы, гемма из Мокрой Балки относится к VII в., возможно к VI–VII вв., хотя нельзя исключать и более раннюю дату ее изготов-

ления. В пользу данной датировки свидетельствуют наблюдения Г.Е.Афанасьева, считающего, что большинство предметов иранского экспорта (каменные бусы с инкрустациями, раковины каури, геммы и каменные перстни) появляются в Кисловодской котловине около 550–625 гг. (Афанасьев Г.Е., 1979в, с.11).

Представляется весьма интересным, каким образом гемма, изготовленная в Сасанидском Иране, попала в Кисловодскую котловину. По аналогии с памятниками джатыасарской культуры можно предположить два варианта — в результате торговли или в виде военной добычи (Левина Л.М., Никитин А.Б., 1995, с.117). При этом характерно, что данная находка обнаружена в комплексе 2-й половины — конца VII в. К этому периоду (Шб и Шв — по И.О.Гавритухину и В.Ю.Малашеву) относятся все найденные в Мокрой Балке монеты независимо от даты их выпуска и происхождения, что можно отнести к кратковременному массовому поступлению различных монет, возможно, выплате (Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996, с.83). Примечательно, что центр встречаемости монет Сасанидского Ирана лежит в восточной зоне распространения раннесредневековых катакомб, где обнаружено и большое количество гемм (Чми, Едыс). Этот факт уже отражен в многочисленных работах (Ковалевская В.Б., 1987, с.269–271). Однако, Кисловодская котловина является вторым центром распространения сасанидских монет в катакомбных погребениях (Коробов Д.С., 1998, с.273). Найдка «ложной печати» сасанидского производства косвенным образом подтверждает прямую или опосредованную связь этого региона с Сасанидским Ираном во 2-й половине VII в.

Абрамова М.П., 1986. Раннесредневековый могильник у с.Чми в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д1-30. М.

Афанасьев Г.Е., 1973. Отчет о работе археологической экспедиции ПМК по изучению катакомбного могильника в Мокрой Балке близ Кисловодска в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5959.

Афанасьев Г.Е., 1979а. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // СА, № 3.

Афанасьев Г.Е., 1979б. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып.158. М.

Афанасьев Г.Е., 1979в. К вопросу об экономических связях раннесредневекового населения

Кисловодской котловины — Малокарачаевского района (Вторая половина V — первая половина VIII вв.) // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.

Березин Я.Б., 1982. Отчет о раскопках в окрестностях г. Кисловодска в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9383.

Борисов А.Я., Луконин В.Г., 1963. Сасанидские геммы. Л.

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины

- I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Ковалевская В.Б., 1971.* Отчет о работе средневекового отряда Северокавказской экспедиции летом 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5433.
- Ковалевская В.Б., 1980.* Отчет о работе средневекового отряда Северокавказской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8204.
- Ковалевская В.Б., 1987.* Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен). Дисс. ... доктора ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2, № 2385.
- Ковалевская В.Б., 1995.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура (Alapica, III). Владикавказ.
- Коробов Д.С., 1997.* Разведка в окрестностях г.Кисловодска // АО 1996 г. М.
- Коробов Д.С., 1998.* Выделение локальных вариантов катакомбных могильников III–IX вв. на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.1 (Археология). Ставрополь.
- Левина Л.М., Никитин А.Б., 1995.* Иранские резные камни из памятников джетыасарской культуры Восточного Приаралья // Низовья Сырдарьи в древности. Ч.5. М.
- Малашев В.Ю., 1996.* Керамика как основа периодизации могильника Мокрая Балка // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Рамишвили К.Н., 1979.* Сасанидские геммы в Грузии. Тбилиси (на груз. яз.).
- Рунич А.П., 1968.* Отчет об археологической разведке в окрестностях г.Кисловодска в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3636.
- Рунич А.П., 1969.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5244.
- Рунич А.П., 1970.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4179.
- Рунич А.П., 1971.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4633.
- Рунич А.П., 1975а.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5624.
- Рунич А.П., 1975б.* Аланский могильник в «Мокрой Балке» у города Кисловодска // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе.

Иллюстрации

Рис.1. Гемма из погребения I катакомбы I

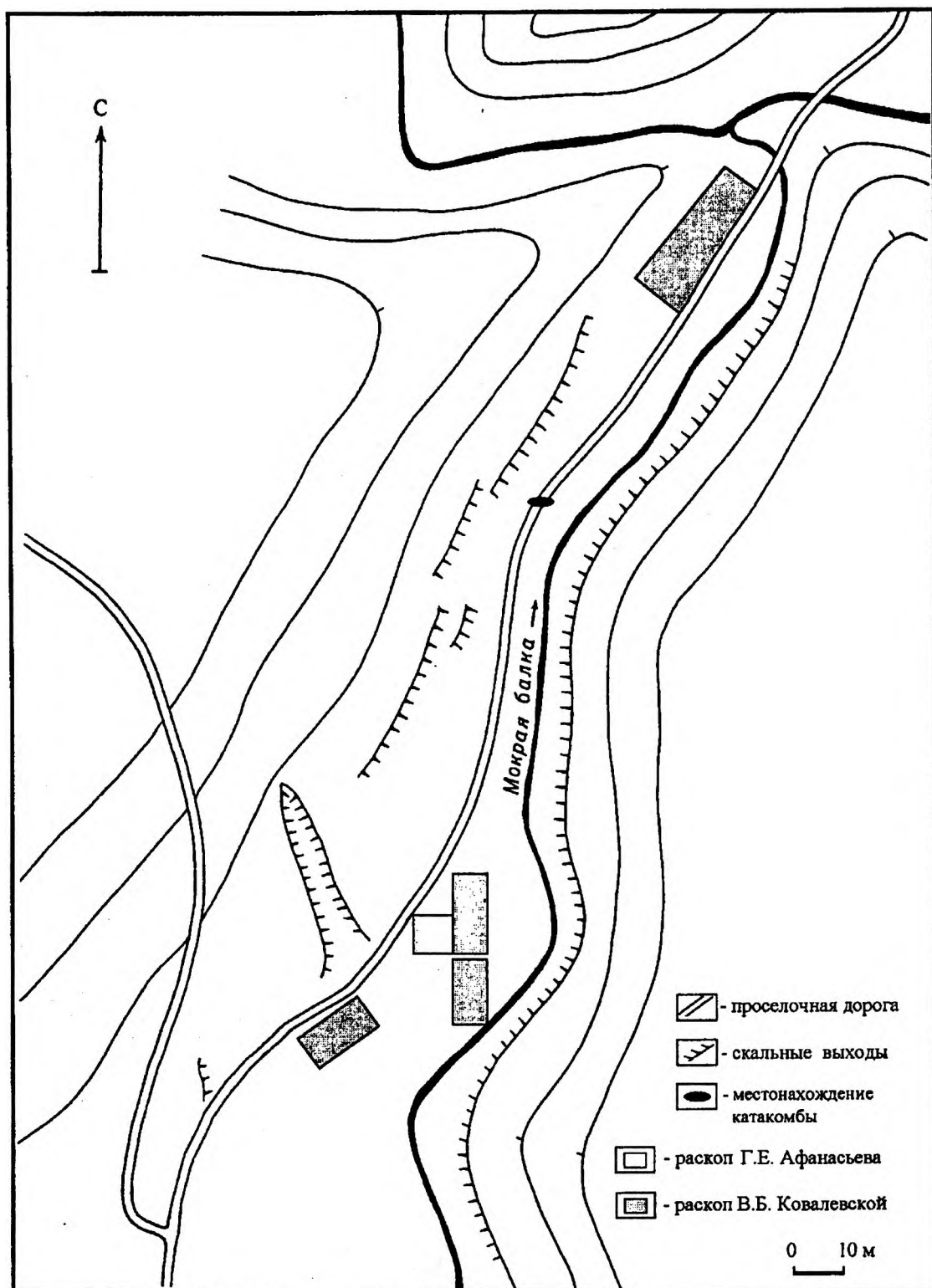

Рис.2. План могильника Мокрая Балка I (Афанасьев Г.Е., 1973, рис.3) с местонахождением размытой катакомбы 1

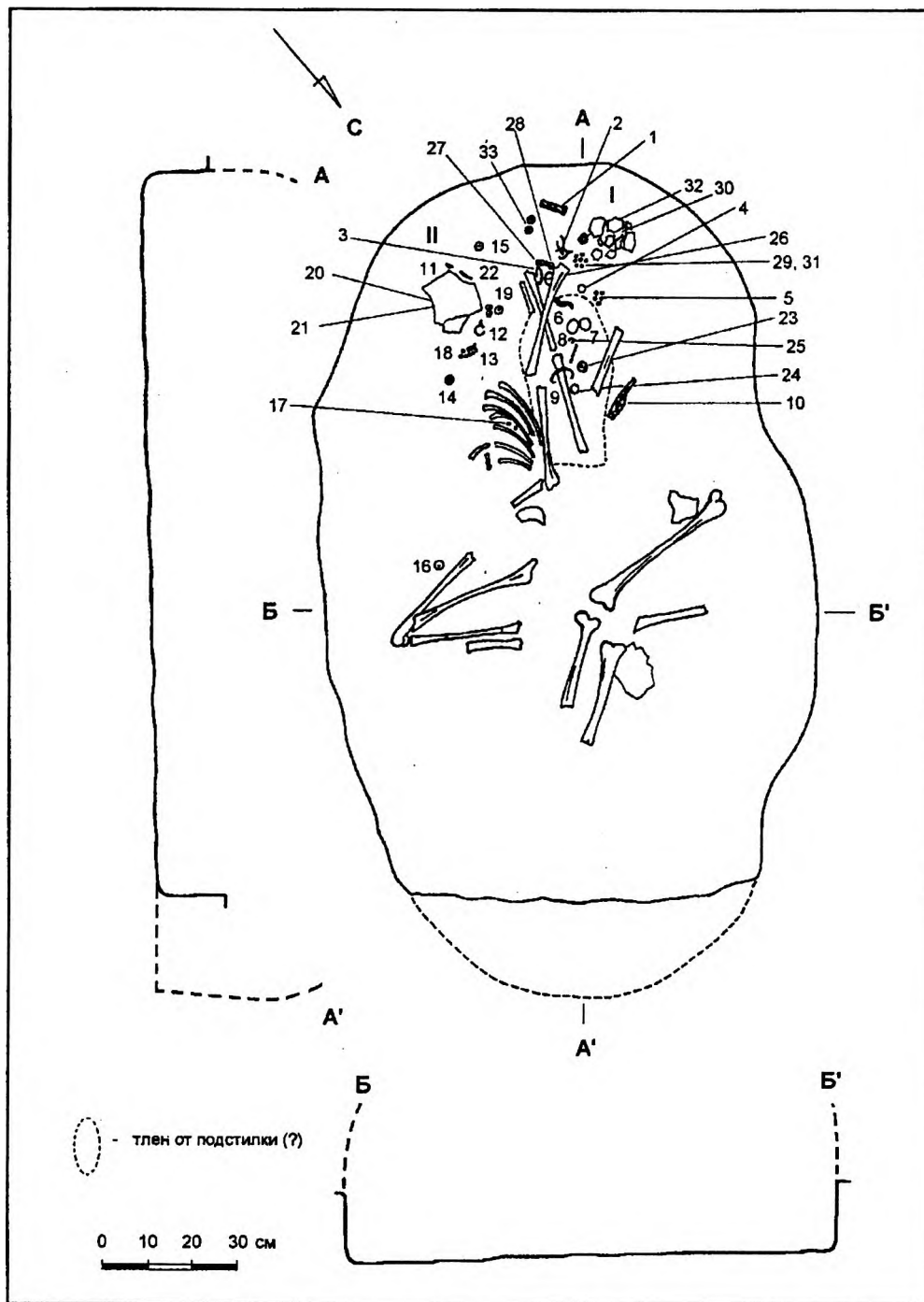

Рис.3. План катакомбы 1 могильника Мокрая Балка I. Обозначения на плане: 1 — кисточка; 2 — серебряные серьги; 3, 9 — бронзовые браслеты; 4 — бусина сердоликовая; 5, 18, 20, 29, 30 — скопления бисера; 6 — бронзовая фибула; 7 — бронзовая брошь; 8, 26 — железный браслет; 11, 14, 24 — бронзовые бляшки; 12, 13 — бронзовые серьги (13 — фрагмент); 15, 23 — бусины янтарные; 16, 27 — отдельные бусины; 17 — охра; 19, 33 — скопление бус; 21 — угольки; 22 — деревянный предмет в бронзовой оправе; 25 — бронзовый крючок; 28 — бусина стеклянная; 31 — гагатова бусина; 32 — халцедоновая гемма

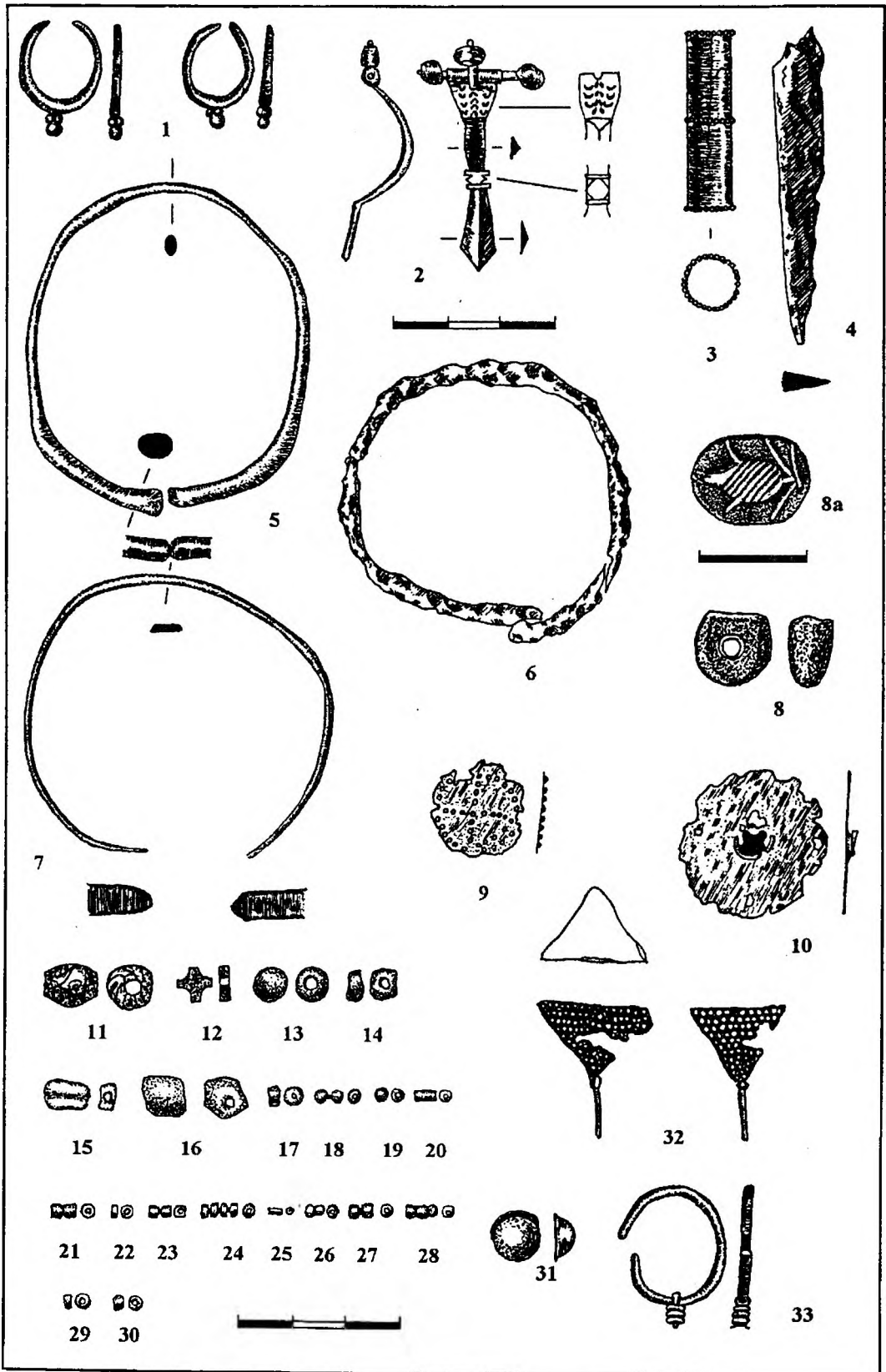

Рис.4. Находки из катакомбы 1

В.А.Кузнецов

АЛАНЫ И АСЫ НА КАВКАЗЕ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ)

В историко-археологическом изучении северокавказской Алании VI–XIII вв., несмотря на некоторые успехи, многое остается неясным и спорным. Одной из слабо изученных проблем продолжает быть проблема внутренней этнополитической структуры Алании. Дефиниции ее как некоего политического и этнического монолита (Вансеев З.Н., 1959, с.137) представляются неубедительными. Поэтому поиск наиболее обоснованных вариантов идентификации и дифференциации компонентов этносферы Алании остается весьма актуальным.

Данная статья не претендует на решение указанной проблемы. Она имеет цель лишь обозначить некоторые стороны этнополитической структуры Алании.

ЧЕТЫРЕ АЛАНСКИХ ПЛЕМЕНИ. Прежде всего, необходимо еще раз очертить границы того пространственного континуума, в пределах которого располагалась северокавказская Алания. Нет сомнения, что в эпоху раннего средневековья — VI–XIII вв. — эти границы не были фиксированными и зависели от изменчивой военно-политической обстановки. Уловить все изменения границ не представляется возможным, речь идет только об основных географических ориентирах, в целом принятых в современной науке.

Автором этих строк было высказано суждение о том, что аланская археологическая культура занимала территорию от Кубани до Чечни и Дагестана (Кузнецов В.А., 1962, с.128, 132). Примерно те же пределы, ссылаясь на Прокопия Кесарийского (VI в.), намечает В.Б.Ковалевская (Ковалевская В.Б., 1984, с.132, 133), а Е.П.Алексеева их несколько уточняет: от р.Лабы и Урупа до р.Ассы в Ингушетии, но без аргументации (Алексеева Е.П., 1971, с.77), тогда как согласно А.В.Гадло аланы на востоке доходили до Дарьяла (Гадло А.В., 1979, с.97). Позднее нами границы Алании как этнополитического образования были скорректированы: западная — намечена по долине р.Большая Лаба, восточная — до Чечни, южная — по Кавказскому хребту (Кузнецов В.А., 1992, с.213–217). Указанная западная граница

подтверждена топонимикой осетинского нартского эпоса (Кузнецов В.А., 1980, с.87–91); территория Алании в целом нашла также отражение в эпосе (Дзиццойты Ю.А., 1992, с.60–97). Заметим, что в пределах очерченной территории наблюдается распространение древнеиранской топонимики, что лишний раз свидетельствует о пребывании здесь древних иранцев. Однако, эта топонимика еще не собрана и специально не проработана, а она может содержать разные хронологические пласты.

Охарактеризованный пространственный континуум Алании значителен, достигает в длину с запада на восток не менее 450 км и до 120 км в ширину (Кузнецов В.А., 1971, с.10, 11). Уже априори можно думать, что при отмечаемой с глубокой древности многоплеменности Кавказа (см., напр.: Страбон. География, XI,16) этносфера Алании не может быть однородной. Это тем более вероятно потому, что обитавшие с VIII — VII вв. до н.э. в степях Предкавказья ираноязычные кочевники скифы, сарматы и затем аланы являлись пришельцами из «великого пояса степей», раскинувшегося от Южной Сибири до Среднего Подунавья. До их появления в горах и предгорьях Кавказа там жили автохтонные кавказские племена. Этот постулат принят наукой (Алексеев В.П., 1974, с.197–199; Абаев В.И., 1949, с.78–80; Гадло А.В., 1994, с.52 и др.), он полностью разделяется и нами. Более того, в монографии 1962 г. на археологическом материале мной была предпринята попытка его дифференциации на локальные историко-культурные группы, которые могли соответствовать племенам как социальным организациям догосударственного уровня и устойчивым культурным областям (Гиренко Н.М., 1991, с.94, 226). В результате удалось выделить в горно-предгорной зоне Центрального Кавказа три крупных группы памятников, условно названных западным, центральным и восточным вариантами аланской археологической культуры (Кузнецов В.А., 1962, с.43–114). Указанные группы, на наш взгляд, демонстрируют неоднородность местной кавказской этноплеменной

Алания и ее этнополитическая дифференциация на два ареала в VII–XII вв. (карта-схема)

среды, а их корни уходят в предшествующую эпоху. Было предложено именовать своеобразную совокупность намеченных трех групп общим термином «горнокавказской культуры» (Кузнецов В.А., 1975, с.34) как отражающим и географический ареал, и сумму специфических черт материальной и духовной культуры горных племен Центрального Кавказа.

Тогда же мною был намечен ареал катакомбных могильников IV–XII вв., вписывающийся в пространственный континуум Алании и генетически не принадлежащий горнокавказской этносреде. Их степное, причерноморско-среднеазиатское происхождение и связь с древнеиранской скифо-сармато-аланской средой вполне вероятна (Кузнецов В.А., 1962, с.13–42; 1992, с.218; Ковалевская В.Б., 1984, с.155; Берлизов Н.Е., 1990, с.5; Березин Я.Б., Савенко С.Н., 1977, с.37–42). На этом основании огромный (более 1200 катакомб; Коробов Д.С., 1995, с.44) пласт катакомбных могильников Северного Кавказа IV–XII вв. рассматривается как аланский и эта точка зрения преобладает несмотря на отдельные возражения. Разумеется, столь протяженное в пространстве и времени аланское население Предкавказья также не могло быть однородным и членилось на ряд этнографических подразделений, на что в результате кластерного анали-

за аланских могильников обратил внимание Т.А.Габуев (Габуев Т.А., 1988, с.154). Имеем в виду его три хронологических этапа, отличающиеся деталями погребального обряда. Но это, особенно со II этапа, различия в рамках одной этнокультурной общности.

Таким образом, в рассматриваемое время на территории Алании мы видим достаточно репрезентативно представленные археологически четыре этнокультурные общности: три горно-кавказских и аланскую, занимавшую преимущественно предгорные равнины. Основные черты данной этнографической картины поддержаны специалистами (Ковалевская В.Б., 1984, с.152; Гадло А.В., 1979, с.200; Алексеев В.П., 1974, с.199) и у нас есть некоторые основания в дальнейших построениях исходить из вышеизложенных результатов.

В таком случае обратим внимание на сообщение персидского автора Абу Али Ахмеда ибн Омара Ибн Русте, писавшего между 903–913 гг. и данные которого, по И.Ю.Крачковскому (Крачковский И.Ю., 1957, с.159, 160), заслуживают серьезного отношения. В описании страны Алан Ибн Русте говорит о следующем (в новом переводе В.Ф.Минорского): «Аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежат у них племени, называемому Д.хас» (Минорский В.Ф., 1963, с.221).

И.Маркварт наименование «Д.хсас» восставил как «Дохс-ас» (Marquart J., 1961, с.165), но более удачна и убедительна конъектура В.Ф.Минорского «Рухс-ас» (Минорский В.Ф., 1963, с.221) и мы ее принимаем. Как видим, выделенные нами археологически четыре этнокультурные общности Алании соответствуют информации Ибн Русте о четырех аланских племенах. Если учесть, что труд Ибн Русте, созданный в начале X в., восходит к полной редакции труда Ибн Хордадбега (Новосельцев А.П., 1990, с.12), сведения Ибн Русте отражают этнополитическую ситуацию Северного Кавказа IX–X вв. Это время консолидации племенных объединений, начавшееся с VI в. вместе с тенденцией к конфедерации (Гадло А.В., 1979, с.106) всех племен, живших на территории Алании. В X в. такая конфедерация как форма раннефеодального государства уже оформилась, а термин «аланы» приобрел не только узко-этническое, но и общее для всего населения Алании значение политонима (Кузнецов В.А., 1962, с.74). Заметим кстати, что подобное понимание соответствует современным наблюдениям над этнонимикой Северного Кавказа византийских источников — 80% этнонимов не подразумевают конкретной этнической общности и являются «зашифрованным» обозначением народностей (Бибииков М.В., 1982, с.151). Данные выводы, очевидно, приложимы и к этнонимике мусульманских авторов. Следовательно, аланские племена в понимании Ибн Русте — это крупные общности, входившие в аланскую конфедеративную политическую систему.

Попытаемся прокомментировать свидетельство Ибн Русте о племени Рухс-Ас, которому принадлежат «почет и царство» в аланском объединении. Нет никаких сомнений в том, что это политически господствующее племя Алании. Прозрачная иранская этимология («Рухс-Ас» — «светлые асы»; В.Ф.Минорский (1963, с.221) читает как «светлые аланы», что не точно, говорится именно об асах — ср.: Абаев В.И., 1949, с.38) показывает, что в данном случае речь идет о конкретном этносе, говорившем на иранском языке. Это не горнокавказские аборигены. Это те носители катакомбного обряда погребения, о коих выше говорилось как об аланах.

Конечно, одной этимологии для столь далеко идущих выводов недостаточно. Но есть и иные соображения. Ареал катакомбных могильников преимущественно соответствует предгорной весьма плодородной равнине (с VI в. катакомбные могильники начинают появлять-

ся и в горных ущельях, но здесь они не доминируют). Аланы занимают лучшие земли и явно контролируют все выходы из ущелий, а это весьма существенно — «горцам нужна была степь гораздо больше, чем степнякам горы. Именно поэтому горцы часто попадали в зависимость от тех, кто владел соседними равнинами» (Лавров Л.И., 1978, с.34). Более того, некоторые исследователи считают, что государство в горных районах не может возникнуть, если равнинные районы не определят его лицо (Рамишвили Р.М., 1984, с.6). Полагаем, что эти суждения справедливы и племя алан — «светлых асов» господствовало в Алании благодаря многочисленности и преобладанию военной силы, традиционно опиравшейся на хорошо вооруженную конницу (Савенко С.Н., 1989, с.16, 17; Каминский В.Н., 1992, с.19 и др.). В этой связи напомним указание ал-Масуди (X в.) о том, что аланский царь выступает в походах с 30 тыс. всадников (Минорский В.Ф., 1963, с.205), а В.Н.Каминский считал даже, что в XI–XII вв. общая численность аланского войска составляла 50–60 тыс. воинов (Каминский В.Н., 1992, с.19). Если это хотя бы приблизительно верно, то для раннего средневековья это огромная сила.

Следует полагать, что в структуру аланского войска входили и отряды горцев. Но решающее значение имели аланские контингенты. Здесь надо учесть идеи, сформулированные В.Б.Ковалевской применительно к I тыс. до н.э.: скифы на Северном Кавказе осуществляли военную функцию, местное кобанское население с его высоким уровнем ремесла — производственную, в том числе и производство оружия (Ковалевская В.Б., 1988, с.14). Аналогичная картина могла сложиться и в аланскую эпоху.

Оценивая сведения Ибн Русте о четырех аланских племенах, А.В.Гадло заметил, что слово «дахсас» может быть передачей грузинского термина ос-овс, т.е. алан и что известие о четырех племенах является отражением этнополитического деления Алании (Гадло А.В., 1979, с.173), а в грузинской традиции этноним «овсы» обозначал обитателей Центральной части Северного Кавказа, входивших в Аланский политический союз или конфедерацию отдельных племен (Гадло А.В., 1983, с.8). Поскольку, как известно, грузинское «ос», «овс» является эквивалентом этнонима «ас», наши приведенные выше выкладки соответствуют выводам А.В.Гадло.

АЛАНЫ И АСЫ. Согласно Ибн Русте, племя «светлые (с социальным значением превосходства; Блаватский В.Д., 1975, с.46) асы»

одновременно было аланским племенем, частью алан. Следовательно, во времена Ибн Русте и Ибн Хордадбеха (IX–X вв.) употребительный термин «аланы» уже приобрел то общее значение политонима, о котором говорилось выше. Иное дело термин «светлые асы». За ним стоит конкретный ираноязычный этнос, покрытый не только общим политонимом, но и имеющий самоназвание «асы» (груз. «осы»). Это положение представляется нам очевидным постольку, поскольку политоним средневековых северных иранцев «аланы» распространяется на огромной территории вплоть до Западной Европы, тогда как термин «асы» употребляется на значительно более узкой территории и прежде всего в Азиатской Сарматии и на Кавказе. Не менее важны авторитетные свидетельства Платона Карпини, Гильома Рубрука (Путешествия в восточные страны..., 1957, с.57, 106) и Иосафата Барбаро (Барбаро и Контарини о России..., 1971, с.137) о том, что аланы себя называют «ас». Это показания очевидцев, лично общавшихся с аланами. Судя по этим фактам, самоназвание «ас», «асы» принадлежало северокавказской и донской (по А.П.Новосельцеву не только р.Дон, но и Донец этимологически связаны с алано-асами: Донец — это «Дон-ас»; Новосельцев А.П., 1990, с.241, прим.421) группировкам алан, хотя летописный город Ясьский торг — «Аский торг» (ПСРЛ, с.240) — современный румынский город Яссы — и пребывание группы алан-ясов в Венгрии (Кузнецов В.А., 1993а, с.83–152) указывают на продвижение их к XIII в. далеко на запад.

Видимо, асы не случайно назвали себя «светлыми», подчеркивая тем свой особый статус. Согласно римскому писателю Помпею Трогу, «скифские племена сарауков и азианов» (в последних можно видеть азиевасиев-асов) захватили и сокрушили Бактрию и Согдиану, а у народа тохаров были «азианские цари» (Юстин..., 1955, с.242, 243). Сведения Помпея Трога подтверждает Страбон: асии вместе с другими иранскими племенами Средней Азии «отняли у греков Бактриану» (Страбон. География, VIII,2). По мнению В.П.Яйленко асии-азианы Страбона и Трога идентичны правившему у тохаров роду Ашина, аланскому по происхождению, тогда как сами тохары были тюрками: нет ничего удивительного в том, что правящий род иногического происхождения, нежели основной этнос (Яйленко В.П., 1995, с.65, 66). Нет ничего удивительного и в том, что в подобном историческом контексте среднеазиатское племя асианов-асиев могло осознавать себя «светлыми»

или «благородными», подобно тому, как часть алан называлась роксаланами — «светлыми» аланами, а согласно Аммиану Марцеллину (IV в.), все аланы «одинаково благородного происхождения» (История, XXI, 2,21).

Асы, по некоторым данным арси или юечжи китайских источников (Артамонов М.И., 1962, с.407; Заднепровский Ю.А., 1993, с.37–39; Бернар П., Абдуллаев К., 1997, с.68), асии Птолея (III в.) в это время уже жили в степях близ устья Дона. Очевидно, это племя, активно проявившее себя в Средней Азии, в силу каких-то причин мигрировало в Азиатскую Сарматию, если только во всех упомянутых источниках фигурирует один этнос: «выстроенная таким образом цепь событий в определенной мере предположительна, так как не все ее звенья абсолютно доказаны» (Скрипкин А.С., 1992, с.39). Здесь не проработаны археологические критерии, демонстрирующие генетическую связь среднеазиатских катакомбных могильников первых веков н.э. с северокавказскими. Тем не менее этническая близость среднеазиатских асиев и северокавказских асов представляется вполне вероятной.

Обратимся к аланам. В литературе существует представление о тождестве алан и асов, в которых видят один народ (Гаглойти Ю.С., 1966, с.167–181 и др.). Но подобные взгляды не учитывают разную историческую динамику, свойственную каждому из двух интересующих нас этнонимов и стоящих за ними этносов. Если этноним «асы» сохранил значение номинации конкретной общности, в условиях Кавказа трансформировавшись в «осы», «ковсы», «осетины», этноним «аланы» претерпел более сложную эволюцию.

Будучи иной общностью североиранского мира, нежели аланы, общность асов, вероятно, сформировалась в южных районах Средней Азии. Аланская общность формировалась севернее и имеет сако-массагетское происхождение, о чем прямо свидетельствует Дион Кассий (Римская история, LXIX, 15,1) и особенно Аммиан Марцеллин (История, XXIII,5,16; XXXI,2,12). Некоторые ученые считают, что аланы генетически связаны с аорским племенным объединением (Гаглойти Ю.С., 1966, с.92; Скрипкин А.С., 1984, с.112,113 и др.), однако признано, что и асии, и аорсы входили в состав массагетской конфедерации северных иранцев (Смирнов К.Ф., 1964, с.285; Пьянков И.В., 1975, с.53–57) и безусловно были родственными, в языковой сфере, очевидно, различаясь на уровне диалектов. Можно согласиться с теми исследователями, кото-

рые на раннем этапе (в первых веках н.э.) в аланах видят конкретный этнос сармато-массагетского происхождения и вполне однородный («ведущее сарматское племя» по М.И.Ростовцеву (Ростовцев М.И., 1993, с.92), «совершенно особое сарматское племя» по Ю.Г.Виноградову (Виноградов Ю.Г., 1994, с.159), «собственно аланы» по А.С.Скрипкину (Скрипкин А.С., 1996, с.165), хотя следует признать и то, что идеи М.И.Ростовцева об исчезновении названия аорсов (как и сираков — В.К.) из письменных источников во 2-й половине I в. и появление в тех же местах алан (возможно, с 35 г.; Гаглойти Ю.С., 1966, с.93), могут говорить о сложных процессах миксации и инкорпорации одних сарматских племен другими и быстрых изменениях в сарматской этнической номенклатуре, когда этноним алан делается собирательным и гетерогенным именем для всех поздних сарматов первых веков н.э.

В свете произведенных соображений отметим, что племенное название «аланы», сначала в сарматской этнонимике прозвучавшее как «роксаланы» (Страбон. География. VII,17), стало быстро приобретать расширительное значение, о чем свидетельствуют и существующие научные этимологии: «аланы» — это общее наименование древних иранцев «арии» (Абаев В.И., 1949, с.246; Абаев В.И., 1958, с.47; Основы иранского языкознания, 1979, с.П, прим.2), по Т.В.Гамкрелидзе и В.В.Иванову первоначальное значение «хозяин», «гость», «товарищ» трансформируется в «товарищ по племени» и далее в название племени и страны (Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В., 1984, с.755). Последнее значение в условиях горного Кавказа законсервировалось, а в обиходе карачаевцев и балкарцев дошло до нашего времени (Происхождение балкарцев и карачаевцев, 1960, с.38, 39; Волкова Н.Г., 1973, с.108), хотя эти народы тюрки, а не иранцы.

Таким образом, мы вновь (Кузнецов В.А., 1962, с.74) отмечаем, что этноним «аланы» в ходе своей исторической эволюции и трансформации, наряду с конкретно-этническим содержанием сарматской племенной номинации, приобрел и собирательное значение политонима, на что уже в IV в. указал Аммиан Марцеллин: «Они (аланы — В.К.) мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности подобно персам» (История, XXI,2,13, перевод В.В.Латышева).

В переводе Е.Ч.Скржинской аланы, «ослабив соседние племена частыми над ними победами, стянули их под одно родовое имя» и

после этого «суммарно зовутся все аланами, так как и нравы, и образ жизни у них одни и те же, а также вооружение их одинаково» (Иордан, 1960, с.275, прим.388). У нас нет особых оснований сомневаться в достоверности сведений Марцеллина, тем более, что в ту эпоху подобное «суммарное» значение имели и некоторые другие этнополитонимы, например «сарматы» (Иордан, 1960, с.232, прим.189), а этнонимы могли изменять свое содержание уже со скифской эпохи (Международный «круглый стол»..., с.65–70).

Можно сделать некоторые предварительные выводы. Судя по всему, асы и аланы изначально и еще в глубинах Средней Азии были разными частями мира древних иранцев. Такими их в XI в. зафиксировал ал Бируни («род аланов и асов»; Волин С., 1941, с.194), в XII в. ал Гарнати, в Дербенте знакомившийся с языками народов Кавказа и четко различавший языки аланский и асский (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971, с.26). Видимо, самостоятельность асов и алан была устойчивой и диахронной. В то же время их этноязыковая близость и этнографическое сходство, подмеченное А.Марцеллином, послужило причиной экстраполяции и смешения тех и других в письменных источниках, динамичной подвижности обоих этнонимов, но особенно термина «аланы». Сведения Ибн Русте, рассмотренные выше, подтверждают это: на севере Кавказа четыре аланских племени, но господствуют «светлые асы» — носители катакомбного обряда погребения. Статьи, заметим, поскольку северокавказские асы идентифицируются с овсами-осами, внимание археологов и этнографов должен привлечь современный погребальный обряд осетин в особых могильных камерах, обкладываемых кирпичом и не допускающих — как и катакомбы — проникновения земли в могилу, именуемую по осетински «канга инган» («сделанная» или «обделанная» могила; Абаев В.И., 1958, с.544, 580). Не исключена возможность конструктивно-генетической связи этих могильных сооружений с раннесредневековыми катакомбами, но эта версия совершенно не разработана.

АЛАНЫ И АСЫ В «АШХАРАЦУЙЦ». Приписываемая армянскому географу VII в. Ананию Ширакаци «Армянская география» — «Ашхарацуйц» представляет первостепенной важности источник по хорографии Северного Кавказа рубежа VI–VII вв., основанный на не дошедших до нас картах (Еремян С.Т., 1970, с.400). Сведения этого источника уникальны, в том числе и по интересующим нас вопро-

сам. Приведем их в четырех известных нам переводах с армянского.

Перевод К.П.Патканова: «Народы в Сарматии распределены следующим образом, начиная с запада и направляясь к востоку: во первых народ Агванов (не Албан), Аштигор на юге. С ними вместе живут Хебуры, Кутеты, Аргвелы, Мардуйлы и Такуйры. За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армна, которая, направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем. В тех же горах за Ардозами живут Дачаны, Двалы, Цехойки, Пурка, Цанарка, в земле которых находятся ворота Аланские и еще другие ворота Кцекен, названные по имени народа»... (Из нового списка географии..., 1883, с.30).

Перевод И.Маркварта по венецианскому изданию мхитариста А.Сукри: «Описание Сарматии, двигаясь с запада на восток: сначала народ Аланы, Астигор, что южнее их. Около них живут Хебурк, Кутетк, Аргвел и Маргойл. Также Такойр есть Аланы в Дикор, стране Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армна» (Marquart J., 1961, с.169, 170).

Перевод С.Т.Еремяна: «И считаются народами Сарматии начиная с запада на восток так: прежде всего племя Аланов, Аш-Дигор, затем южнее соседи их Хебуры и Кубеты, Аргвелы, т.е. Маргвелы, Скимнии, т.е. Такворы. Аланы позади Дигоров, в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Армн, которая идя на север, через безбрежные равнины, сливаясь в (реку) Атл. В тех же горах (Кавказских) после народа Ардоз проживают племена Рачан, (Пиндж), Двалов, (Хонов), Цхумов, Овсуров, Цанаров у которых аланские ворота и другие ворота, называемые Целкан, соименного племени»... (Армянские источники об аланах..., 1985, с.17).

Перевод Р.Хьюсена: «There are many (peoples) in Sarmatia beginning from east to west thus: first the nation of the As-Tigor Alans on the south Dwelling with them are the Xeburk, Argwel, Mardoyl, Takouyr and Alans. Next are the Dikorin in the Ardoz country (lying) in the Caucasus Mountains from which flows the River Armn which, running north into the vast steppes, joins the Etil. In the same mountains, after the Ardozian people, dwell the Dajank, Dualk, Sexoyk, Purk and canark among whom are the Jates of the Alans and the other gate called Ceken (so called) after a people of the same name» (The Jeography of Ananias of Sirak, 1992, с.55, 56, map VI. Пользуюсь этим переводом благодаря любезности Константина Цукермана, Коллеж де Франс).

Сравнение цитированных текстов показывает смысловые расхождения между ними и наглядно свидетельствует об огромном значении точного, аутентичного перевода. Исследователь, не вооруженный таким переводом, может оказаться его заложником и строить неверные реконструкции, принимаемые другими авторами. Так например, в переводе С.Т.Еремяна неверно поставленная запятая может изменить смысл передаваемой информации: «племя Аланов, Аш-Дигор»... нами воспринимается как указание на два разных племени, тогда как формула «племя Аланов Аш-Дигор» есть указание на то, что аш-дигоры это аланское племя.

Мы не компетентны судить о качестве и адекватности приведенных выше переводов, но только что упомянутые расхождения в текстах поражают. Сразу же укажем на принципиальную несообразность в переводе Р.Хьюсена, не замеченную его рецензентом С.Н.Муравьевым (Муравьев С.Н., 1997, с.224–234) — в то время, как во всех переводах вышеприведенного пассажа «Ашхарацуйц» описание племен Сарматии ведет с запада на восток, в переводе Р.Хьюсена оно дано наоборот — с востока на запад. Но это меняет этногеографическую карту Кавказа! Уже только в этой связи нельзя не согласиться с С.Н.Муравьевым: как перевод, так и комментарий Р.Хьюсена требуют в работе с ними большой осторожности и перепроверки.

Основу для наших суждений составляют переводы армянских ученых К.П.Патканова и С.Т.Еремяна как наиболее близко стоящих и к языку, и к тексту источника. Тем не менее там, где К.П.Патканов читает «народ Агванов», С.Т.Еремян обнаруживает «племя Аланов», что далеко не одно и то же; у С.Т.Еремяна названы скимнии или такворы, но у К.П.Патканова скимниев нет. В дальнейшем списке племен у Еремяна присутствуют племена Цхумов и Овсуров, которые неизвестны Патканову. Происхождение данных разночтений остается для нас неясным (разные списки оригинала?), но достаточно аутентичными представляются сведения об аланах и их подразделениях. Кратко остановимся на этом.

Нет сомнений в том, что Сарматия «Ашхарацуйца» это Азиатская Сарматия античных географов, лежавшая восточнее р.Дон. А.С.Скрипкин включает в Азиатскую Сарматию территории Нижнего и Среднего Подонья и Поволжья, Западного Казахстана и Южного Приуралья (Скрипкин А.С., 1990, с.4, карты 1–3), но не Северный Кавказ и его равнины. Это очевидное недоразумение и

«Ашхарацуйц» говорит об этом недвусмысленно. Итак, на западе Сарматии живут аланы. Вряд ли это нижнедонские аланы-танаиты, разгромленные в конце IV в. гуннами. Скорее всего это аланы Предкавказья, в VII в. (время создания «Ашхарацуйц») здесь уже хорошо известные (ср. у Прокопия Кесарийского: Прокопий из Кесарии, 1950, с.381). Прокопий очерчивает территорию кавказских алан в VI в.: «От пределов Кавказа до Каспийских ворот», где Каспийские ворота означают Дарьяльский проход («Ворота алан» Ибн Русте; Минорский В.Ф., 1963, с.221; Новосельцев А.П., 1990, с.106; Гаглоев Ю.С., 1964, с.47–51), но остается неясным другой ориентир — «пределы Кавказа». Для В.Б.Ковалевской отправной точкой служит то, что по Прокопию аланы в горах Кавказа граничили сс сванами и брухами (Ковалевская В.Б., 1984, с.133), это соответствует выводам Ю.С.Гаглойти о верховьях Кубани (Гаглоев Ю.С., 1964, с.51) и горе Эльбрус. Аналогичные суждения нами были высказаны в 1962 г. (Кузнецов В.А., 1962, с.128). Археологически аланы в верхнем и среднем течении Кубани зафиксированы в хазарское время (Каминский В.Н., Кондрашов А.В., 1988, с.57–64; Каминский В.Н., 1993, с.40–46), причем исследователи отмечают близость среднекубанских катакомбных могильников могильникам Кавказских Минеральных Вод (Анфимов Н.В., 1988, с.56). Можно предположить, что именно эту группировку алан, по имеющимся данным особо мощную в районе Кисловодской котловины и прилегающую к верховьям Кубани с востока (Ковалевская В.Б., 1984, с.155), и имел в виду Ананий Ширакаци.

Рядом с западной группировкой алан в «Ашхарацуйце» названы ас-дигоры. При любом чтении перевода С.Т.Еремяна остается очевидным, что это аланское племя. Очевидно, В.Томашек был неправ, полагая, что аланы с IX в. часто выступали под именем асов (Paulus, с.1284), в действительности подобная инверсия этнонимов имела место гораздо раньше. Прав М.И.Артамонов, считавший, что «в древности аланы и асы различались между собой и представляли два разных племени» (Артамонов М.И., 1962, с.359). Показательно, что в войсках египетских мамлюков аланы и асы, по египетским источникам, фигурируют отдельно до начала XVII в. (Хотко Самир, 1995, с.214, 215), т.е. дифференциация тех и других весьма устойчива. В этом плане сведения «Ашхарацуйц» достоверны и ценны — собственно аланские племена Северного Кавказа состоят из алан и асодигоров.

Местоположение последних может быть намечено по перечислению соседей, «что южнее» ас-дигоров. Это Хебуры, Кутеты (Кубеты), Аргвелы, Такворы. Нет сомнений в том, что это местные кавказские племена, преимущественно горные (Гадло А.В., 1979, с.165, 166). Вопрос о локализации и идентификации этих племен почти не разработан и это свидетельствует о невнимании исследователей к аборигенно-субстратному пласту населения средневекового Кавказа в противовес увлечению историей степных мигрантов скифов, сарматов, алан. Поэтому предлагаемая ниже локализация имеет характер подлежащих обсуждению предположений.

Хебуры отождествлены И.Марквартом с жителями с.Хеби в горной Раче (Marquart J., 1961, с.170, 171), что представляется крайне сомнительным — нет никаких сведений о существовании этого села в VII в. и именно его отражения в «Ашхарацуйц» (впрочем, И.Маркварт при этом сослался на Ю.Клапрота, который в свою очередь позаимствовал мнение И.А.Гильденштедта). Согласно комментариям Р.А.Габриелян хебуры — это племя в бассейне верхнего течения р.Аварское Койсу «в ущелье притока Джурмут» (Армянские источники об аланах, 1985, с.47, прим.41), что также кажется сомнительным, ибо племена горного Дагестана непосредственно с аланами не соприкасались, а племя хебуров в истории Дагестана нам неизвестно. Р.Хьюсен, ссылаясь на С.Т.Еремяна, также поместил хебуров в высокогорном Дагестане, юго-восточнее Дидо (The Geography of Ananias of Sirak, 1992, map VII), в верховьях Аварского Койсу. Мне кажется более допустимым, основываясь не только на фонетическом сходстве этнонимов, но и на географическом соседстве, в племени «хебуры» вслед за К.П.Паткановым видеть современных хевсуров в горах Восточной Грузии, живших рядом с «Аланскими воротами».

Кутеты в комментариях И.Маркварта сопоставлены с областью Кутк на юге Кавказа между черкесами и сванами (Marquart J., 1961, с.171). От этой области сохранилось реликтовое название города Кутаис (Инал-Ипа Ш.Д., 1976, с.387). Р.А.Габриелян помещает кутетов у истоков р.Риони (Армянские источники об аланах, 1985, с.47, прим.42), считая их племенем алано-осетинского этноса, но, очевидно, наиболее приемлемое отождествление этнонима кутетов с поздним термином «кударо» (южные осетины) сделано С.Т.Еремяном (Еремян С.Т., 1970, с.406), с чем согласен Р.Хьюсен (The Geography of Ananias of Sirak, 1992, с.115).

Аргвелы — племя, по И.Маркварту, соответствующее округу Имеретии с центром в Шарапани (Marquart J., 1961, с.171), именуемым «Аргвети» (восточнее Кутаиси). Также идентифицируют аргвелов Р.А.Габриелян (Армянские источники об аланах, 1985, с.47, прим.43) и Р.Хьюсен (The Geography of Ananias of Sirak, 1992, p.115, map IX). Автором этих строк уже обращалось внимание на группу топонимов Северного Кавказа, содержащую этнонимическую основу «арг» (реки Аргун и Аргудан — «река аргов» — осет.) и загадочное племя или народ «арги» в осетинском фольклоре (Эльхотовские ворота — «Теснина аргов»; Кузнецов В.А., 1992, с.220, 221; по А.Д.Цагаевой элемент «арг» встречается в топонимии Куртатинского ущелья и Дигории и представляет собой «название племени или какой-то народности»; Цагаева А.Дз., 1975, с.547). Уже высказывалось предположение, что арги — местное аборигенное племя, обитавшее здесь до появления алан. Если принять эту гипотезу (Кузнецов В.А., 1992, с.220, 221), племя «арг» (аргвелы, эта форма грузинирована — В.К.) можно поместить на территории между современными городами Грозный и Нальчик.

Такворы — такуйры вполне убедительно сближаются И.Марквартом с тагаури грузинских источников, сами себя называющими «тагате» (Marquart J., 1961, с.170), на что ранее уже указывал Ю.Клапрот (Voyage au mont Caucase..., 1823, p.479, прим.1). Происхождение этого наименования, явно восходящего к эпониму Тага (по свидетельству М.Г.Джанашвили Тога — легендарный герой, которого воспевали хевсуры и пшавы; Царевич Вахушти, 1904, с.120, прим.398), пока не раскрыто. Локализация данного племени в «Ашхарацуйц» показана достаточно конкретно: такойр есть аланы в Дигор, стране Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армна. Как видим, такворы — такуйры есть подразделение алан, занимающее «страну Ардоз» (осет. «ардуз»-поляна, В.К.) в Кавказских горах близ истоков реки Армна, обоснованно отождествляемой И.Марквартом с Терекком. Отсюда допустим вывод о местоположении «страны Ардоз» в области истоков Терека (Marquart J., 1961, с.171). Сейчас это тагаурцы, жители восточных ущелий Северной Осетии, прилегающих к Тереку и Дарьяльскому проходу. Подведем итоги. Все локализованные выше племена плотно «ложатся» в горах (хебуры, кутеты, такворы) и предгорьях (аргвелы) к западу, востоку и югу от Каспийских ворот — Дарьяля. Если это так, аланское племя ас-дигор можно

помещать в тех же географических пределах, но не в горах, а на предгорной равнине. В таком случае асы «Ашхарацуйц» археологически могут быть носителями катакомбного обряда погребения, а исторически — господствующим в центральнокавказском субрегионе племенем «рухс-ас» (по Ибн Русте).

АЛАНИЯ И АСИЯ. Выше показано, что согласно «Ашхарацуйц» в VII–VIII вв. аланская конфедерация Северного Кавказа состояла из двух объединений или групп: аланской в западной части Азиатской Сарматии (точнее говорить о Кавказской Сарматии как части Азиатской) и асской в ее восточной части. Если первая территориально тяготела к верхнему течению Кубани, то вторая приурочена к верхнему течению (бассейну) Терека. В это конфедеративное сообщество прочно осевших на землю и сменивших свою экономическую систему древних иранцев, несомненно, входили и аборигенные кавказские племена, не полностью ассимилированные иранцами и особенно сохранившиеся в горах. По этим причинам этносфера Алании представляется нам безусловно гетерогенной и неоднородной. С возникновением в VII в. Хазарского каганата она еще более осложнилась за счет движения в Аланию групп тюрок (Ковалевская В.Б., 1984, с.168–174; Кузнецов В.А., 1992, с.221).

Исходя из сказанного, западный аланский ареал можно отождествить с известной в письменных источниках Аланией, восточный ареал с Асией. Не ограничиваясь анализом «Ашхарацуйц», коснемся других факторов, так или иначе подтверждающих эти предположения.

Византийская историческая традиция прочно связывает алан с бассейном верхней Кубани (Зетейшвили С.Г., 1976, с.86; Кузнецов В.А., 1985, с.40–53). Именно здесь скорее всего в VII в. находился в ссылке Максим Исповедник (Кузнецов В.А., 1978, с.33, 34) и именно здесь в начале X в. была создана Аланская епархия Константинопольской патриархии, началось храмовое строительство (Кузнецов В.А., 1977, с.27–115), а кафедральный собор и административный центр епархии расположились на Нижне-Архызском городище в верховьях Большого Зеленчука (Кузнецов В.А., 1993б, с.244, 245), причем не исключено, что сооружение крупных храмов епархии продолжалось в XI в. (Перфильева Л.А., 1996, с.18, 19). Картографирование христианских памятников позволило нам предварительно очертить территорию Аланской епархии и установить ее пределы от долины Большой Лабь до современного г.Нальчика (Кузнецов В.А.,

1985, с.54–57; 1992, с.118, 119). Очевидно, это и есть ареал Аланской епархии и Алании византийских источников.

Характерно, что представления об аналогичном местоположении Алании были свойственны и грузинской исторической традиции вплоть до XVIII в. Видимо, не случайно царевич Вахушти (1745 г.) в своей «Географии Грузии» четко отличает Аланию от Осетии: «Алания находится на западной стороне от Сванетии и посевнее от Бедии (город в провинции Одиши, Западная Грузия — В.К.). С восточной стороны она упирается о Кавказский хребет и доходит до границы Сванетии, с южной стороны ее находится гора Бедийский Кавказ, проходящий между Одишом и Аланией. С запада Алании также Кавказ, равно и с востока» (Царевич Вахушти, 1904, с.85). Примерно на тот же район Северного Кавказа указывают в середине XVII в. доминиканец Арканджело Ламберти (Ламберти А., 1913, с.2), в конце XVIII в. Якоб Рейнеггс (Reineggs Jacob, 1797, с.15). Не вызывает особых сомнений, что названные авторы аланами называли уже тюркоязычных карачаевцев, воспринявших название своей страны от предшествующего населения, и это не удивительно: в формировании карачаевцев и балкарцев аланы играли роль этнического субстрата (Калоев Б.А., 1994, с.83–97). Нам в данном случае важно сохранение интересующей нас традиционной номинации вплоть до XVIII в. за бассейном верхней Кубани, что не может быть случайностью.

Как видим, начиная с VII в. и в соответствии с показаниями «Ашхарауиц» собственно аланская территория занимает бассейн верхней Кубани между ущельем Большой Лабы на западе и район г.Нальчик (возможно, по р.Баксан) на востоке, включая район Кавказских Минеральных Вод. Это северокавказская Алания, своего рода аланский хинтерланд.

Вне указанного ареала в разных районах Евразии и в разное время возникали другие Алании, существовавшие недолго и, очевидно, этнически связанные с преобладающим сармато-аланским населением. Такова известная по китайским хроникам приаральская область Яньцай, в I в. переименованная в Аланья (Бичурин Н.Я., 1950, с.229), реконструируемая С.А.Яценко «Донская Алания» первых веков н.э. (Яценко С.А., 1993, с.68), засвидетельствованная Иосафатом Барбаро крымская Алания XV в. (известна ему и бывшая Алания на Дону; Барбаро и Контарини о России, 1971, с.154, 157). На карте в географическом труде Орозия (V в.) еще одна Алания помещена у

устья и нижнего течения Дуная (Кулаковский Ю.А., 1899, с.23). Аланский епископ Феодор, побывавший в Херсонесе в 1223 г., засвидетельствовал присутствие здесь «малых алан» (Жаворонков П.И., 1982, с.188, 189), что предполагает существование и «больших алан». В последних можно в это время усматривать только алан Северного Кавказа, т.е. тот же хинтерланд алан или аланскую метрополию до XII в. Аланский христианский центр находился здесь же. Это прежде всего Алания в районе верхней Кубани.

Обратимся к проблеме Азии. Реальность ее локализации восточнее верхнекубанской Алании подтверждает Константином Багрянородным (913–959 гг.) в его сочинении о церемониях византийского двора: император отличает эксусиократора Алании от архонтов Азии в стране около Каспийских ворот, т.е. Дарьяльского прохода (Constantine Porphyrogenitus, 1829, с.688). Это важное сообщение в кавказоведении до сих пор должным образом не оценено. Его значение заключается не только в том, что К.Багрянородный дифференцирует Аланию и Асию, а последнюю помещает близ Дарьяла — верховьев Терека, но и в том, что если Аланией правит персонифицированный властодержец и, по-видимому, структура власти и социальная стратификация здесь зашла достаточно далеко, то в Азии господствуют архонты. Как отметил М.В.Бибиков, содержание этого византийского термина неоднозначно и обозначает различных представителей господствующего класса после «царей», в том числе он употребляется как синоним понятия «богатый». У К.Багрянородного «архонт» является местным аланским властителем (Бибиков М.В., 1981, с.143). К.Цукерман (Коллеж де Франс) любезно обратил наше внимание на то, что в рассматриваемом пассаже «церемоний» Багрянородный отмечает архонтов во множественном числе, следовательно их как минимум было два-три. Об архонтах Азии писал И.Маркварт (Marquart J., 1961, с.168). Архонты были и у средневековых адыгов. На византийском моливдовуле XI в. назван архонт Зихии, который в русском источнике проходит как «князь касожьский» (Гадло А.В., 1994, с.74, прим.13). Вряд ли мы ошибемся, если статус зихского архонта экстраполируем на архонтов асов. В таком случае можно допустить, что в Азии в X–XI вв. правили несколько местных князей и она состояла из нескольких феодальных владений, тогда как Алания верховьев Кубани была политически объединена и по уровню своего внутреннего развития несколько опережала Асию

(см.: Кузнецов В.А., 1985, с.57, 58; 1993а, с.68). Причины этого явления могут состоять в том, что в период арабо-хазарских войн VIII в. Алания находилась в стороне от театра военных действий и не была разорена подобно Азии, принимавшей на себя арабские удары, а длительное функционирование Великого шелкового пути через территорию Алании приносило ей немалые выгоды. Безусловно, имели значение и прочные связи Алании с Византией и получение от нее субсидий.

Согласно «Ашхарацуйцу», территория Азии принадлежала ас-дигорам или племени «светлых асов» Ибн Русте. На предгорной равнине к востоку от верхнего течения Терека это аланское население находилось в контакте с древневайнахскими племенами кистов и дзурдзуков и это, на наш взгляд, объясняет прямые сходжения чеченского языка с дигорским диалектом осетинского. «Эти сходжения отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей» — писал об этом В.И.Абаев, указывая, что сходжения дигорского и чеченского в то же время минуют иронский диалект осетинского языка (Абаев В.И., 1959, с.89). Феномен появления на той же территории иронского диалекта, считающегося более поздним, пока не поддается убедительному объяснению историко-археологическими средствами и нам, вслед за В.И.Абаевым, остается повторить тезис о двух волнах иранской миграции на Северный Кавказ: «дигорской» и «иронской», причем вторая волна вклинилась и отделила дигорский от чечено-ингушских языков (Абаев В.И., 1959, с.115). В древнеиранских языковых материалах мы имеем преобладание «дигоризмов»: в иранском пласте топонимики верховьев Кубани обнаруживаются дигорские звуковые формы (Миллер В.Ф., 1887, с.7–10; 1962, с.17); известная зеленчукская надпись XI–XII вв., по Л.Згусте, «ближе к дигорскому» (Zgusta L., 1987, с.22); Д.Б.Шелов отмечал особую близость древнеиранских аланских имен II в.н.э. к дигорскому диалекту осетинского языка в надписях на надгробиях Танаиса (Шелов Д.Б., 1974, с.89). Наиболее поздний памятник яского (алано-асского) языка — глоссарий 1422 г. из Венгрии, по заключению Ю.Немета, примыкает к дигорскому, с чем согласен В.И.Абаев (Немет Ю., 1960, с.13, 21). Два диалекта скифо-сарматской речи в Северном Причерноморье на материалах ономастики выявил Л.Згуста: более архаичный (скифский) в западной части ареала и более «молодой» в его восточной части (сарматский) (Zgusta L., 1955, с.254).

Здесь следует коснуться последней монографии М.П.Абрамовой, обстоятельно рассматривающей предшествующую сарматскую эпоху Центрального Кавказа до IV в. н.э. Суть выводов и построений М.П.Абрамовой сводится к тому, что археологически можно выделить два периода политического господства иранцев на Центральном Кавказе: скифское время VII–V вв. до н.э., причем остатки скифского населения сохраняются до II–III в. н.э., особенно в западной части ареала; сармато-аланское время, связанное с передвижением кочевых аланских племен со II–III вв., отступлением более раннего оседлого населения в горы и плотным заселением аланами восточной (притеречной) части ареала. Иранцы скифского периода связаны с формированием дигорского диалекта, восточная волна алан положила начало иронскому диалекту, что «находит полное подтверждение в данных лингвистики» (Абрамова М.П., 1993, с.201). Заключение М.П.Абрамовой в целом совпадает с выводами Л.Згусты относительно материалов древнеиранской ономастики Северного Причерноморья. Эта проблема во многом еще неясна (критические замечания И.И.Марченко в адрес М.П.Абрамовой данных сюжетов не затрагивают; Марченко И.И., 1996, с.135, 136), нуждается в специальной комплексной разработке. Сейчас обратим внимание на интересные языковые факторы, подмеченные Н.Шельдом: осетинские включения в венгерский язык идут не из дигорского, а из «тагаурского» (по Шельду), т.е. иронского диалекта, а время заимствований в венгерский приходится на 725–775 гг. (Skold H., 1925, с.75–78, 98). Возможно, что эти лингвистические наблюдения подтверждают, хотя бы косвенно, построения М.П.Абрамовой, ибо факт общения древних венгров с аланами не вызывает сомнений.

Вернемся к Азии, локализуемой «Ашхарацуйцу» и К.Багрянородным около Каспийских ворот — Дарьяла. Мы считаем, что предкавказские асы, «светлые асы» Ибн Русте, это осы или овсы грузинских хроник (Летопись Картли, 1982, с.50, 51, 79; Мровели Леонти, 1979, с.25, 30, 34, 35, 37, 39; Матиане Картлиса, 1976, с.30, 71; Гадло А.В., 1983, с.8). Грузинские источники подтверждают сообщение К.Багрянородного об архонтах (князьях) Азии, указывая «царей овсов» Азии; видимо, речь идет об одной господствующей социальной группе, несмотря на разницу в хронологии источников. В хазарское время, по А.В.Гадло, в восточной части Алании, соответствующей рассматриваемой здесь Азии, разместилась

резиденция наместника хазарского кагана с титулом «кюльбах» и постоянное войско хазар, что нашло отражение в дагестанской хронике «Дербенд-наме». Если это так (дагестанские ученые придерживаются иных историко-географических определений; см.: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993, с.18, 19, 46, 167), данные события VIII–IX вв. следует приурочивать к территориям Северной Осетии, ибо в «Дербенд-наме» говорится о рудниках на Тереке.

Наконец, царевич Вахушти помещает Овсетию к востоку от Алании (западная граница Овсетии — Кавказские горы между Рачей и Жгеле и между Басианом — Балкарией и Сванетией; Царевич Вахушти, 1904, с.66), поясняя, что после опустошения Овсетии ханом Батыем (1238–1239 гг.) «овсы, оставив долины (предгорные равнины — ареал катакомбных могильников, — В.К.), укрепились в Кавказских горах». Приведенные данные показывают, что северокавказские асы «Ашхарацуйц» и Асия К.Багрянородного локализуются на территории Северной Осетии и прилегающих к ней районов, что название страны «Осетия» исторически глубоко мотивировано и что вытекающая из письменных и археологических источников ретроспектива указывает на континуитет древних иранцев во взаимодействии и этнической миксацией с аборигенным горнокавказским населением. Последнее обстоятельство сыграло определяющую роль в этногенезе осетинского народа.

Наряду с северокавказской Асией существовала еще одна Асия, фигурирующая в так называемом Кембриджском документе, датированном X в. В нем хазарский аноним повествует, что среди народов, воюющих с Хазарией, присутствует Асия, что царь ее вместе с турками (тюрками?) напал на хазар и только царь алан помог хазарам, ибо часть алан «соблюдала иудейский закон», т.е. веру (Коковцов П.К., 1932, с.117). Как видим, для автора данного документа Алания и Асия — два разных политических образования, противостоящих друг другу. Нет особых сомнений в том, что упоминаемые здесь аланы это верхнекубанские аланы, старые союзники хазар (Кузнецов В.А., 1992, с.168). Что касается Азии, то вряд ли это Северный Кавказ (Артамонов М.И., 1962, с.360). Согласно И.Маркварту (Marguart J., 1961, с.165), П.К.Коковцову (Коковцов П.К., 1932, с.117, прим.1), М.И.Артамонову (Артамонов М.И., 1962, с.386) это степные аланы, носители салтово-маяцкой культуры. А.П.Новосельцев в упомянутых асах видел часть алан (Новосельцев А.П., 1990, с.195), не уточняя их местоположение.

АЛАНО-АССКИЕ ИНВЕРСИИ. Итак, имелось два объединения древних иранцев и аборигенных кавказцев: Алания в верховьях Кубани, Асия в верховьях Терека. Ранее локализация этих объединений нам представлялась наоборот — асы на западе, аланы на востоке (Кузнецов В.А., 1967, с.55). В дальнейшей версии о двух этнокультурных объединениях и, соответственно, о двух правящих в них династиях была конкретизирована, но отмечалось, что нельзя настаивать на жесткой локализации алан и асов на востоке и западе Алании, ибо этнонимы «аланы» и «асы» эквивалентны (Кузнецов В.А., 1988, с.77). Факт эквивалентности вполне достоверен, вспомним свидетельства Плано Карпини, Гильома Рубрика и Иосафата Барбаро о том, что аланы себя называют «ас». Речь может идти лишь о преобладании этнонима «аланы» на западе, «асы» на востоке Центрального Кавказа, но при наличии хорошо заметной в источниках инверсии. Приведем несколько примеров.

Аланы, явно приуроченные к Азии, в источниках проходят неоднократно. «Каспийские ворота» — Дарьяльский проход часто называется «Аланскими воротами» (Дар-и — Алан, замок в глубине ущелья «калат ал — Лан»; Минорский В.Ф., 1963, с.204). Через этот проход гунны и аланы совершали вторжения в Закавказье (Гадло А.В., 1979, с.29; Кузнецов В.А., 1992, с.45, 46, и др.), следовательно, аланы жили недалеко от прохода. Масуди говорит, что царство Сарир в Дагестане (современная Авария; Бейлис В.М., 1963, с.250) находится рядом с царством алан, а цари Сарира и Алана имеют между собой брачные связи (Минорский В.Ф., 1963, с.204). В ходе арабо-хазарских войн VIII в. арабы неоднократно через Дарьяльский проход вторгались не в Асию, а в Аланию (Гадло А.В., 1979, с.159, 160; Кузнецов В.А., 1992, с.156–159). Как видим, мусульманские авторы в прилегающем к верховьям Терека ареале знали только алан. Единственным (кроме Багрянородного и грузинских хроник) источником, упоминающим здесь асов наряду с аланами, является писатель XIV в. Абульфед, посчитавший асов турками (Geographie d'Aboulfeda, 1848, с.287). Очевидно, все это могло иметь место только в случае принадлежности асов и алан к одному этносу, покрытому общим политонимом «Алания».

Та же картина наблюдается в западной Алании. Аланский царь (очевидно, эксусиократор) Дургулель, в грузинских источниках именуемый «царем овсов», явился вместе со всеми «своими овскими главарями» осенью

1065 г. по Абхазской дороге через Кутаиси в Грузию. Но попасть туда через Абхазию Дургуль мог только из верховьев Кубани (Абаев В.И., 1949, с.310; Кузнецов В.А., 1988, с.81). Значит, верхнекубанских алан в Грузии знали как овсов-асов.

Реконструируя соотношения алан и асов как двух частей одного раннесредневекового народа, мы не касаемся сложных проблем их политической и социальной истории, процессов дифференциации и оформления сепаратных объединений со всеми специфическими особенностями и внешнеполитическими связями, возможно до X в. составлявшими неустойчивую (война алан и асов по Кембриджскому документу) конфедерацию, а затем, после освобождения от хазарской зависимости и начала политической централизации, и раннефеодальную государственность с ее выходом на международную арену (Бибиков М.В., 1980, с.141–144). Кажется, таким единством уже в конце X в. воспринимал Аланию анонимный автор «Худуд ал-Алам»: на востоке ее границей был Сарир, на западе Рум (Византия и ее владения в Северном Причерноморье), на севере море Гурз (Каспий) и хазарские печенеги (Hudud al-Alam, 1937, с.160). Это несколько размытые, но в целом верные ориентиры местоположения кавказской Алании в период ее объединения и подъема. Длительный симбиоз и интеграция алан, асов, аборигенных племен, а затем тюрок сыграли важную роль в этнической истории Северного Кавказа.

В заключение следует отметить, что в затронутых выше проблемах остается немало лакун. Одна из них — вычленение археологических памятников алан в верховьях Кубани,

где число грунтовых катакомбных могильников I — начала II тыс. н.э. пока невелико и где, возможно, идет процесс их трансформации в скальные камерные могильники с использованием естественных полостей (Кузнецов В.А., 1975, с.29–31). Впервые эти идеи были высказаны Т.М.Минаевой (Минаева Т.М., 1965, с.136, 137), но развернутой аргументации пока не получили.

Не настаивая на окончательности изложенных выше построений приходим к следующим основным выводам: 1) четыре крупных историко-культурных области, выделенных нами в 1962 г. по археологическим материалам, соответствуют дифференциации этносферы Алании на четыре племени по Ибн Русте; 2) политически доминирующее, по Ибн Русте, племя «рухс-ас» («светлые асы») может быть отождествлено археологически с носителями раннесредневекового катакомбного обряда погребения Центрального Кавказа, многими исследователями признаваемыми ираноязычными аланами, что подтверждается надежно зафиксированным самоназванием алан «асы» западных, «овсы», «осы» грузинских источников; 3) широко употребляемый термин «аланы» должен рассматриваться в конкретно-историческом контексте событий в связи с его динамикой и изменениями значения от конкретного этноплеменного этнонима до собирательного политонима; 4) в этнополитической и культурной структуре Алании допустимо выделять два локальных ареала: западный — Алания (верхнее Прикубанье), восточный — Асия (верхнее Притеречье), находившиеся во взаимодействии в рамках конфедерации, а затем государственности под общим наименованием Алания.

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л.
 Абаев В.И., 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.I. М.—Л.
 Абаев В.И., 1959. Осетино-вейнахские лексические параллели // ИЧИННИ. Т.1, вып.2. Грозный.
 Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.
 Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево Черкесии. М.: Наука.
 Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука.
 Анфимов Н.В., 1988. Катакомбные погребения Прочноокопского могильника // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе. Армянские источники об аланах, 1985. Вып.II. Составитель Р.А.Габриелян. Ереван.
 Артамонов М.И., 1962. История хазар. Л.

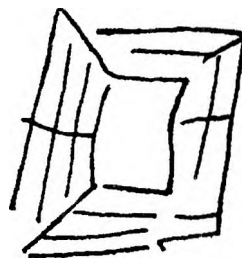
Барбаро и Контарини о России, 1971. К истории италорусских связей в XV в. Перев. Е.Ч.Скржинской. Л.
 Березин Я.Б., Савенко С.Н., 1977. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе // Археология и вопросы атеизма. Грозный.
 Берлизов Н.Е., 1990. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений II в. до н.э. — III в. н.э.). // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л.
 Бернар П., Абдуллаев К., 1997. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА, № 1.
 Бейлис В.М., 1963. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // ИЗ, т.73.
 Бибиков М.В., 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М.

- Бибиков М.В., 1982. К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М.
- Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.—Л.
- Блаватский В.Д., 1975. О скифской и сарматской этнонимике // КСИА. Вып. 143.
- Ванев З.Н., 1959. Средневековая Алания. Сталинир.
- Виноградов Ю.Г., 1994. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ, № 2.
- Волин С., 1941. К истории древнего Хорезма // ВДИ, № 1.
- Волкова Н.Г., 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука.
- Габуев Т.А., 1988. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н.э. — VII в. н.э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Гаглоев Ю.С., 1964. О каспийских воротах Прокопия Кесарийского // Известия ЮОНИИ, вып. XIII. Цхинвали.
- Гаглойти Ю.С., 1966. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси: Мецниереба.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.
- Гадло А.В., 1983. Овсы и Овсети в «Жизнеописании Вахтанга Горгасала» // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1983 г. Л.: Наука.
- Гадло А.В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси.
- Герасимова М.М., 1994. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // ЭО, № 3.
- Гиренко Н.М., 1991. Социология племени. Л.: Наука.
- Дзицойты Ю.А., 1992. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ: Алания.
- Еремян С.Т., 1970. Расселение горских народов Кавказа по Птолею и «Армянской географии» // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VIII. М.
- Жаворонков П.И., 1982. Никейско-трапезундские отношения в 1213—1223 гг. // Византийские очерки. М.
- Заднепровский Ю.А., 1993. Подбойные погребения Центральной Азии: к вопросу об этнической атрибуции памятников юечжей // Вторая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Зетейшвили С.Г., 1976. Сведения об аланах в «Хронографии» Феофана // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука.
- Из нового списка ..., 1883 — Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Перев. К. Патканова // ЖМНП, март.
- Инал-Ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми: Алашара.
- Иордан, 1960. О происхождении и деяниях гетов. Перев. и комм. Е. Ч. Скржинской. М.
- Калоев Б.А., 1994. Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // От скифов до осетин. Материалы по осетиноведению, вып. I. М.
- Каминский В.Н., Кондрашов А.В., 1988. Находки аланских курганы на средней Кубани // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Каминский В.Н., 1992. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I—XIII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.
- Каминский В.Н., 1993. Аланы на Кубани // По страницам истории Кубани. Краеведческие очерки. Краснодар.
- Ковалевская В.Б., 1984. Кавказ и аланы // Века и народы. М.: Наука.
- Ковалевская В.Б., 1988. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Коковцев П.К., 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.
- Коробов Д.С., 1995. Информационно-поисковая система «алан». Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа IV—IX вв. // Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия нашей эры. Тезисы докладов. Самара.
- Крачковский И.Ю., 1957. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения, т. IV. М.—Л.
- Кузнецов В.А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, № 106. М.
- Кузнецов В.А., 1967. Некоторые вопросы этногенеза осетин по данным средневековой археологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1971. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1975. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // МАДИСО, т. III. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе: ИР.
- Кузнецов В.А., 1978. Христианство в Алании до X в. // Известия ЮОНИИ, вып. XXIII. Тбилиси.
- Кузнецов В.А., 1980. Нартовский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: ИР.
- Кузнецов В.А., 1985. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1988. Дургульель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. 2-е изд. Владикавказ: ИР.
- Кузнецов В.А., 1993а. Алано-осетинские этюды. Владикавказ.
- Кузнецов В.А., 1993б. Нижний Архыз в X—XII веках. Феодальный город Алании. Ставрополь.
- Кулаковский Ю.А., 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.

- Лавров Л.И., 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука.
- Ламберти А., 1913. Описание Колхиды в переводе К.Ф.Гана // СМОМПК, вып. XLIII. Тифлис.
- Летопись Картли, 1982. Перевод, введение и прим. Г.В.Цулая // Памятники грузинской исторической литературы, IV. Тбилиси: Мецниереба.
- Матиане Картлиса, 1976. Перевод, введение и прим. М.Д.Лорджипанидзе. Тбилиси: Мецниереба.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар.
- Международный ..., 1994 — Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ, № 1.
- Минаева Т.М., 1965. Новый вид погребальных сооружений в бассейне верхней Кубани // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов). Баку.
- Миллер В., 1887. Осетинские этюды. Ч. III. М.
- Миллер В., 1962. Язык осетин. М.—Л.
- Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М.
- Мровели Леонти, 1979. Жизнь картлийских царей // Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод, предисловие и комм. Г.В.Цулая. М.: Наука.
- Муравьев С.Н., 1997. Новый труд по древней географии Кавказа и Закавказья (рец.) // ВДИ, № 2.
- Немет Ю., 1960. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Перев. и прим. В.И.Абаева. Орджоникидзе.
- Новосельцев А.П., 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука.
- Основы иранского языкознания, 1979. Древнеиранские языки. М.: Наука.
- Перфильева Л.А., 1996. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Искусство Византии и Древней Руси. Тез. докл. конференции. СПб.
- Происхождение ..., 1960 — Происхождение балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик.
- Прокопий из Кесарии, 1950. Война с готами. Перевод С.П.Кондратьева. М.
- ПСРЛ, 1856. Т. VII. СПб.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публ. О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М.
- Путешествия ..., 1957 — Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.
- Пьянков И.В., 1975. Массагеты Геродота // ВДИ, № 2.
- Рамшвили Р.М., 1984. Основные проблемы изучения взаимосвязей между горными и равнинными регионами // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси.
- Савенко С.Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X—II вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Избранные работы..., 1993 — Избранные работы академика М.И.Ростовцева. СПб.: Фан.
- Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
- Скрипкин А.С., 1992. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии, периодизации и этнополитической истории // Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.
- Скрипкин А.С., 1996. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ, № 1.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука.
- Смирнов К.Ф., 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Хотко Самир, 1995. Аланы и ассы в мамлюкском Египте // «Дарьял», № 1.
- Цагаева А.Дз., 1975. Топонимия Северной Осетии Ч. II. Орджоникидзе: ИР. Царевич Вахушти, 1904 — Царевич Вахушти. География Грузии. Перев. М.Г.Джанашвили // ЗКОИРГО, кн. XXIV, вып. 5. Тифлис.
- Шелов Д.Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н.э. по данным та-наисской ономастики // ВДИ, № 1.
- Шихсаидов А.Р., Айзберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р., 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.
- Юстин, 1955. Эпитома сочинения Помпея Трога // ВДИ, № 1.
- Яйленко В.П., 1995. Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья. М.
- Яценко С.А., 1993. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н.э. // ПАВ, № 3. СПб.
- Geographie d'Aboulfeda, 1848. Par M.Reinaud, t.II. Paris.
- Constantine Porphyrogenitus, 1829. De cerimoniis Aulae Byzantinae, II. Boimae.
- Hudud al-Alam, 1937. Translated and explained by V.Minorsky. London.
- Marquart J., 1961. Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. Hildesheim.
- Paulus, 1894. Real-Encyclopadie der Classischen Altertums wissenschaft, t.I. Stuttgart.
- Reineggs Jacob, 1797. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Zweiter Theil. St. Petersburg.
- Skold H., 1925. Die ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. Lund.
- The Geography ..., 1992 — The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden.
- Voyage ..., 1823 — Voyage au mont Caucase et en Georgie, par M.Jules Klaproth. Tome premier. Paris.
- Zgusta L., 1955. Die Personennamen griechischer Städte der Nordlichen Schwarzmeerküste. Praha.
- Zgusta L., 1987. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien.

И.А.Аржанцева, З.Х.Албегова

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ КЯФАРСКОГО ГОРОДИЩА (еще раз о религиозном дуализме алан)*

В верховьях Большого Зеленчука, в долине его притока — р.Кяфар, в Кяфарском ущелье (ныне Зеленчукский р-н Карачаево-Черкесии) находится один из самых замечательных памятников средневековья Северного Кавказа — Кяфарское городище. Судя по огромной площади этого памятника (около 40 гектаров сам город и столько же — посад) и большому количеству каменных построек, остатки которых видны на поверхности, это был один из крупнейших городов Западной Алании. Пока у нас нет данных, позволяющих отождествить его с каким-либо городом, упоминавшимся в известных письменных источниках, синхронных времени его существования. Но тем не менее, мы не теряем надежды.

Памятник этот давно обращал на себя внимание путешественников и исследователей. Еще в 60-е годы прошлого столетия его упомянул в своем описании горских народов так называемый «военный аноним» (А.-Д. Г., 1860). К Кяфарскому же городищу, скорее всего, относятся и описания К.Ф.Сталем «развалин «греческой» колонии и крепости в вершинах Кяфара в 6 верстах выше аула Саидова» (Сталь К.Ф., 1900, с.110).

Более подробно памятник был обследован и описан в 50–60-х годы нашего столетия П.А.Акритасом (Акритас П.А., 1952) и В.А.Кузнецовым, который и определил культурную принадлежность памятника как аланского и его наиболее вероятную датировку — IX–XII вв. н.э. (Кузнецов В.А., 1954, с.350). В 1985 г. археологическая экспедиция Карачаево-Черкесского НИИ под руководством Х.Х.Биджиева исследовала несколько построек (Биджиев Х.Х., 1985). А с 1991 по 1994 гг. на памятнике работала комплексная археологическая экспедиция кафедры археологии Московского Государственного Университета под руководством И.А.Аржанцевой. В этот период сделано полное описание городища и всех его

построек (по крайней мере на Шпиле и Нижней террасе), получены данные по датировке (основной период существования — IX–XII вв., но на отдельных участках есть и совсем ранние материалы — меотская керамика первых веков н.э.), определена структура памятника, а также создан крупномасштабный план со всеми видимыми на поверхности постройками (Arzhantseva I., 1997).

Кяфарское городище расположено на узком лесистом хребте Мыцешта при слиянии рек Кяфара и Кривой, в 3 км южнее пос.Лесокая-фарь. Городище состоит из трех частей: берегового неукрепленного поселения (практически не сохранившегося до настоящего времени), Нижней части и Верхнего городища (известного в литературе как «Шпиль»). Береговую и Верхнюю части городища соединяла дорога, идущая с севера на юг по центру Нижней части. Со стороны р.Кривая Нижняя часть была обнесена первой оборонительной стеной. Вторая оборонительная стена проходила по границе Верхнего городища, также со стороны р.Кривой. Все жилые, хозяйственные и административные постройки концентрировались в Верхней части, на Шпиле. Очевидно, что большое количество построек находилось и в Береговой части памятника, но они были разобраны на камень еще в конце прошлого века при строительстве ближайших станиц.

В Нижней части городища постройка практически не обнаружено, за исключением небольшого участка в районе так называемого «Святылища» (название дано условно предыдущими исследователями) — скального останца естественного происхождения, на котором зафиксированы остатки сооружения, интерпретированные нами как возможный раннехристианский храм. Небольшой участок вокруг «Святылища» был плотно застроен. Но структуру и характер застройки пока определить сложно.

* Статья написана И.А.Аржанцевой при поддержке РФНФ, грант № 97-01-00388; и З.Х.Албеговой при поддержке фонда Сороса, грант № 513/1998 (This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No.: 513/1998).

На всей довольно обширной Нижней части городища мы обнаружили несколько объектов, которые могут быть интерпретированы как культовые. Это огромные каменные плиты (местный песчаник) с выбитыми на них рисунками и знаками. Плиты часто размещались в определенном порядке. Они расположены по обеим сторонам дороги, в непосредственной близости от нее (рис.1). Отсутствие жилых помещений и наличие упомянутых объектов в Нижней части городища позволяет предположить, что здесь находился его культовый центр.

Сразу же при входе на городище со стороны р.Кяфар слева и справа от дороги находят-ся две песчанниковые плиты с рисунками.

Придорожный камень № 1¹ («Крестовый указатель») (рис.2) — расположен к востоку от дороги. Это обработанная плита правильной треугольной формы. Плита выполняла, возможно, роль дорожного указателя (может быть, символического), так как вершина треугольника точно указывает направление к Верхнему городищу (Шпилю). Длина камня 3 м, максимальная высота — 1,27 м. На его верхней плоскости зафиксировано 20 крестов, 4 углубления неопределенной формы, слегка изогнутый желобок, дуга, условное незавершенное изображение животного и схематическое изображение человека. Последние два рисунка исполнены в другой манере, нежели кресты, более тонкими линиями.

Придорожный камень № 3 («Жертвенный») (рис. 3) — находится к западу от дороги. Это небольшой трехступчатый скальный выход со следами искусственной обработки со всех сторон. Его высота от подножья около 2,5 м. На нижнем уступе были обнаружены остатки оградки из стоящих вертикально и парно плиток песчаника правильной формы. Верхняя часть скалы представляет собой горизонтальную плоскость размером 3 x 1,5 м.

На этой плоскости и на втором уступе были обнаружены петроглифы. В центре располагается большой знак, условно называемый «вавилон», — несколько квадратов, вписанных один в другой с пересекающимися диагоналями и с овальным углублением в самом центре. «Вавилон» соединяется глубокой прямой бороздой с незавершенным прямоугольником, а прямоугольник, в свою очередь, изогнутой бороздой — с «тамгообразным» знаком, состоящим из креста в квадрате и зубца. Кроме этих петроглифов, на камне

встречен еще один «тамгообразный» знак — крест в квадрате — на горизонтальной плоскости второго уступа, стилизованное изображение животного — на боковой наклонной плоскости, соединяющей первый и второй уступы, и несколько крестообразных знаков и рисунков, не поддающихся интерпретации. По восточному краю верхней плоскости с изображениями идет цепочка из 12 лунок: 10 лунок примерно одинаковых размеров — величиной с ладонь, и две довольно большие, с плоским дном. Внутренняя поверхность лунок сильно заглажена, вероятно, в результате часто повторяющихся, систематических действий (может быть, ритуальных прикосновений). В двух больших углублениях были обнаружены длинные, узкие следы, как от удара ножом или топором.

По мере продвижения на юг по территории Нижнего городища рисунки на камнях усложняются, а сами камни расположены в определенном композиционном порядке.

Культовое сооружение № 1 («Камни с изображениями оленей»). Дальше на юг, к востоку от дороги находится сооружение, названное нами «культовым». В комплекс этого сооружения входит около 20-ти больших песчаниковых плит, обработанных и уложенных в определенном порядке. Некоторые плиты приподняты над землей на подставках. Последние представляют собой водруженные друг на друга мелкие плиты песчаника. Пять больших плит лежат так, что образуют полукруг, причем их края, обращенные к центру, приподняты на подставках. Комплекс ограничен с востока 1-й оборонительной стеной, а с запада отделен от дороги невысоким земляным валом. Вход на территорию комплекса находился, очевидно, на западе (Аржанцева И.А., Эльканов У.Ю., 1993, с.19). Возле входа на комплекс с внешней стороны лежит камень с выбитым крестом, хорошо видный с дороги при определенном освещении. На некоторых плитах комплекса (камни №№ 8, 9, 10, 19) нанесены петроглифы.

Камень № 8 (рис.4) — один из камней, расположенных полукругом. Размеры плиты 5 x 3 м. Она поставлена наклонно на подставки. На камне изображено несколько животных (скорее всего травоядных, в том числе один олень), идущих вправо, на север, три креста, из которых один «грубый», свастика, А-образный знак, знак в виде «рамки», а также непонятные начертания. На камне есть несколько небольших лунок с гладкой внутренней поверхностью.

¹ Впервые камень описал Х.Х.Биджиев (Биджиев Х.Х., 1985, с. 14, р.31-35).

Камень № 9 (рис.5) — один из камней, расположенных полукругом. Это плита песчаника треугольной формы со сторонами 4,75 м, 3,83 м и 3,85 м. На ней зафиксировано изображение оленя с ветвистыми рогами, обращенного головой вправо, на север, и три большие лунки, явно искусственного происхождения, с заглаженной внутренней поверхностью.

Камень № 10 (рис.5) — один из камней, расположенных полукругом. Это плита подпрямоугольной формы размерами 3 x 2,5 м. На ней вырезано аналогичное изображение оленя и есть большая лунка.

Изображение оленя в сочетании с большой искусственной лункой на камне № 19 совершенно идентично только что описанным камням. Но этот камень находится в 15 м южнее полукруга.

В данный комплекс входили также две большие, искусственно обработанные плиты почти правильной прямоугольной формы на подставках, но без изображений.

Культурное сооружение № 2 («Охотничьи камни») (рис.6). К западу от дороги, практически вплотную к ней, найден комплекс, обозначенный нами как культурное сооружение № 2. Комплекс представляет собой три огромных камня (естественные скальные выходы) длиной от 7 до 11 м, стоящих ребром и вытянутых длинной осью по направлению С-Ю.

Охотничий камень № 1, ближайший к дороге, на поверхности имеет небольшую площадку и рядом наклонную плоскость с изображением животного и креста в круге. В центре камня расположена огромная лунка с чашечным углублением посередине. Лунка и площадка имеют следы заглаженности.

Охотничий камень № 2 (рис.6) — находится рядом с 1-м, параллельно ему. Длина камня по основанию 8,12 м, средняя высота — 2,6 м. Камень, очевидно, нес основную смысловую нагрузку всего комплекса, так как вся его восточная наклонная плоскость, обращенная к дороге, покрыта петроглифами. Всего мы насчитали 77 изображений: 22 животных (большей частью олени с ветвистыми рогами, по одному изображению козла и собаки), всадник, 19 крестов разной формы, 2 лука, 2 стрелы и около двух десятков разных черт и резов, «сеток» и знаков, не поддающихся определению, а также чашечных углублений.

Все животные, за исключением одного оленя, обращенного на юг, развернуты головами на север. Кресты вырезаны двумя разными инструментами. Если часть из них приближается по манере исполнения к изображениям оленей, переданным относительно тон-

кой линией, то другая группа крестов, расположенных компактно в нижней части камня, выполнена стилистически в другой манере — грубо, широкой бороздой. В этом они схожи с петроглифами на «Крестовом камне» № 1. Вероятно, что они были вырезаны таким же инструментом.

Очевидно, что эти грубо выбитые кресты были нанесены на поверхность останца позже, чем основной рисунок и более изящные кресты. Так, «изящный крест» вырезан между рогами одного из оленей, в то время как «грубый крест» без логики и соблюдения какой-либо композиции выбит прямо поверх изображения другого оленя. Интересно, что рисунки оленей никогда не перекрывают изображений «грубого креста».

Возле охотничьего камня № 3 была найдена половина каменной зернотерки. На нем не было никаких изображений и лунок.

Комплекс «Святылища». Ближе к Верхнему городищу, к западу от дороги, находится небольшая скала высотой около 7 м с неприступными обрывистыми склонами. Это место условно названо «Святылищем». Попасть на верхнюю площадку «Святылища» можно по лестнице, вырубленной в скале. Площадка плоская, ровная, расширяющаяся к югу. Длина площадки по оси С-Ю — 42 м, ширина по оси З-В — 20 м. На площадке найдены развалины здания, интерпретированного нами как раннехристианский храм. Перед входом в «храм» обнаружены 3 большие плоские плиты песчаника, стоящие на подставках подобно вышеописанным камням №№ 8–10 из комплекса № 1.

Камень № 1 — расположен юго-западнее входа на верхнюю площадку, на нем обнаружено несколько лунок.

Камень № 2 («Чашечный») (рис.7) — примыкает вплотную с восточной стороны к камню № 1. На поверхности этой плиты имеется характерное чашевидное углубление идеальной полусферической формы. Рядом с этой «чашей» расположены две небольшие лунки с плоским дном и заглаженной внутренней поверхностью. Юго-западнее «чаши» был выбит «вавилон», а к северо-востоку — неопределенный знак.

Камень № 3 расположен на западном краю площадки. Это огромная плита размерами 3,7 x 2,7 м, поставленная на 4 подставки с уклоном с севера на юг. Никаких рисунков на плите нет.

Камень № 4 (рис.7) — находится в восточной части «святылища», у края площадки. На камне обнаружены изображения «тамгооб-

разного» знака, состоящего из креста в квадрате, плохо читающегося двузубца и «вавиллона».

Итак, мы описали все известные к настоящему моменту камни с петроглифами, обнаруженные на городище Кяфар. Нет сомнения, что при дальнейшем исследовании памятника их будет найдено гораздо больше.

Судя по стилю изображений, большинство петроглифов, кроме «грубых крестов», были сделаны в один хронологический период. Манера изображений оленей, когда их основной силуэт от головы до задних ног прорисовывается двумя параллельными линиями, перекликается с техникой граффити салтово-маяцкой культуры. Аналогичный стиль встречается среди памятников. Первого Болгарского царства (Флерова В.С., 1997, табл. II; VI, 271–274, 279–283, 285; XXII, 2, 3, 8–15, 21). Помимо стилистических особенностей, близок к салтово-маяцким и весь набор изображений: олени, всадники, собаки, «вавиллоны», кресты в квадрате, двузубцы, А-образные знаки, различные кресты и геометрические начертания.

К кяфарским петроглифам близки рисунки на песчаном навесе, зафиксированные В.С.Сысоевым в окрестностях р.Индыш. Эти рисунки были сделаны красной краской и изображали сцену охоты: стреляющих из лука охотников, всадников, собак, оленей, а также «ломаные линии, геометрические фигуры в виде лабиринта и тавров» (Сысоев В.С., 1904, с.163, 164, рис.69). Из петроглифов Северного Кавказа кяфарским близки средневековые петроглифы Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии (Марковин В.И., 1988, с.104, рис.1, 2; с.106, рис.2; с.109, рис.3, 1, 2, 4; с.110, рис.4; с.113, рис.6, 1, 2; 12).

Знак «вавиллона», неоднократно встреченный на кяфарских камнях в различных сочетаниях, имея довольно древнее происхождение, тем не менее наиболее популярным становится именно в средневековье: его изображения часто встречаются у алан и на бытовых предметах, например, на сосудах и кирпичках (Флерова В.С., 1997, с.45, 112).

Таким образом, у нас есть основания отнести время создания петроглифов по крайней мере ко времени функционирования культовых комплексов, то есть к основному периоду жизни памятника — X–XII вв. н.э. В этом случае, логичным и понятным становится частое, вероятно, не одновременное, употребление в изобразительных композициях различных крестов.

С падением Хазарского каганата в X в. Византия восстановила прежнее влияние на За-

падную Аланию. Ориентация на Византию отразилась и на религиозном мировоззрении алан. Именно к этому времени — 1-я половина X в. — относится официальное принятие христианства Аланией, создание Аланской Епархии с центром в Нижнем Архызе, строительство византийскими зодчими крупнейших раннехристианских храмов именно в этом регионе Северного Кавказа (Кузнецов В.А., 1992, с.317, 318). Кяфарское городище, безусловно, было крупным центром Западной Алании в X–XII вв. н.э., тесно связанным с Нижним Архызом. Последний расположен в соседнем ущелье всего лишь в 12 км от нашего памятника. Между этими двумя городищами можно проследить большие участки древних дорог, некогда связывавших их.

По предположению специалистов, хорошо укрепленное Кяфарское городище было резиденцией известного правителя Западной Алании середины XI в. — Дургулеля Великого, неоднократно упоминавшегося в синхронных византийских и грузинских источниках (Кузнецов В.А., 1988, с.80, 83). Дургулель Великий, имевший очень тесные политические и династические связи с Византией и Грузией, безусловно, был привержен христианской вере, по крайней мере официально (Малахов С.Н., 1995, с.376–383). О наличии на Кяфаре значительной группы населения, исповедующей христианство, свидетельствуют остатки нескольких небольших храмов, скорее всего одноапсидных церквей, а также присутствие христианской символики в декоре жилых построек и гробниц (Сталь К.Ф., 1900, с.110; Кузнецов В.А., 1988, с.83; Аржанцева И.А., 1995, альбом, с.72, р.2; Arzhantseva I., 1997, р.160). Тем более интересна культовая роль камней с петроглифами в системе верований жителей такого крупного города, как Кяфар.

С официальным принятием христианства в начале X в. началось активное формирование синкретического мировоззрения. По свидетельствам миссионеров и путешественников, «царь алан христианин в сердце», но основное население страны, формально считавшееся христианским и доброжелательно относившееся к христианству, продолжало придерживаться язычества и в XIII в. (Минорский В.Ф., 1963, с.221; Рассказ римского..., 1967, с.13; Епископа Феодора..., 1898, с.27). Вероятно, и правитель не был абсолютно свободен от языческого мировоззрения. Ярким примером синкретизма в религиозных представлениях аланской аристократии является комплекс культовых камней Кяфарского городища X–XII вв.

Ограниченные объемом данной статьи, обратимся лишь к нескольким, наиболее выразительным сюжетам. Первый сюжет — это большие плиты с изображениями «вавилон» и других геометрических знаков на них. На Кяфарском городище пока обнаружено три таких камня: Придорожный камень № 3 («Жертвенный») и камни на «Святылище» — № 2 («Чашечный») и № 4.

По поводу интерпретации знака, называемого «вавилон», существует довольно обширная литература (Голан А., 1994, с.131). Наиболее логично обоснованная и принятая большинством специалистов точка зрения констатирует, что «вавилон» являет собою «горизонтальный план мира», как его представляли себе древние (Флерова В.С., 1997, с.53), или же план «священной горы» (Голан А., 1994, с.131), что в принципе одно и то же, так как отражает идею гармонического устройства мира. «Математическая» теория происхождения «вавилона» (что это метрический знак, используемый зодчими для пропорциональных построений), выдвинутая Б.А.Рыбаковым (Рыбаков Б.А., 1957, с.83–112), в данном случае, применительно к камням Кяфара, не работает.

Определить с точностью, какой именно смысл вкладывали аланы в этот знак, конечно, невозможно. Тем не менее, у нас есть некоторые наблюдения, которые могут быть интересными для толкования предназначения «вавилон». Все три плиты, на которых встречен этот знак, характеризуются устойчивым сочетанием признаков: 1) плиты лежат в горизонтальной плоскости; 2) на каждой из них имеются несколько лунок искусственного происхождения с заглаженной внутренней поверхностью; 3) «вавилон» сопутствуют другие геометрические знаки — в двух случаях это крест в квадрате, в третьем («Чашечный» камень), скорее всего, такое же изображение, но из-за плохой поверхности плиты при определенном освещении читаются лишь остатки прямоугольника; 4) все «вавилон» однотипны — с центральным овальным углублением и с осями, делящими их на 4 и 8 полей; 5) все три плиты с «вавилонами» находятся в местах гипотетически «наибольшего скопления народа»: у входа на городище и на «Святылище». Здесь наиболее вероятным объяснением представляется то, что эти плиты служили для гадания.

Наиболее эффектной иллюстрацией к такой гипотезе может служить Придорожный камень № 3 — «Жертвенный». Расположенный рядом с главным входом на городище и хорошо видимый с береговой части, он, несо-

мненно, привлекал к себе внимание. Расчищенность и обработанность этой трехступчатой небольшой скалы с фронтальной, обращенной к берегу, стороны, наличие оградки, заглаженные горизонтальные поверхности второго и третьего уступов говорят об интенсивном функционировании этого объекта в период жизни города (подъемный материал, — керамика, собранный вокруг этого камня, аналогична керамическому материалу с городища).

Очевидно, что все основные действия производились на верхней горизонтальной плоскости придорожного камня, так как именно на ней сосредоточены практически все знаки. А по ее восточному краю проходит цепочка из 12 искусственных лунок. Такая идеальная заглаженность внутренней поверхности лунок могла получиться только от частых прикосновений в определенных местах — очевидно, прикосновения являлись частью ритуала. Гадания, скорее всего, проходили по типу бросания костей (овечьих астрагалов) или палочек на плоскость со знаками. Толкование зависело от того, на какое именно поле «вавилона», часть «креста в квадрате» или плоскости вне какого-либо знака попадет бросаемый предмет. Косвенным признаком того, что знак «вавилона» мог использоваться для гадания, служит и то, что именно этот, вполне определенный тип «вавилона» — с выделенным центром и осями, делящими его на 4 или 8 полей — сохранился вплоть до развитого средневековья в качестве поля для игры типа «*attrape-renard*» («поймать лисицу»), основанной на гадательном принципе, то есть перед каждым ходом необходимо бросить кости на поле².

Трактовка «вавилона» как «горизонтального плана мира» не противоречит нашей гипотезе, так как вполне логично использование при гаданиях различных сакральных символов, значение которых могло быть известно не только жрецам, но и широкому кругу населения. Естественно, что для гаданий подобного рода необходима горизонтальная плоскость.

Конечно, наша гипотеза не претендует на универсальность, и знаки «вавилона» встречаются не только на камнях и скалах, но и на кирпичках, астрагалах, могильных плитах, стенах, керамике. Здесь делается попытка объяснить данный конкретный случай. В других случаях этому широко распространенному знаку

² Наборы игральные досок XIV в. для подобных игр из музея Клуни демонстрируют абсолютные идентичные кяфарским «вавилон» (рис.8).

могло даваться иное объяснение, в основе которого все же лежал «горизонтальный план мира» или «план священной горы». Интересно, с этой точки зрения, одна из фигур на фронтальной плите знаменитой Кяфарской гробницы, изображенная в длинном платье со знаком «вавилон» на подоле и благославляющая левой рукой стоящего перед ней воина (Kouznetsov V., 1997, p.96). Ее можно трактовать как фигуру жреца, очевидно, наделенного также и функциями священника. Полу-жрец-полусвященник — образ вполне соответствующий эпохе перехода от язычества к христианству. Такое сочетание характерно и для современных осетинских жрецов.

Гадание сопровождалось какими-то ритуалами, в результате которых возникли заглаженности и «заполированности» на поверхностях камня. Возможно, что гадания такого рода сопровождалась также жертвоприношениями небольших животных. Тогда становится понятным наличие рядом с «вавилоном» двух больших лунок с плоским дном и узкими, длинными и глубокими следами на дне, полученными как будто в результате ударов ножом или топором. Вообще, практически все камни с изображениями (не только с «вавилонами») сопровождалась либо лунками, либо находящимися рядом плоскими плитами на подставках, либо сами стояли на подставках. Плиты на подставках по своей конструкции абсолютно идентичны плитам-столам, которые были распространены у карачаевцев вплоть до недавнего времени и использовались для заклания баранов. Все это может свидетельствовать об обязательных и широко распространенных жертвоприношениях (надеюсь, что только животных) или же о широком бытовании гадательной практики у населения Кяфара, в том числе, известного способа гадания на внутренностях жертвенных животных.

Другим интересным сюжетом, связанным с иным языческим ритуалом — охотничьей магией, являются многочисленные изображения оленей на камнях. И здесь Кяфарские камни дали неожиданный и наглядный пример переплетения христианской и прежней, языческой мифологии.

Петроглифы на Охотничьем камне № 2, где в сцену охоты включены изображения христианских крестов (имеются в виду кресты, выполненные тем же инструментом, что и основная композиция), могли возникнуть уже в XI в. (как, очевидно, и большинство композиций на других камнях). Семантика композиций плохо поддается расшифровке. Поэтому остановимся на сюжетах, имеющих наиболее близкие парал-

лели в верованиях народов — потомков алан, в первую очередь осетин, а также балкарцев и карачаевцев.

Характер изображений синкретичен. Языческие представления о силах природы в них переплетаются с символами христианской веры. Наиболее часто встречается на кяфарских петроглифах изображение оленя — яркого представителя древних языческих культов. Это животное издревле почиталось многими народами (Голан А., 1994, с.36–48). В данном случае обращает на себя внимание ряд постоянно повторяющихся деталей при его изображении. Например, все олени, на всех камнях, кроме одного животного (на Охотничьем камне № 2), обращены головами на север или направо от зрителя, то есть по часовой стрелке, или по ежедневному пути солнца по небу, или по сезонному движению солнца до точки летнего солнцестояния. Кроме того, рисунки нанесены либо на верхнюю площадку, либо на восточную поверхность камней. Большинство из запечатленных зверей составляют олени с мощными ветвистыми рогами.

Повторяемость в изображении экстерьера оленей и их ориентировок, а также в использовании определенных поверхностей камней указывает, возможно, на определенную семантическую нагрузку.

Интересно рассмотреть изображения оленей с точки зрения годового биологического цикла этого животного. Согласно данному циклу, благородный олень ежегодно в марте–апреле сбрасывает рога. Новые рога окончательно формируются в конце июня — июле. В конце июля — августе они окостеневают (Жизнь животных, 1989, с.447). Чем больше и ветвистее рога, тем сильнее олень. Таким образом, время окончательного формирования рогов связано с периодом летнего солнцестояния, т.е. с летним хозяйственным циклом.

В осетинском календарном отсчете отражено время гона у благородных оленей — со второй половины августа по середину сентября. В этот период на зорях олени начинают реветь. Осетины так и называли этот период — месяц, когда режут олени — *рухæны магйæ* (Чибиров Л.А., 1976, с.31). Аналогичное название августа — «рев» было известно и на Руси (Даль В.И., 1995, с.89).

Покровителем охоты у осетин считался Авсати. В культовых песнях он изображается могучим старцем, иногда с мощными оленьими рогами на голове. В этом образе проступают явные следы тесной взаимосвязи культа покровителя диких зверей и культа оленя. Похожее, можно даже сказать, идентичное

божество популярно у соседей осетин — балкарцев и карачаевцев. Самую большую группу осенне-обрядовых охотничьих песен у них составляют песни, посвященные покровителю охоты и диких животных Апсаты (Малкондурев Х.Х., 1990, с.82). Культ Авсати, Апсати был популярен и у сванов.

В связи с распространением культа Авсати — Апсаты в регионе, населенном в период раннего средневековья аланами, включающем и территорию Кяфарского городища, особое внимание и интерес вызывает композиция на Охотничьем камне № 2 (культурное сооружение 2). Над изображениями многочисленных оленей и других копытных выбиты всадник (возможно, вооруженный луком) и собака. Композиция, включающая одинокого всадника среди многочисленного стада оленей, сильно отличается от изображений сцен охоты, обнаруженных в пещере близ Хумары или в окрестностях р.Индыш, где группа охотников с собаками преследуют нескольких животных. Указанная особенность кяфарской охотничьей композиции наталкивает на мысль, что всадник олицетворяет не охотника, а божество. Это божество можно было бы интерпретировать как языческое, если бы не небольшая, но важная деталь — между рогов одного из оленей прорисован христианский крест. Стилистически крест близок изображению оленя, и вероятнее всего, оба символа представляют собой созданный одной рукой в одно и то же время единый петроглиф.

Поиски сюжетов охоты, аналогичных описанному изображению, привели на территорию двух соседних ущелий в Северной Осетии — Алагирского и Наро-Мамисонского. В Алагирском ущелье, в феодальной вотчине аланского царского рода Царазоновых, в селении Нузал, в часовне, где в начале XIV в. был погребен его последний яркий представитель — Багатар, есть фреска, изображающая сцену охоты святого воина Евстафия Плакиды на оленей³. Святой охотник написан скачущим на красно-коричневом коне, левой рукой

он сжимает лук, а правой натягивает тетиву. Перед ним мирно стоят два рогатых оленя, обернувшись в сторону преследователя.

Еще одна, гораздо более древняя, фреска с изображением Евстафия была зафиксирована на южной стене грузинского храма 1-й половины XI в. Хозиты Мады Майрам (Богоматерь фамилии Хозиевых — А.З.) в селении Хозитыкау в Зругском ущелье, которое, в свою очередь, входит в более крупное Наро-Мамисонское ущелье Северной Осетии. Фреска написана с соблюдением определенных церковных канонических правил: древнострелый охотник согнуто, между рогов оленя виден лик Христа (Кузнецов В.А., 1990, с.66, 67).

Изучение фресок Нузальской часовни навело В.А.Кузнецова на мысль о том, что Евстафий входил в круг наиболее почитаемых божеств рода Царазоновых (Кузнецов В.А., 1990, с.70). Это становится очевидным, если учесть, что часовня невелика, на ее стенах могло поместиться и поместилось очень мало изображений. В верхнем регистре — Христос, Мария, Иоанн Креститель, четыре архангела, св. Георгий и св. Евстафий; в нижнем регистре — представители аланской царской фамилии и высшие церковные чины. Нет сомнений, что каждый персонаж фресковой композиции тщательно подбирался.

И Зругский храм, и Нузальская часовня в большей или меньшей степени связаны с грузинским христианским зодчеством. Поэтому очевидно, что христианский культ проник на территорию Алании из двух источников: Византии и Грузии.

Вернемся к петроглифам Кяфарского городища. Крест, выбитый между рогами одного из оленей, может быть весомым аргументом в пользу предположения о том, что на Охотничьем камне № 2 мы видим одно из древнейших аланских изображений Евстафия. По некоторым вариантам предания, Евстафий увидел между рогами оленя не лик Спасителя, а крест. Крест является одним из наиболее древних и самых распространенных символов, заменявших изображение Христа с периода раннего христианства (Бобров Ю.Г., 1995, с.189–191).

Можно предположить, что принятию аланами в ходе христианизации образа Евстафия Плакиды в качестве дублера древнего языческого божества покровителя охоты способствовали несколько факторов: престижное, высокое положение святого в воинской иерархии при жизни; множество древних сакральных сюжетов в мифологии алан-осетин, связанных с охотой на чудесного оленя, пере-

³ Евстафий (до крещения — Плацид) — римский полководец, умерший мученической смертью вместе с женой и двумя сыновьями в царствование Адриана (117–138 гг.). По преданию Евстафий принял христианство после того, как во время охоты на оленя увидел между рогов преследуемого им животного образ Спасителя (Энциклопедический словарь, 1894, с.502), по другому варианту — крест (Полный православный..., 1992, с.826), и услышал голос: «Плацид, зачем преследуешь ты меня, желающего тебе спасения?». В христианском мире святой Евстафий считается покровителем охотников.

риод оленьего гона (у осетин — месяц рева оленей).

Предшественником и более живучим языческим аналогом Евстафия до сего дня считается упоминавшийся выше осетинский бог охоты и диких животных Ёвсати, Всати, карачаевский и балкарский Апсаты, сванский Апсати, Авсати.

Было высказано несколько версий по поводу происхождения имени Ёвсати, Апсаты, Апсати, Абсат. Впервые его этимологию попытался проследить Н.Я.Марр (Марр Н.Я., 1918, с.2073, 2074, 2078). Он считал, что происхождение сванского божества *Ancam* связано с фрако-армянским *Sabadios-aswat* (*astowat, astwac*). Через сванов культ божества проник к осетинам, где его название стало звучать как *Avsat-i*.

Точка зрения Н.Я.Марра вызывала сомнения у В.И.Абаева. По законам осетинского языка, при заимствовании слов из других языков не только не происходило прибавления окончаний, но, наоборот, наблюдалось их отбрасывание. Таким образом, было непонятно, откуда на конце имени осетинского божества *Avsati* появилось *i*. Объясняя возникновение окончания, В.И.Абаев выдвинул предположение, что за конечной буквой *i* был еще один слог или буква, которые отпали при перенятии: «9. ...Звуковое развитие: *Sabadi—Asvadi—Avsati*. Сюда же сванское *Apsat* бог охоты. Сванское слово Н.Я.Марр связывал с арм. *astwac* «бог» и, далее франко-фригийским *Sabadios*... Не исключен, однако, и другой путь: из фракийского в скифский — осетинский, отсюда в сванский. Сваны — близкие соседи осетин. Они не имеют никаких контактов с армянским и вряд ли имели их в прошлом» (Абаев В.И., 1995, с.535). Интересную версию происхождения имени бога охоты от индийского *Pasupati* — буквально «хозяин диких животных» — высказал Т.А.Гуриев (Гуриев Т.А., 1991, с.18, 19).

Изображения Евстафия, обнаруженные на территории Осетии и на Кяфарском городище, то есть на территории, где распространён культ Ёвсати-Апсаты; схожесть функций христианского покровителя охоты с функциями осетинского Ёвсати, карачаевского и балкарского Апсаты, сванского Апсати; распространённость культов по сути одноименных охотничьих божеств у разноязыких, проживающих в разных ущельях народов, связанных общностью раннесредневековой истории; и наконец, просто созвучие всех указанных имен с именем Евстафия навели на мысль об их происхождении от одного корня — от

имени христианского святого. Любезно согласившийся провести лингвистическую консультацию В.И.Абаев подтвердил правильность данного предположения и признал его наиболее вероятным из всех существующих на сегодняшний день.

Имя Евстафия пришло на территорию Западной Алании вместе с христианством из Византии и звучало как *Εὐσταθίος* (*Евстахиос/Евстафиос*), что означает «спокойный, уравновешенный, крепкий, прочный». Согласно мнению В.И.Абаева, при переходе в осетинский с именем произошла следующая метаморфоза: начальное «Е» перешло в «Ё» или вовсе исчезло, по упомянутой выше закономерности осетинского языка отбрасывать окончания было отброшено «-ос», кроме того, срединное «t» выпало вследствие упрощения сложного сочетания согласных или вследствие контаминации с дохристианским или каким-либо другим именем божества — «*Avstati*» > «*Avsati*»⁴. В результате *Евста-*

⁴ С.В.Куланда (ИВ РАН, с.н.с. отдела истории и культуры Древнего Востока) высказал по поводу образования имени Авсати следующее мнение: «...Выпадение -t- в таком сочетании нерегулярно, и требует объяснения. В связи с тем, что мы видели, образ Авсати демонстрирует разительное сходство с образом св. Евстафия, и учитывая тот факт, что практически все имена собственно аланских божеств оказались заменены именами христианских святых (Уашгерги/Уастырджи, Уаццлла, Тутыр, Фалвара и пр.), можно попытаться (сознавая, конечно, всю гипотетичность такого предположения) найти такую форму имени христианского святого, которая в аланском закономерно дала бы форму *Avsati*. Как гласит предание, будущий св. Евстафий был полководцем императора Траяна (см. напр., Pierre Pierrard, Dictionnaire des prenomes et des saints, Paris, 1988, p.75). В то же время существовал и св. Евстратий, чье имя в переводе с греческого, к которому, в конечном итоге восходят распространившиеся среди алан жития святых, означает «хороший воин». Не могло ли получиться так, что в аланском произошла контаминация двух сходных по звучанию имен, тем более, что значение имени Евстратий как нельзя больше подходило к образу Евстафия и оба они были военачальниками и мучениками? Между тем, сочетание -str- в аланском закономерно должно было дать -s- (как sy-l «женщина» из иранского *stri и пр.) и имя *Εὐσταθίος* превратилось бы в *Avsati*. Разумеется, строго доказать эту гипотезу в настоящее время вряд ли возможно, но и считать подобную контаминацию заведомо исключенной не приходится». Возможно, имя Евстатий наложило на имя исторического лица — Евстратия, бывшего в середине XI в. митрополитом Алании (Кузнецов В.А., 1977, с.131). Очевидно, имя Евстратий проникло в Аланию в одну эпоху с именем Евстатия. Оба имени были чужеродными и малоразличимыми для алан.

тиос/Евстафиос превратился в *Евсати*. Произношение имени Евстафий как Эвсати мы имеем в грузинском языке. Это звучание могло наложиться на северокавказский вариант имени святого — «*Eustati*» и трансформироваться позднее в «*Evsati*». В процессе тюркизации части западных алан, участвовавших в этногенезе карачаевцев и балкарцев, вторая буква «*v*» была вымещена буквой «*p*» — *Апсаты*. С именем Евстафия, очевидно, связан и сванский *Апсати*, *Авсати*.

Судя по ареалу культа Авсати-Апсаты, наиболее крупным центром его формирования и распространения на Северном Кавказе была все же Западная Алания, куда он проник из Византии.

Все изложенные рассуждения гипотетичны и проблема, безусловно, имеет перспективы для дальнейшего, более глубокого, исследования.

К выводу о происхождении образа Авсати от образа Евстафия независимо от нас пришла английская исследовательница-этнограф Анна Чаудри (Батлер). Ее работа в настоящий момент находится в печати и, к сожалению, пока мы не имеем данных о системе ее доказательств, которая могла бы существенно дополнить нашу аргументацию.

Несмотря на то, что велика вероятность возникновения культа Авсати-Апсаты под влиянием образа христианского святого — покровителя охоты, у осетин, балкарцев, карачаевцев и сванов это божество носит явно языческий характер. Можно предположить, что с разгромом Алании монголами, а затем Тимуром, еще не закрепившиеся в массовом сознании христианские ценности легко уступили место прежним, устоявшимся, языче-

ским представлениям о местных богах, сохранив лишь адаптировавшиеся в языке христианские имена.

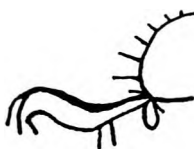
Очевидно, к концу XII в. у алан сформировался христианизированный пантеон, который сегодня мы фиксируем у осетин и их соседей балкарцев и карачаевцев. Помимо Евстафия, примером контаминации стали такие осетинские и балкаро-карачаевские божества как св.Георгий — (осет. Уастырджи, Уаскерги, балк.-карач. Аузгерги, Бийаш-керги — покровитель мужчин воинов и путников), Св.Илья (осет. Уацилла, Елиа, карач.-балк. Елиа, Элия — грозовик, божество плодородия), Мария Богоматерь (осет. Мады Майрам, балк.-карач. Мариам — покровительница женщин), Федор Тирон (осет. Тутыр, балк.-карач. Тотур — покровитель волков), Николай (осет., балк.-карач. Никкола), св. Петр (осет. Донбеттыр, балк.-карач. Данметтир — покровитель водной стихии) и некоторые другие боги.

Изучение петроглифов Кяфарского городища позволяют частично реконструировать историю возникновения культа Авсати-Апсаты. На примере кяфарского культового комплекса, включающего камни с петроглифами с языческой и христианской семантикой, а также «храм», мы можем получить представление о процессах взаимопроникновения христианского и дохристианского мировоззрений в X–XII вв. Проводником и основным носителем синкретической религии в этот период выступала аланская знать, в первую очередь, правители. Несмотря на проявленную инициативу при принятии христианства, они так и не смогли полностью отказаться от языческого мировоззрения.

Абаев В.И., 1995. *Thraco-scythica* // Абаев В.И. Избранные труды в 4 тт. Т.2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир.
 А.-Д. Г., 1860. Очерк горских народов правого крыла кавказской линии // Военный сборник. № 1.
 Акритас П.А., 1952. Отчет об археологической экспедиции в Зеленчукский район Ставропольского края // Архив ИА РАН. Д. № 821.
 Аржанцева И.А., 1994. Отчет о работах на Кяфарском городище в 1993 г. (Карачаево-Черкесия) // Архив ИА РАН. Р-1, № 18005.
 Аржанцева И.А., Эльканов У.Ю., 1993. Отчет о разведках на Кяфарском аланском городище (Зеленчукский р-н Карачаево-Черкесии) в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 17534.
 Аржанцева И.А., 1995. Отчет о работах на Кяфарском городище в 1994 г. (Карачаево-Черкесия) // Архив ИА РАН. Р-1, 18845.

Биджиев Х.Х., 1985. Отчет об археологической экспедиции Карачаево-Черкесского орд. «Знак почета» НИИИФЭ о работах в Карачаево-Черкесии и Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1, 10842, а,б.
 Бобров Ю.Г., 1995. Основы иконографии древнерусской живописи. СПб.: Аксиома.
 Голан А., 1994. Миф и символ. Иерусалим-М.
 Гуриев Т.А., 1991. Наследие скифов и алан (Очерки о словах и именах). Владикавказ: Ир.
 Даль В.И., 1995. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М.: Терра.
 Дебириев П.М., 1966. Резьба по камню в Дагестане. М.
 Епископа Феодора..., 1898 — Епископа Феодора «Аланское послание». Перевод Ю.Кулаковского // ЗООИД. Т.ХХI. Одесса.
 Жизнь животных, 1989. Т.7. Млекопитающие. Под ред. В.Е.Соколова. 2-е изд. М.: Просвещение.

- Кузнецов В.А., 1954. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. // МИСК. Вып. 6. Ставрополь.
- Кузнецов В.А., 1977. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство.
- Кузнецов В.А., 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А., 1990. Реком, Нузал и Царзонта. Владикавказ: Ир.
- Кузнецов В.А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир. 2-е изд.
- Кузнецов В.А., 1993. Алано-осетинские этюды. Владикавказ: СОИГИ.
- Ложкин М.Н., Карпов И.П., 1997. Об одной фотографии Е.Д.Фелицина // ИАА. Вып.3. Армавир-М.
- Малахов С.Н., 1995. Алано-византийские заметки (часть 1). // Аланы: история и культура (Alani-са III). Владикавказ.
- Малкондуев Х.Х., 1990. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус.
- Марковин В.И., 1988. К методике изучения смыслового содержания средневековых петроглифов Северного Кавказа // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Март Н.Я., 1918. Ossetica-Japhetica // Известия Российской Академии наук. Петроград.
- Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.
- Полный православный..., 1992 — Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т.1. Репринтное издание. СПб.: Изд-во П.П.Сойкина.
- Рассказ римского..., 1967 — Рассказ римского католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров, совершенном им в 1235 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книж. изд-во.
- Рыбаков Б.А., 1957. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА, № 1.
- Сталь К.Ф., 1900. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.XXI. Тифлис.
- Сысоев В.С., 1904. Археологические экскурсии по Закубанью // МАК. Вып. IX.
- Флерова В.С., 1997. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС.
- Чибиров Л.А., 1976. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали: Ирыстон.
- Энциклопедический словарь, 1894. Т. XI⁴. СПб.: изд-во И.А.Ефрона.
- Arzhantseva I., 1997. From settlement to cities. Alanian proto-cities of the 1st-2nd mil. A.D. in the North-Caucasus // «Medieval Europe», vol. 1, «Urbanism».
- Kouznetsov V., 1997. Les Alain. Paris.

Иллюстрации

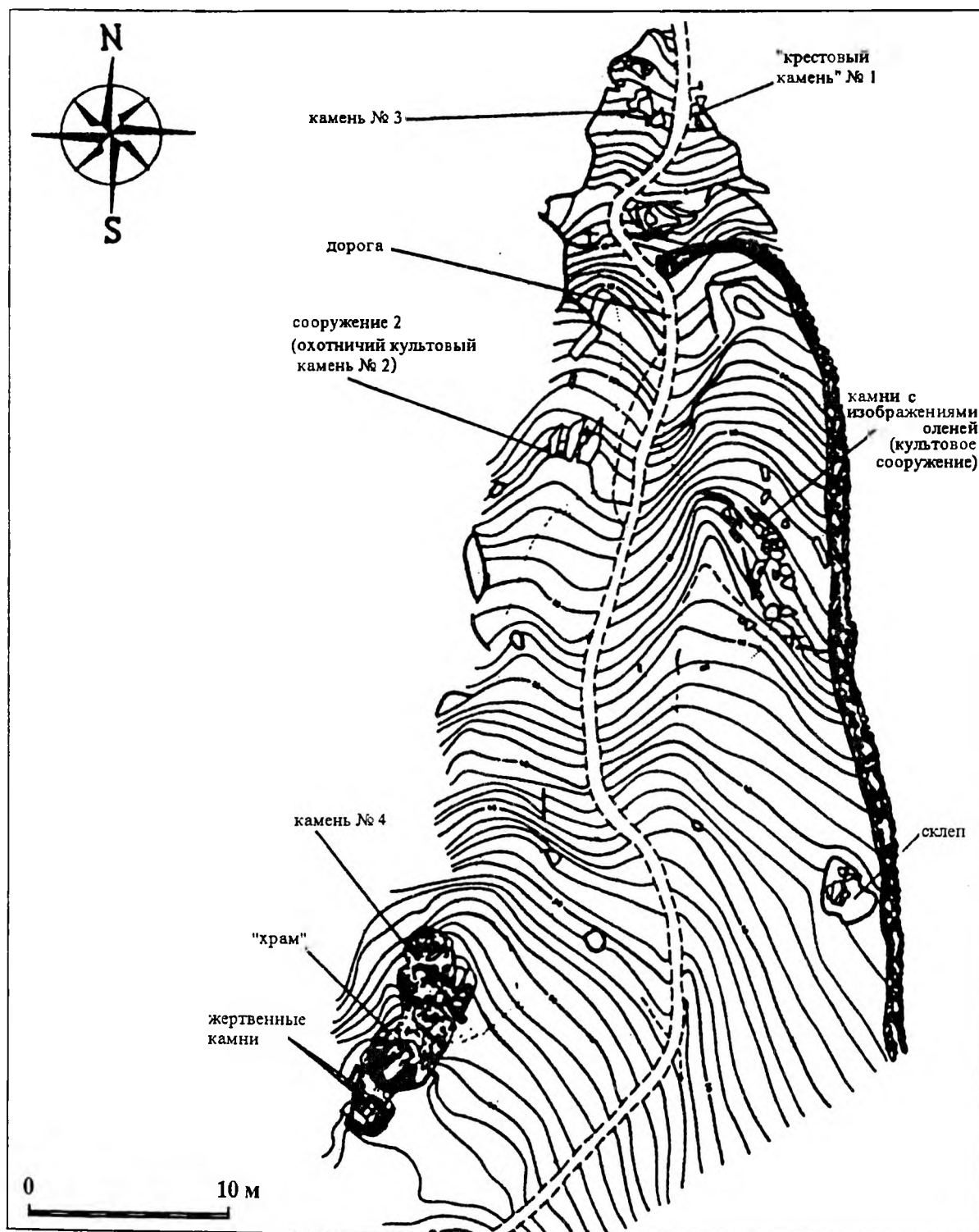

Рис.1. План северной оконечности Кыяфарского городища, гора Шпиль

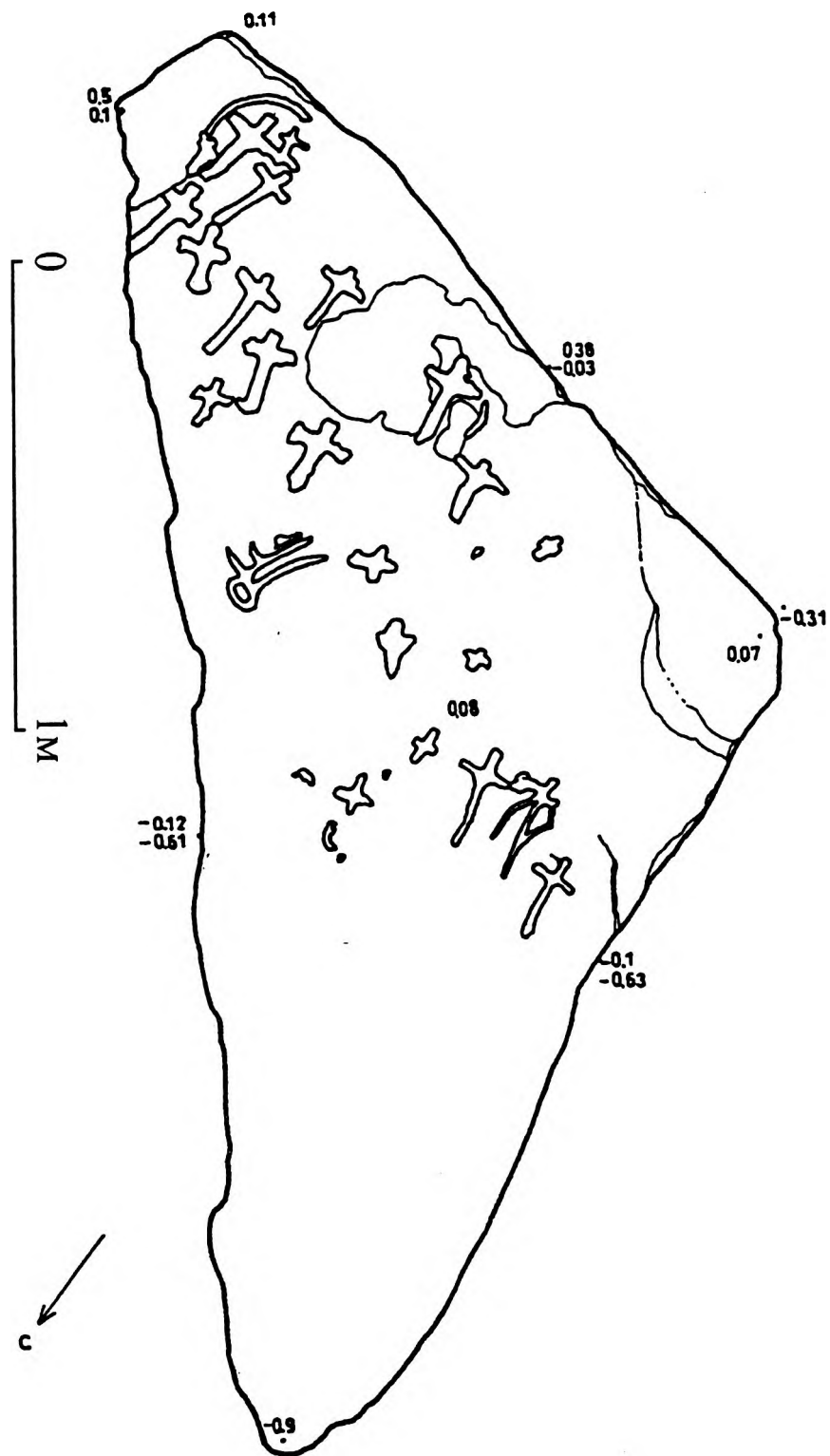

Рис.2. Кяфар. Камень № 1 (крестовый)

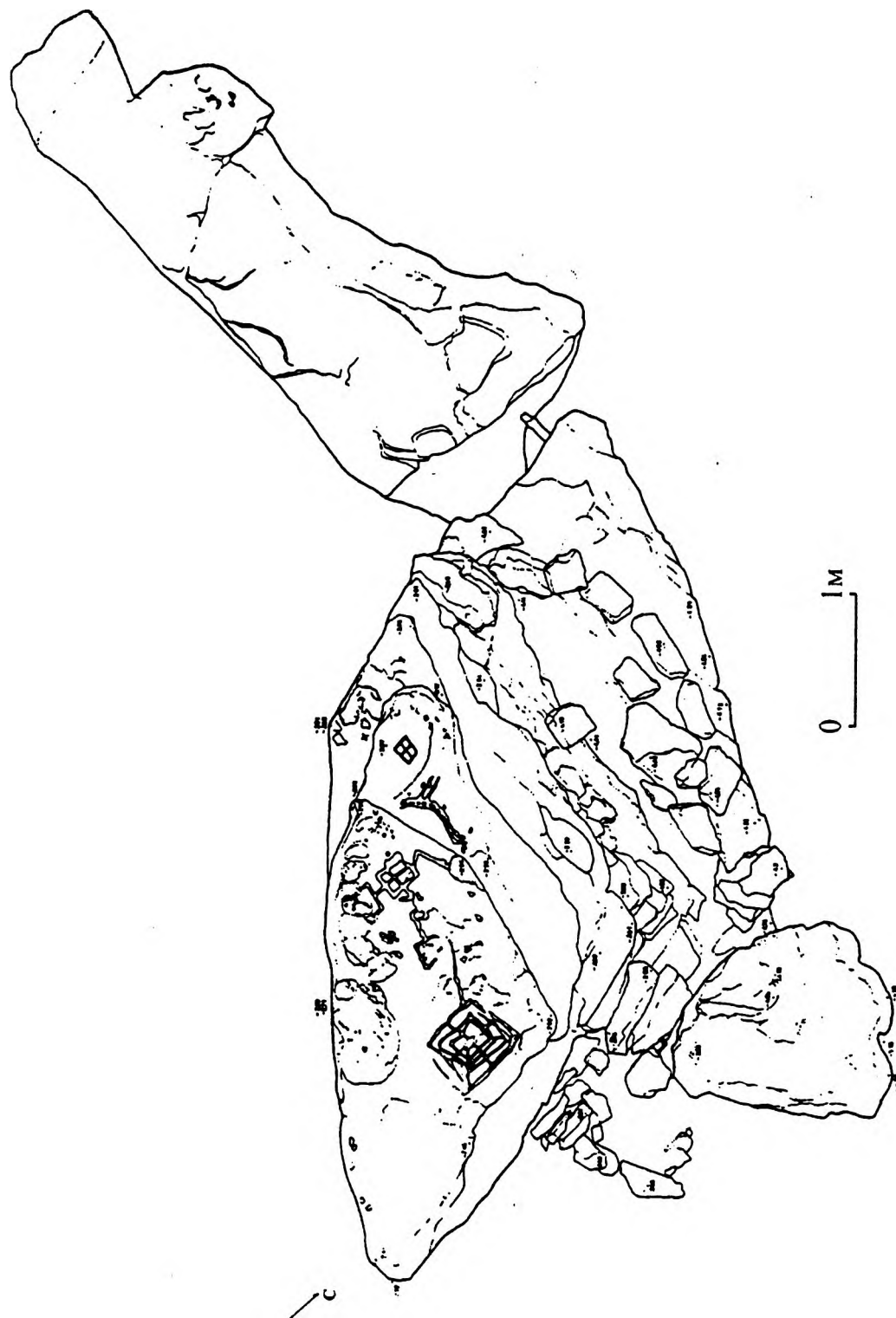

Рис.3. Придорожный камень № 3

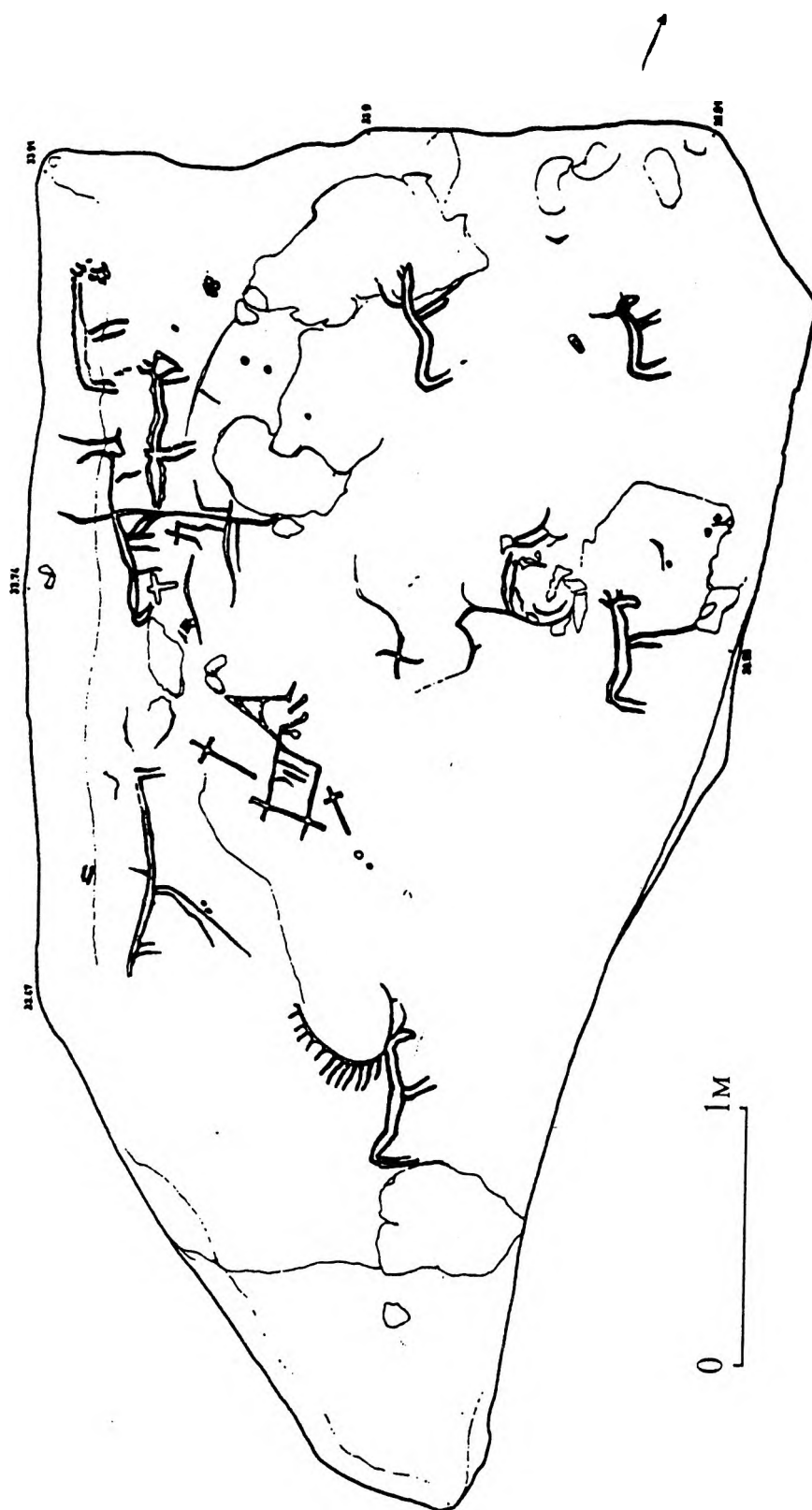

Рис.4. «Олений» камень № 8

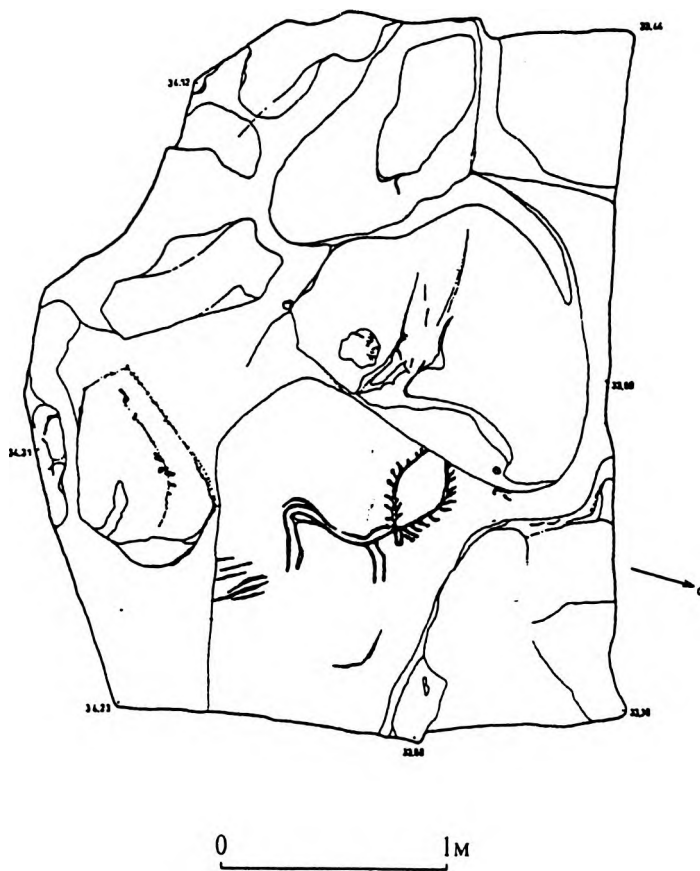
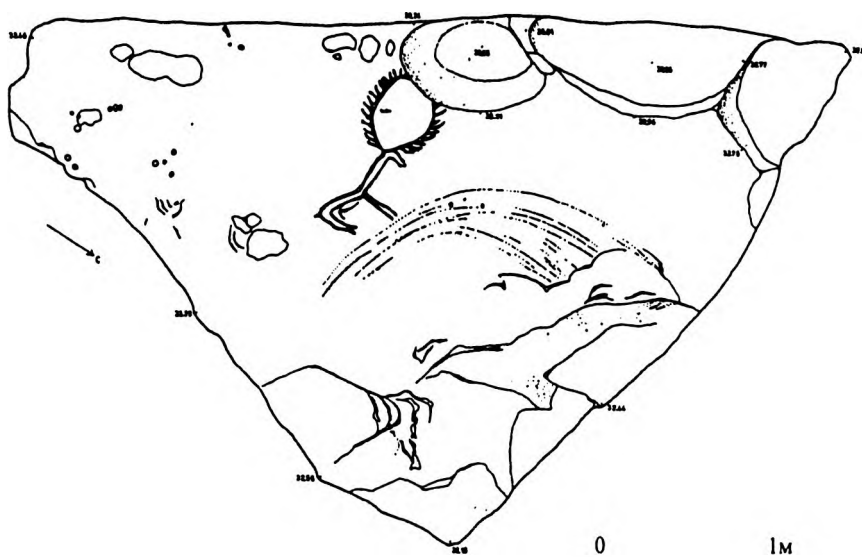

Рис.5. Камни №№ 9, 10

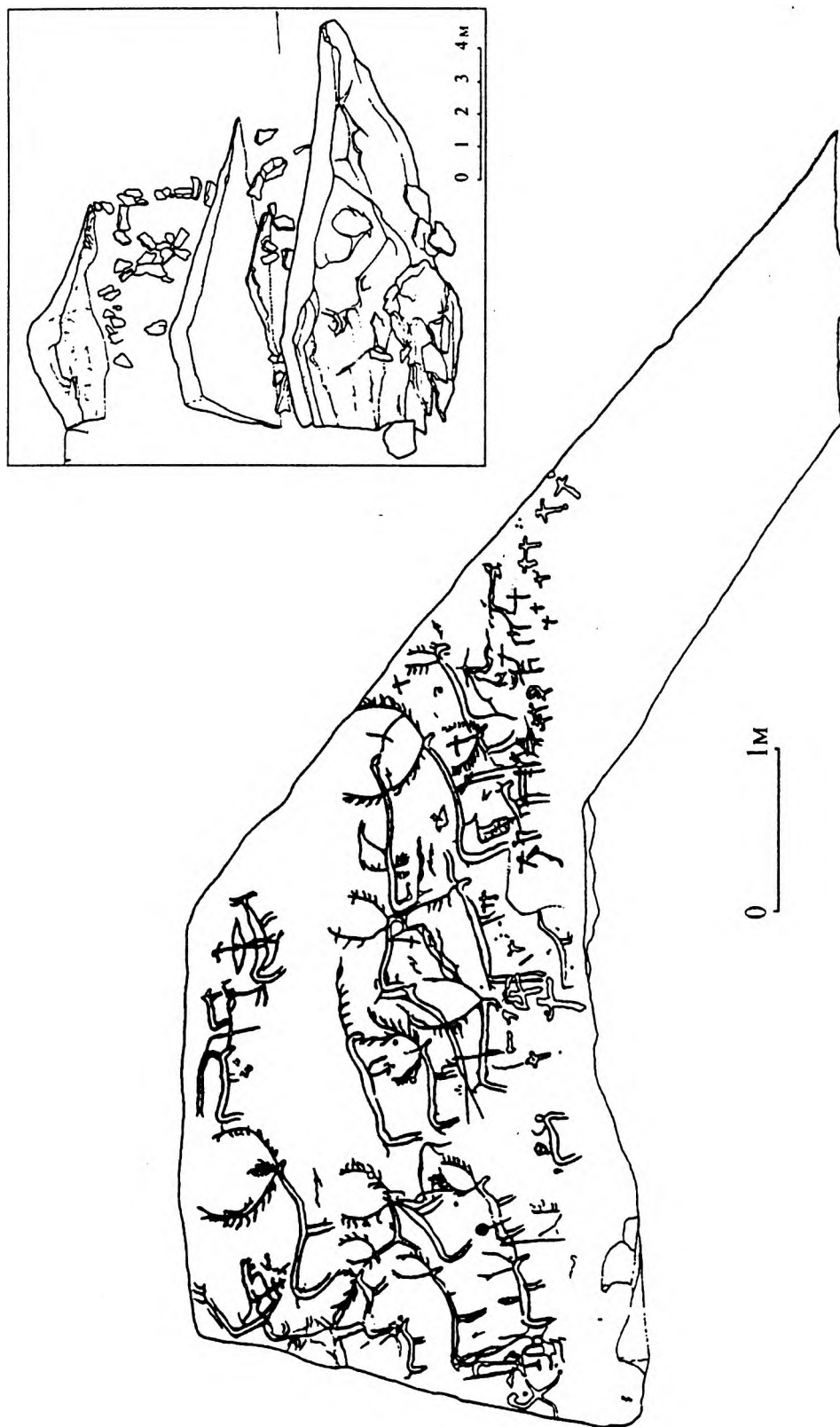
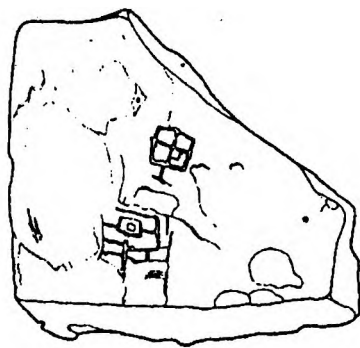

Рис.6. Охотничьи камни 1, 2, 3 (сооружение № 2). Охотничий камень № 2

камень № 4

чашечный камень № 2

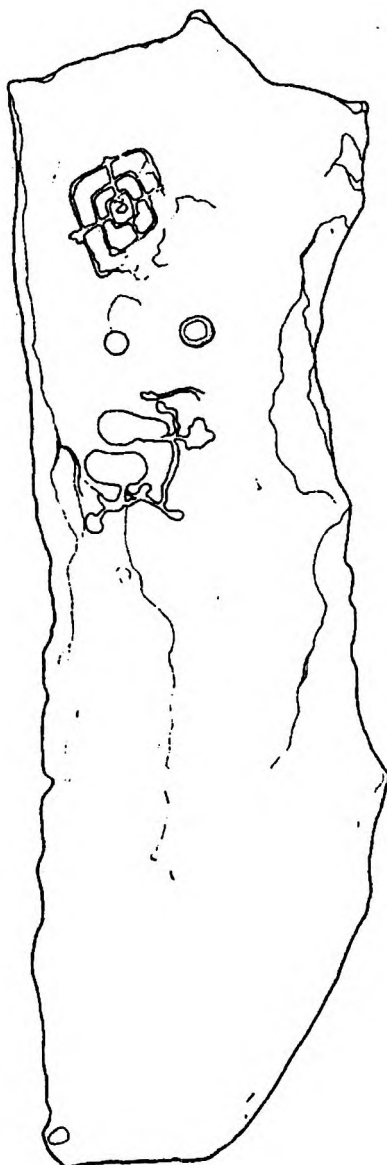

Рис.7. Камни со «Святылища»

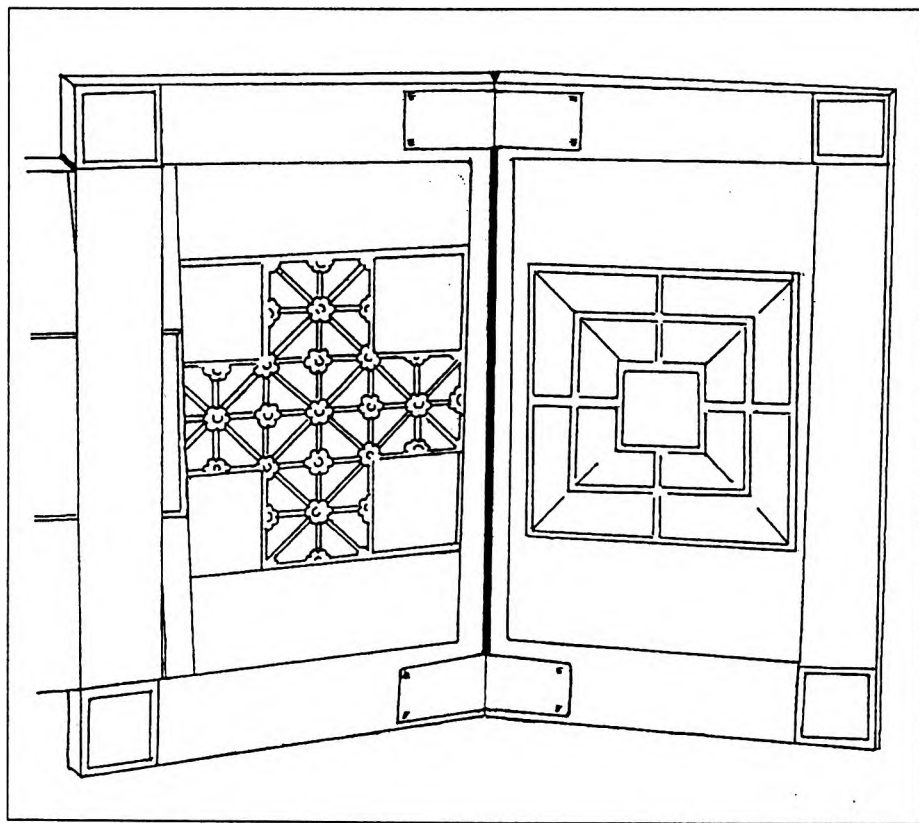
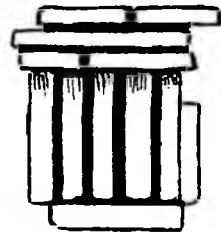

Рис. 8. Фрагмент игровой доски из музея Клуни, прорисовка по фотографии (без масштаба)

И.М.Чеченов, Э.Д.Зиливинская

МЕЧЕТЬ ГОРОДИЩА НИЖНИЙ ДЖУЛАТ

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон в северной части Кабардино-Балкарии, в 2 км восточнее г.Майский, на высоком правом берегу р.Терек. Живописные развалины издавна привлекали внимание путешественников и исследователей. Впервые городище было осмотрено академиком Ю.Клапротом в 1807 г. В своих записках он написал о Джулате как о древнем городе, который, по Дербент-намэ, существовал уже во II веке Хиджры, а также дал краткое описание руин мечети и минарета и многочисленных погребений вокруг них (Klaproth J., 1812–1814, В.1, S.430, 539; В.П, S.359). Остальные исследователи опирались, в основном, на эти данные. Г.Кокиев провел интересный сравнительный анализ Нижнего Джулата и Татартупа (Верхнего Джулата), основываясь на трудах Клапрота и Гюльденштедта, разнообразных письменных источниках и этнографических материалах (Кокиев Г., 1929). А.А.Иессен считал Джулат крупнейшим средневековым памятником Кабардино-Балкарии (Иессен А.А., 1941, с.30). Небольшие раскопки провел на городище в 1947 г. Е.И.Крупнов (Крупнов Е.И., 1948). Но стационарные раскопки были начаты только в 60-е годы экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Так, в 1962–1963 гг. под руководством Г.И.Ионе раскопки проводились на цитадели городища и затронули преимущественно самые поздние слои существования города. В эти годы была раскопана большая соборная мечеть, подземный склеп-мавзолей и грунтовый могильник, возникший на месте мечети после ее разрушения. Эти раскопки в 1966–1967 гг. были продолжены экспедицией под руководством И.М.Чеченова. Раскопы, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала дали необычайно обильный и разнообразный материал, свидетельствующий об интенсивной и разносторонней жизни на городище в течении полутора тысяч лет (от I в. до н.э. до XIV в.). Тогда же началось исследование могильника, которое продолжалось в течении четырех сезонов.

Одним из основных факторов, способствовавших интенсивному развитию и росту Ниж-

него Джулата, явилось его чрезвычайно выгодное географическое положение близ места скрещения важнейших военно-торговых путей с запада на восток (от Азовского и Черного морей к Дербентскому проходу) и с севера на юг (из Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье). Наряду с этими магистральными путями Нижний Джулат был удобно расположен и относительно дорог местного значения. Городище находится недалеко от известного урочища Беш-Тамак («Пять устьев»), где сходятся веером несколько притоков Терека, на берегах которых цепью расположены многочисленные средневековые городища. По долинам этих речных притоков Нижний Джулат мог легко связываться почти со всеми синхронными поселениями Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. И, наконец, вокруг Нижнего Джулата простираются обширные плодородные поля и заливные (пойменные) пастбища, благодатные для развития земледелия и скотоводства.

По планировке и топографии Нижний Джулат явно сближается с другими типичными для раннего средневековья «земляными» городищами бассейна р.Терек, которые состоят из нескольких частей: цитадели, укрепленной части, подобной посаду древнерусских городов, и открытого селища (рис.1). Такая сложная планировка городища, соответствовавшая в известной мере социальной структуре общества, складывалась на протяжении весьма длительного времени в определенной хронологической последовательности.

Первоначально, а именно в конце I в. до н.э. — начале I в. н.э., была заселена территория цитадели, что связывается с процессом перехода части позднесарматских племен к прочной оседлой жизни еще в догуннский период. Этот важнейший процесс, который может быть прослежен также и по материалам ряда других многослойных городищ правобережья Терека (Терекское, Хамидиевское, Алхан-Калинское и пр.), по всей вероятности, был ускорен у сарматских племен под воздействием древних оседло-земледельческих традиций автохтонного населения края. В начальных этапах развития, на протяжении многих веков, площадь

Нижнего Джулата соответствовала территории цитадели. В домонгольский период (X–XII вв.) по мере увеличения численности населения, вызванного как естественными, так и миграционными процессами, стали заселяться площади, прилегающие к цитадели и городище получило трехчастную структуру. Обороноспособность цитадели, расположенной на возвышенном плато в 30–35 м над уровнем Терека, была усилена мощным искусственным рвом и земляным валом. Плотная заселенная территория к востоку и югу от цитадели была защищена лишь относительно неглубоким рвом, а прилегающее к ней поселение вообще не имело каких-либо фортификационных сооружений. Такие особенности планировки города могут свидетельствовать не только о росте его населения, но и об усложнении внутренней структуры общества.

Особенно бурно разрастался и развивался Нижний Джулат в золотоордынское время. По своей структуре он существенно отличается от типичных золотоордынских городов, которые выростали на участках, где не было оседлого населения. в течении короткого срока в результате градостроительной деятельности татаро-монгольских ханов. Таковы все степные городища Поволжья и других районов Дешт-и-Кипчак. На Северном Кавказе примером такого города, возникшего на пустом месте, раскинувшегося на огромной площади и лишенного каких-либо укреплений, является Маджар. По своей планировке и топографии Нижний Джулат заметно отличается от Верхнего Джулата (Татартупа), также необычайно разросшегося в золотоордынский период, но уже не на основе крупного аланского городища со сложной планировкой, а на месте относительно небольшого поселения. В процессе раскопок Нижнего Джулата наглядно прослеживалось, что в конце XIII–XIV вв. религиозным, а возможно, и административным центром стала территория цитадели, дополнительно укрепленная мощной саманной стеной, а ремесленное производство сосредоточилось на прилегающей укрепленной части.

В конце XIII–XIV вв. Нижний Джулат являлся крупным городским центром богатого района, где располагались и другие населенные пункты, такие как Татартуп, городища Хамидиевское, Терекское и др. Именно этот район следует отождествлять с «областью Джулат» персидских источников, где в 1395 г. 200-тысячная армия Тамерлана «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов» (Тизенгаузен В.Г., 1941, с.119, 175).

Результаты раскопок Нижнего Джулата большей частью опубликованы. Динамика развития городища прослежена при раскопках на цитадели и по разрезу рва и вала (Чеченов И.М., 1967). Жилые и некоторые производственные комплексы исследованы в наиболее заселенной средней части городища (Чеченов И.М., 1968). Сделана первичная классификация керамики, описаны металлические и костяные предметы, определен костный материал. Подробно опубликованы материалы раскопок могильника (Абрамова М.П., 1972). Однако, такой редкий и интересный объект, как мечеть золотоордынского времени, в литературе только упоминается (Чеченов И.М., 1969, с.46). Это тем более обидно, что в настоящее время на всей огромной территории Золотой Орды исследовано всего 10 мечетей (Зиливинская Э.Д., 1998), а постройка в Нижнем Джулате является самой крупной на Северном Кавказе. Данная работа является попыткой ликвидировать эту лауну как в результатах раскопок Нижнего Джулата, так и в памятниках архитектуры Золотой Орды. Следует оговорить, что сохранившиеся материалы раскопок 1962–1963 гг. (Ионе Г.И., 1962; 1963), особенно в графической части, явно недостаточны для полноценного описания, однако они дают представление об общей планировке мечети и о некоторых деталях строительной техники.

Раскоп 1962 г., на котором были обнаружены остатки мечети, был заложен в юго-восточном углу цитадели. Здесь прослеживались руины прямоугольного в плане сооружения из обожженного кирпича, возвышавшегося на 1,5–2,0 м над уровнем дневной поверхности. Первоначально предполагалось, что это сооружение является нижней частью сторожевой башни, тем более, что оно было расположено вблизи углового стыка валов цитадели. Раскопки показали, что здесь находился минарет большой мечети, пристроенный вплотную к ее стене.

Сама мечеть была сильно разрушена. Вся площадь раскопа была покрыта заплывшими ямами, оставленными добытчиками кирпича, и траншеями военного времени. Известно, что во время Великой Отечественной войны цитадель городища, как самую высокую точку равнины Притерекской низменности, долгое время занимали воинские подразделения. Вся поверхность раскопа была покрыта перемешанными слоями земли, насыщенными обломками кирпичей, известкового раствора, штукатурки. Под этим слоем перекопа, на глубине 1,5 м, находились остатки мечети. Здание представляло собой прямоугольник,

ориентированный длинной осью по направлению С-Ю с небольшим (10 градусов) отклонением к востоку (рис.2). Стены его были сложены из обожженных кирпичей размерами 25 x 25 x 5 см и 27 x 25 x 5 см. Кладка стен покоилась на массивном фундаменте из каменных плит и булыжника. Вход в мечеть находился в ее северной стене. Он вел в обширный зал, разделенный на пять нефов четырьмя рядами колонн. От колонн сохранились каменные базы усеченноконической и цилиндрической формы. Пол зала был вымощен обожженным кирпичом, положенным на известковом растворе. Южная стена, в которой, очевидно, была сделана михрабная ниша, отсутствовала, поэтому внутренние размеры зала мечети можно вычислить лишь приблизительно: 17,65 x 25,7 м. Эти цифры примерно соответствуют данным Ю.Клапрота, по измерениям которого длина здания составляла 30 шагов, а ширина — 25 шагов (Klaproth J., 1812–1814, В.1, S.430). К восточному отрезку северной стены снаружи был пристроен минарет, который через проход в стене соединялся с молельным залом.

Восточная стена мечети имела длину 27,6 м. Она была сложена из обожженных кирпичей и имела толщину 90 см. Лучше всего кирпичная кладка сохранилась в юго-восточной части стены. Участок ее длиной 3,75 м состоял из 6–8 слоев и имел высоту 50–60 см. Кладка на известковом растворе вперевязку, с толстыми (1,5–3,0 см) швами. Кирпичная стена была поставлена на фундамент, который имел двухслойное строение. Верхний слой кладки фундамента состоял из отесанных прямоугольных каменных плит, установленных вертикально на торец и подогнанных вплотную друг к другу без связующего раствора. Размеры плит от 30 x 25 x 40 см до 40 x 55 x 65 см. Блоки вытесаны из естественной породы речного отложения, выходы которой были обнаружены в 4–5 км южнее городища. Каменная кладка лежала на слое забутовки, состоявшем из беспорядочно положенных всухую необработанных камней такого же состава.

Западная стена мечети также была длиной 27,6 м. На всю длину прослеживался только ее фундамент, который был заглублен в землю на 85 см. Нижний слой его состоял из нетесаных каменных плит, взятых из речных отложений. Выше следовало семь слоев кладки из булыжников разных размеров, уложенных кладкой «в елочку» на известковом растворе. На фундамент была положена кирпичная кладка стены шириной 90 см. Лучше всего, на высоту 4-х слоев кладки (25–27 см), она

сохранилась в средней части стены. Здесь на внутренней стороне кирпичной кладки была найдена известковая обмазка толщиной около 2 см, покрытая несколькими тонкими слоями побелки.

Северная стена сложена вперевязку с западной и восточной. Фундамент ее сложен из нетесаных каменных глыб упомянутых речных отложений, положенных всухую вплотную друг к другу. Кладка фундамента была заглублена на 85 см и имела 1,1–1,2 м ширины. Сама стена так же, как остальные, была сложена из обожженного кирпича на известковом растворе. Она имела ширину 90 см и максимально сохранилась на высоту 3–4 слоев кладки (20–25 см). Внешний угол стыка восточной и северной стен оформлен тесаной каменной плитой размером 45 x 27 x 20 см. На внутренней поверхности стены сохранился слой штукатурки (2 см) со следами побелки. Длина северной стены 19,45 м.

В северной стене имелось два проема. Первый проем, шириной 80 см, начинался в 1,6 м от северо-восточного угла здания. Он служил для соединения помещений мечети и минарета. Второй проем, шириной около 1 м, начинался в 6,5 м от того же угла. Проход вел из зала мечети на улицу. В основании прохода была положена плоская тесаная плита порога (85 x 42 x 27 см). Есть основания предполагать, что вход в мечеть был обрамлен порталом. На плане мечети изображена стенка из крупных отесанных камней прямоугольной формы, которая пристроена снаружи к северной стене примерно в 11,5 м от северо-восточного угла. Длина ее около 2,8 м. На одной из фотографий видно, что вдоль западной стены минарета положена стенка такой же конструкции. На плане она не обозначена, так как, вероятно, включена в массив фундамента минарета. По нашему мнению, эти стенки являются остатками пилонов портала, который был сложен не вперевязку со стенами мечети, а пристроен к ним. Это предположение кажется вполне вероятным, так как почти все мечети Золотой Орды имеют выступающий за пределы здания портал (Зиливинская Э.Д., 1998). При наличии портала в мечети Нижнего Джулата, ширина его могла составлять около 5 м, а длина — около 3 м. Вероятно, именно остатки портала имел в виду Ю.Клапрот, когда писал, что в стене мечети сохранилась «сводчатая входная дверь» (Klaproth J., 1812–1814, В.1, S.430).

Южная стена мечети, в которой находилась михрабная ниша, была полностью разрушена. От нее осталось только несколько

нетесаных глыб фундамента. На плане они не указаны. можно лишь предполагать, что они находились где-то у южного края раскопа.

Пол мечети был вымошен обожженными кирпичами, положенными рядами без смещения швов на известковом растворе. Вымостка пола лежала на подсыпке из тонкого речного песка.

В мечети имелось 48 колонн, от которых сохранились заглубленные в землю фундаменты и частично — базы (рис.3). Они были поставлены в 4 ряда по 12 колонн. Западный и восточный ряды отстояли от стен на 4,0 м, промежутки между рядами (по центрам колонн) составляли 3,2–3,25 м. В ряду центры колонн отстояли друг от друга на 2,0 м. От 28 из них найдены базы из твердого белого камня (известняка?). Они имели форму усеченного конуса и цилиндра высотой 30 см, нижним диаметром 30 см, верхним — 25 и 30 см. Базы поставлены на фундаменты, заглубленные ниже поверхности пола на 50–52 см. Фундаменты, в свою очередь, сложены из обожженных кирпичей, положенных плоско в 8–9 слоев на известковом растворе. В каждом слое было 16 целых или битых кирпичей, образующих кладку, равную 4 кирпичам в длину и 4 — в ширину (1,15–1,20 x 1,15–1,20 м). На верхней плоскости каждого основания был положен еще один квадрат из 9 кирпичей, уложенных по 3 кирпича в длину и ширину. На этот верхний слой кладки на известковом растворе крепились каменные базы. Такие мощные фундаменты колонн, также как и сильно заглубленный фундамент стен, были необходимы, так как мечеть была поставлена на довольно рыхлый неоднородный культурный слой, толщина которого под полом достигала 2,0 м. Интересно, что такие же основания под колонны были сделаны в мечети Селитренного городища (Зиливинская Э.Д., 1998, с.23), хотя там здание покоилось на плотном материке и стены его не имели фундамента. В мечети Селитренного городища на кирпичные фундаменты были поставлены квадратные в сечении кирпичные столбы; каменные базы, вероятно, были только у двух колонн перед михрабом. В Нижнем Джулате колонны также, скорее всего, были из дерева, но судя по каменным базам, на которые их поставили, имели круглую форму. Если предположить, что стволы колонн также были из камня, то непременно сохранились бы хоть какие-то их остатки. Мечеть, несомненно, имела плоское перекрытие, опиравшееся на колонны, но о ее крыше никаких, даже косвенных данных не имеется.

К восточному отрезку северной стены мечети был пристроен минарет. Восточная стена его цоколя смещена относительно края восточной стены мечети примерно на 50 см. Кладки северной стены основного здания и цоколя минарета сделаны не вперевязку: между ними прослеживалась щель 2–2,5 см шириной. В плане цоколь минарета имел форму прямоугольника, в северо-западном углу которого сделана прямоугольная выемка. В результате противоположные стороны его имели разные размеры. Восточная сторона была 5,8 м длиной, западная — 4,25 м, южная — 4,75 м и северная — 4,55 м.

Цоколь минарета покоился на мощном фундаменте, который был заглублен почти на 2 м. Фундамент сложен из крупных необработанных камней на известковом растворе. Камни положены в 4 слоя. Сверху на них лежит кладка из обожженного кирпича. Примерно 6 слоев этой кладки лежали ниже уровня дневной поверхности. Основной массив кладки цоколя сложен из обожженных кирпичей, как целых, так и битых на известковом растворе. Всего сохранилось 24–28 слоев кладки (над дневной поверхностью) высотой до 2,4–2,5 м.

Снаружи цоколь минарета имел декоративную облицовку, которая сохранилась только в нижней его части (рис. 4). На высоте двух слоев кирпичной кладки над дневной поверхностью шел ряд прямоугольных каменных блоков, поставленных на некотором расстоянии друг от друга. Размеры блоков 55–60 x 40–50 x 35–40 см. Пространство между ними было заполнено фигурной кирпичной кладкой: 5 кирпичей были сложены вместе и поставлены на ребро, на них были положены плоско 3 слоя кирпичей. В следующем промежутке 3 слоя плосколежащих кирпичей находились внизу, а на них была поставлена стопка из 5 кирпичей, стоящих на ребре. Такая система представляет собой усложненный вариант «ганджийской» кладки, при которой камни (чаще всего булыжники с плоской лицевой поверхностью или грубоотесанные квадраты) отделяются друг от друга вертикально поставленными кирпичами. Ряды кладки подобного рода чередуются с ленточной кладкой из обожженного кирпича (Щеблыкин И.П., Горчакова Н.Г., 1947, с.58). Именно такое строение имел цоколь Татартупского минарета в Верхнем Джулате (Милорадович О.В., 1963, с.70–72). «Ганджийская» кладка получила широкое распространение на Кавказе и в Закавказье. Она была применена при строительстве Нарикалы, крепости Тбилиси, а также большин-

ства грузинских крепостей (Закарая П., 1969), многих церковных и монастырских построек (Шмерлинг Р., Долидзе В., Бариевели Г., 1960). Правда, в Грузии широкое распространение «ганджийской» кладки относится к более позднему времени — XVI–XVIII вв. (Джаберидзе Н.Ш., Цицишвили И.Н., 1976). По сравнению со всеми этими постройками, отделка нижнеджулатского минарета кажется более тщательной: каменные блоки имеют правильную форму, поверхности их гладко отесаны, а сочетание вертикально и горизонтально поставленных стопок кирпичей создает большой декоративный эффект.

Внутри цоколя минарета находилось почти круглое в плане помещение диаметром 1,6–1,7 м. В высоту стены его сохранились на 1,8 м. В них были видны 4 гнезда (17 x 20 см и 15 x 18 см), в которые вставлялись деревянные балки ступенек. Не совсем понятно, как была устроена лестница внутри минарета. В синхронном ему Тартупском минарете винтовая лестница вилась вокруг кирпичного пятиугольного столба, который проходил снизу доверху внутри постройки. Из-за этого столба ни на одном уровне помещение минарета не имеет в плане форму круга (Милорадович О.В., 1963, с.71). В Нижнем Джулате мы имеем совершенно пустое круглое помещение. Остается лишь предположить, что все части винтовой лестницы, включая столб, были сделаны из дерева. Конечно, по остаткам цоколя ничего нельзя сказать о внешнем виде минарета. Немного говорится о нем и у Ю.Клапрота. Ко времени посещения им Джулата высота минарета составляла 40 футов (12,2 м). На четырехугольном пьедестале высотой 14 футов (4,3 м) стоял цилиндрический ствол, диаметр которого у основания составлял 10 футов (3,0 м). Минарет внутри был снабжен винтовой лестницей с 55 ступенями и имел выход, обращенный на юг (Klaproth J., 1812–1814, В.1, S.430). Вероятно, по своей конструкции он был близок к Тартупскому. Мощный фундамент и несколько большие размеры цоколя позволяют предположить, что минарет в Нижнем Джулате был выше, и в начале XIX в. уже частично обвалился.

Если сравнить мечеть Нижнего Джулата с двумя другими северо-кавказскими мечетями XIV в. (в Верхнем Джулате) (Милорадович О.В., 1963), то становится очевидным, что они построены в одной строительной технике. Фундаменты стен во всех трех зданиях сложены из речных булыжников и необработанных камней, а стены — из обожженного кирпича или сочетания кирпича и камня. Для

связки употребляется прочный раствор на основе извести. Аналогична и система кладки. Сходно внутреннее оформление построек: полы выстланы жженым кирпичом, уложенным рядами без смещения швов, а стены оштукатурены и побелены. Что же касается планировки, то здесь наблюдается совершенно иная картина. Малая мечеть Нижнего Джулата имеет столпно-купольную планировку, совершенно не характерную для культовых построек Золотой Орды. Большая мечеть Верхнего Джулата представляет собой прямоугольное в плане здание, с плоским перекрытием, опирающимся на колонны. Правда, никаких следов этих колонн не было найдено, так как, вероятнее всего, они были из дерева. Но какой-то другой вид перекрытия при таком плане здания технически невозможен. Отличительной чертой Большой мечети Верхнего Джулата является то, что прямоугольное здание ее вытянуто в широтном направлении. Все остальные мечети Золотой Орды ориентированы длинной осью по линии С-Ю. Возможно, образцом для Большой мечети послужила Джума-мечеть Дербента (VIII–XIV вв.), перестроенная из христианской базилики (Бретаницкий Л.С., 1966, с.159–162). Такие пропорции культовых построек на Кавказе продолжали существовать и в последующее время, примером чего являются многочисленные сельские мечети Дагестана (Хан-Магомедов С.О., 1958, с.18, 19; 1969, с.135, 136; Любимова Н.Г., 1961, с.11, 22, 24, 26).

Планировка мечети Нижнего Джулата является совершенно обычной для Золотой Орды. Она представляет собой прямоугольное в плане здание, вытянутое в меридиональном направлении. Внутреннее пространство ее разделено на нефы рядами колонн. Вход, расположенный в северной стене, не по центру, а с некоторым смещением к востоку, вероятно, был обрамлен выступающим порталом. По планировке в целом, по пропорциям здания, даже по несимметричному расположению входа, нижнеджулатская мечеть более всего напоминает мечеть Водянского городища в Нижнем Поволжье (Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с.108–167). Разница между ними лишь в том, что на Водянском городище было 5 рядов колонн. Почти точно совпадает с ней по размерам (26,0 x 17,85 м) мечеть Кучугурского городища на Нижнем Днепре (Довженок В.И., 1961, с.177–181), но там имеются два дополнительных боковых входа, а портал разросся до размеров отдельного помещения. Мечеть Нижнего Джулата является собой наиболее простой и типичный образец базиличной планиров-

ки, характерной для культовых построек Золотой Орды. Этот тип планировки, вероятно всего, был принесен в Золотую Орду через Закавказье из Малой Азии, так как во всех

остальных мусульманских странах мечети строятся по совершенно иному плану (Зиливинская Э.Д., 1998, с.31–35).

- Абрамова М.П., 1972.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик.
- Бретаницкий Л.С., 1966.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М.
- Джаберидзе Н.Ш., Цицивили И.Н., 1976.* Архитектура Грузии. М.
- Довженко В.Й., 1961.* Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Т.10. Київ.
- Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А., 1976.* Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.
- Закарая П., 1969.* Древние крепости Грузии. Тбилиси.
- Зиливинская Э.Д., 1998.* Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. I. Йошкар-Ола.
- Иссен А.А., 1941.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3.
- Ионе Г.И., 1962.* Отчет об археологических раскопках КБНИИ в 1962 г. // Архив КБНИИ. № 1752.
- Ионе Г.И., 1963.* Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3395.
- Коклев Г., 1929.* Некоторые исторические сведения о древних городищах Татаргуп и Джулата // Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института. Т. II. Ростов н/Д.
- Крупнов Е.И., 1948.* Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // УЗ КНИИ. Т. IV. Нальчик.
- Любимова Г.Н., 1961.* Культовые постройки агульских селений горного Дагестана // Памятники культуры. Вып. 3. М.
- Милорадович О.В., 1963.* Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА. № 114. М.
- Тизенгаузен В.Г., 1941.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.–Л.
- Хан-Магомедов С.О., 1958.* Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // Архитектурное наследство. № 11.
- Хан-Магомедов С.О., 1969.* Лезгинское народное зодчество. М.
- Чеченов И.М., 1967.* Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // УЗ КБНИИ. Т. XXV. Нальчик.
- Чеченов И.М., 1968.* Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Вып. I. Нальчик.
- Чеченов И.М., 1969.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Шмерлинг Р., Долидзе В., Бариевели Т., 1960.* Окрестности Тбилиси. Тбилиси.
- Щеблыкин И.П., Горчакова Н.Г., 1947.* Ганджа в XII в. // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М.-Баку.
- Klaproth J., 1812–1814.* Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin u. Halle.

Иллюстрации

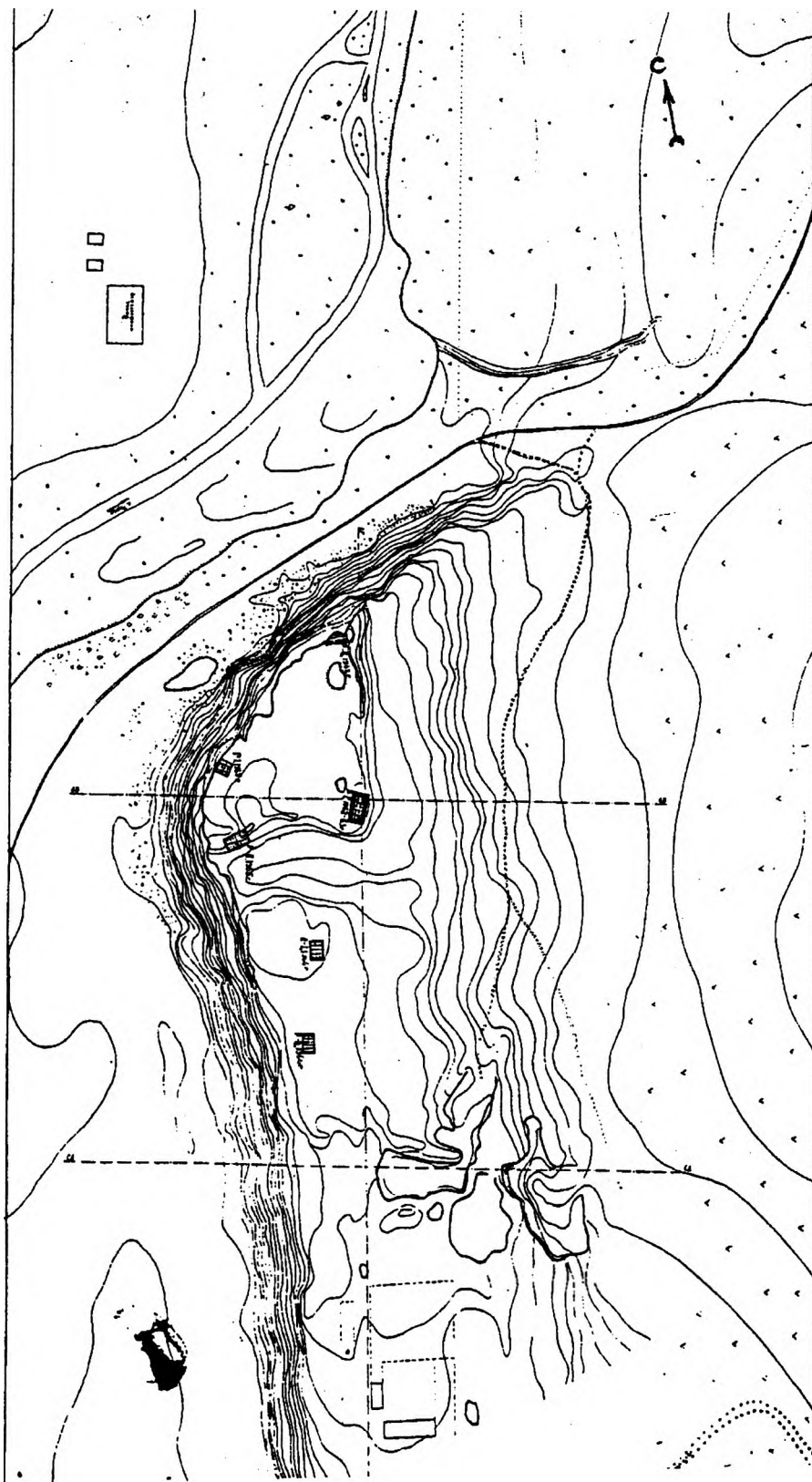

Рис.1. План городища Нижний Джулат

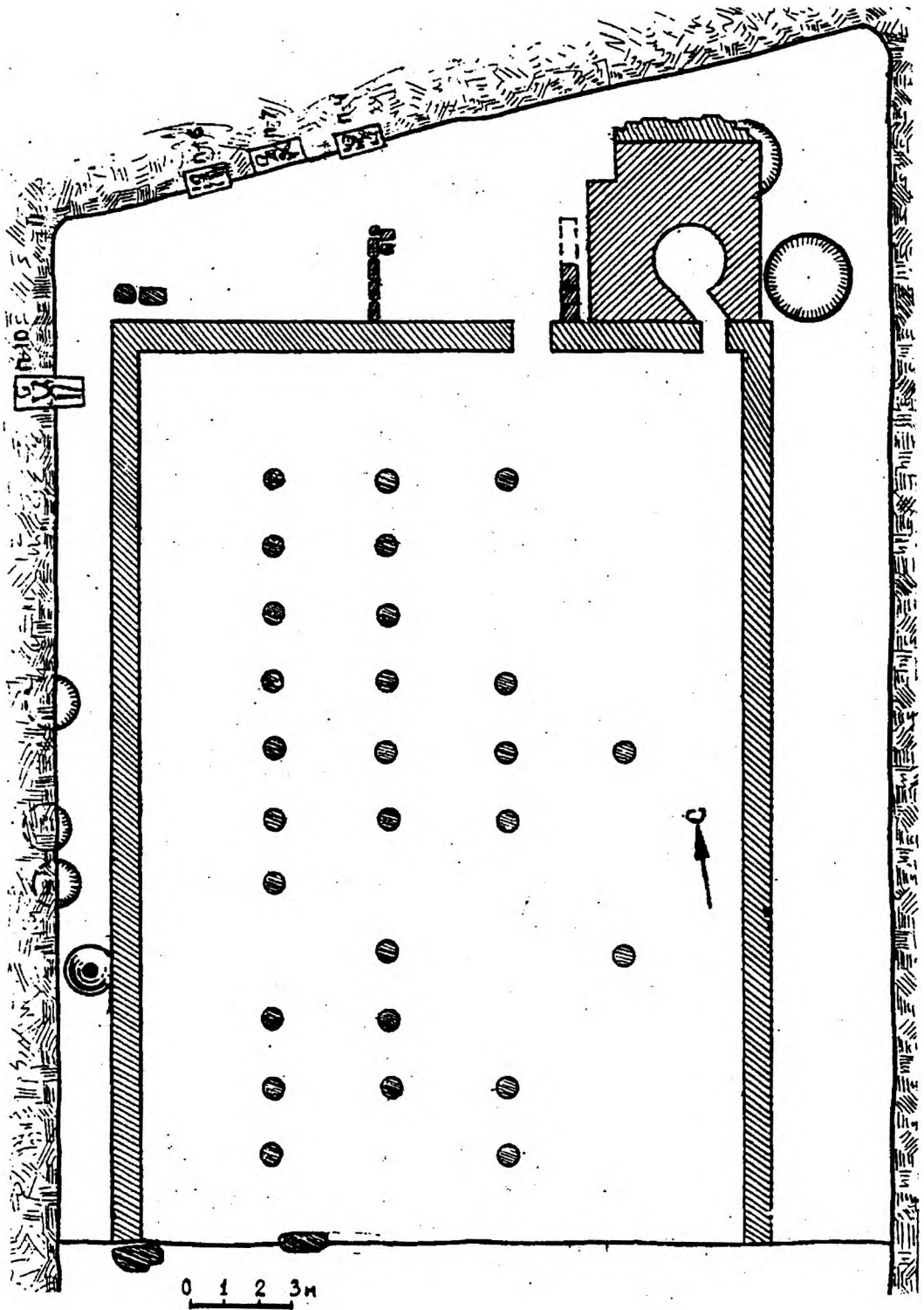

Рис.2. Схематический план мечети

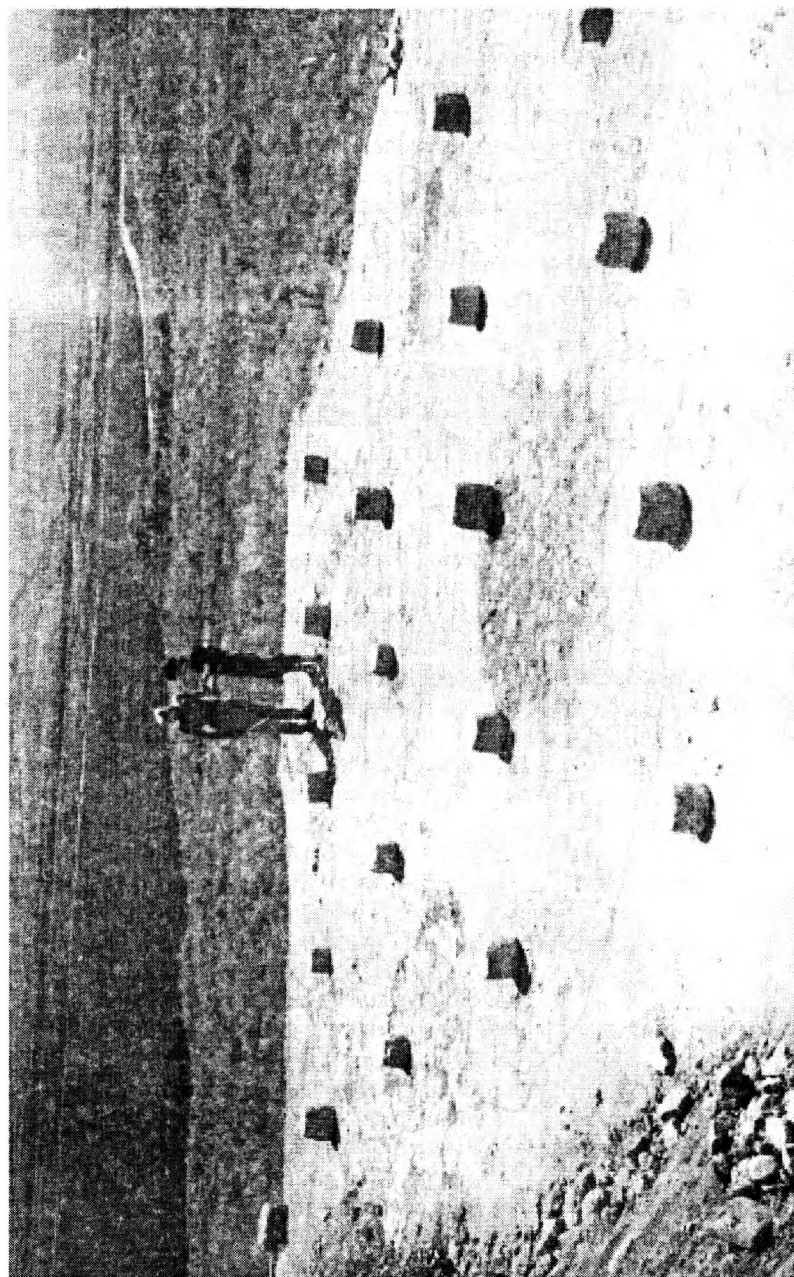

Рис.3. Общий вид зала мечети

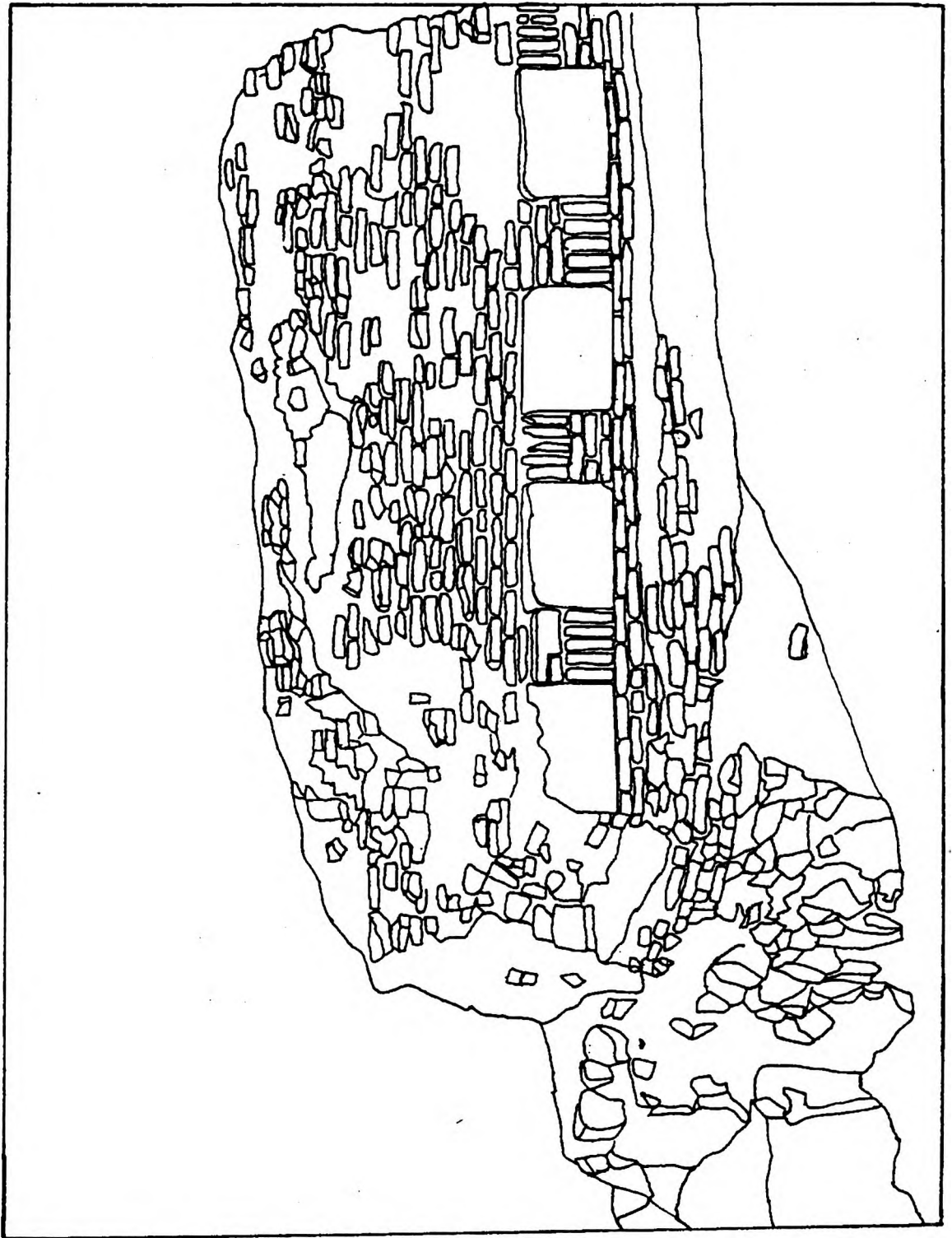

Рис.4. Основание минарета

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОА	—	Археологические открытия в Абхазии
АО	—	Археологические открытия (сборник; Москва)
ВДИ	—	Вестник древней истории
ВГМГ	—	Вестник Государственного музея Грузии
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ЗКОИРГО	—	Записки Кавказского отделения Имп. Русского географического общества
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории древностей
ИАА	—	Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук (Москва)
ИАК	—	Известия Императорской археологической комиссии
ИЗ	—	Исторические записки
ИИЯЛ	—	Институт истории, языка и литературы им.Г.Цадаса Дагестанского филиала Академии наук СССР (Махачкала)
ИФЖ	—	Историко-филологический журнал (Ереван)
ИЧИНИИ	—	Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института (Грозный)
КБНИИ	—	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КСИА	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАД	—	Материалы по археологии Дагестана
МАГК	—	Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАДИСО	—	Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК	—	Материалы по археологии Кавказа
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии АН СССР—РАН
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИГК	—	Материалы по истории Грузии и Кавказа
МИСК	—	Материалы по изучению Ставропольского края
МКА	—	Материальная культура Азербайджана
ОАК	—	Отчет Императорской Археологической комиссии
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник
ПАИ	—	Полевые археологические исследования в Грузии
ПМ	—	Пятигорский музей краеведения
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология (журнал)
РАО	—	Российское археологическое общество
РФ ИИАЭ ДНЦ РАН	—	Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
СА	—	Советская археология (сборник, журнал)
САИ	—	Свод археологических источников
СМ	—	Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им.Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОИГИ	—	Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований
УЗ КНИИ	—	Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ЭБКСА	—	Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология
ЭО	—	Этнографическое обозрение
ЮОНИИ	—	Южно-Осетинский научно-исследовательский институт (Цхинвал)
MAG	—	Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien
WPZ	—	Wiener Prahistorische Zeitschrift

THE ANTIQUITIES OF THE NORTH CAUCASUS (collected papers)

Edited by Vladimir Markovin

SUMMARY

This publication is dedicated to the 70th anniversary of Rauf Munchaev, who leads the RAS Institute of Archaeology on the bumpy roads of Russian Science at the times of profound and uneasy changes in this country.

The book contains 11 articles covering an extensive period of time ranging from Bronze Age up to quite late Middle Ages.

The discussion of Bronze Age period artifacts is represented in articles by S.N. Korenevsky (Majkop culture vessels with marks on its bodies and bottoms which are considered as the stage hallmarks by the author), by V.I. Markovin (monographic description of barrows found on Konstantinovskoye plateau near Pyatigorsk which belong to North Caucasus cultural-historical community), by O.V. Lopan and V.E. Maslov (the article presents material on the remains of a settlement near Aekazhevo village in Ingush Republic).

Detailed study of material from Scythian settlement of Khumara (VI-V cc. BC) in Karachaevo-Cherkess Republic is provided in the article by M.P. Abramova.

Ornamented axes and bracelets of the Koban culture found at the cemeteries of Faskau and Gaston Wota in North Ossetia is the subject of the publication by A.J. Skakov and A.P. Moshinsky. Following the description of these items, the authors made an attempt to correctly date them, carrying out a thorough chronological analysis.

Artifacts from a treasure containing coins and other items of Hellenistic period discovered near Sharacun village in Dagestan, is presented by M.S. Gadzhiev in the next article. The author supposes that this treasure may be considered as a trace of an ancient city, probably existed here on a trade route that ran along the Caspian Sea coast.

The article of D.S. Korobov, in its turn testifies in favour of such contacts between ancient local population and Sasanid Iran. The author bases his findings on the material of a complex of finds at the cemetery of Mokraya Balka I site, located near Pyatigorsk.

The book also contains an interesting research on the distinction between two ethnic terms – “the Alans” and “the Asses” that was valid in the Early Medieval period of the history of Caucasus. The first mentioned inhabited the lands along Kuban-river, the other ones resided by Terek-river. It was only much later that the both created a state formation called Alania.

The results of a study of a large number of petrogliphic materials collected during an investigation of Kjarfar fortress up Kuban-river are published by I.A. Arzhantseva and Z.Kh. Albegova. Their analysis shows that though professing officially Christianity, the local Alanic population did not actually part with more ancient pagan cults.

In XIII-XIV cc. AD Islam became the prevailing religion on the North Caucasus. I.M. Chechenov and A.D. Zilivinskaya publish here the results of the excavations of a mosque in the fortress of Novy Dzhulat in Kabardino-Balkaria. The data they collected there allows reconstruction of its original architecture.

СОДЕРЖАНИЕ

instituteofhistory.ru

Слово от редактора (<i>В.И.Марковин</i>)	5
<i>С.Н.Корневский</i> Знаковая керамика Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы	7
<i>В.И.Марковин</i> Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г.Пятигорска	24
<i>О.В.Лопан, В.Е.Маслов</i> Экажевское поселение — памятник эпохи бронзы в Ингушетии	61
<i>М.П.Абрамова</i> Поселение скифского времени у аула Хумара на Верхней Кубани	89
<i>А.Ю.Скаков</i> Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии	121
<i>М.П.Мошинский</i> Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия)	136
<i>М.С.Гаджиев</i> Шаракунский клад (Дагестан)	152
<i>Д.С.Коробов</i> Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I	161
<i>В.А.Кузнецов</i> Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации)	169
<i>И.А.Аржанцева, З.Х.Албегова</i> Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан)	183
<i>И.М.Чеченов, Э.Д.Зиливинская</i> Мечеть городища Нижний Джулат	201
Список сокращений	211
Summary	212

Научное издание

ДРЕВНОСТИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(сборник статей)

Ответственный редактор

В.И.Марковин

Редактор компьютерной верстки *В.С.Ольховский*
Компьютерное верстка (макетирование) *Е.В.Катышева*

Отпечатано с оригинал-макета,
подготовленного редакционно-издательским отделом
Института археологии РАН

Подписано к печати 01.08.99. Формат 60 x 90 (1/8)
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 19,9. Уч.-изд. л. 19,2 Тираж 500 экз.
Цена договорная

